

Герхард Терстеген

ПУТЬ ИСТИНЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие переводчика	3
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	51
Трактат I	54
Трактат II.....	90
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	112
I.....	112
Каким образом учёность и просвещение от Бога,.....	112
равно как и деятельная и созерцательная жизнь,.....	112
могут сочетаться друг с другом	112
II	113
О том, чтобы стать как дети (Мф. 18, 3)	113
Трактат III	116
Трактат IV.....	133
Трактат V	142
ПРИЛОЖЕНИЕ I.....	166
О необходимости очищения души для единения с Богом	166
ПРИЛОЖЕНИЕ II.....	168
Некоторые размышления над 2 Кор. 5, 16	168
[Об уповании на примирение с Богом Кровию Христовой]	168
(извлечение из частного письма)	168
ПРИЛОЖЕНИЕ III	171
Некоторые свидетельства учителей Церкви первых веков,.....	171
подтверждающие вышеизложенные истины	171
Трактат VI.....	181
ПРИЛОЖЕНИЕ I.....	202
Об истинной мистике	202
(из частного письма)	202
ПРИЛОЖЕНИЕ II.....	205
Краткое изъяснение того, что́ есть мистика.....	205
(из частного письма)	205
Возлюбленный о Господе брат!	205
Трактат VII	212
Трактат VIII	228
ПРИЛОЖЕНИЕ	243
О непрестанном пребывании.....	243
в сладчайшем присутствии Божиим	243
Трактат IX.....	245
Трактат X.....	253
Трактат XI.....	262
Ободряющее и воодушевительное послание,.....	270
обращённое к тем же духовно пробуждённым душам.....	270
в виду угрожающего им преследования	270
Трактат XII.....	274
Приложение I	285
Приложение II.....	307
<i>Решение, вытекающее из всего вышесказанного –.....</i>	<i>335</i>

Игумен Петр (Мещеринов)

Предисловие переводчика

**ГЕРХАРД ТЕРСТЕГЕН -
МИСТИК, ПИЕТИСТ, ПОЭТ**

В 1813 году русские войска, разбив Наполеона в России, совершали свой победный марш в Париж. Одно из воинских соединений проходило через немецкий город Мюльхайм, стоящий на реке Рур. Неожиданно для горожан русские офицеры попросили показать им места, связанные с именем Герхарда Терстегена – вот уже как сорок четыре года назад скончавшегося знаменитого подвижника, душепопечителя и поэта, почти всю свою жизнь проведшего в Мюльхайме. С благоговением осмотрев его дом и комнату, где он жил и где остались некоторые его книги и вещи, наши соотечественники пожелали посетить могилу Терстегена, и услышали в ответ, что никто не знает, где она. «Как», – воскликнули русские офицеры, – «здесь, где Терстеген жил, вы даже не знаете, где его могила – а мы, далеко отсюда, на севере, столь высоко его чтим!» Горожане устыдились такого обличения – и вскоре в Мюльхайме был создан комитет, поставивший своей целью собрать деньги на поиск могилы Терстегена и сооружение надгробья. Дело пошло, и 6 апреля 1838 года во дворе городской церкви св. Петра, приблизительно там, где он был погребён (точное место найти так и не удалось), был открыт скромный памятник Терстегену, стоящий и до сего дня¹.

В 1846 году великому русскому поэту В. А. Жуковскому (1783 – 1852), который не только был глубоко верующим христианином, но искренне стремился к внутренней духовной жизни и с этой целью изучал мистико-аскетические² сочинения как православных, так и западных духовных писателей, попал в руки немецкий перевод

¹ См. Cornelis Pieter van An del. Gerhard Tersteegen. Leben und Werk – sein Platz in der Kirchengeschichte (в дальнейшем – *van An del*). Düsseldorf, 1973, стр. 237.

² Под словом «мистика», «мистический» здесь и далее понимается христианский опыт личного богообщения, внутренней жизни человека в Боге.

книги Жана де Берньера-Лувињи³ «Сокровенная жизнь со Христом в Боге». Василий Андреевич так увлёкся этой книгой, что стал переводить её на русский язык (сохранился достаточно большой фрагмент). Впоследствии его замысел изменился, и Жуковский, руководствуясь Лувињи, написал собственное сочинение под заглавием «О внутренней христианской жизни»⁴. А мы здесь отметим, что немецкий перевод произведений Берньера-Лувињи был сделан Герхардом Терстегеном в 1727 году и приобрёл такую популярность, что оказался доступен не только В. А. Жуковскому, но и современным читателям – книга переиздаётся и донныне⁵.

Всем любителям отечественной истории, несомненно, известно торжественное песнопение «Коль славен наш Господь в Сионе». До появления «Боже, царя храни» оно исполнялось в соответствующих случаях как государственный гимн Российской империи. Автором музыки является знаменитый композитор Д. С. Бортнянский (1751 – 1825); автор текста (восходящего к 47-му Псалму) – Михаил Херасков (1733 – 1807). Но в немецких литургических песенниках с этой мелодией (с указанием имени композитора) печатается духовный гимн Герхарда Терстегена «Я поклоняюсь силе любви» («Ich bete an die Macht der Liebe») – одно из его лучших поэтических произведений; и неизвестно, какой именно текст Бортнянский положил на музыку раньше (во всяком случае, вокальная декламация удачнее именно в немецкоязычном варианте). Поэтическое влияние Терстегена можно проследить и в творчестве украинского философа и богослова Григория Сковороды (1722 – 1794); одно из произведений последнего – «Сад божественных песен» – и по названию, и по содержанию весьма близко главному стихотворному сборнику немецкого мистика «Духовный цветник стремящихся к Богу душ»⁶.

³ Жан де Берньер-Лувињи́ (1602-1659) – французский мистик-квиегист. Проводил уединённую, а затем и затворническую жизнь. Не будучи священником и монахом, пользовался большим народным почитанием, проповедуя о внутренней жизни во Христе, о сердечной молитве, терпении искушений и проч.

⁴ См.: Священник Д. Долгушин. Религиозная литература в круге чтения В.А. Жуковского 1840-х гг. В сб.: Жуковский. Исследования и материалы. Выпуск 2. Издательство Томского университета, 2013, стр. 215–220.

⁵ Три последние немецкоязычные издания (количество их подсчитать не представляется возможным): 1978, 1993, 2004 гг. К 2019 году готовится новое, научное издание этой книги.

⁶ О влиянии немецкой мистики на Сковороду см.: Чижевський Д. Філософія Г. С. Сковороди. Харків, 2003.

Итак, перед нами – духовный учитель и писатель, переводчик, поэт, оказывавший в XVIII – первой половине XIX вв. известное влияние на русское образованное общество, но затем пришедший в полное забвение, так что писавшие о западной мистике и критиковавшие её святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник ничего о нём и о его сочинениях не знали (иначе им пришлось бы пересмотреть своё отношение к критикуемому ими предмету). Кто же он такой, и почему нужно сейчас, в наше время, переводить и издавать его книгу?

Жизнеописание

Герхард Терсте́ген (Gerhard Tersteegen) родился 25 ноября 1697 года в г. Мёрсе⁷. Сегодня это достаточно большой город в Северном Рейн-Вестфалии, непосредственно примыкающий к Дуйсбургу; в год рождения Терстегена Мёрс принадлежал Голландии, а с 1702 г. перешёл под власть прусского короля. Семья Терстегена – голландского происхождения, что видно и по фамилии (её написание было разным: Ter Stegen, Ter Steegen, Terstegen; сам Герхард чаще всего пользовался написанием Tersteegen). Отец – Генрих Терстеген, небогатый купец, пользовавшийся уважением сограждан; так, с 1694 по 1697 г. он занимал должность городского казначея; мать – Конера Мария, урождённая Триболер. 1 декабря 1697 г. Герхард был крещён в Реформатской Церкви г. Мёрса. В семье Терстегенов было восемь детей (из которых Герхард был предпоследним): две сестры и шестеро братьев. Генрих Терстеген умер в сентябре 1703 г. в возрасте 45 лет; из оставшихся после него бумаг видно, что он вёл обширную духовную переписку и был очень благочестивым человеком. Мать Терстегена, судя по всему, была женщиной весьма практического склада, желавшая продолжать купеческие традиции своей семьи. Из шести её сыновей, помимо Герхарда, один стал пастором, четверо – купцами. Для купеческой карьеры она готовила и Герхарда. Духовное её влияние на сына, скорее всего, было минимальным;

⁷ Биография составлена по книгам: 1. *van Andel* (см. прим. 1); 2. «Lebensbeschreibung des seligen Gerhard Tersteegen» в кн. *Geistliche und erbauliche Briefe über das inwendige Leben und wahre Wesen des Christentums von weiland Gerhard Tersteegen. Zweiter Band, III Teil. Spelldorf bei Mülheim an der Ruhr, 1799* (в дальнейшем – *Alte Lebensbeschreibung*), так называемое «Старое жизнеописание». Историческая достоверность и надёжность этого источника, составленного через несколько лет после смерти Терстегена, безусловно принимается всеми современными исследователями его жизни и творчества. См: *van Andel*, стр. 27.

во всяком случае, не сохранилось ни переписки между ними, ни какого бы то ни было упоминания о матери в письмах Терстегена.

С 1703 по 1713 г. Герхард обучался в городской Латинской школе, основанной в 1582 году графом Лимбургским и Мёрским Адольфом (существующая и сегодня «Gymnasium Adolfinum Moers»). Мальчик учился с большим удовольствием; особенные успехи он показывал в языках, так что к концу учёбы он свободно владел латынью, древнегреческим, древнееврейским и французским языками (к этому нужно прибавить и прекрасное знание Терстегеном голландского языка). Латинская школа, помимо светских предметов, давала и начальное теологическое образование: ученики подробно изучали Новый Завет (на языке оригинала) и Гейдельбергский катехизис⁸. На окончание гимназического курса Герхард составил стихотворную речь на латинском языке, чтение которой привело в восторг городское начальство. Бургомистр советовал матери Терстегена отдать сына учиться дальше, но она отказалась от такого предложения, сославшись на то, что домашние обстоятельства этого не позволяют (хотя была возможность обеспечить учёбу Герхарда за счёт гимназической стипендии). Будущее сына ей виделось совсем иначе. Она уже давно решила, что тот должен стать купцом, и в 1713 году определила его учеником к своему зятю Матиасу Бринку, у которого было своё торговое дело в соседнем Мюльхайме-на-Руре. Этот город и стал местом жизни, подвигов и трудов Терстегена.

* * *

Сохранившиеся документы не указывают на то, что Герхард проявлял в годы своего детства и отрочества какое-то особое благочестие. На Пятидесятницу 1715 года, в возрасте семнадцати лет, он прошёл конфирмацию, приехав для этого из Мюльхайма в Мёрс, и таким образом подтвердил свою принадлежность к Реформатской Церкви. Но горячим приверженцем «веры отцов» он не был, и не она пробудила его религиозные таланты. Обращением ко Христу и к духовной жизни он обязан той среде, в которую он попал, переехав в Мюльхайм. И об этом нужно сказать несколько слов.

⁸ Гейдельбергский катехизис – исповедание Реформатской Церкви, составленное в 1563 г. В 1618 г. этот катехизис включён в число символических книг Реформатской Церкви.

Город Мюльхайм-на-Руре сегодня представляет собой часть Рурской агломерации, протянувшейся от Дуйсбурга до Дортмунда в немецком Северном Рейн-Вестфалии. Во времена же Терстегена этот город, большинство жителей которого занимались горным делом и торговлей, был одним из центров реформатского пиетизма. Пиетизм (от лат. *pietas* – благочестие) – возникшее в XVII веке внутри протестантизма движение, ставящее своей целью обращение людей от сухого догматизма и формальной церковности к живой духовной жизни во Христе. Пиетизм был весьма разнообразным явлением, имевшим многие источники: знаменитую книгу Арндта «Об истинном христианстве» (вдохновившую основателя лютеранского пиетизма Филиппа Якоба Шпенера (1635 – 1705)), английский пуританизм, голландское движение «Nadere Reformation»⁹ и (по большей части у реформатов) французский квиетизм. Отношения пиетизма и официальной Церкви также были разнообразными: от интеграции в церковную жизнь в лютеранстве (когда домашние собрания для чтения и изучения Библии, душепопечительская, воспитательная, благотворительная деятельность и т. д. вполне сочетались с принятием всего церковного чина) до сектантских крайностей в реформатском пиетизме. Вообще последнему был свойственен больший радикализм, чем пиетизму лютеранскому. Это проявлялось как в особом акценте на индивидуалистическом мистическом соединении с Богом (что могло приводить к религиозному субъективизму), так и в склонности к принятию разных нецерковных воззрений (хилиазм, софиология, учение об Адаме как андрогине и проч.). Родоначальником немецкого реформатского пиетизма считается учившийся в Голландии пастор Теодор Ундерэйк (Theodor Under Eyck, 1635 – 1693), который с 1660 по 1668 г. служил в Мюльхайме и оказал на духовную жизнь города сильное влияние.

Пуританизм и пиетизм дали импульс так называемому Великому духовному пробуждению, имевшему место в первой половине XVIII века во многих местах Европы и Северной Америки. Массы людей каялись и обращались ко Христу. Это движение в полной мере затронуло и нижнерейнские земли Германии. Впоследствии Терстеген писал об этом так: «Нынешнее время я воспринимаю как время особого благодатного посещения Божия. Хотя Господь Иисус всегда готов *взыскать и спасти погибшее* (Мф. 18, 11), и мы всегда можем придти к Нему, – но сверх сего Господь иногда посылает людям

⁹ «Продолжающаяся («углубляющаяся») реформация».

дни особенной благодати, дни посещения Божия, когда Он необычайным, властным образом осеняет ту или иную страну, местность или отдельного человека, милостивой Своей рукой преизобильно изливая на людей Свою благодать, касаясь их сердец и подвигая их к восприятию Своего слова и к обращению. В такие дни отвергается небесный храм, и Царство Божие становится ближе»¹⁰.

Духовно пробуждённых людей не удовлетворяла внешняя церковность (представленная в Западной Европе после Вестфальского мира 1648 г. тремя деноминациями – Римско-Католической, Лютеранской и Реформатской). Они стремились к интенсивной внутренней жизни в Боге, к христианской духовности, которая всецело пронизывала бы их жизнь, – а официальные церкви предлагали им лишь отвлечённый догматизм, «стерильную ортодоксию»¹¹ и формальное богослужение. И здесь у новообращённых было два пути. Первый – отделившись от своей церкви, объединиться в общину, в той или иной степени раскольнически-сектантскую. Наиболее ярким примером подобных общин были лабадисты и гернгутеры¹².

Второй путь – церковный сепаратизм¹³. Он предпочитался людьми, которые более глубоко, но и более индивидуалистично обращались ко Христу, у которых не «общинность», а личное возрастание во Христе было на первом месте. Впоследствии за этим сообществом христиан закрепилось особое название – «мирные земли», «*Stillen im Lande*» (Пс. 34, 20). Они уклонялись от каких бы то ни было догматических и канонических споров и стремились проводить жизнь в тишине (*Stille*), отрешённости от духа мира сего, молитве и предании всего себя Богу. С внешней стороны они старались не выделяться никакими особенностями поведения, добросовестно исполняя свои гражданские, семейные и бытовые обязанности. Они не составляли

¹⁰ «Путь истины», Трактат IV «Об отношении к особым духовным дарам, видениям, откровениям и тому подобному», § 9.

¹¹ По выражению К.П. ван Анделя. См. *van Anandel*, стр. 80.

¹² Лабадисты – последователи Жана де Лабади (см. прим. 26); эта община к середине XVIII века практически прекратила своё существование. Гернгутеры – пиетистское движение, возглавлявшееся выдающимся религиозным деятелем, проповедником и поэтом графом Николаем Людвигом фон Цинцендорфом (1700–1760); существует и поныне. Терстеген критиковал гернгутеров за то, что они останавливались на начальных этапах обращения, считая их уже достигнутой полнотой христианской жизни (в частности, V трактат «Пути истины» посвящён разбору этого явления «поверхностного христианства»).

¹³ Церковный сепаратизм – в отличие от раскола, не создание собственной параллельной «церкви», а, при номинальной принадлежности к господствующей Церкви, неучастие в её жизни. Следует отличать церковный сепаратизм от индифферентизма: первый предполагает у человека стремление к жизни во Христе, последний – лишь формальную принадлежность к Церкви.

никакой «параллельной» церковной структуры, но или ходили каждый в свою церковь, или же, по большей части, отказывались от внешне-формальной церковной жизни. «Мирные земли» собирались домашними кружками для молитвы, духовного чтения и взаимного назидания; в определённое время, раз в неделю или в две, проводились большие собрания для проповеди и молитвы.

Духовность «мирных земли» основывалась на упомянутом выше квиетизме. Квиетизм (от лат. *quietus* – спокойный, мирный) – это духовная практика, оформившаяся в XVII веке в Католической Церкви, но вобравшая в себя традицию умного делания¹⁴ как Древней Церкви, так и средневековой западной церковной мистики. Главный принцип квиетизма – отказ от «самостной» деятельности в духовной сфере, приуготовление души к принятию и раскрытию в себе действия Божия и обретение через это покоя в Боге. От человека здесь требуется противление греху, терпение внутренних и внешних искушений, сердечная молитва и всяческое «погашение» активности, происходящей от человеческой падшести. Эта духовная методология хорошо ложится на основной постулат протестантизма – спасение только верой, поскольку квиетистская практика состоит в том, что человек познаёт свою немощь и падшесть и всецело вверяет себя Богу, прилагая усилия не к стяжанию благодати «своими трудами» (католическая «аскетика синергии»), а к тому, чтобы, храня себя от греха и пребывая в молитве, настроиться исключительно «приимательно»¹⁵, верою ожидая действия Божия («аскетика веры»). В силу этого квиетизм органично прижился на протестантской почве реформатского пиетизма¹⁶.

Конечно, при такой духовной практике, требующей большой осторожности, были необходимы трезвые и опытные наставники (духовное окормление в квиетизме почти идентично духовничеству и старчеству в православии). Этого не могло предложить протестантское пастырство (а в Римо-Католической Церкви квиетизм к тому времени был осуждён), и наставничество ложилось на плечи духовно одарённых мирян; сама жизнь ставила их на свечник. Таким наставником был странствующий проповедник Эрнст Кристоф Хохман фон Хохенау (1670 – 1721); под его влиянием началась в Мюльхайме душепопечительская деятельность кандидата богословия

¹⁴ «Умное делание» – молитвенное сосредоточение всех духовно-душевных сил человека («ума и сердца», по святоотеческой терминологии) в устремлении к Богу.

¹⁵ «Приимательный» (ц.-сл.) – принимающий (воспринимающий) действие совне без своего «активничания». Более подробно см. прим. 16 к I трактату.

¹⁶ Ниже мы вернёмся к более подробному рассмотрению этого вопроса.

Вильгельма Хоффмана (1676 – 1746). В 1694 г. Хоффман закончил теологический факультет Дуйсбургского университета, однако до церковного служения допущен не был из-за своих симпатий к квиетизму. С 1713 г. Хоффман начинает вести в Мюльхайме регулярные внебогослужебные собрания сепаратистского толка. Впрочем, сепаратизм Хоффмана был весьма умеренный. Его собрания не противопоставлялись официальному богослужению, и уж тем более он не стремился организовывать какое-то своё особое сообщество или секту.

Вот в такой пиетистско-квиетистской среде оказался Герхард Терстеген, переехав в Мюльхайм. Здесь он всей душой обратился к Богу. Постепенно он сблизился с Вильгельмом Хоффманом, который стал его духовным учителем и ближайшим другом.

* * *

С внешней стороны жизнь Терстегена текла следующим образом. Четыре года, с 1713 по 1717-й, он обучался у мужа своей сестры Матиаса Бринка торговому делу. Душа молодого человека не лежала к этому занятию; кроме того, Бринк был человек грубый и жестокий. Скажем, если не находилось каких-то занятий по лавке, он заставлял Герхарда перекатывать по двору пустые бочки – «чтоб без дела не сидел». Отдохновение Терстеген находил в новом круге своего общения. Его сердца обильно коснулась божественная благодать, что имело следствием тяготение к молитве и уединению, которого он, живя у Бринка, найти не мог. В это время определилось и отношение к нему членов его семьи. За исключением одного из старших братьев, Иоганна (который также был купцом и жил в Мюльхайме), все родственники считали его «странненьким», чуть ли не повредившимся в уме. Закончив учёбу, Терстеген пробовал начать своё торговое дело, но очень быстро оставил это занятие. Постоянное общение с мирскими людьми, необходимость всё время думать о суетных вещах и невозможность сосредоточиться на внутренней жизни были ему невыносимы. Поэтому он решил освоить более спокойную профессию и с этой целью стал обучаться ткацкому делу. Однако состояние его здоровья не позволило ему стать ткачом, и в 1719 г. он избрал для себя ремесло ленточника (изготовителя шёлковых лент).

И здесь начался новый, очень важный этап в жизни Терстегена. Он поселился один и стал проводить весьма строгую подвижническую жизнь. Уединённая работа, молитва, чтение Священного Писания и духовных книг сопровождалась крайним аскетизмом. Ел он один раз в день самую скудную пищу (чаще всего это была мука, разведённая в воде, и стакан молока), а почти все деньги от продажи своих лент раздавал бедным. Из-за слабого здоровья (Терстеген всю жизнь страдал частыми и сильными головными болями) он нередко по целым неделям вынужден был лежать в постели, и тогда источник его дохода и вовсе иссякал, так что порой он доходил буквально до порога нищеты. Несмотря на это, он был доволен и мирен. «Я не могу передать, как я был рад, когда жил один», – писал он десятилетиями позже. – «Мне нередко приходила в голову мысль, что ни один король на свете не может жить столь счастливою жизнью, какою жил я»¹⁷. Иначе оценивали образ жизни Терстегена его родственники. Когда в 1721 году умерла его мать, Герхарда даже не позвали на похороны, чтобы он не участвовал в дележе наследства. На семейном совете было решено выделить для него какое-нибудь недвижимое имущество, потому что всё остальное – были уверены члены семьи – он немедленно раздаст кому попало. Поэтому Терстегену достался небольшой дом в Мёрсе. Но Терстеген уговорил своего брата Иоганна, единственного, как мы уже сказали, симпатизирующего ему, купить у него этот дом, и почти все вырученные деньги действительно раздал бедным.

Внутри же себя Терстеген проходил путь духовного взросления, когда состояние благодатного мира и покоя в Боге перемежалось – и чем дальше, тем больше – с периодами духовной сухости и тьмы. «Он должен был пройти чрез многие искушения, испытания и состояния богооставленности; Бог скрывал от его чувства Свою благодать, дабы проверить его верность и терпение и приуготовить его к будущей его деятельности»¹⁸, – говорится в «Старом жизнеописании». Этот же источник сообщает о некоторых искушениях, которые приходилось выдерживать Терстегену. Так, он подвергался нападению и действию злых духов, что проявлялось, в частности, в том, что во время молитвы во всём его теле начиналось необычное дрожание. В такие моменты он полностью предавал себя Богу, старался не обращать на это никакого внимания и шёл работать. Через некоторое время искушение

¹⁷ *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 11.

¹⁸ *Ibidem*.

отошло¹⁹. В другой раз он неосмотрительно стал читать сочинения теософа Якоба Бёме и пришёл в состояние сильной немирности и страха. Нормальное расположение духа вернулось к нему только тогда, когда он возвратил книгу её владельцу²⁰. Также у Терстегена почти непрерывно обострялись его болезни, так что он совсем лишился телесных сил, а помочь ему было некому. Бывало, что он изнемогал от жажды, а спуститься по лестнице из каморки, где он жил, на первый этаж сил не было.

Эти всевозможные испытания продолжались пять лет, доходя по временам до состояния величайшей безотрадности, тьмы и потери чувства веры. Терстеген порой сам не понимал, что с ним происходит. В 1721 году он писал: «...Брат N беспокоится, где я. Под покровом Божиим доселе нахожусь я на пути к тишайшей вечности, достигнуть которую я надеюсь ещё и в сей жизни. Но как при великом волнении на море, когда буря скрывает и солнце, и звёзды, невозможно узнать своё местонахождение, – так и я не могу сказать тебе точно, где я нахожусь. Я бы и сам хотел это знать. Но я уповаю, что мой Иисус воссядет у кормила, и Дух Его управит мой кораблик, ибо я не могу и не хочу рулить против ветра. Посему я предаю своё судёнышко Ему, подобно Павлу и его спутникам (Деян. 27, 15), наблюдая лишь за тем, чтобы не сесть мне на мель самости – а в остальном пусть будет, что будет. Если я и потерплю кораблекрушение, то ведь и оно случится в море Божества, бездна которого для меня столь же прекрасна, сколь и лучшая гавань»²¹.

Тяжкий духовный кризис Терстегена закончился в 1724 году, когда во время поездки в соседний город его сердце просветилось Божиим светом и совершенно успокоилось. После этого 13 апреля, в Великий Четверг, Терстеген написал собственной кровью весьма примечательный документ. Вот его текст:

«Моему Иисусу.

Тебе, моему единственному Спасителю и Жениху Иисусу Христу, я предаю себя в полную и вечную собственность. С этого вечера, в который Ты, жених крови²² и прибежище моё, Своею смертною скорбью и бореньем до кровавого пота в

¹⁹ См. *van Andel*, стр. 21.

²⁰ *Ibidem*.

²¹ Gerhard Tersteegen. Für Dich sei ganz mein Herz und Leben. Gießen, 1997, стр. 7-8. См. также *van Andel*, стр. 21.

²² Исх. 4, 25-26. Здесь важна эта отсылка, поскольку в данном отрывке говорится об избавлении Моисея (а в его лице – всех духовно призванных людей) от того, что *встретил его Господь и хотел умертвить его*.

Гефсиманском саду выкупил меня, как невесту, Себе в собственность, разрушил врата ада и отверз мне любвеобильное сердце Твоего Отца, – я всем своим существом отрекаюсь от всяких прав и всяческой власти над собою, какие только мог бы мне незаконно дать сатана. С этого вечера да будет моё сердце и вся моя любовь навсегда отданы Тебе и принесены Тебе в жертву благодарения. Отныне и во веки *не моя, но Твоя воля да будет*²³! Повелевай, властвуй и правь во мне! Я предаю Тебе всю власть над собою и обещаю, Твоею помощью и содействием, скорее излить сию мою кровь до последней капли, нежели с произволением и сознательно быть неверным или непокорным Тебе, как внутри себя, так и совне. Ты же, о сладчайший Друг наших душ, непрестанно и всецело сохраняй меня в целомудренной девственной любви к Тебе. Да не отступит от меня Твой Дух; да укрепит меня Твоё смертное борение. Ей, аминь! Твой Дух да запечатлеет то, что в простоте написал Твой недостойный раб в вечер Великого Четверга 1724 года. Герхард Терстеген»²⁴.

Для современных людей писать письма собственной кровью – это нечто совершенно необычное и, пожалуй, даже не вполне нормальное. Тем более может показаться это удивительным в отношении Герхарда Терстегена – человека чрезвычайной духовной трезвости и уравновешенности, который всегда был противником экзальтации и всяких «необычностей» в поведении. Но в его эпоху это явление было достаточно распространено в квиетистской среде²⁵, так что Терстеген здесь следовал традиции. Это было предельно серьёзное выражение того, что заключён своеобразный обет, принято решение всецело посвятить себя одному только Богу.

* * *

После этого события Терстеген, с совета Вильгельма Хоффмана, изменил свой образ жизни. Во-первых, он ослабил аскетические подвиги и стал питаться лучше. Во-вторых, в 1725 г. он принял к себе в дом ученика, Генриха Зоммера, который под руководством Терстегена овладевал профессией ленточника, а заодно помогал своему наставнику по хозяйству. Как ни любил Терстеген уединение, но при его слабом

²³ Подчёркнуто Терстегеном.

²⁴ *Van Andel*, стр. 22–23.

²⁵ См. *van Andel*, стр. 23.

здоровье без помощника ему было не обойтись. Жизнь Терстеген и Зоммер вели почти монастырскую. В шесть утра они приступали к работе и трудились до одиннадцати часов, после чего расходились на час по своим комнатам для уединённой молитвы. Затем они обедали, и с часу дня – опять безмолвная, с молитвой, работа. В шесть часов вечера был ужин. Перед едой они пели духовный гимн, прочитывали отрывок из Писания и после еды опять пропевали какое-либо одно духовное песнопение. Вечера Терстеген посвящал чтению и литературным занятиям.

Вильгельм Хоффман, видя в своём младшем друге многочисленные духовные таланты, старался всячески развивать их. Он побуждал Терстегена время от времени проповедовать в своих домашних собраниях и поручил ему некоторую душепопечительскую работу. Здесь берёт начало обширная «пастырская» переписка Терстегена, в которой перед нами открывается его дар глубоко проникать в тонкости духовной жизни, умение войти в ситуацию каждого человека и преподать ему нужный и действенный совет.

В 1724 году Терстеген начал преподавать Закон Божий своим племянникам – детям брата Иоганна и другой своей сестры, также жившей в Мюльхайме. Для этих уроков Терстеген составил своеобразный катехизис под названием «Беспристрастное изложение основополагающих истин христианства». Эта первая книга Терстегена была издана только после его смерти. Уже из неё видно сформировавшееся и в продолжение жизни Терстегена не менявшееся основное направление всех его сочинений – призыв к практической внутренней жизни во Христе и научение этой жизни. В книге уже в полной мере проявляется и стиль Терстегена – систематичность мышления, зрелость и полнота выводов, исчерпывающее рассмотрение поставленных вопросов.

Много занимался Терстеген переводами. Круг интересовавших его авторов исключительно душеназидательный: это мистико-аскетические сочинения, преимущественно квиетистской направленности. Первая переведённая и изданная им книга (1726 г.) – «Руководство к истинному благочестию» Жана де Лабади²⁶. К своему переводу Терстеген написал обширное содержательное предисловие, которое затем вошло в сборник «Путь истины». Сразу вслед за этим Терстеген опубликовал

²⁶ Жан де Лабади́ (1610–1674) – иезуит, перешедший в протестантизм. Крайний сепаратист, создатель сообщества «лабадистов», ожидавших скорого наступления тысячелетнего царства Христова. В своих пламенных проповедях призывал готовиться к этому очищением души и сосредоточением на внутреннем богочитании. Оказал значительное влияние на возникновение и становление пиетизма.

выдержки из главного труда Жана де Берньера-Лувињи «Внутренний христианин». Свой перевод Терстеген озаглавил «Сокровенная жизнь со Христом в Боге» (1727 г.). Мы уже сказали выше о популярности этой книги. Предисловие Терстегена к «Сокровенной жизни...» также вошло в состав «Пути истины». Переводил он и других авторов, в частности, известную книгу Фомы Кемпийского «О подражании Христу», приспособив её для чтения протестантов.

В эти годы Терстеген начал писать и духовные стихи. Он обладал выдающимся поэтическим талантом, и до сих пор его песнопения включаются во все церковные протестантские сборники. Уже упомянутая вначале главная поэтическая книга Терстегена, которая, пополняясь всё новыми стихотворениями, много раз выходила при жизни автора – «Духовный цветник стремящихся к Богу душ» – издаётся и поныне.

К 1728 году проповедническая, душепопечительская и литературная деятельность Терстегена возросла настолько, что он решил оставить занятие ленточника и полностью посвятить себя духовным трудам. Его доходы теперь складывались от продажи книг, а также из пожертвований друзей. К этим пожертвованиям Терстеген относился с крайней щепетильностью. Как и прежде, себе он оставлял лишь «прожиточный минимум», а всё остальное раздавал бедным. Кроме этого, Терстеген заинтересовался медициной и фармацевтикой и с помощью Генриха Зоммера стал изготавливать у себя дома простые лекарства, которые также бесплатно раздавал всем нуждающимся. Впоследствии эта его деятельность получила достаточное развитие, так что он стал одним из главных благотворителей и благодетелей Мюльхайма.

Своими трудами за эти годы Терстеген приобрёл любовь и авторитет среди многих христиан. Имя его сделалось известным не только в Рейнской области Германии, но и в Голландии. «Мирные земли» желали слышать проповеди Терстегена и пользоваться его духовными советами не только в переписке, но и лично. «Его любовь, его терпение и готовность понести немощи слабых и падших, его удивительное умение расположить к себе всякого человека, его помощь во всяких искушениях и испытаниях, его действенная молитва – всё это глубоко отпечатлевалось в сердцах людей», – повествует «Старое жизнеописание»²⁷. Терстеген стал проводить

²⁷ *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 20.

много времени в путешествиях, хотя из-за слабого здоровья ему это было нелегко. Он объезжал окрестные города, бывал и в Нидерландах – и сам воочию убеждался, сколь массовым было то Великое духовное пробуждение, о котором мы говорили выше. «Я хотел совершить это путешествие инкогнито», – писал Терстеген об одной своей поездке, – «но это сделалось невозможным, ибо не только в том месте, где я был, множество людей, коих я никогда доселе не видел, засвидетельствовали предо мною своё духовное пробуждение и достаточно глубокое обращение к Богу, так что я, видя искреннее изливание чувств новообращённых душ, весьма растрогался и не знал, как удалиться оттуда, – но и по всей Бергишской стране²⁸ я должен был в продолжение одиннадцати дней переезжать от места к месту, и с утра до вечера был окружён людьми. В одном селении я хотел отдохнуть хотя бы час, но меня заметили на пути и просили пожаловать в амбар, где меня ожидали около двадцати человек, в большинстве своём мне незнакомых, желающих услышать от меня назидательное слово. Вы можете себе представить, возлюбленная сестра», – обращается Терстеген к своей собеседнице, – «каково было и моей душе, и телу – я должен был совсем забыть о них. Но я был бы крайне неблагодарен, если б я не признал, что Господь весьма укреплял меня Своею благодатью. В последние дни я почувствовал жар и так простудился, что у меня совсем пропал голос. Господь показал мне этим, что пора возвращаться домой. Но в восемь утра, когда я уже хотел сесть на лошадь, появилось около двадцати пяти человек, некоторые из которых дожидались меня несколько часов (дело происходило в деревне); я мог их только очень кратко приветствовать. – Из всего этого Вы можете увидеть, сколь необычен и совершенно несвойственен моему внутреннему устройению такой образ жизни. Моя всегдашняя склонность к уединению и безмолвию, похоже, дана мне для того, чтобы сделать всё, противоположное сему, крайне обременительным для меня, – но также, может быть, и для того, чтобы я не слишком увлекался и не полагал своей жизни во всей этой внешней деятельности»²⁹.

Как видим, внутренняя жизнь во Христе была для Терстегена на первом месте. Именно её он всегда проповедовал и старался всячески ей способствовать. С этой целью в 1727 г. он учредил даже некое подобие монастыря. Это может показаться

²⁸ Географически-историческая область, часть нынешней земли ФРГ Северный Рейн-Вестфалия. Основные города: Вупперталь и Золинген. Мюльхайм граничил с Бергишской страной с севера.

²⁹ *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 20–21.

странным – как возможна монашеская жизнь в протестантизме, который так решительно отказался от неё в XVI веке? Тем не менее реформатский пиетизм относился к аскетическому безбрачию отнюдь не отрицательно. Хохман фон Хохенау, Жан Лабади, Вильгельм Хоффман не вступали в брак, всецело посвящая себя духовной жизни. Эту традицию продолжил и Герхард Терстеген.

Причины этого были следующие. Как мы уже сказали выше, реформатский пиетизм некоторым образом предрасполагал к радикализму; в частности, в его среде воскрешались учения, давно отвергнутые Церковью. К их числу принадлежал хилиазм – учение о тысячелетнем царстве Христовом, которое наступит на земле перед концом света. Многие пиетисты (Лабади, Хохман фон Хохенау) ожидали пришествия этого царства уже вот-вот; понятно, что в перспективе скорого изменения всей земной действительности было не до традиционного размеренного семейного существования. Акцент на индивидуалистической внутренней жизни во Христе также предполагал безбрачие как более удобную форму осуществления этой жизни. Наконец, большинство пиетистов (в их числе и Терстеген) разделяли историческую концепцию Готфрида Арнольда³⁰, согласно которой Церковь проводила подлинную христианскую жизнь только в первые три века своего существования, а со времени Миланского эдикта произошло её духовное падение. Арнольд подробно рассматривал формы жизни первых христиан, среди которых важное место занимало аскетическое безбрачие. Поскольку одна из интенций протестантизма – возвращение к жизни Первенствующей Церкви, то (во всяком случае, в среде реформатского пиетизма) безбрачие ради жизни во Христе рассматривалось вполне серьёзно. Так на протестантской почве возродился дух древнего монашества.

Терстеген хорошо знал и любил творения святых отцов-подвижников – Антония Великого, Макария Великого, Нила Синайского, Кассиана Римлянина, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника и других³¹. Имел он и собственный опыт как уединённого жителя, так и «скитского» сосуществования со своим собратом и единомышленником Генрихом Зоммером. Всё это дало ему возможность успешно осуществлять и «монашеское» душепопечение. Несколько братьев, желающих проводить отрешённую от мира молитвенную жизнь, приобрели в предместье

³⁰ Готфрид Арнольд (1666 – 1714) – радикальный пиетист, мистик, историк, в последний период жизни – лютеранский пастор.

³¹ См., напр., «Путь истины», Трактат VI «О различном понимании того, что́ есть благочестие и преуспеяние в нём», § 23.

г. Хайлигенхауза дом (по имени его бывшего владельца он назывался «Оттербек») и стали жить в нём, питаясь от дел рук своих. Терстеген написал для этой «обители» своеобразный устав под названием «Некоторые важные правила для совместно проживающего братства». В нём, в частности, говорится:

«Непрестанно помышляйте о том, что сей ваш дом и ваши сердца должны быть жилищем Всевышнего Бога. Господь Иисус Сам изволит быть вашим Предстоятелем и Пастырем, а Его святые ангелы – сообитать вместе с вами... Вы призваны к тому, чтобы поистине оставить мир сей и дух его, непрестанно умирать для вашей падшей природы и всей вашей самолюбивой жизни и день и ночь обращаться с Богом в сердце посредством делания истинной молитвы. Смотрите же, какое святое и блаженное призвание! Ему предавайте себя от всей души и с великою верностью. Вот ваша цель – пусть сие будет и вашим постоянным делом. С этим да соизмеряется всё прочее, что только есть в вашей жизни»³².

Терстеген не дал братии никакой внешней регламентации; весь текст его «устава» говорит исключительно о внутренних состояниях – молитве, богообщении, безмолвии, смирении друг перед другом. Первоначально это приводило к затруднениям и даже нестроениям в жизни братства: падшая человеческая природа нуждается в более определённых внешних рамках. Терстеген писал, и сам часто приезжал в Оттербек (Хайлигенхаус располагается по соседству с Мюльхаймом), чтобы увещевать братьев и располагать их к взаимной любви. В последующие годы жизнь в общине, судя по всему, протекала более или менее ровно³³.

* * *

В 1733 году Терстеген издал первый том своего самого объёмного труда – «Избранные жизнеописания святых душ». Работе над этим сочинением автор посвятил более двадцати лет; третий, последний том «Жизнеописаний» вышел в 1754 году. Трёхтомник включает в себя 26 подробных и ещё несколько кратких биографий подвижников благочестия и некоторых канонизированных святых Римо-Католической

³² Geistliche und erbauliche Briefe über das inwendige Leben und wahre Wesen des Christentums von weiland Gerhard Tersteegen. Zweiter Band, III Teil. Spelldorf bei Mülheim an der Ruhr, 1799, стр. 462–470.

³³ См. *van Andel*, стр. 41.

Церкви. При работе над своим сочинением Терстеген использовал последние научные достижения в области филологии, источниковедения и т. п.³⁴.

Выход в свет этого труда Терстегена вызвал непонимание и споры. Автора обвинили к симпатии к католицизму и даже в том, что он подспудно побуждает своих протестантских читателей переходить в Римскую Церковь. Терстеген был вынужден оправдываться. В предисловии к третьему тому «Жизнеописаний» он пишет: «Составляя сии жизнеописания, я вовсе не имел в виду дать кому-либо повод переходить в Римо-Католическую Церковь: я сам протестант, и остаюсь им. Я восхваляю на этих страницах святость описываемых мною душ, а не ту религию, к которой они принадлежали по имени»³⁵. Терстеген подчёркивает, что он вовсе не собирается спорить о догматах, обрядах и прочих внешних церковных вещах; его цель – дать людям, ищущим внутренней жизни во Христе, образцы и примеры такой жизни. А если эти образцы обретаются среди католиков, а не протестантов – тем стыднее должно быть протестантам³⁶. Впрочем, Терстеген, составляя «Жизнеописания», всё же так или иначе приспособлял материал для протестантского восприятия³⁷.

Появление такого неожиданного сочинения из-под пера протестантского автора позволяет правильнее понять духовный облик Герхарда Терстегена и его место в церковной истории. На первый взгляд может показаться, что Терстеген – какой-то необыкновенный самородок, удивительный и уникальный элемент в церковной жизни своего времени, во многом чуждый ей. Может создаться впечатление, что в немецкую Реформатскую Церковь XVIII века каким-то чудом был занесён египетский пустынный первых веков христианства. Но если посмотреть более внимательно, то обнаружится, что Терстеген, наоборот, был вполне традиционен (конечно, здесь имеются в виду традиции Западной Церкви). Несомненно, религиозно он был гениально одарён; но проявилось это не в какой-то необычности или «особости», ломающей существующие формы, а в том, что Терстеген как бы «подытожил» всю свою духовную эпоху, дав в себе самом великолепный и высший образец того, на что она была способна. В этом смысле его с полным правом можно сравнить с другим

³⁴ В частности, он смог показать, какими источниками пользовался Иоганн Арндт при составлении своей книги «Об истинном христианстве».

³⁵ «Auserlesene Lebensbeschreibungen heiliger Seelen». Walzbachtal, 2017. Т. 3, стр. 3.

³⁶ Ср.: «Auserlesene Lebensbeschreibungen heiliger Seelen». Walzbachtal, 2017. Т. 1, стр. 14–16.

³⁷ См. Ibidem, стр. 10–14.

таким же «завершителем» и «подытоживателем» эпохи в области духовной культуры и музыкального искусства – Иоганном Себастьяном Бахом. Да они и были современниками.

Мы уже проследили «традиционность» и в случае с написанием письма своей кровью, и в безбрачии Терстегена. И в работе над «Жизнеописаниями» он также следовал традиции. Ещё Готфрид Арнольд рассматривал церковную историю как жизнь святых, и много писал об этом в своих исторических трудах³⁸. Почти полное безразличие к вопросам догматики, каноники и литургики, когда всё внимание обращается на необходимость внутреннего освящения, нового рождения свыше, духовно-молитвенного делания – одна из исконных черт пиетизма, которую ярко воплощал Терстеген во всех своих сочинениях. Отсюда же проистекает и экклезиология Терстегена – тоже вполне традиционная: её изложение можно найти уже у Валентина Вайгеля³⁹. Приведём обширную цитату из вайгелевской книги «О жизни Христовой» (1578 год):

«Есть две церкви на земле: человеческая церковь, которая собирается и защищается учениями и силами человеческими, и Божия Церковь, собираемая и управляемая Духом Святым... Церковь Божия есть невидимое собрание всех верующих всего мира, объединённых единством духа и союзом любви и мира. Сия Церковь основана на незыблемом краеугольном Камне, Иисусе Христе, и существует она не в той или иной стране и не в определённом месте, но по всей земле, потому что члены её находятся среди всех народов, языков, племён и сообществ. Сия Церковь невидима, на неё нельзя указать пальцем. Её члены познаются по любви и по жизни Христовой – не по внешнему слышанию или по участию в Таинствах. Христос говорит: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35) – а не по Таинствам или по внешнему согласию мира сего, когда все стремятся внутри своих сообществ быть едиными в учении и пребывают единомышленными во лжи. – Человеческая же церковь есть видимое собрание тех, кто слушает проповеди, ходит к исповеди, приобщается Таинству Вечери; она разделена на многие части, её можно назвать «многоголовой церковью», где каждое сообщество в своём определённом месте имеет своё учение, своего главу и учителей, и каждое сообщество думает про себя, что

³⁸ См. *van Andel*, стр. 43.

³⁹ Валентин Вайгель (1533–1588) – немецкий богослов, мистик, лютеранский пастор. Самого Вайгеля Терстеген не читал; его влияние было опосредованным, через Готфрида Арнольда.

оно-то одно и есть Святая Кафолическая Церковь... Поскольку же Святая Вселенская Церковь, собранная в вере и любви, невидима, управляется не каким бы то ни было человеком, но Святым Духом, и не располагается в каком-то определённом месте, то из этого с необходимостью следует, что её члены рассеяны среди всех племён, народов, языков и сообществ как пшеница среди плевелов. Отсюда вытекает, что не должно отвергать целиком ту или иную часть человеческой церкви, ибо и среди лютеран Бог имеет Своих, и среди папистов есть истинно верующие, и среди цвинглиан, etc., также и среди всех народов. К тому же верующие суть христиане по внутреннему человеку, а не по внешнему; напротив, принадлежащие человеческой церкви являются христианами по внешнему человеку, а не по внутреннему»⁴⁰.

Герхард Терстеген вполне разделял эти взгляды. Он неоднократно писал, что сам по себе факт принадлежности христианина к той или иной деноминации не имеет духовного значения. «Я полагаю, что в очах Божиих люди на земле делятся только на две части: на детей мира сего, в которых властвует мирская любовь, и на детей Божиих, в которых Святым Духом излилась любовь Божия. Никакие иные именованья и различия перед Богом ничего не значат»⁴¹. Главным является не формальная принадлежность к той или иной церкви, а то, чтобы человек стал подлинным мистиком, то есть христианином, проводящим внутреннюю жизнь в Боге. «Мистики не образуют никакого отдельного сообщества», – вторит Терстеген Вайгелю, – «у них нет своего особого учения, разнящегося от учения тех церквей, в которых они пребывают. Они уподобляются сынам Левия, наследием коих был Сам Господь (Втор. 10, 9). Последние не имели ни собственного удела на земле, ни своей религии, отличающей их от прочих колен Израилевых; и жили они расточенно среди всех сих колен. – Так и среди римо-католиков, среди протестантов, среди греческой церкви могут обретаться мистики, не претендуя на какие-либо особые вероучительные положения или религиозные действия. Я не хочу этим сказать, что все церковные сообщества должны быть для нас одинаковы. Отнюдь нет! Правильное исповедание основополагающих истин, требуемых для нашего спасения, необходимо. Во всём же остальном каждый обязывается руководствоваться собственной совестью, насколько он полагает верным пред Богом и согласным с Писанием то, как он думает и как

⁴⁰ См. Валентин Вайгель. Избранные произведения. М., 2016, стр. 158; 180-181.

⁴¹ Geistliche und erbauliche Briefe über das inwendige Leben und wahre Wesen des Christentums von weiland Gerhard Tersteegen. Erster Band, II Teil. Solingen, 1773, стр. 229.

действует. Сепаратист тоже может стать мистиком, хотя подлинному мистику вовсе не так легко стать сепаратистом, поскольку он имеет дело с неизмеримо более важными вещами»⁴².

Как видим, эклезиологические понятия Терстегена были вполне укоренены в раннепротестантской мистике и, как это и свойственно пиетизму, исходили из пастырско-мистического, а не формального догматического или канонического основания. Вместе с тем Терстеген с достаточной строгостью относился к внешней церковной принадлежности и не одобрял перехода из деноминации в деноминацию, полагая, что христианину, живущему подлинной духовной жизнью, не должно быть дела до второстепенных и несущественных вещей, ибо ему «есть, чем заниматься – Богом и самим собою»⁴³. И сам Терстеген сознательно оставался в «вере отцов», о чём он писал не раз и что явствует и из его «Завещания»⁴⁴.

* * *

28 июня 1740 года правительство Рейнской области в Дюссельдорфе наложило запрет на все внебогослужебные собрания. Готовилось это решение несколько лет, и вызвано оно было всё возрастающим недовольством обывателей, а прежде всего официальных церковных лиц, движением Великого духовного пробуждения, о котором уже упоминалось выше. Терстеген утешал и ободрял своих единомысленных братьев и сестёр: «В наши дни Божией благодатью в нас и среди нас посеяно многочисленное доброе семя – и теперь происходит его проверка, очищение и укоренение... Не для пустого времяпровождения и не для увеселения, возлюбленные, взошли мы с Иисусом на корабль. Вот уже воздвигнуто малое волнение, за которым может последовать и великая буря; корабль покрывается волнами. И здесь надлежит нам утвердить свои сердца в непоколебимом и безмолвном уповании на Того, Кто с нами внутри корабля, и Кто может запретить ветрам и морю. Да не постыдят нас Его уста, говорящие нам: *что вы так боязливы, малoverы* (Мф. 8, 23-26)! – И в самом деле, почему мы должны беспокоиться и приходить в смятение? Если нам придётся

⁴² «Краткое изъяснение того, что́ есть мистика». Приложение 2 к VI трактату "Пути истины", §§ 6–7.

⁴³ «Vom Separatismus und der Herunterlassung». В кн.: Gerhard Tersteegen's nachgelassene Aufsätze u. Abhandlungen. Essen, 1842, стр. 27.

⁴⁴ «Tersteegens hinterlassene Erklärung seines Sinnes, seinem Testamente beigelegt». В кн.: Gerhard Tersteegen. Ich bete an der Macht der Liebe. Gießen, 1997, стр. 44.

пострадать, то, слава Богу, мы страдаем не как преступники (1 Петр. 4, 16). Нашим земным правителям мы покорны, всячески оказывая им подобающую честь и исполняя свой долг, как мы и научены (Рим. 13, 1-7); в церковных делах мы не производим никаких *разделений или соблазнов* (Рим. 16, 17); мы не образовываем, и не собираемся образовывать никакую секту; мы находим свою совесть совершенно чистой в отношении как этих, так и других обвинений, которые нам без всякого основания хотят вменить. Наши собрания, по апостольским установлениям, посвящены тому, чтобы *поощрять друг друга к любви и добрым делам* (Евр. 10, 24), дабы мы, принявшие Иисуса, непрестанно ходили пред Ним и всё более и более укоренялись в Нем. Эти наши собрания не являются тайными, но проходят так, что каждый может слышать, что мы говорим, и при желании приобщиться тому благу, какое во Иисусе обрели мы – и надеемся и ещё обрести. Кратко говоря, мы стремимся лишь к тому, чтобы всякий в своём чине и звании жительствовавший как истинный христианин и как христианский гражданин. Кто подозревает нас в чём-то ином, тот или неверно осведомлён, или злонамерен. Поэтому *кто сделает нам зло, если мы – ревнители доброго* (1 Петр. 3, 13)? Если же, невзирая на сие, мы должны страдать, то будем страдать *как христиане, не стыдясь* этого, но *радуясь* предоставленному случаю *прославить Господа* (1 Петр. 4, 13-16) чрез приобщение к Его уничижению, в детском уповании на Его верность, пребывающую вовек (2 Тим. 2, 13). Мужайтесь! Господь всё соделал для нас; Он, Господь, и управит всё. *Его есть Царство* (Мф. 6, 13)»⁴⁵.

Это «волнение», о котором писал Терстеген, перешедшее в «великую бурю», продолжалось десять лет. Поездки Терстегена по Бергишской стране стали невозможны, несколько раз он выезжал лишь в Голландию.

В 1746 году Терстеген переехал на новое место жительства. Прежде он и Генрих Зоммер снимали небольшие комнаты; теперь же друзья Терстегена предоставили ему в безвозмездное пользование целый дом в центре Мюльхайма, рядом с главной городской церковью св. Петра. Дом двухэтажный, не очень большой; в комнаты верхнего этажа вселились Терстеген и Зоммер, внизу расположилась одна из помощниц Терстегена Сибилла Эмшерман с семьёй своего брата. Они следили за домашним хозяйством и аптекой; изготовление бесплатных лекарств продолжалось всё время. К этому теперь присоединились и благотворительные обеды для бедных.

⁴⁵ «Ободряющее и воодушевительное послание, обращённое к... духовно пробуждённым душам в виду угрожающего им преследования». Приложение к XI трактату "Пути истины", §§ 2-3.

В том же 1746 году, 13 августа, в возрасте семидесяти лет умер учитель и друг Терстегена Вильгельм Хоффман. Труды душепопечения, которые совместно с ним нёс Терстеген, теперь легли полностью на его плечи. Ещё более увеличилась его переписка. Не оставлял Терстеген и литературной работы. Он продолжал трудиться над «Избранными жизнеописаниями святых душ», выпустил переводную книгу, составленную из стихотворений и размышлений мадам Гюйон⁴⁶ и названную им «О святой любви Божией и падшей любви мира сего», а к 1750 г. подготовил большое издание сборника «Путь истины», о котором мы будем говорить особо.

В 1750 году земельные власти, видя бесполезность своих мер по сдерживанию движения Великого духовного пробуждения, сняли свой запрет на внебогослужebные собрания. Поскольку Вильгельма Хоффмана уже не было в живых, ведéние этих собраний перешло к Терстегену. Их массовость поражала воображение. Дом Терстегена подвергался чуть ли не штурму. Собиралось до четырёхсот человек, которых не могли вместить все комнаты дома, поэтому люди приставляли лестницы к окнам и слушали проповеди Терстегена с улицы. Духовенство города – два реформатских пастора и один лютеранский – забили тревогу и написали бургомистру и городскому судье прошение, чтобы они запретили эти собрания. Они жаловались, что их церкви стоят пустые, а дом Терстегена не вмещает пришедших⁴⁷. Бургомистр, расположенный к Терстегену, проигнорировал эти жалобы. Судья же был противником собраний. «Тогда я», – рассказывает Терстеген в одном из своих писем, – «написал ему достаточно резкое послание, в коем представил ему, как дурно он поступит, если он запретит благочестивые собрания, а при этом будет продолжать закрывать глаза на шарлатанов-знахарей, скоморохов-канатоходцев, буйные народные игрища и пьянки. Каково ему, судье, будет на его смертном ложе? как всё это предстанет пред ним? Кратко говоря», – продолжает Терстеген, – «судья и прочие начальствующие мужи уступили и признали, что я прав»⁴⁸.

⁴⁶ Жанна-Мария Бувье де ла Мотт Гюйон (1648–1717) – французский мистик, одна из крупнейших представительниц квиетизма.

⁴⁷ См. *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 24. Надо заметить, что Терстеген специально проводил свои собрания так, чтобы они не совпадали с городскими богослужениями: или по четвергам, или, если в воскресенье, то в дневное время.

⁴⁸ *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 24–25.

Жажда слышания слова Господня (Ам. 8, 11) была настолько велика, что друзья Терстегена просили, чтобы его проповеди записывались. Терстеген не возражал, хотя отнёсся к этому достаточно равнодушно. Восемь писцов, посаженных в разные места, «стенографировали» его речи, которые затем переписывались и распространялись в списках. Впоследствии они были собраны в четырёхтомный сборник «Духовные крохи, падающие со стола Господня», содержащий 32 духовные речи. Терстеген за несколько месяцев до смерти успел написать к этому сборнику краткое предисловие, но никакой правки в текст не вносил. Впрочем, было одно исключение: проповедь от 18 октября 1751 года «О силе любви Христовой» он записал и обработал сам и издал сначала отдельно, а затем включил её в свою главную книгу «Путь истины» в качестве приложения. По форме все его духовные речи представляют собой стандартные, свойственные тому времени, «большие» проповеди, приуроченные к церковным праздникам богослужебного года. По содержанию же они намного превосходят современные им образцы: с необыкновенной глубиной и всесторонностью в них раскрывается полнота внутренней духовной жизни во Христе. На протяжении двух столетий они постоянно переиздавались, и до сих пор их читают и любят в Евангелической Церкви. Великий датский философ Серен Кьеркегор находился под сильным впечатлением от проповедей Терстегена и писал: «В целом Терстеген – непревзойдённый автор. У него я нахожу подлинное и высокое благочестие и истинную простоту премудрости»⁴⁹.

В 1756 году Терстеген был вынужден оставить проведение внебогослужебных собраний. Всё более слабеющее здоровье не позволяло ему больше говорить перед большим обществом, когда «ему приходилось наполнять своим голосом пять или шесть комнат в своём доме»⁵⁰. Также он прекратил и дальние поездки, и выезжал теперь иногда только в окрестности Мюльхайма. Однако поток людей, ищущих его частной духовной беседы, вовсе не уменьшался, так что Терстегену практически ежедневно приходилось посвящать большую часть своего времени на душепопечительское общение.

В 1754 году в Мюльхайм прибыл высокопоставленный чиновник оберконсistorии Прусского королевства Юлиус Хекер с поручением прусского

⁴⁹ Цит. по: Gerhard Tersteegen. *Geistliche Reden*. Göttingen, 1979, стр. XIV.

⁵⁰ *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 35.

правительства проверить образ мыслей Терстегена, широко известного уже не только во всей Германии, но и за её пределами. Правоверие его было подтверждено, а проповедническая и учительская деятельность получила высокую оценку. Завязавшаяся дружба с Юлиусом Хекером имела одно важное последствие. Хекер передал Терстегену для ознакомления сочинения прусского короля Фридриха II, писавшего философские трактаты деистического толка, и, судя по всему, просил дать на них отзыв. Результатом этого явилось одно из интереснейших произведений Терстегена (1762 г.) – «Мысли о некоей безымянной книге, именуемой "Разные сочинения философа из Сан-Суси"»⁵¹. Терстеген в весьма почтительных выражениях дискутирует с прусским королём, подвергая критике его просвещенческие взгляды на религию и нравственность. Здесь мы видим удивительную способность Терстегена говорить на одном языке со своим оппонентом: приводя аргументы против мнений Фридриха II, Терстеген (вообще настроенный решительно «анти-просвещенчески»⁵²) апеллирует к здравым выводам философствующего рассудка и цитирует Декарта и Ларошфуко. Сохранилось предание, что Юлиус Хекер ознакомил Фридриха II с трактатом Терстегена. Прочитав его, король воскликнул: «Надо же, на что способны "мирные земли"!»

Но Фридрих II был отнюдь не только философом. В 1756 году он развязал очередную войну с Австрией; военные действия продолжались семь лет, и в них были вовлечены почти все европейские государства. Против Пруссии выступила и Франция. Мюльхайм оказался во фронтовой полосе; несколько раз он переходил из рук в руки. Жители города были вынуждены на протяжении всех этих лет давать то прусским, то французским войскам постой и пропитание. Обычные занятия горожан и торговля почти прекратились, в Мюльхайме одна за другой вспыхивали эпидемии. Голландские друзья звали Терстегена приехать к ним, подальше от военных действий; но он отказался от этого. «Ваше любезное приглашение, дорогая сестра, приехать к вам и воспользоваться несколькими тихими комнатами для меня и моих близких, я прочитал с любовью и признательностью; я очень благодарен Вам за Вашу любовь», – писал он в ответ. – «Если бы дело касалось только меня, то, конечно, я бы хотел избежать

⁵¹ Фридрих II писал по-французски и издавал свои произведения анонимно. В немецком переводе сочинения прусского короля вышли в начале 1760-х гг. в нескольких томах. Сан-Суси (от фр. «sans souci» – «без забот») – дворец Фридриха II в Потсдаме.

⁵² См. II трактат «Пути истины» «Рассуждение о границах человеческого ума в деле постижения божественных истин».

беспокойств и опасностей, причиняемых войною. Но вокруг меня большая община, и люди весьма бы опечалились, если б я уехал, ибо не все ведь могут покинуть город»⁵³.

Так до конца Семилетней войны (1763 г.) Терстеген разделял все тяготы и лишения своих сограждан; в периоды эпидемий его аптека становилась для города сущим благодеянием. Сам Терстеген рассматривал военное время не только как период внешних испытаний, но и как вразумление и наказание Божие, равно как и Его задание сохранять мир и молитвенное сердечное расположение даже и в таких обстоятельствах.

* * *

Постепенно слабея, Герхард Терстеген приближался к концу своих дней. Что это был за человек? Какие духовные плоды (Гал. 5, 22) принесла его жизнь?

Первое, что обращает на себя внимание – это то, что от него не осталось никаких изображений. Он запрещал себя рисовать и всячески уклонялся от того, чтобы «запечатлеть себя» в какой бы то ни было форме. Сохранились лишь устные описания: Терстеген был человеком среднего роста, с приятным лицом, всегда очень скромно, но опрятно одетым, любящим во всём порядок и аккуратность. Своим друзьям, которые незадолго до его смерти просили его написать что-нибудь о своей жизни, он отвечал: «Там, в вечности, братья мои, увидите вы мою жизнь; там мы будем жить вместе, и там, к вечной славе Божией, мы поведаем друг другу наше жизнеописание»⁵⁴. И это не было показной скромностью или «смиреничением», – но выражением неизменного стремления всегда оставаться «один на один» с Богом. Говоря о своём душепопечительском служении и реалистически оценивая его плодотворность, Терстеген замечает: «Но никогда не было так, чтобы я находил смысл жизни и высшую радость в обращении и занятиях с людьми, как бы сердечно я их ни любил. Живое познание Бога, внутри столь близкого ко мне и во всём довольствующего меня, глубоко и постоянно побуждало меня охотно отрешаться от всего и быть с Сим моим Богом одному. Я делал, что делал, в меру моей немощи, лишь побуждаемый божественным промыслом и долгом... Но правилом для меня всегда оставалось:

⁵³ Цит. по: *van Andel*, стр. 61.

⁵⁴ *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 4.

"хорошо быть с детьми, но несравненно лучше – с Отцом"⁵⁵. «Я желал бы от всей души», – говорил он одному своему другу, – «чтобы имя Герхарда Терстегена было забыто людьми, лишь бы имя Иисуса было глубоко запечатлено во всех человеческих сердцах»⁵⁶. И, как бы в исполнение его желания, даже место его погребения вскорости после его смерти перестало быть известным.

Второе, что ярко характеризует облик Терстегена (и о чём мы уже говорили выше) – состояние его здоровья. Трудно представить себе более болезненного человека, чем он. Всю свою жизнь Терстеген страдал от мучительных головных болей, отчего порой по целым неделям он был вынужден оставаться в постели в затемнённой комнате. Но это было совсем не всё. Желудочные и почечные колики, головокружения, обмороки, кожные заболевания, грыжи, к старости подагра и одышка – вот далеко не полный перечень его болезней. Несколько раз он был прямо-таки в предсмертном состоянии. При этом он дожил до 72 лет (а для XVIII века – это возраст глубокой старости) и пережил всех своих братьев, которые отличались завидным здоровьем, но умерли все в возрасте около сорока лет. Из многочисленных писем видно, что Терстеген рассматривал это данное ему на всю жизнь испытание как благодатный крест Христов, и благодарил за него Бога. «Я ничего иного не желаю», – писал он, говоря о своих болезнях, – «чем покориться воле Божией. Всё исходит от Него, и Он всё располагает к нашему благу»⁵⁷.

«Старое жизнеописание» подробно повествует о духовных качествах Терстегена. Это прежде всего опытное и просвещённое богопознание, исходящее из постоянного пребывания в соприсутствии Божиим. Это глубокое смирение, терпение и кротость. Это милосердие и сострадание, проявляющееся и самым деятельным образом – например, в уходе за больными и в напутствии умирающих. Это *дар различения духов* (1 Ин. 4, 1-3; 1 Кор. 12, 10) и связанная с этим удивительная трезвость и духовная уравновешенность Терстегена, которая хорошо видна из всех его сочинений. Так, если кто-то увлекался экстраординарными духовными явлениями – он указывал, что вовсе не в них заключается суть христианской жизни. Если кто-то эти явления, наоборот, отрицал – Терстеген говорил о том, что Бог может раздавать Свои дары кому и как Он хочет, и что «сходу», без испытания, отвергать их не следует. Если кто-то излишне

⁵⁵ *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 88.

⁵⁶ *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 90.

⁵⁷ Цит. по: *van Andel*, стр. 184.

увлекался отстаиванием догматических истин – Терстеген говорил о том, что цель христианской жизни заключается не в них, а в живом богообщении. Если кто-то, наоборот, пренебрегал догматикой – он указывал на важность правильного исповедования основополагающих истин веры. Поверхностному восприятию христианства («только уверуй – и уже спасся») Терстеген противопоставлял необходимость целожизненного процесса освящения; излишнему упованию на свои подвиги – необходимость веры. Того, кто слишком опирался на внешнее в церковной жизни, Терстеген увещевал, что всё внешнее – это только средства для поддержки главного: внутренней жизни души во Христе. Если кто, наоборот, с пренебрежением относился к внешним церковным средствам, тот получал наставление об их нужности. Это умение Терстегена во всём найти золотую середину, идти «царским путём» было, несомненно, даром Святого Духа и замечательным примером для христиан, как именно нужно, по заповеди Апостола Павла, *держаться образца здравого учения* (2 Тим. 1, 13).

Особенно много места «Старое жизнеописание» уделяет душепопечительской деятельности Терстегена, о которой мы уже не раз упоминали, и указывает в связи с этим на такие качества Терстегена, как умение находить индивидуальный подход к каждому человеку и говорить с ним на его языке, глубокое понимание внутреннего мира собеседника, милосердие и крайняя снисходительность к немощам и падениям. Терстеген считал, что духовный наставник ни в коем случае не должен приводить доверившуюся ему душу к себе, но исключительно к Богу. «Всё тщание (наставника) должно быть направлено на то, чтобы в сердце человека жил и царствовал Дух Христов»⁵⁸. Очень важна, по убеждению Терстегена, в душепопечительских отношениях свобода. «Кто имеет дело с душами», – часто говорил он, – «тот должен быть как нянька, которая водит ребёнка на помочах. Она оберегает его от падений и предупреждает опасности, а во всём остальном даёт ребёнку ходить совершенно свободно»⁵⁹. Душепопечение Терстеген рассматривал, как своё служение Богу. Всё, что он написал, так или иначе служило именно пастырским, душепопечительским целям. Его принципы и методы духовного руководства не только не потеряли своей актуальности, но могут оказать людям существенную помощь и сегодня.

⁵⁸ См.: *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 93.

⁵⁹ *Ibidem*.

Очень важным и интересным является вопрос внешне-церковной жизни Терстегена (его экклезиологические воззрения мы уже разобрали выше). Терстеген старался не пересекаться с мирскими людьми, находя это вредным для внутренней жизни. Вообще людей он не чурался и был благорасположен ко всем, с кем ему приходилось встречаться в тех или иных жизненных ситуациях; также и благотворительную помощь он оказывал всем нуждающимся, невзирая на их духовное состояние и религиозную принадлежность (интересно, что когда Терстеген серьёзно заболел, мюльхаймские евреи, регулярно пользовавшиеся его аптекой, устанавливали в своей синагоге даже специальный «молитвенный час» о его выздоровлении⁶⁰). Но общение он ограничивал только своим кругом – сознательно ведущих внутреннюю духовную жизнь христиан. Чтобы не сообщаться с «явными грешниками» (номинальными членами Церкви, живущими по духу мира сего), Терстеген в церковь не ходил и к Таинству Вечери не приступал. Как и во всех других случаях, где современному человеку видится некая экстравагантность и индивидуальные «перехлёсты», такой отказ от причастия вместе с «грешниками» был вполне традиционен для реформатского пиетизма. В «Исповедании веры» одного из столпов этого религиозного направления, уже упоминавшегося Хохмана фон Хохенау, мы читаем: «О Святом Причащении я верую, что оно установлено только для избранных учеников Христовых, кои последуют Христу делом и истиною, отвергаясь всякого духа мира сего. Потому весьма уничижается Завет Божий, равно как и воздвигается гнев Его на всю Церковь, когда нечестивые чада мира сего допускаются до Вечери Господней, что, увы, происходит и по сей час»⁶¹. Терстеген следовал этому воззрению и обосновывал своё нехождение в церковь именно нежеланием причащаться с «неистинными христианами». В подтверждение своих взглядов он написал несколько небольших трактатов, в которых утверждал, что Иуда вышел с Тайной Вечери до совершения Таинства, и, следовательно, прочие апостолы с Иудой не причащались (такая точка зрения всегда наличествовала в Церкви; Терстеген, например, ссылается на Феофилакта Болгарского, Апостольские постановления, Максима Исповедника, Дионисия Ареопагита и др.⁶²).

⁶⁰ См.: *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 96.

⁶¹ Ernst Christoph Hochmans von Hochenau Glaubens-Bekänntniß / Geschrieben aus seinem Arrest [...], б. м., 1709, стр. 5.

⁶² Gerhard Tersteegens nachgelassene Aufsätze u. Abhandlungen. Essen, 1842, стр. 75.

Было ли это церковным сепаратизмом? Формально да – в том смысле, в каком это явление описано выше, когда мы говорили о «мирных земли». Но духовная жизнь Терстегена была гораздо глубже формальных определений. Сам он обвинения в сепаратизме от себя отводил (чему соответствует, между прочим, и то обстоятельство, что его наследие очень быстро и уверенно было рецептировано Протестантской Церковью). Да, церковную действительность он воспринимал, как мы уже сказали, в духе Готфрида Арнольда: земная церковь – падшая, в ней всё настолько перемешано, что подлинному христианину лучше соотноситься с ней минимальным образом (интересно, что сам Арнольд в зрелом возрасте отошёл от своих радикальных взглядов и стал пастором Лютеранской Церкви). Но при этом Терстеген никого к сепаратизму не призывал – в этом он был так же рассудителен, как и во всём остальном; его решение не участвовать в церковной жизни было исключительно личным. Более того: Терстеген считал, что всё внешне-церковное может принести пользу, если будут правильно расставлены приоритеты: всё это – средства для внутренней жизни во Христе, употребляемые свободно, в зависимости от личных особенностей человека и обстоятельств его жизни. Терстеген никогда не «ругал» церковь (в то время как в радикальном протестантизме это было принято: официальная церковь именовалась «вавилонской блудницей», и т. п.), а просто выносил её внешнюю жизнь «за скобки». Это позволило стать его сочинениям приемлемым для христиан всех деноминаций.

Подытоживая, можно сказать, что в облике Герхарда Терстегена и его современники, и все, кто так или иначе соприкоснулся с его поэзией, переводами, трактатами и письмами, не могли не увидеть истинного христианина, исполненного не только евангельских добродетелей, но и подлинных духовных даров.

* * *

Нам осталось рассказать о последних годах жизни Терстегена. После окончания Семилетней войны он прожил ещё шесть лет, всё более немощствуя и слабея. Он не прекращал своей обширной душепопечительской переписки, готовил к публикации окончательные варианты своих книг – 4-е издание «Пути истины» (1768 г.) и 7-е издание «Духовного цветника» (1769 г.); также он составил сборник из трактатов разных авторов, посвящённых внутренней духовной жизни, и издал его в 1767 году

под названием «Маленькое жемчужное ожерелье для простецов». Всё реже Терстеген выходил из дома; у него усиливалась одышка и стал развиваться отёк лёгких. От этой болезни он и умер 3 апреля 1769 года, тяжело страдая перед смертью, но не теряя твёрдого упования на Бога и мирного состояния духа.

Погребён Терстеген был на кладбище возле церкви св. Петра, в пятидесяти метрах от своего дома. После его смерти продолжали выходить его книги: друзьями было собрано четыре тома переписки, было опубликовано «Старое жизнеописание», переиздавались и другие его сочинения. Могила же Терстегена довольно скоро затерялась – как будто выполняя его всегдашнее желание «оставаться в тени». О сооружении надгробного памятника мы уже сказали в самом начале нашего очерка; он был открыт через 69 лет после смерти Терстегена во дворе церкви св. Петра. На одной из его сторон выбита библейская цитата, как нельзя более точно подытоживающая весь жизненный и творческий путь Терстегена: *В мире и правде он ходил предо Мною и многих обратил от греха* (Мал. 2, 6).

«Путь истины»

Какие сочинения Терстегена читали русские офицеры, засвидетельствовавшие в 1813 году перед жителями Мюльхайма своё знание этого автора? В перечне разнообразной переводной духовной литературы периода бурного книгоиздательства в России на рубеже XVIII – XIX вв. ни одного произведения Терстегена нет. Первый перевод его на русский язык – та книга, которую читатель держит в руках сейчас. Очевидно, что русскому образованному обществу (в котором французским и немецким языками владели все) Терстеген был доступен в оригинале.

Главное произведение Терстегена – «Путь истины», книга, к началу XIX века выдержавшая уже шесть изданий (переиздаётся и поныне). Её читали и хорошо знали в Германии, Голландии и Северной Америке; несомненно, что и русские любители духовно-назидательной литературы своё высокое мнение о Терстегене составляли прежде всего на основании этой книги. Это не случайно: «Путь истины» представляет собой сборник тщательно отобранных самим автором текстов, которые обнимают всю творческую жизнь Терстегена (с 1726 по 1768 годы) и наиболее объёмно представляют его взгляды.

Первое издание «Пути истины» вышло в 1735 году; оно включало в себя три трактата. Во втором издании 1750 г. книга была значительно расширена и состояла уже из одиннадцати трактатов; третье издание 1753 г. пополнилось ещё одним. В 1759 г. «Путь истины» вышел в свет в Амстердаме; это был перевод на голландский язык немецкого издания 1753 г. Наконец, за год до смерти (1768) Терстеген пересмотрел сборник и добавил ещё несколько текстов. Таким образом, к четвёртому изданию книга получила свою окончательную структуру: 12 трактатов (некоторые – с добавлениями) и два приложения⁶³.

Первый трактат – «Руководство к истинному разумению и душеполезному применению Священного Писания». Первоначально это было предисловие к одному из переизданий Лютеровской Библии, вышедшему в свет во Франкфурте-на-Майне в 1731 году. Затем, переведённое на голландский язык, оно было предпослано изданию голландской Библии, напечатанной в Гронингене в 1733 г. В 1734 году предисловие, уже в виде трактата, было опубликовано отдельно, и, наконец, в 1735 г. вошло в состав «Пути истины». Во всех изданиях сборника этот текст занимает первое место и является самым обширным из всех трактатов. Священное Писание рассматривается в нём с мистико-педагогической точки зрения; «научный подход» к Библии автором не одобряется.

Неприятием рационализма проникнут и **второй трактат** – блестящее гносеологическое исследование «Рассуждение о границах человеческого ума в деле постижения божественных истин». «Сей трактат», – пишет о его происхождении Терстеген, – «представляет собой частное ответное письмо, написанное мною в своё время по-голландски, а затем... переведённое на немецкий язык и широко распространившееся»⁶⁴. Время написания – до 1735 г., поскольку трактат был включён уже в первое издание «Пути истины». На фоне всеобщего возвеличивания рационального мышления, присущего эпохе Просвещения, Терстеген отстаивает традиционную церковную точку зрения, согласно которой в вопросах богопознания разуму отводится подчинённое место по сравнению с сердцем. Автор не разводит с

⁶³ Обзор «Пути истины» составлен по следующим книгам: 1. Hansgünter Ludewig. «Mein Leben sei ein Wandern». Der Weg Gerhard Tersteegens; 2. Hansgünter Ludewig. Bücher und Zensur bei Gerhard Tersteegen (готовятся к печати). Сердечно благодарю д-ра Людевига за любезно предоставленные им материалы.

⁶⁴ «Путь истины», Трактат II «Рассуждение о границах человеческого ума в деле постижения божественных истин», Введение.

научной точностью сферы «ума» (рассудка), «разума» (разумения) и «сердца» – он сам говорит, что точное определение таких понятий невозможно⁶⁵; но ради ясного изложения своих взглядов он относит все проявления человеческой падшести к уму, а всю совокупность веры – к сердцу. Конечно, на самом деле всё тоньше и сложнее. Ум и сердце во многом едины; и уму принадлежит важное место в духовной жизни (трезвение, контроль над греховными проявлениями падшей природы, осмысление процессов, происходящих в сердце), и сердце может заблуждаться. Но не эти «перекрёстные связи» являются предметом рассмотрения Терстегена; его задача – развеять ту зачарованность рациональностью, которая была свойственна его времени.

Третий трактат «Пути истины» – «Краткий трактат о сущности и пользе истинного благочестия» – уже упоминавшееся выше предисловие к переведённой в 1726 году «Книжке об истинном благочестии» Жана де Лабади. Это один из важнейших текстов Терстегена, посвящённый подробному и всестороннему выяснению того, что есть подлинная духовная жизнь и служение Богу.

Четвёртый трактат – «Об отношении к особым духовным дарам, видениям, откровениям и тому подобному». Две первые его части первоначально были предисловиями к 21-й и 23-й главам «Избранных жизнеописаний святых душ». Поскольку, как мы уже говорили, в этом трёхтомнике Терстеген описывал жизнь и подвиги католических святых и подвижников, преимущественно женщин, а их жития изобилуют видениями, откровениями, изображениями необычных духовных состояний и т. п., то для Терстегена было важно объяснить своим протестантским читателям эти малоприемлемые для них явления. При составлении жизнеописаний Терстеген старался сводить всё экстраординарное к минимуму, а при изложении того, что оставалось в его тексте, проявлял протестантскую строгость и трезвомыслие. Однако при этом он не отрицал и не отвергал экстраординарные духовные явления как таковые, но, наоборот, защищал их перед своими евангелическими читателями как проявление Божией благодати, хотя и требующее тщательной проверки своей истинности.

Третья часть трактата представляет собой письмо с ответом на вопрос одного голландского друга, как Терстеген относится ко многим необычным явлениям (сегодня мы назвали бы их «прото-харизматическими»), которыми порой

⁶⁵ Там же, § 7.

сопровождалось Великое духовное пробуждение. «Старое жизнеописание», например, повествует, что во время многолюдных собраний в доме Терстегена во время его проповедей у некоторых присутствующих наблюдались некие психосоматические феномены: «воодушевительное» дрожание членов тела и т. п. Терстеген в такие моменты останавливал свою речь и всячески «утихомиривал» таких экзальтированных слушателей⁶⁶. Ответ автора сводится к тому, что главное в жизни христианина – это его внутреннее богообщение, что экстраординарные духовные явления не составляют существенной и необходимой части этой жизни, что к ним нужно относиться с крайним трезвением (при этом даются и критерии такого отношения), но и не отвергать принципиально, предоставляя окончательный суд Богу. – Впервые трактат появился в третьем издании «Пути истины» 1753 года.

Пятый трактат, «Предостережение от духовной поверхности и беспечности»⁶⁷, является одним из наиболее эмоциональных и быстро написанных текстов Терстегена. Основное его содержание – обличительное (несмотря на то, что сам автор во введении просит не рассматривать своё сочинение как полемическое). Обличение это направлено на последователей графа Николая Людвиг фон Цинцендорфа⁶⁸. В 1722 г. Цинцендорф основал общину, названную им «Гернгут» (Herrnhut – «под защитой Господней»). Её составляли главным образом гонимые от римо-католиков моравские «Чешские братья», к которым впоследствии присоединялись все, кого за неправомыслие изгоняли из «официальных» церквей. Их взгляды на духовную жизнь видны из терстегеновского текста. В известном смысле гернгутеров можно считать родоначальниками современного неопротестантизма с его очень упрощённым подходом к духовной жизни (стоит только уверовать, и дело спасения уже совершено). Такой подход и обличает Терстеген; его трактат представляет собой прекрасный образец полемики «строгого» протестантизма с протестантизмом «облегчённым».

Здесь нужно отметить ещё и следующее обстоятельство. Терстеген, будучи весьма здравомыслящим церковным мыслителем, всегда придерживался того, что

⁶⁶ См. *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 25–26.

⁶⁷ Его восприятие для современного читателя может быть сопряжено с некоторыми трудностями, поскольку этот трактат в наибольшей степени погружён в контекст внутрипротестантских споров (ведущихся с самого начала Реформации) об оправдании и освящении (то же относится отчасти и к I приложению). См. об этом: *Исаев С. А.* Ереси и расколы в раннем лютеранстве. СПб, 2000. См. также прим. 31 к V трактату.

⁶⁸ См. прим. 12.

С. С. Аверинцев называл «принципом лодки». А именно: если человек видит, что все, находящиеся в лодке, сгрудились на одной её стороне, он просто обязан, ради сохранения не только себя, но и всех, кто в лодке, перейти на другую сторону, чтобы уравновесить лодку. Такое стремление к уравниванию, даже посредством противопоставления своих взглядов мнению большинства, заметно в предыдущем, IV трактате, где Терстеген, видя излишнюю «сухость» протестантизма по отношению к экстраординарным духовным явлениям, становится на их защиту – но при этом не забывает подчеркнуть важность и духовного трезвения. «Принцип лодки» особенно ярко проявляется и в настоящем трактате. Когда большинство переходит на сторону «лёгкой веры», Терстеген считает своим долгом обратить внимание на другой аспект христианства – необходимость деятельного исполнения заповедей. При этом, защищая Закон Божий, Терстеген не отрицает исходный постулат протестантизма о спасении только верой и только благодатью, но лишь настаивает на том, что истинное христианство чуждо крайностей, и христианин должен идти царским, средним путём.

Первоначально данный текст появился в виде письма, направленного некоему голландскому адресату (в Рейнской Германии гернгутеры преследовались, в Голландии они существовали свободно) и датированного 19-м июля 1746 г. Очевидно, Терстеген придавал большое значение этому письму, потому что в том же году он переделал его в трактат и опубликовал. В сборник «Путь истины» текст вошёл в 1750 году; в последнем прижизненном издании 1768 г. автор дополнил его тремя приложениями.

Шестой трактат – «О различном понимании того, что́ есть благочестие и преуспеяние в нём» – продолжает тему III трактата. С необыкновенной глубиной и проникновением в суть предмета Терстеген рассматривает этапы и ступени внутренней духовной жизни. Этот текст принадлежит к самым ранним его сочинениям (1727 г.); первоначально он являлся предисловием к книге Жана де Берньера-Лувиныи «Сокровенная жизнь во Христе с Богом», о которой мы уже не раз упоминали. В издании 1768 г. автор снабдил трактат приложениями, из которых наиболее важно и интересно второе – «Краткое изъяснение того, что́ есть мистика». Это фактически последнее (не считая Завещания) сочинение Терстегена, написанное им за полгода до смерти. В нём обстоятельно и систематично разбирается, что означает понятие «мистика» с христианско-церковной точки зрения.

Развитием всё той же темы является и **седьмой трактат** – «Видимость и суть, пустой облик и подлинная сила благочестия, или служения Богу». О времени его происхождения ничего не известно. Впервые он появился во втором издании «Пути истины» в 1750 году. Из § 1 явствует, что первоначально это был отзыв на некое присланное Терстегену сочинение, в котором шла речь о вопросах внутренней жизни. Трактат представляет собой одно из наиболее совершенных, ярких и сильных произведений Терстегена. Выдвинув в начале изложения исходный тезис, автор рассматривает его со всех возможных сторон, всё более и более углубляясь в него. Заканчивается это рассмотрение развёрнутой молитвой.

В 1730 году Герхард Терстеген перевёл на немецкий язык знаменитое сочинение Фомы Кемпийского (ок. 1380 – 1471) «О подражании Христу» (1427). Эта книга, чрезвычайно популярная и любимая в Европе, в оригинале написанная на латыни, многократно переводилась на немецкий и до Терстегена (например, одним из переводчиков в своё время был Иоганн Арндт). Особенность перевода Терстегена заключается в том, что он опустил 4-ю, заключительную книгу «Подражания» (в которой говорится о Таинстве Причащения) как «слишком католическую» и заменил её на небольшой трактат Герлаха Петерсена «Собеседования сердца с Богом» (также перевод с латинского)⁶⁹. Как первые три части «Подражания», так и четвёртую часть – «Собеседования» – Терстеген предварил в своём издании отдельными предисловиями. Впоследствии они вошли в состав сборника «Путь истины» как VIII и IX трактаты.

Восьмой трактат – «Истинная мудрость, или пребывание только с Богом и в самом себе» – на фоне окружающих его чрезвычайно глубоких и сильных VII и IX трактатов представляет собой более ординарный, церковно очень традиционный текст. Интересно здесь то, что во второй части трактата Терстеген настолько удачно подражает стилю Фомы Кемпийского, что у читателя даже возникает сомнение, не является ли это просто цитатами из Фомы. Третья часть посвящена рассмотрению того, чем может и должно быть подражание Христу, если смотреть на внешнюю земную жизнь Спасителя. В качестве краткого приложения к трактату Терстеген даёт отрывок из сочинений одного из подвижников благочестия XV века, лотарингского

⁶⁹ Герлах Петерсен – современник Фомы Кемпийского, принадлежащий, также как и Фома, к «Братству общей жизни» (предреформационное духовно-церковное движение в Германии и Голландии).

отшельника брата Лоренца (Николауса Хермана, † 1691) «О непрестанном пребывании в сладчайшем присутствии Божиим» (средоточие духовной практики самого Терстегена). Более развёрнутое извлечение из творений этого мистика входит в состав трёхтомника «Избранные жизнеописания святых душ».

Девятый трактат – «Краткое наставление, как искать Бога и лица Его». Этот небольшой текст является одной из вершин творчества Терстегена. Как и в предыдущем трактате, здесь говорится о подражании Христу – только уже оно рассматривается как внутреннее усвоение человеком свойств Божиих. В конце трактата Терстеген, описывая плоды этого усвоения, поднимается до прямо-таки экстатических высот. Впрочем, при этом автор остаётся строгим и трезвым евангелистом, так что его экстазм не переходит в излишнюю восторженность (свойственную порой некоторым католическим сочинениям этого рода) и остаётся вполне церковно-традиционным, сопоставимым с экстазмом таких св. отцов, как преп. Макарий Великий или преп. Симеон Новый Богослов.

Десятый трактат – «Совершенный путь истинной любви» – построен подобно IV трактату. Первые две его части – извлечения из предисловий Терстегена к жизнеописаниям Катарины Сиенской и Катарины Генуэзской (10-я и 15-я главы «Избранных жизнеописаний святых душ»); третья часть – письмо, обращённое к некоему пастырю или душепопечителю.

Одиннадцатый трактат – «Братское учительное, увещательное и утешительное послание к обратившимся к Богу душам» – стоит в одном ряду с IV и V трактатами, рассматривающими тему духовной поверхностности и беспечности новообратившихся христиан. Первоначально это было письмо, написанное Терстегеном 30 сентября 1734 года и направленное им и Вильгельмом Хоффманом к духовно близким им людям, проживающим в Бергишской стране. Терстеген предостерегает их, что яркое переживание призывающей благодати, ощутимо касающейся человеческого сердца – только начало христианской жизни; а дальше предстоит длительный и непростой путь. Краткое (но весьма полное и глубокое) описание этого пути и составляет содержание трактата.

Из текста, помимо прочего, видно и отношение обывателей к своим «духовно пробуждённым» согражданам. Оно было весьма отрицательным. Неприятие «духовного пробуждения» со временем всё более увеличивалось и, как мы уже

говорили, привело к запрету в 1740-м году всех внебогослужебных собраний в Рейнско-Рурской области. Как Терстеген предлагает реагировать на такое неприятие, показывает приложение к трактату – «Ободряющее и воодушевительное послание, обращённое к тем же духовно пробуждённым душам в виду угрожающего им преследования». Это ещё одно его письмо, датированное 1737-м годом и направленное тем же адресатам.

Двенадцатый трактат – «О христианском отношении к духовным песнопениям и церковному пению». В 1736 году Терстеген издал сборник песнопений замечательного духовного поэта Иоахима Неандера (1650 – 1680), предпослав ему обширное предисловие, главная тема которого – соотношение внешнего и внутреннего в духовно-церковной жизни. В дальнейшем Терстеген несколько раз переиздавал эту книгу, дополняя её другими песнопениями, в том числе и своими. Последнее прижизненное издание 1768 года получило название «Gottgeheiligt Harfenspiel der Kinder Zion» («Священная арфа детей Сиона»); в том же году Терстеген включил своё предисловие в «Путь истины» в качестве заключительного трактата.

Первое приложение – «Изъяснение некоторых положений о вере, оправдании, писаном слове Божиим и проч.». – результат того самого испытания правоверия Терстегена со стороны прусской оберконсистории в 1754 году, о котором мы рассказывали выше. Конспект с изложением своих взглядов Терстеген впоследствии переработал и расширил и в 1763 г. напечатал, а в 1768 г. присоединил к «Пути истины».

«Изъяснение» состоит из трёх частей. В первой, самой большей части, говорится о вере и оправдании – ключевом понятии протестантизма. Оставаясь в рамках протестантского богословия, Терстеген включает в это понятие всё богатство церковного мистического опыта. Весьма выразительно описано состояние высокого богообщения, которому также находится место в парадигме оправдания («четвёртое оправдание»); такое парадоксальное изложение – находка Терстегена, пожалуй, единственная в своём роде.

Вторая часть, в которой автор, дополняя I трактат, излагает свои взгляды на Священное Писание, носит полемический характер. Полемика эта направлена против

так наз. «естественной религии» и вообще против современных Терстегену идей эпохи Просвещения и «мирской учёности».

Наконец, в третьей, самой краткой части Терстеген касается вопроса об «*ἀποκαταστάσις πάντων*» («восстановлении всего»). Очень интересен подход автора к таким темам: уже в начале «Изложения» он обозначает их как «неважные, не относящиеся к насущнейшим для человека». Здесь мы видим характерную черту богословствования Терстегена – всё направлено только на духовную жизнь, на внутреннее богообщение; а что сверх того, то не имеет существенного значения. Такая позиция, несомненно, помогла Терстегену избежать крайностей реформатского пиетизма, к которому он принадлежал. Его, в отличие от многих других представителей этого религиозного движения, не занимали ни ожидания конца света, ни разные теософские мнения, ни «сепаратистское» создание общины своих сторонников и т. п. Только внутренняя жизнь в Боге была предметом его интереса и заботы.

И об этом замечательно свидетельствует последний текст сборника «Пути истины», **второе приложение** – «Сила любви Христовой». Это единственная из его проповедей, которую сам Терстеген записал и издал, сначала отдельно, а затем и в составе «Пути истины». Зная его равнодушное отношение к записыванию и распространению своих проповедей, можно с определённой уверенностью сказать, что исключение, сделанное им для этой проповеди, было не случайным: с необыкновенной глубиной и всесторонностью здесь раскрывается полнота внутренней духовной жизни, рассматриваемая сквозь призму любви Христовой.

Заканчивая наш обзор, отметим вместе с исследователем жизни и творчества Терстегена К. П. ван Анделем, что хотя все тексты «Пути истины» были написаны в разное время, по разным поводам и не в том порядке, в каком они размещены в книге, Терстегену при составлении сборника удалось достигнуть замечательного единства как по содержанию, так и по форме⁷⁰. И поскольку, как мы уже говорили, «Путь истины» с наибольшей полнотой представляет взгляды автора, то знакомство современного русского читателя с его творчеством лучше всего начинать именно с этой книги.

⁷⁰ См. *van Andel*, стр. 57

Зачем нам всё это нужно?

«Но зачем нам нужно со всем этим знакомиться?» – приблизительно так вопрошали многие православные в комментариях, когда первые варианты переводов трактатов выкладывались на научно-богословский сайт Московской духовной академии⁷¹. – «Что могут нам дать эти тексты инославного христианина? Разве у нас мало своих святых отцов?» – Попробуем ответить на эти вопросы.

Герхард Терстеген, как мы уже увидели, вобрал в себя всё богатство современной ему западной духовно-церковной жизни. В нём гармонично сочетались и дали прекрасный «синтетический» плод 1) реформатский протестантизм – от него у Терстегена трезвость и опора на Священное Писание, 2) пиетизм – отсюда поставление во главу угла не отвлечённого правоверия, но живого благочестия, то есть внутренней жизни во Христе, и 3) квиетизм, определивший основы духовной практики Терстегена. Был открыт Терстеген и католицизму, перенимая опыт внутренне-мистической молитвенной жизни католических святых и подвижников. Но не только это. Терстеген глубоко изучал и хорошо знал творения святых отцов Древней Неразделённой Церкви, высоко ценил монашествующих отцов-пустынников и сам ощущал себя принадлежащим скорее именно к этой Церкви, чем к своей «наследственной религии»⁷². Современные исследователи прямо указывают на сходство молитвенного и душепопечительского делания Терстегена с православием. «Можно с полным правом поставить знак равенства между духовным душепопечительством Терстегена и русским старчеством», – пишет швейцарский учёный Вальтер Нигг⁷³. Крупнейший современный терстегеновед Хансгюнтер Людевиг отмечает: «Через него... в евангелическом пространстве впервые удивительным образом получила распространение "умная молитва" Восточной Церкви»⁷⁴.

Читатель, знакомый со святоотеческим наследием, обнаружит многочисленные совпадения между тем, что пишет о духовной жизни Терстеген и поучениями святителей Феофана Затворника и Игнатия (Брянчанинова) – в том числе о духовной

⁷¹ <http://www.bogoslov.ru/persons/5089899/index.html>

⁷² «Erbreligion» – так сам Терстеген именовал свою принадлежность к Реформатской Церкви. См.: *Alte Lebensbeschreibung*, стр. 53.

⁷³ Walter Nigg. *Heimliche Weisheit. Mystische Leben in der evangelischen Christenheit*. Zürich und München, 1987, стр. 308–309.

⁷⁴ Hansgünter Ludewig. «Mein Leben sei ein Wandern». *Der Weg Gerhard Tersteegens* (в печати), стр. V.

трезвости, о недопустимости образов и воображения в молитве, об избегании видений, откровений, всякого рода «чудесностей» и экзальтаций и всего того, что эти святители связывали с понятием «мистика» (к сожалению, как мы уже заметили вначале, текстов Терстегена они не знали, поэтому судили о западной мистике весьма однобоко⁷⁵). XII трактат «Пути истины» и наставления свт. Феофана о молитве во многом совпадают почти дословно.

«Тем более!», – скажут ревнители православия, – «если совпадают, то никакой Терстеген нам и не нужен. Феофана Затворника разве недостаточно?»

На наш взгляд, недостаточно. Вот несколько причин.

1. В обзоре книги «Путь истины», касаясь III трактата, мы отметили, что этот важнейший текст Терстегена посвящён подробному и всестороннему выяснению того, что́ есть подлинная духовная жизнь и служение Богу. Православное предание чрезвычайно многообразно и богато; содержит оно и то, о чём говорит Терстеген. Наставления мистического характера о внутренней жизни можно найти у преп. Макария Великого, отчасти у свт. Феофана Затворника и у других древних и новых святых. Но если в творениях св. отцов это мистико-этическое учение чаще всего рассеяно в виде отдельных афоризмов, размышлений, указаний и т. п., то Терстеген излагает его внятно, системно и кратко. В этом заключается преимущество терстегеновских текстов перед безбрежным морем святоотеческой письменности.

2. Терстеген специально строит своё изложение так, чтобы всё церковно-институциональное оказалось за скобками. Богослужение для него – это исключительно внутреннее делание христианина (для православных понятие «богослужения» чаще всего сводится к участию в храмовом действе). Терстеген решительным образом концентрирует всё своё внимание только на внутреннем богообщении, и ни о каких внешнецерковных действиях, как обязательном условии для него, не упоминает. Напротив, свт. Феофан существенной и обязательной стороной духовной жизни полагает не только Таинства, но и активное участие во внешнецерковных чинах: выстаивание служб, соблюдение дисциплинарных постов и прочих византийско-обрядовых установлений, совершение множества поклонов и

⁷⁵ См.: Письма о духовной жизни епископа Феофана. М, 1897, стр. 12–13 и др. Творения святителя Игнатия. Т. I, М. 1996, стр. 243–244 и мн. др.

т. д.⁷⁶. На первых порах начального воцерковления всё это вполне может приносить плоды. Однако в дальнейшем такая неременная связь духовной жизни с внешней церковностью не только перестаёт «срабатывать», но порой становится и препятствием к внутренней жизни души во Христе. Здесь мы сталкиваемся с феноменом так наз. «расцерковления» – когда христиане, уже давно проводящие церковную жизнь, исчерпывают для себя многие формы внешней церковности, а современное православное душепопечение не только не предлагает им никакой иной методологии дальнейшей жизни во Христе, кроме постоянного воспроизведения тех или иных приёмов, свойственных лишь начальному этапу церковной жизни, но и объявляет такое «отвращение» человека от служб, постов и тому подобного «искушением» и грубым нарушением порядков духовной жизни, чуть ли не «отпадением от Церкви». Терстеген же пишет об этом, как о неременном и важном этапе внутреннего развития христианина, и даже более того – как о начале подлинной христианской жизни. Такой процесс расцерковления (и выхода из него) блестяще описан в VI трактате и во многих других местах «Пути истины».

3. Немалый вклад в расцерковление вносит отсутствие в православной церковной педагогике должного осмысления Первой заповеди Христа – *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею* (Мк. 12, 30). Православные наставники и проповедники считают началом и основанием жизни во Христе видение своих грехов. Вот образец такого наставления: «Христианская вера – та вера, которая является действенной и действующей силой в человеке – начинается с осознания своих грехов, своего недостойнства. Отсюда рождается покаяние. Только тот человек приобретает правильную веру, который начинает видеть грехи свои»⁷⁷. Несомненно, значение покаяния чрезвычайно велико (Терстеген также настаивает на нём); но началом подлинной духовной жизни является всё же не оно, а «тяготение» к Богу и любовь к Нему, в свете чего человек только и может увидеть своё недолжное состояние и покаяться в нём. И дальнейшее становление и развитие внутренней христианской жизни есть не что иное, как раскрытие и умножение любви к Богу (и как её следствие – любви к ближнему). Но о любви к Богу в нынешнем православии почти ничего не говорится. Ни с амвонов, ни в

⁷⁶ См. Начертание христианского нравоучения Епископа Феофана. М., 1895, стр. 418–423 и мн. др.

⁷⁷ Проф. А. И. Осипов. Аудиолекция. Архив радио «Радонеж», 5.08.2017 (<http://radonezh.ru/radio/2017/08/05/23-00.html>).

частной духовнической практике люди не получают наставления о том, что же это такое – возлюбить Бога, как велит вышеприведённая заповедь. Чаще всего любовь к Богу приравнивается к усердному «хождению в церковь» (а когда это «хождение», этот внешний ритуализм, исчерпывается, то и наступает расцерковление); о внутреннем же содержании этой заповеди ищущий христианин не узнаёт сегодня, скорее всего, ничего. Тексты Терстегена (X трактат и Второе приложение «Пути истины») восполняют этот существенный недостаток.

4. На современного русского православного читателя весьма сильное влияние оказали (и продолжают оказывать) сочинения святителя Игнатия (Брянчанинова). Известно, что свт. Игнатий был решительным противником книги Фомы Кемпийского «О подражании Христу» и крайне резко критиковал её⁷⁸. А поскольку в силу некоторых обстоятельств (требующих отдельного рассмотрения) свт. Игнатий в советское и постсоветское время из всего лишь *одного из* духовных писателей XIX века превратился в какого-то «Отца отцов», чуть ли не олицетворяющего в своих сочинениях пресловутый *consensus patrum*, то его мнение для многих является некоей «конечной инстанцией» православия. Отставив в сторону вопрос о достоинствах и недостатках сочинения Фомы Кемпийского, нужно сказать, что своим гиперкритицизмом свт. Игнатий дискредитировал не только книгу Фомы, но и идею внутреннего подражания Христу как таковую. Православный христианин, искренне желая идти к Богу, но руководствуясь при этом сочинениями свт. Игнатия, саму мысль о сердечном подражании Христу отвергает сходу как «чуждую нам» – и тем самым дезориентирует себя на своём духовном пути, подменяя живое и творческое христианство однобоким аскетизмом. VIII и IX трактаты «Пути истины», всесторонне раскрывая понятие «подражания Христу», исправляют этот очевидный перекокс.

5. Книга Терстегена позволяет высветить не только пастырские, но и богословско-педагогические лакуны сегодняшнего православия. Одной из таких лакун является непроработанность учения о новом рождении свыше, о котором говорится в 1-й и 3-й главах Евангелия от Иоанна и в других местах Священного Писания. В православном представлении новое рождение свыше «автоматически» даётся человеку в результате принятия им (даже и в младенческом, несознательном возрасте) Таинств Крещения и Миропомазания. Более глубокий внутренний опыт убеждает в том, что это не вполне

⁷⁸ См.: Творения святителя Игнатия, т. V. М. 1996, стр. 69, и мн. др.

так. Рождение свыше – процесс, который должен происходить со всяким христианином сознательно. Немного об этом пишет св. Феофан Затворник в своём сочинении «Путь ко спасению»⁷⁹, в частности, когда говорит, что, придя в возраст, крещёный во младенчестве христианин должен сознательно воспринять и обновить те обеты Крещения, которые за него дали крёстные⁸⁰. Но это только одна деталь, и у других св. отцов эта тема не поднимается, да и сам свт. Феофан её не развивает. Терстеген же, следуя общепиетистской традиции, подробно описывает весь процесс нового рождения свыше, подчёркивая, что оно весьма отличается от первого этапа начального покаяния и обращения человека к Богу. Этот процесс имеет вполне определённые признаки, в том числе и прохождение христианина через внутренние испытания и искушения – то самое расцерковление, о котором мы здесь говорим. Православные христиане, попав в ситуацию расцерковления, пугаются, не знают и не понимают, что с ними происходит, не получают пастырской помощи и впадают в уныние, а то и вовсе уходят из Церкви – и всё потому, что истина о новом рождении свыше и о том, что сопровождает это духовное явление, не раскрыта в православном практическом богословии с достаточной ясностью. Тексты Терстегена могут оказать здесь неоценимую услугу.

6. Другая важная богословская вещь – позиционирование веры. Для современного православного сознания характерно отношение к вере, как к чему-то «техническому», раз и навсегда данному и неким образом вынесенному за скобки (здесь имеется в виду не вера как интеллектуальное убеждение в истинности христианских догматов, но вера как непосредственное средоточие внутренней жизни христианина⁸¹). Чаще всего вера «по умолчанию» рассматривается как начало духовной жизни, условие для неё, а суть самой этой жизни полагается в ином – в покаянии, подвигах по очищению сердца от страстей и т. п. (см. приведённые выше высказывания проф. Осипова)⁸². Эта парадигма порождает «аскетику синергии», основанную на принципе «делай внешнее

⁷⁹ Путь ко спасению. Сочинение Епископа Феофана. М., 1899, стр. VII.

⁸⁰ Ibidem, стр. 46–48.

⁸¹ У св. отцов встречается «внутреннее» понимание веры – см., напр. у преп. Исаака Сирина: «Под верою разумею не основание общего всех исповедания, но оную мысленную силу, которая светом ума подкрепляет сердце и свидетельством совести возбуждает в душе великое упование на Бога, чтобы не заботилась она о себе самой, но попечение свое во всем беззаботно возвергла на Бога». Преподобного аввы Исаака Сирина Слова подвижнические. М, 1998, стр. 188. – Но, к сожалению, не это понимание определяет нынешнюю православную душепопечительскую практику.

⁸² Прим. 77. См. также: Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни Епископа Феофана. М., 1892, стр. 167 и др.

- придёт внутреннее; делай человеческое – придёт благодатное». Нельзя сказать, что это неправильно; «аскетике синергии» есть место на начальных этапах духовной жизни. Но нужно всегда иметь в виду, что «аскетика синергии», рассчитывая на то, что те или иные действия человека привлекут божественную благодать, не может быть свободна от «торговых отношений» между человеком и Богом. «Я попоцусь, помолюсь, потружусь, “поозлобляю себя” (термин св. Феофана Затворника)⁸³, а Бог даст мне за это благодать»; «я дам кровь, а Ты, Боже, непременно дай мне дух»⁸⁴. «Аскетика синергии» как бы «заставляет» Бога действовать так, как мы от Него ожидаем. Но в этом случае уже не остаётся места вере – в то время как Бог действует именно в пространстве веры, а не отношений «купли – продажи».

И в этом, собственно, заключается суть проблемы расцерковления. «Аскетика синергии», говоря упрощённо – это когда человек, думая своими силами понудить Бога ниспослать ему благодать, превращает всю свою христианскую жизнь в непрестанную обрядово-аскетическую деятельность. Результатом этого чаще всего является то, что из его отношений с Богом фактически уходит Бог, и человек остаётся один – полагая при этом, что он угождает Богу. Оставшись же только с самим собой, человек попадает в тупик; он годами ходит по кругу, теряет свои духовные силы и не возрастает во Христе. Для дальнейшего движения вперёд наряду с «аскетикой синергии» непременно должна быть «аскетика веры» (более того: «аскетика синергии» должна «перетечь» в «аскетику веры» и замениться ею) – но что это такое, православный христианин не знает, а церковная педагогика его этому не учит.

Но обо всём этом говорит Герхард Терстеген в своих сочинениях⁸⁵. Вера – не только начало и условие, но всё содержание, всё богатство христианской жизни. «Аскетика веры» основывается на 1) детском поставлении себя в присутствие Бога (категория «детскости» очень важна у Терстегена), 2) всецелом предании себя и всего своего, внешнего и внутреннего, Богу в сердечном акте веры и устремления к Богу и 3) предоставлении Ему действовать в нас (из активных усилий самого человека требуется: тщательное хранение себя от греха, возможное отстранение от мирской суеты, «внутри-собрание» и молитва (о ней ниже) и крайнее внимание к действиям Бога в нас, давание в себе места этим действиям и несопротивление им). Православные всего

⁸³ Там же, стр. 451. «Озлобить» (ц.-сл.) – стеснить, ущемить, уничтожить, смирить.

⁸⁴ Известная святоотеческая максима: «Дай кровь и приими дух».

⁸⁵ Озвучивая прежде всего квиетистскую традицию – о чём мы уже упоминали выше, в начале нашего очерка.

этого боятся и отталкивают от себя, считая это «прелестью» и «несмирением», потому что основное занятие христианина, согласно свт. Игнатию – покаяние и видение своих грехов⁸⁶. Но только в контексте «аскетики веры» можно говорить о подлинном покаянии, ибо лишь в детском предстоянии Богу и всецелом «вверении» себя Ему рождается настоящее смирение, в свете которого человек только и может увидеть свою падшесть (а не наоборот). Учением (отсутствующим в православном обиходе) о внутреннем возрастании в христианской жизни и об «аскетики веры» как главном факторе этого возрастания Герхард Терстеген просто незаменим для всех, кто ищет Бога.

7. Тексты Терстегена высвечивают и некоторую «недоработанность» православного отношения к молитве. Несмотря на великое богатство святоотеческих наставлений об этом духовном делании, на практике молитва православных христиан сводится к тому, что они непрестанно что-то говорят Богу, словами или мыслями – и ничего более. Такая молитва лишена двусторонности; никакой «обратной связи» в ней не предполагается (хотя в православной литературе можно найти наставления о необходимости внимания к ответу Бога⁸⁷), а если бы она и возникла, то большинство молящихся со страхом и непониманием отстранились бы от неё. Внешнее храмовое богослужение (мы не имеем здесь в виду Таинства), которое практически приравнивается к богообщению и которое поэтому воспринимается как самоценность, также состоит исключительно из говорения (и пропевания) тех или иных молитвенных текстов – говорения во многом избыточного, а для современных прихожан по большей части и непонятного. Но даже и популярные наставления об Иисусовой молитве ориентируют православного христианина, как правило, на человеческую самодеятельность (о которой мы только что сказали) – на действия по «выжиманию» из себя мыслей и чувств, аскетически ориентированных на далёкого и молчаливого Бога. От Терстегена же мы узнаём об иной, большей, чем сфера «проговаривания», молитве – безмолвном, смиренном и благоговейном предстоянии Живому и близкому нам Богу и вниманию ко всем Его действиям; о непрестанной молитве как повседневном осознанном пребывании в соприсутствии Божиим. Среди православных отцов об этом ярче всего говорил св. Исаак Сирин, но он (а вслед за ним и все остальные духовные

⁸⁶ См.: Творения святителя Игнатия, т. V. М. 1996, стр. 366 и слл.

⁸⁷ См. известный рассказ митрополита Сурожского Антония о старушке, творящей непрестанную Иисусову молитву: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Surozhskij/uchites-molitsja/.

авторы) подчёркивает, что таких молитвенников – «один из многих тысяч»⁸⁸, в то время как в квиетизме и пиетизме это было нормой для масс людей⁸⁹. К этой норме и приближают нас сочинения Терстегена.

8. В заключение отметим, что столь полное проникновение во внутреннюю духовную жизнь, столь глубокий и, несомненно, истинный опыт, стоящий за всеми произведениями Терстегена, решительным образом опровергает расхожее представление многих православных о том, что формальные догматические отличия от православия «автоматически» лишают неправославного христианина подлинности духовной жизни во Христе. Ошибочность тезиса «вне православия может быть только заблуждение» ясно обнаруживается при чтении книги «Путь истины» реформата Терстегена.

Подведём итоги. Ясное изложение учения о внутренней духовной жизни; неинституциональность, которая позволяет человеку любой христианской деноминации, стоящему на любой ступени церковности, прилагать это учение к себе; акцент на двусторонности в отношениях человека и Бога; наставления о любви к Богу, о последовании Христу, о том, что во внутренней жизни на Бога нужно обращать большее внимание, чем на копание в своих грехах; призыв к «детскости» во Христе; подробное раскрытие того, что́ есть «аскетика веры», учение о молитве как непрестанном пребывании в живом сопричастии Божиим – всё это (как и многое другое) не только должно быть интересно православному читателю, но и вполне может стать для него действенным руководством, как не дезориентироваться на христианском пути, как не «расцерковиться» вплоть до ухода из Церкви и как восполнить те отмеченные нами богословско-педагогические лакуны в современном православии, из-за которых столь низок «КПД» сегодняшней духовно-церковной жизни.

⁸⁸ См.: Преподобного аввы Исаака Сирина Слова подвижнические. М, 1998, стр. 62; 104.

⁸⁹ См. об этом: *Heppе, Heinrich. Geschichte der quietistischen Mystik in der katholischen Kirche.* Berlin, 1875 и *Heppе, Heinrich. Geschichte des Pietismus und der Mystik in der reformirten Kirche, namentlich der Niederlande.* Leiden, 1879, во мн. местах.

Несколько слов о переводе

Настоящий перевод осуществлён по следующим изданиям:

1) Weg der Wahrheit, die da ist nach der Gottseligkeit. Sechste verbesserte Auflage. Spelldorf, bei Mülheim an der Ruhr, 1803 (репринт);

2) Weg der Wahrheit, die da ist nach der Gottseligkeit. Stuttgart, 1926.

Кроме того, учитывались размещённые в открытом доступе в сети Интернет электронные версии последнего прижизненного издания «Пути истины» 1768 г. и американского издания 1850 г.⁹⁰.

Примечания во всех трактатах авторские; текст, заключённый в квадратные скобки, принадлежит переводчику. В тех случаях, когда цитируемый Терстегеном источник не найден, в примечаниях даётся только буквальное авторское указание.

Священное Писание приводится Терстегеном в подавляющем большинстве случаев не дословно. Поэтому в нашем издании мы отказались от обыкновенного различения точных и неточных цитат из Писания; даются только простые ссылки.

Переводчик осознаёт, что сложный и достаточно архаичный стиль автора может оказаться весьма тяжёлым для восприятия современного человека. Терстеген мыслит ясно, но излагает свои мысли огромными предложениями и периодами. Где возможно, переводчик старался упрощать текст; далеко не всегда это удавалось. Но тем интереснее духовная задача: те, кому наставления Терстегена необходимы, «пробьются» через стиль – и обретут живительный источник, по сравнению с которым сложности при чтении покажутся малозначащим неудобством. Хотелось бы пожелать этого обретения всем читателям.

⁹⁰

https://books.google.ru/books?id=D-88AAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false;
<https://archive.org/details/wegderwarheitdie00ters>

ПУТЬ ИСТИНЫ,

или

подлинного благочестия

Составлено из двенадцати трактатов

и двух приложений,

написанных по различным поводам,

прежде напечатанных по отдельности,

а ныне собранных

Герхардом Терстегеном

*Я избрал путь истины,
поставил пред собою суды Твои.*

(Пс. 118, 30)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стремящийся к истине и спасению читатель!

Если ты действительно таков, каким я тебя наименовал, то название сей книги обещает дать тебе руководство к тому, что ты ищешь, если ты будешь читать оную со вниманием, в мирном и тихом устроении души. Но поскольку в своём странствии чрез лабиринт мира сего ты, конечно, уже не раз бывал обманут прекрасными названиями разных книг и приведён ими на такой путь, какой не имеет ничего общего с истиной, – то я могу только препоручить Господу, примешь ли ты решение довериться незнакомому тебе человеку, который дерзает по Богу указывать тебе путь истины, и взяться за чтение его книги. Я лишь надеюсь на то, что поиски истины и спасения столь настоятельны для твоей души, что ты готов, ища оные, испытать многое, и посему возьмёшь на себя труд хотя бы просмотреть сии малые странички – не поспособствуют ли они достижению твоей цели.

1. Титул сего сочинения «Путь истины, или подлинного благочестия» должен с самого начала подчеркнуть, что всякая истина, не происходящая из подлинного благочестия, то есть богообщения, и не имеющая целью богообщение, не есть то, чем она именуется, но является или заблуждением, или ложью, или всего лишь мимолётной видимостью или тенью. Поистине, только *познание святого – разум* (Притч. 9, 10).

2. Задумайся над тем, любезный мой читатель, что, когда мы с тобою приблизимся к вратам вечности, то должны будем со всею ясностью увидеть и исповедовать, что ничто недостойно именоваться истиной или познанием истины, если оно не делает нас подлинно благочестивыми, не приводит нас к Богу и к спасению души и не даёт нам уже здесь *многое удостоверение* (1 Фесс. 1, 5) в том, что мы сможем без страха изойти из сей жизни. Всякое другое знание, не посвящённое Богу и богообщению, есть суета – *не насытится око зрением* (Еккл. 1, 8); а произрастающее от сего самообольщение и человеческая слава есть *суета сует* (Еккл. 1, 2), о которой не только в вечности, но и через краткие дни никто не вспомнит, а если и вспомнит, то с сердечною скорбью.

3. Также прими глубоко к сердцу то, что все твои искания истины будут жалкой суетой и напрасной тратой времени и сил, если ты преимущественно пред всем

прочим не будешь стремиться к подлинному благочестию и не положишь *началом* своей *премудрости страх Божий* (Притч. 9, 10). Соломон уверяет нас в этом; и наш Спаситель, Который *больше Соломона* (Мф. 12, 42), возвещает нам, что мы должны стать Его учениками, прежде чем мы сможем познать освобождающую нас истину (Ин. 8, 31-32). Нелицемерное, внутреннее благочестие одно только способно искоренить все наши глубоко проникшие в душу предрассудки, устранить неодолимые препятствия на пути познания истины и чрез общение со Христом и жителство во Христе, Превечном сущностном свете и истине, приобщить нас к подлинному познанию и блаженному вкушению самой истины. Об этом свидетельствует Священное Писание; многие страницы сей книги также указывают на это; но лучшее доказательство сего даёт блаженный опыт.

4. Поставив сочинение о Священном Писании прежде всех других трактатов, я тем самым выказываю своё глубокое убеждение в том, что сия божественная книга есть единственное безошибочное мерило пути истины, то есть богообщения. Чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь в божественном происхождении Библии и её исключительном превосходстве над всеми прочими книгами. Поистине, великая и чудная книга! Неисчерпаемое сокровище всех основополагающих и исполненных силы истин! Где мало внимают сей книге, там не приходится ожидать ничего хорошего; бесчисленные опыты являют нам это с очевидностью. Только да учится всякий правильному отношению к святой Библии, и да не ослабевает в молитве.

5. Во втором трактате подробно говорится о недостаточности и обманчивости падше-природного ума, равно как и о том, что не он, и не усилия нашего активничающего рассудка, есть, собственно, средство и путь, дающие нам познание Бога и Его истины; но что истина, как Божий благодатный дар, приемлется *свыше, от Отца светов* (Иак. 1, 17)¹, и что мы соделываемся способными принять сей дар только чрез подлинное благочестие и молитву.

6. Далее, в третьем и четвёртом трактатах, описывается само сие благочестие, как основание и цель всякого познания истины, при чём сущностное в благочестии отделяется от привходящего и случайного. В пятом, шестом и седьмом трактатах это различие сущностного и второстепенного рассматривается более подробно; также говорится о всевозможных ошибках и недоразумениях на пути благочестия и указывается, как избежать их. В восьмом и следующих за ним трактатах даётся

¹ «Открыл, наконец, Бог глаза человека и оказал милость Свою, явив ему истину». Лактанций, книга I, гл. 1 [см: Лактанций. «Божественные установления». СПб, 2007, стр. 33-34].

краткое руководство к доступному всем сердечному деланию подлинного благочестия и, как следствие сего, опытному вкушению истины.

Хотя первоначально под титулом «Путь истины, или подлинного благочестия» были изданы только первые три трактата, но я полагаю, что сие именование может быть с не меньшим основанием приложимо и к дополненному последующими трактатами сборнику.

7. Как уже сказанное, так и само содержание книги показывает, что я написал сии сочинения не в одно время и не в том порядке, в каком они изданы. Чаще всего это были либо предисловия к изданным мною книгам других авторов, либо письма, кои впоследствии, частью с моего ведома, частью без оногo, были напечатаны здесь и там. Ныне же, следуя пожеланию друзей, я издаю сии писания вкупе, как это уже произошло с различными моими сочинениями на других языках².

Цитаты, извлечённые из некоторых авторов и приводимые в первых изданиях на латыни, переведены в сем последнем издании, ради широкого круга читателей, на немецкий язык.

Господь силою Духа Своего да отверзет сердца читателей сему свидетельству Своей истины, чтобы Сей неложный Учитель (Ин. 14, 26) Сам наставлял нас на путь Божий (Пс. 85, 11), дабы мы свято и непорочно ходили в Его истине (3 Ин. 4), ожидая блаженного упования (Тит. 2, 13) жизни вечной! Аминь.

² [Для современного читателя переводчик рекомендует следующий порядок чтения трактатов: 1) о богообщении и путях духовной жизни – VI, III, VII, VIII, IX, X и II приложение; 2) богословие, гносеология, церковно-практические вопросы – I, II, I приложение, XII; 3) характеристика эпохи Великого духовного пробуждения; полемика в рамках этого явления – XI, V, IV.]

Трактат I

Руководство к истинному разумению и душеполезному применению Священного Писания

*Открой очи мои,
и увижу чудеса закона Твоего.
(Пс. 118, 18)*

ВВЕДЕНИЕ

К взыскующему истины читателю

Сие краткое сочинение о Священном Писании, выходящее ныне с некоторыми дополнениями в свет, первоначально было написано и сделалось известным как предисловие к изданию одной из немецких Библий, при чём не имелось в виду ничего большего, как только послужить тем, кому сия Библия попадёт в руки. Но поскольку предисловие это широко распространилось и было отдельно напечатано не только по-немецки, но и по-голландски, и все экземпляры были распроданы, а ныне многие вновь желают видеть его издание на немецком языке, – то я увидел в этом руку промысла Божия, коему и предаю как себя, так и моё сочинение, со смиренным упованием и молитвою, да осенит его Бог Своим благословением и да восполнит всякий его недостаток Своим благодатным помазанием в сердцах читателей.

Содержание и цель сего сочинения заключается в следующем:

В первой главе указывается на авторитет Священного Писания и на должное благоговение, какое всякий обязан питать по отношению к нему. Этим, с одной стороны, среди прочего, может быть исправлено пагубное заблуждение тех, которые, будучи преисполнены духовной гордости и высокомерия, под надуманными предлогами «высокой духовности» относятся к писаному слову Божию свысока – к расстройству и вреду неопытных душ. Как говорит некий богонаученный муж: «Всем тем, кои не принимают таковое благодеяние и дар Божий с подобающим благоговением, надлежит пожелать, чтобы они учились почитать слово Божие (равно как и другие благодатные средства) надлежащим образом, не умаляя Писание по природной своей гордости, своенравию и высокоумию, как будто они уже далеко превзошли его; но уразумевая, что они, может быть, ни единой ещё и буквы божественной истины не поняли по силе её, не говоря уже о том, чтобы возыметь живой её опыт»¹.

С другой стороны, этим может быть обличена и бесчинная клевета других, которые обвиняют в непочитании Писания христиан, настаивающих на необходимости внутреннего опытного просвещения и освящения и, исходя из сего, возвышающих свой голос против превратного толкования и неправильного применения Писания. Именно

¹ Готфрид Арнольд. Заблуждения и распутья. Книга 1, гл. 9. [Примечание автора. В квадратных скобках – примечания переводчика.]

таких христиан и укоряют в том, что они принижают значение писаного слова Божия или и вовсе отвергают его, – каковое подозрение совершенно безосновательно и исходит из сердец, лишённых любви. Ибо очевидно, что души, чрез Священное Писание идущие ко Христу, дабы в Нём обрести жизнь (Ин. 5, 39), относятся к Писанию с несравненно бóльшим благоговением и почерпывают в нём стократно бóльшую пользу, нежели все те, кои, похваляясь внешним знанием Писания, внутреннюю его суть отвергают, и, держась за букву Писания, не видят чрез неё, как им придти к внутреннему познанию Христа и общению с Ним. Но не значит ли это обольщаться шелухой, а на плод не обращать внимания?

Как, вопреки сему представлению, просвещённые души всегда настойчиво предостерегают от пренебрежения словом Божиим, можно подтвердить очень многими свидетельствами. Процитируем только одного писателя, высоко чтимого самим Лютером, слова которого могут послужить вышеназванным клеветникам во вразумление, а гордецам, упомянутым перед ними, в обличение. «В духовном превозношении, – говорит автор “Немецкой Теологии”, – диавол внушает человеку, чтобы он видел себя уже взошедшим на самую высоту и приблизившимся к Богу и уже более не нуждающимся впредь ни в Писании, ни в Законе, ни в тех или иных благодатных средствах, так что якобы он уже стал не зависящим ни от чего. Но где нищета духа и подлинное смирение, там бывает совсем по-другому»².

Во второй и третьей главах говорится о том, как всякий верующий христианин и без обременения себя человеческой учёностью может беспрепятственно достигнуть правого понимания Священного Писания, а вместе с тем познания Бога и разумения истины. Я думаю, что если бы постижение Писания искалось на таких путях и при помощи таких средств, на которые указывается в сих главах, то христианство не было бы столь колеблемо и расстраиваемо многочисленными заблуждениями, спорами, делениями и лжеучениями. Однако это может показаться тем, кто настроен по пелагиански³, равно как и тем, кому знание Писания стоило больших денег за учёбу и усилий ума, не чем иным, как чудачеством. Гордая наша падшая природа хочет всё своё приобретать и покупать сама, а не испрашивать у Господа Бога, ожидая всего только от Него. Ту истину, что Бог Святым Своим Духом должен просветить нас, *дабы мы узрели чудеса из закона Его*, и проч. (Пс. 118, 18), падший человек ещё может

² «Theologie deutsch», гл. 23, 24. [«Theologie deutsch», «Немецкая теология» – анонимный трактат XIV века, оказавший сильнейшее влияние на всё развитие европейской, в т. ч. и немецкой протестантской мистики. Им был чрезвычайно увлечён молодой Лютер, издавший его под своей редакцией в 1516 и 1518 гг.]

³ [То есть тем, кто стремится достичь спасения своим умом и своими делами, а не по благодати Божией.]

признать, и даже обратиться к ней в повод для молитвословия перед чтением Священного Писания и размышлением над ним. Но сосредоточиться только на вразумляющей благодати в сердце, посвятить всё своё время внутренней сердечной молитве и собиранию чувств в тишине, подвизаясь при этом самым решительным образом в самоотвержении и тому подобном, и затем при входе во врата Премудрости, по слову её (Притч. 8, 34), неизвестно сколько ждать, что и когда изволит Бог дать нам уразуметь – это для большинства будет, конечно же, крайне неудобным, и, в лучшем случае, досадно долгим окольным путём и потерей времени. Ведь можно было бы (как думает человек в своём ослеплении) вместо всего этого прочитать множество прекрасных книг, имеющихся в таком изобилии, и с их помощью гораздо легче и быстрее прийти к цели. Только, любезный друг, будь уверен в том, что при своей природной слепоте ты, употребив и всё старание, в наилучшем случае получишь лишь зыбкую, неверную и мёртвую тень истины, черновой её набросок – чем твоя душа никогда не насытится и не освятится. Чрез указанные же в сих главах пути и средства, которые на самом деле гораздо короче и легче, чем все твои труды, ты сможешь, по Божией благодати, сущностно познать и вкушать саму истину, к спасению и всецелому довольству твоей души.

Наконец, в четвёртой главе даются некоторые простые наставления, как именно надлежит читать, уразумевать и применять Священное Писание на благо души. Целью всех этих наставлений, если сказать вкратце, является то, чтобы мы, недолго задерживаясь на внешнем, на образах, искали в Писании только пользы, питания и исправления своей души, пребывая внутри самих себя в безыскусной простоте. Тогда сможем мы увидеть, как посредством внешнего слова отворяется наше сердце сущностному Слову Божию, Иисусу Христу, и как сие Слово являет нам Себя в обличении, научении, утешении, запечатлении той или иной истины в душе, внутри-собрании духа воедино и в других божественных действиях, ведущих нас к тому, чтобы мы без всякого прекословия дали в себе место сему Слову, последовали Ему в вере и таким образом могли всё больше и сущностнее приближаться к Нему и иметь жизнь в общении с Ним – на что и направлено всё Писание.

О сладчайший Иисусе! да воздастся Тебе наша смиренная благодарность за драгоценный дар Твоего писаного слова, ниспосланного нам, падшим творениям, с небес чрез избранных посланников Твоих, дабы паки призвать и обратиться нас к Себе, к общению с Тобою в Духе и любви! Отверзи же наши сердца, Господи, да внемлем, услышим и научимся всему этому от Самого Отца (Ин. 6, 45) и так придём к Тебе! Аминь.

Глава первая.
О подобающем благоговении,
какое надлежит нам иметь пред Священным Писанием,
и о том, как мы должны относиться к нему

1. Во веки веков не сможем мы в должной мере отблагодарить Бога, бесконечно благого Человеколюбца, что Он чрез Свои избранные орудия, Пророков и Апостолов, изволил дать нам Своё писаное слово, сие неоценимое сокровище, которое и доселе, вопреки всяким ухищрениям и действиям царства тьмы⁴, сохраняет для нас дивным Своим промыслом. Но уразуметь это может только тот, кто со страхом Божиим созерцает высокую и святую конечную Его цель, какую Он желает осуществить посредством сего благодатного дара и спасительного средства – а именно: вновь обратиться к Себе падшего человека и, как на помочах, привести его к Самому Себе, к внутреннему и вечному единению и общению с Собою в Иисусе Христе.

2. То, что человек в его нынешнем нечувствии, расстройстве и глубокой тьме не в силах достичь этого без руководства и вспомогательных средств со стороны Бога, никто отрицать не может. Но из такого состояния падшего человека необходимо следует и то, что сему божественному руководству надлежит быть не только непосредственным и внутренним, но также одновременно и внешним. Падший человек не только в своих чувствах, мыслях, сердечных стремлениях и любви горестным образом отвратился от Бога и от самого себя во внешнее, так что теперь он раздроблен и множествен; но и по внутреннему человеку в силу непрекращающегося действия и калейдоскопического движения многообразных желаний, вожделений, страстей, своеволия, самолюбия и тому подобного он пребывает в ужасающем беспокойстве, разорении, головокружении и опьянении. Очевидно, что пока дело обстоит таким образом, человеку совершенно невозможно воспринять Самого Бога

⁴ Достаточно посмотреть только, как по наущению злого врага гонители Церкви во всякое время тщились хитростью и насилием повреждать и уничтожать книги Священного Писания, – подобно тому, как во времена Маккавеев Антиох Епифан велел разыскивать, разрывать и сжигать книги Закона и предавать смерти всех, у кого их находили (1 Мак. 1, 56-57). То же самое происходило во времена первых христиан, например, в гонение Диоклетиана, начавшееся в 302-м году, когда против книг Св. Писания ополчались с не меньшей яростью, чем против самих исповедников Христа. Библию с ужасными угрозами требовали выдавать, её разыскивали и публично сжигали на площадях руками палачей, к великому огорчению верующих. Каким же благом должно быть то, чего так боится и ненавидит сатана! Итак, если мы размыслим о том, как Бог особым Своим промыслом вопреки всему сохранял Своё писаное слово; как многие мученики проливали кровь, желая лучше отдать на сожжение своё тело, чем книги Св. Писания, о чём с немалой пользой для души можно прочитать в мученических актах (Ruinart, Acta Martyrum, p. 355, 382, 406, 409), – то невозможно будет не восчувствовать великое благоговение пред сей божественной книгой и не убедиться, что Бог несомненно связывает с ней нечто чрезвычайно важное для спасения наших душ.

(Который есть простая и духовная сущность) и различить непосредственный голос Его Духа (который слышится только в глубочайшей тишине) без помощи некоего внешнего руководства⁵.

3. Бог должен снизойти к падшему человеку, чтобы он мог быть воздвигнут и возвышен к общению с Ним. Бог должен говорить с разорённым и распахнутым наружу человеком так, чтобы тот услышал и понял Бога – то есть внешне, образно, я бы сказал, громогласно, дабы человек был ошеломлён этими сильными звуками и ими приведён к молчанию и вниманию себе. Тогда он сможет воспринимать и различать в своём сердце и совести движения божественной благодати; и если он верно последует за ней, то она поведёт его за руку и приуготовит к подлинному просвещению и богообщению в Духе. Тогда только он с великим изумлением и радостью увидит и познает прекрасное согласие сущностного и вечного Слова Божия с писанным словом в книгах Священного Писания.

4. Задумаемся над этим глубже, и мы сможем легко увидеть, как надлежит нам правильно относиться к сей божественной книге, верно понимать её и применять на пользу души.

Священное Писание есть *1) всегда пребывающее неложное возвещение об истинном Троицином Боге и Его действиях*, обличающее всех неверующих и неправо верующих⁶. О Боже! в какой густой тьме неведения, заблуждения, идолослужения и безбожия живут все те народы, которым не светит Твой свет! Но сколь безответнее наша неблагодарность, когда мы имеем сей свет – и не принимаем его; когда мы пользуемся им – но не следуем ему! Это возвещение Ты, Господи, влагаешь в наши уши, поставляешь пред нашими очами и даёшь нам в руки – а мы всё равно забываем Тебя и живём в мире сем безбожно, как прочие народы (Рим. 2, 21)! Отвержи же нам очи, Господи, дабы мы не только познавали Тебя как Бога из слова Твоего, но и прославляли Тебя (1 Кор. 6, 20), служа Тебе, как Ты заповедуешь нам в Писании – *в духе и истине* (Ин. 4, 24), с искренним, чистым, преданным Тебе сердцем!

⁵ «Люди, желая того, что вне их, становятся изгнанниками из отечества сердца своего. Поэтому им и даётся писанный закон – не потому, чтобы он не был написан на скрижалях их сердец, но чтобы ты, изгнанник из самого себя, мог быть объятим Тем, Кто повсюду, и вновь вернуться внутрь самого себя. Посему, что возглашает писанный закон к тем, кто оставил закон, начертанный в сердцах их? “Возвратитесь, преступники, в ваши сердца!”». Августин, толкование на Псалом 37-й.

⁶ Часто можно слышать о разночтениях в Священном Писании (когда в одной древней рукописи иногда стоит одно слово, а в другой – другое). Безбожный ум всегда заключает отсюда, что раз так, то и всё в Писании недостоверно и ложно, что, конечно, смущает и вводит в заблуждение неутверждённые и слабые души. Здесь надлежит с несомненностью уверить их, что почти все эти разночтения касаются маловажных вещей и ни в какой мере не затрагивают и не затевают сущностных истин веры, но, наоборот, лучше освещают и подтверждают их (в чём можно убедиться, читая новейшие исследования, посвящённые библейскому тексту).

5. Священное Писание есть 2) *запечатленный Закон Божий, единственное безошибочное мерило и зеркало нашей жизни*⁷. О, как необходимо падшему сердцу сдерживаться строгим послушанием столь святому Закону, чтобы чрез постоянное прорывание грехов и пороков оно не дичало всё больше и не делало свои узы всё более тяжкими! Как целительно и драгоценно божественное нравственное учение и правила жизни, запечатленные в сей Книге, возвещающей и указывающей нам прекрасный путь благочестия и добродетелей – путь, по сравнению с которым всякие поучения мудрецов мира сего есть лишь разметаемая ветром мякина! Как убеждает нас зеркало слова Божия в нашем бедственном положении, когда мы с сердечным благоговением поставляем себя перед ним! Будем же постоянно покорять себя сему божественному Закону, и не следовать более закону греха (Рим. 7, 25). Будем соразмерять нашу жизнь только с сим мерилом, а не с обычаями мира сего и не с требованиями падшей природы. Будем внимательно всматриваться в сие зеркало и не забывать, каковы мы (Иак. 1, 24), но всё более и более вникать в совершенный закон свободы (Иак. 1, 25), который есть любовь. Итак, Господи, да будет *слово Твоё светильником ногам нашим и светом на путях наших* (Пс. 118, 105)!

6. Священное Писание есть 3) *возвещение спасительного совета Божия и благовествование единственного Посредника для нашего искупления и спасения*. Из Писания бедный погибающий грешник узнаёт о Спасителе Иисусе и об оставлении грехов, которое совершается только о имени Его (Деян. 4, 12); а вне сего благовествования он во веки веков не смог бы и помыслить о том⁸. Слово Божие открывает и предлагает человеку истинную веру во Христа – как надлежит ему в покаянии прибегнуть к Иисусу и, *отвергнув себя самого* (Мф. 16, 24) и *всё, что в мире* (1 Ин. 2, 16), предать своё сердце чистому действию Его Духа, чтобы совершенно умириться, освятиться и соединиться с Богом, и чтобы таким образом Божий свет,

⁷ Сей запечатленный во внешних словах Закон Божий должен быть впечатлен в нас, то есть написан в наших сердцах Духом Святым. Св. Дух должен породить в нас и привести в действие те мысли, чувства и расположения, какие требует от нас Закон; а иначе как Ветхий, так и Новый Завет останется для нас только мертвящей буквой. Ибо поскольку Закон призывает нас к внутреннему послушанию Богу, а мы во всём находим себя нарушителями этого повеления, то Закон решительно возвещает нам проклятие, смерть и осуждение. Это поражает сердце страхом, печалью и отчаянием и только усугубляет мучительное пребывание человека в своей греховной смерти и бессилии. Но с нашим неизменённым сердцем бесполезно ревностно браться за исполнение заповедей Писания, рассчитывая на собственные силы; поэтому все требования Закона должны нас только привести к Иисусу, чтобы мы предали себя Ему со смиренной верой и прилепились к Нему, дабы Он обновил и изменил наше сердце и Сам совершил в нас требуемую Законом правду (Рим. гл. 8).

⁸ Закон о добре и зле неким образом запечатлен во всякой человеческой совести, как о том говорится в Послании к Римлянам, гл. 2. Но Евангелие, то есть познание единственного средства для искупления грехов и для спасения чрез истинную веру и единение с Иисусом, даётся только из божественного откровения. Это драгоценное слово благовествования Бог изрёк в Писании *однажды*; мы же с Давидом должны *дважды*, то есть повторно, *услышать его* (Пс. 61, 12) в своём сердце, если мы хотим истинно понять и вкусить его.

любовь, мир, радость и жизнь вечная могли не только там, но уже и здесь исполнить его душу, к вечному прославлению Бога. Не является ли это поистине *славным благовестием блаженного Бога* (1 Тим. 1, 11), драгоценным словом, достойным всякого принятия (1 Тим. 1, 15)? И если мы *вознерадеем о толиком спасении* (Евр. 2, 3) и *отвергнем волю Божию о себе* (Лк. 7, 30), – то куда мы убежим (Пс. 138, 7)?

7. Священное Писание есть 4) *освящённое и благословенное Богом средство*⁹ к *духовному пробуждению человека и укреплению его в истинном благочестии; руководство на пути к Богу*. Не бывает ли нередко так, что Святой Дух берёт какое-либо изречение Писания и пронзает им наше сердце, как острой стрелой (Пс. 44, 5), так что весь человек подвигается и изменяется от сего? Не вливается ли иногда то или иное слово Писания в угнетённую или искушаемую душу как некий бальзам, который умягчает и исцеляет все её скорби и делает её радостной и дерзновенной в Господе? Священное Писание благодатью Божией врачует раны сердца и совести и вразумляет и успокаивает нас несравненно больше, чем все книги, убеждения и доказательства человеков (Пс. 18, 8-9; 118, 99). Чрез Священное Писание Превечный Бог призывает и влечёт расточённую вовне душу к благоговейному вниманию к Своим действиям в нашем внутреннем человеке, дабы душа искала и находила в своём сердце Его Самого и Его сущностное Слово и внимала Ему, в чём только и состоит жизнь вечная (Ин. 5, 40). Поэтому *мы хорошо делаем, что обращаемся к сему свету, сияющему в тёмном месте, доколе не начнёт рассветать день и не взойдёт утренняя звезда* (Сам Иисус) *в сердцах наших* (2 Петр. 1, 19).

8. Священное Писание есть 5) *точнейшее описание, изображение и предызображение путей Божиих, какими Он вёл, ведёт ныне и будет вести до конца времён Свою Церковь как в общем, так и касательно каждого верующего в отдельности*. Писание есть как бы некий универсальный календарь, истиннейшая и первейшая церковная история, простирающаяся до конца мира и исполненная жизнеописаний святых. Но повествования Священного Писания – это не просто внешняя история; все они означают и нечто большее (Гал. 4, 24). Всё, о чём повествует Писание, происходит снова и снова, если не внешне и по букве, то

⁹ Священное Писание есть наилучшее и самое распространённое средство для обращения человека, его духовного пробуждения, укрепления и т.д. Но это не должно пониматься так, как будто Бог не может или не изволит действовать также и чрез другие средства, да и вовсе без средств. Бог нигде в Священном Писании не обязался действовать только так, а не иначе; также не связал Он себя никакими человеческими постановлениями. Его Дух дышит, где и как Он хочет (Ин. 3, 8). Не всегда есть возможность ходить в церковь или иметь в руках Библию – и однако это нисколько не препятствует богообщению. Многие праведники получают научение, утешение и укрепление от Бога, не думая в тот момент о словах Писания, – хотя всё, совершающееся с ними, наиточнейшим образом согласно с Писанием, и всегда будет согласно.

внутренне и по духу; и жизнеописания, слова, дела и страдания святых должны вновь найти своё осуществление в нас (Рим. 4, 23-24). И так будет до тех пор, *доколе не прейдет небо и земля: ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится* (также и в нас) *всё сие* (Мф. 5, 18).

Господи Боже, даруй нам, да поклонимся сей глубине премудрости Твоей! Научи нас быть духовными людьми, дабы мы могли смотреть на всё и судить обо всём духовно (1 Кор. 2, 14)! Сам действуй в нас Своею благодатию так, чтобы слово Твоё исполнялось как вне нас, так и в нас!

9. Священное Писание, наконец, есть *б) постоянное засвидетельствование нашего внутреннего опыта*. Никто не ниспадает столь низко, и никто не возносится столь высоко в благодати, чтобы он не нашёл в Писании свидетельства о себе; именно поэтому, собственно, никто и не может превзойти Писание. О Боже! как укрепляет и радует всякую душу то, когда она, просвещаемая Духом, видит, что в Писании содержится именно та истина, именно те слова, описывающие именно то состояние, которое она внутренне переживает сейчас или пережила в прошлом! Особенно после тяжких страданий и испытаний, когда во время скорби душа совсем не могла найти себя, – о! сколь утешительно звучит для неё: *так написано, и так надлежало тебе пострадать и воскреснуть* (Лк. 24, 46), как некогда было сказано о Христе. Да, душа иногда может и через внутреннее помазание Святого Духа, во внутреннем извещении от Бога, увериться в несомненной истинности своего опыта; тем не менее необыкновенно полезно и радостно, когда и свидетельством Писания подтверждается, что это *научение от помазания истинно и неложно*, так что в нём только и нужно *пребывать* (1 Ин. 2, 27). Спорящие друг с другом церковные партии ищут в Писании свидетельств и доказательств, которые подтвердили бы их особенные концепции и мнения, что чаще всего более вредит, нежели способствует выяснению сущности христианства. Ах! если бы мы с такой же ревностью испытывали, соответствует ли тому, о чём говорит Писание, наше духовное состояние и опыт, вся наша жизнь!

Итак, отсюда видно, как мы должны воспринимать Священное Писание, и с каким благоговением относиться к нему. Исследуем же теперь, как нам право понимать и с душевной пользой применять Писание, что для нас, собственно, и является главным.

Глава вторая.

Необходимый, всеобщий и безошибочный путь к просвещению души и правому разумению Священного Писания

1. Прежде всего надлежит с определённой ясностью сказать, что для истинного разумения Священного Писания (равно как и для познания Бога и всех божественных истин) требуется только одно средство. Это средство двойко: со стороны Бога – Его благодатное просвещение, а со стороны человека – соответствующее состояние духа, позволяющее воспринять это божественное просвещение. Мы не можем видеть без света; также не можем мы видеть без открытых и обращённых к свету очей. По падшей природе ни того, ни другого у нас нет – мы ходим во тьме и есть сама тьма (Еф. 5, 8): *бог века сего ослепил ум неверующих, чтобы для них не воссиял ясный свет Евангелия* (1 Кор. 4, 4). Господь Бог должен *озарить наши сердца* (1 Кор. 4, 6); Он должен дать нам *просвещённые очи ума* (Еф. 1, 18), без чего мы не увидим *чудеса от закона Его* (Пс. 118, 18).

С теми, кто отвергает эти и другие многочисленные свидетельства Писания о слепоте и повреждённости человеческого ума в духовных вещах и неперемнной необходимости благодатного просвещения от Бога, мы спорить не будем: *здоровые не нуждаются во врачах* (Лк. 5, 31). Тем же, кто умозрительно соглашается с этим учением Писания, а на практике идёт прямо против него, мы скажем здесь несколько слов, насколько нам позволит место, о верном и неверном употреблении нашего ума и собственных усилий в деле познания истины.

Ум непросвещённого человека, если он жаждет узреть Бога и ясный свет Евангелия, должен вести себя подобно слепорождённому, который хочет узнать, что такое дневной свет. Рассмотрим образ его действий: он слушает со всем вниманием, как говорят о свете; он слагает всё, сказанное ему, в своей памяти; наконец, он составляет себе некое представление и понятие о свете, вплоть до того, что может говорить о нём так же хорошо, как и зрячий человек. Однако если по этой причине он стал бы думать, что имеет точное знание о свете, то не отнеслись бы мы к нему с сожалением и состраданием? Но не именно ли так поступают люди в большинстве своём, желая познать Бога и Его истину? Они берутся за дело, заставляя свой ум работать не в своё время и не на своём месте; они с великим старанием, употребляя всевозможные способы, предаются изысканиям и рассуждениям; они составляют себе тысячи образов и представлений о Боге и божественном, – и считают получившиеся у них самоизмышлённые формы знания и неопределённые образы подлинным и правым

познанием истины, необходимым и полезным всякому верующему. О, какая слепота! Не лучше ли было бы, чтобы сей слепец (наш непросвещённый ум), если только он ещё в состоянии воспринимать советы, после того, как он узнал от зрячих людей, что есть такой прекрасный и радостный свет, в котором можно видеть столь много чудесных вещей, а он – бедный слепец, лишённый всего этого; но существует врач, который непременно сделает его зрячим, и т. д., – итак, говорю я, не лучше ли было бы, если бы сей слепец, после того, как он получил общие понятия о свете, сразу обратился бы к врачу, и, вместо того, чтобы продолжать держаться за свои неопределённые и неверные представления, смиренно предал бы себя ему и, следуя его советам, в простоте ожидал бы выздоровления? И не разумно ли было бы, чтобы, когда сему слепцу уже открылся слабый, мерцающий свет, так что он *видел бы проходящих людей, как деревья* (Мк. 8, 24), – он не сразу счёл бы себя зрячим, полагая, что может уже оставить врача и его лекарства, но с тем бóльшим смирением подчинился бы врачу, и даже не слишком пользовался бы своим только начавшимся зрением, пока не достигнет полного выздоровления? Не познал ли бы он тогда свет, как он есть, без всяких своих усилий и ломания головы, не испытал ли бы на опыте его подлинное действие, и, если нужно, не смог ли бы возвестить другим, что он видит собственными глазами? Смотри 1 Ин. 1, 1-5. Приложение сказанного к нашему предмету легко сделать каждому.

Итак, несомненно: великое неразумие – искать познания Бога и Его истины чрез действие ума. Ведь не только слепой, но и зрячий человек не может увидеть дневной свет или достичь полного его восприятия только учёбой и работой головы; что же говорить о божественных вещах! Поэтому не стоит так много загромождать свою голову; наоборот, нужно освобождать её от всех образов, вложенных в неё прежде. Окна нашей души слишком пёстро и плотно разрисованы; это препятствует свету. Мы слишком много занимаемся своими игрушками в голове и, увлекшись ими, не думаем о том, чтобы дать в себе место вечной истине, которая столь желает просветить своим светом наши сердца.

Но вернёмся к нашему изложению, и рассмотрим те пути, которые ведут к божественному просвещению и познанию Божией истины.

2. Это просвещение совершается не сразу, не в один раз, но поступенно, сообразно свойствам и способностям души. Точно так же и Писание понимается не сразу, но по мере благодати и просвещения, и никак не больше этой меры. Первое просвещение, или свет благодати (воздействующий всегда как на чувства, так и на ум, и на первые больше, чем на второй), есть предваряющая благодать; её не

обуславливает ни наше достоинство или недостоинство, ни какое бы то ни было приуготовление с нашей стороны. Благодать есть благодать: плод заслуги Христовой. *Свет во тьме светит* (Ин. 1, 5). Действует она так: Бог даёт читателю и слушателю Писания некий начальный слабый проблеск Своего света, чрез что человек, большей частью в самых общих чертах, ещё сбивчиво и неясно, начинает видеть, что именно хочет сказать ему Бог в Своем слове – именно то, что он *несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг* (Откр. 3, 17), падшее существо, достойное вечного осуждения; и что он должен покаяться, отвергнуться себя и обратиться к Богу. Всё это человек понимает только в самом первом приближении, и иногда очень поверхностно – по той причине, что он совсем ещё плохо знает, что Дух Божий вкладывает в понятия «покаяние», «самоотвержение», «обращение», «вера», «освящение» и т. д., хотя он может думать, что всё понимает. Чтобы разуместь Писание больше и глубже, ему необходимо дать в своём сердце место просвещающей благодати Божией, и (с её же помощью) стараться устранять все препятствия для неё, дабы таким образом придти в то состояние духа, в котором свет Божий всё живее и сильнее познавался бы во внутреннем человеке.

3. И здесь пришло время рассмотреть, какие средства мы должны употреблять с нашей стороны для истинного просвещения, а вместе с сим и правого разумения Священного Писания.

На *первое место* мы по достоинству ставим *смиренную молитву*. Она состоит в следующем: прежде всего душа искренно смиряется и умолкает пред вышеописанным всеобщим светом и действием предваряющей благодати и даёт ей в себе место: *говори, Господи, ибо слышит раб Твой* (1 Цар. 3, 10). При этом она познаёт свою немощь и то, что прежние её понятия, мысли и суждения о Боге, о Его воле и Его путях были совершенно темны, недостаточны и неподобающи: *я был невежда и не разумел; как скот был я пред Тобою* (Пс. 72, 22). Затем душа, несколько осветившись восходящим в ней светом, внутреннейше обращается к Богу, от Которого сей свет исходит, и как бедное неразумное дитя, всецело предоставляет Ему своё сердце и ум, с сердечным желанием и жаждой, чтобы Он просветил её Святым Своим Духом, чтобы Сей Дух действовал в ней, и чтобы при чтении или слышании Священного Писания Бог впечатлевал ей в сердце смысл и силу Своего слова, насколько это нужно для её пользы и прославления Бога, искренно стремясь единственно к тому, чтобы только исполнять волю Его: *Господи! что повелишь мне не только знать, но и делать?* (Деян. 9, 6).

Если душа возьмётся таким образом за сие молитвенное дело, насколько это для неё возможно, то Бог непременно ответит на её молитву бóльшим светом и бóльшим

напечатлением в ней Своей истины, в ту меру, в какую душе на данное время это необходимо и полезно. Если душа продолжит идти этим путём, всё более обращаясь к Богу указанным образом, то Бог в ответ на её стремление преумножит в ней Свой свет, так что она сможет всё яснее и лучше видеть как свою нищету и падшесть, так и преизобильное богатство Бога и Его истин. И так, *от славы в славу* (2 Кор. 3, 18), душа всё время будет восходить дальше. Посему никто да не сочтёт, что можно полностью понять или исчерпать мысль Духа в Писании. Если мы думаем, что узрели в Писании нечто великое, то следующее действие и внушение Духа убеждает нас, как мал и слаб был предыдущий свет. Ах! если бы познали это запутавшиеся, упрямые сыны человеческие! Как скоро прекратились бы тогда все бесполезные *споры о мнениях* (Рим. 14, 1) вокруг Писания!

4. С первым средством к истинному разумению Священного Писания – молитвой – неразрывно связано *второе*, а именно: *неопустительное и точное исполнение того, что уже по́нято из Писания и в чём мы уже убедились*, по выразительному слову нашего Спасителя: *кто хочет творить волю Пославшего Меня, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно* (Ин. 7, 17). Здесь нужно вспомнить о том, что сказано выше о предваряющей благодати: она даёт человеку чрез Священное Писание только самое общее, начальное и слабое видение его падшего состояния, равно как и воли и истины Божией. Если человек будет верен действию предваряющей благодати, последует её свету в исповедании своей падшесть и нищеты (например, признаёт, что доселе он любил мир, и поэтому в нём не было любви Божией) и поступит в соответствии с этим исповеданием, то есть: по мере воссиявшего в нём света и своих сил и возможностей постарается отвергнуть мир и со всей искренностью обратиться к любви Божией, – то из этого действия он научится намного точнее распознавать узы пристрастия к миру сему в своём сердце и сможет всё больше постигать, что такое любовь Божия, убеждаясь, что она есть нечто гораздо более глубокое и сущностное, совсем иное, чем ему это представлялось ранее. Тогда он начнёт всё точнее и полнее понимать то, что возвещает Писание: *не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей* (1 Ин. 2, 15); *будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас* (1 Ин. 4, 19), и т. д. И именно верность и следование этой узнанной истине делает человека способным познавать далее и многие другие истины. Если же он будет неверен свету предваряющей благодати в своём сердце, не будет обращать на него внимания, отвратится от него чрез рассеянность или ложное утешение чем-то иным и продолжит питать в себе суетное мирское мудрование, то пришедший в его душу свет ввиду такой всё время повторяющейся неверности чем

дальше, тем больше будет угасать, и человек останется слепцом, который никогда и никаким образом ничего не поймёт в Писании, каким бы образованным и учёным он ни был. И при этом он вовсе не допустит мысли, что он любит мир сей, но будет обольщать себя, что любит Бога – ведь посещал же его душу благодатный свет! И почти весь мир пребывает в таком ослеплении.

5. Отсюда, *во-первых*, мы видим, что исполнение и опыт того, о чём говорит Священное Писание, является лучшим его комментарием и толкованием. Кто не познал и не познаёт человеческую немощь в своём сердце, тот никогда не увидит этого в Писании; напротив, кто творит покаяние, тот открывает для себя, что есть истинное покаяние по Писанию. Кто отвергает самого себя, тот всё больше узнаёт о самоотвержении; кто молится, верует и любит, тот научается из Писания молиться, верить и любить, – и таким образом человек всё больше и глубже уразумевает, что понимает под всем этим Писание; и это возможно только так, и никак иначе. Вот что должно бы быть истинной высшей школой для всех студентов теологии (а вместе с ними и для всех нас), прежде чем они станут *учителями Израиля* (Ин. 3, 10)! Ибо подлинное богопознание, или христианство, состоит всецело в опыте. Сначала нужно *вкусить*, и потом *увидеть*, как горек грех и *как благ Господь* (Пс. 33, 9); сначала нужно возыметь Божие слово в своём сердце (Втор. 6, 6), и только потом проповедовать его другим (Рим. 10, 8). А иначе всё будет так, как о том говорил ещё древний святой, Макарий: «Если бы кто захотел изречь слово истины и увеселить некоторых из слушающих, то, не стяжав в действительности и по самой истине в себе слова Божия, а только припоминая и заимствуя слова из книг Писания, или пересказывая и передавая, что выслушал у мужей духовных, он, как кажется, увеселяет других, и другие услаждаются его словами; но, как скоро окончит свою речь, каждое его слово возвращается в своё место, откуда взято, и сам он опять остаётся нагим и нищим; потому что то духовное сокровище, из которого он предлагает, пользуется и увеселяет других – не его собственность, и сам он первый не возвеселён и не обрадован Духом»¹⁰.

6. *Во-вторых*, мы видим отсюда, что опыт и исполнение на деле некоей истины Писания есть ключ не только к точному познанию именно этой истины, но и к уразумению следующих истин. Человеческое сердце как бы окутано и обвязано бесчисленными покрывалами (о, сколь пространной была бы моя речь, если бы мне нужно было указать на хотя бы некоторую часть сих покрывал!). Поэтому неудивительно, что свет, который должен пробиться сквозь все эти многие и плотные

¹⁰ Беседа 18-я. [Творения преподобного Макария Египетского. М., 2001, стр. 362.]

покрывала, будет малым и слабым. Если снять с сердца одно покрывало, то увидишь второе; уберёшь его – обнаружится третье, и так далее. Но по мере того, как одно за другим эти покрывала снимаются, божественный свет получает возможность воздействовать на сердце и ум человека всё с большей теплотой и силой, *от славы в славу* (2 Кор. 3, 14-18). Кто позволит Богу открыть свою падшесть и нищету, тот обретёт видение, что такое покаяние; кто приступит к покаянию, тот увидит в результате его, что есть вера; кто станет действительно следовать вере, тот познает, Кто есть Иисус. По преодолении одного проявления падшесть мы усматриваем в себе другое; если и в преодолении его мы пребудем верными Христу, то узрим нечто большее. И так это и идёт непрерывно, из одной глубины в другую; кто в школе Иисуса выучит один урок, тому задаётся следующий. Поэтому великой слепотой является то, когда человек хочет возвещать Писание, обращать, учить и судить других, в то время как он сам на деле, опытно едва только выучил первую букву божественного учения; смотри Деян. 1, 21-22. Также весьма неразумно, и даже совершенно невозможно желать знать всё «от и до» изначально, прежде чем пройдёшь это делом. Стремящиеся к сему будут чахнуть за своими исследованиями до самой смерти, так и не достигнув познания истины. Смотри также Пс. 24, 14; Пс. 110, 10; Еккл. 2, 26; 1 Ин. 2, 4.

7. *Третье*, и особенно важное средство для истинного понимания Священного Писания есть *постоянное деятельное отвержение самого себя* (Мк. 8, 34). Никого иного не *научает Бог ведению Себя* и Своей истины, никому иному не даёт Он *разуметь сие возвещение*, кроме только того, кто *отнят от грудного молока, отлучён от сосцов матери* (Ис. 28, 9). Чрез глубокое и нелицемерное самоотвержение *очищается и утишается* сердце.

Очищается оно от мерзостей мира сего, от грехов и бесчисленных проявлений нашей падшесть и повреждения, которые застилают глаза бедной душе как некая клейкая масса, состоящая из отвратительной нечистоты (Иез. 24, 13), что абсолютно препятствует проникновению в тайны Божии. Достаточно одного-единственного прилепления к творению, одной-единственной радости, обретаемой вне Бога, одного-единственного нечистого намерения в верующей душе, особенно если она лелеет всё это сознательно, чтобы в меньшей или в большей степени затмить чистый божественный свет. Но это знают только те, кто *навыком приучен* (Евр. 5, 14) пребывать внутри своего сердца. Не умерший самому себе человек есть слепой человек (Ин. 12, 24); и хотя бы он знал Писание от корки до корки, оно всё равно останется для него книгой за семью печатями. *Ибо Премудрость никогда не войдёт в*

лукавую душу и не будет обитать в теле, порабощённом греху, ибо святой Дух премудрости удалится от лукавства и уклонится от неразумных умствований (Прем. 1, 4-5). Только чистые сердцем узрят Бога (Мф. 5, 8) и Его истину. Достигается же сия сердечная чистота, когда, силою Божией благодати, во всецелом самоотвержении, мы отвращаем своё сердце от всякой преходящей радости и желания мира сего и научаемся понимать и любить только Бога. Тогда око души становится всё более отверстым и светлым, а сердце в своей глубине – ясным и чистым, так что в нём начинает отражаться слава Господня. Древние христиане так говорили об этом: «Тот, кто желает понимать Священное Писание, должен заниматься не столько чтением толкователей, сколько очищением сердца от плотских пороков. Если эти пороки будут истреблены, то, сняв покрывала страстей, душевные очи будут созерцать тайны Писания. Ибо оно не для того дано нам Святым Духом, чтобы мы его не знали; темно же оно потому, что душевные наши очи закрываются покровом пороков; а если им возвратить естественное их здоровье, то и одного чтения Писания достаточно будет для понимания истинного его смысла, и не будет нужды в помощи толковников, подобно тому, как телесные глаза не нуждаются ни в какой науке для видения, если только они чисты и нет темноты»¹¹.

8. Чрез самоотвержение сердце также и *утишается*. Без самоотвержения внешние вещи, а прежде всего – многочисленные похотения плоти и чувств и различные беспорядочные движения и страсти души, проистекающие из самолюбия, своеволия и тому подобного, причиняют неумерщвлённому для ветхого Адама духу тысячекратные разорения, смятение и беспокойство. Размыслите же, как можно хоть каким-нибудь образом увидеть солнце божественной ясности и истины в такой взбаламученной грязной воде? И как можно желать обнаружить и в точности усмотреть драгоценную жемчужину истины на дне этой воды (то есть нечистого сердца), если она постоянно вскипает непрерывным бурлением и перемешиванием столь великого количества мути и сора? Ах! и кто осознаёт сие, кроме того, кто испытал, сколь мало способно неумерщвлённое для плотского мудрования сердце познать не только что истину, но даже и букву Священного Писания! «Истинное безмолвие есть мать премудрости», говорит один из богопросвещённых церковных учителей¹². Услышим Самого Бога: *упразднитесь* («утíшитесь»), *и уразумеете* (то есть: тогда вы уразумеете), *что Я есть Бог* (Пс. 45, 11). Если мы будем следовать этому слову Божию и чрез умирание ветхому человеку, или отвержение самих себя, вкуже с

¹¹ Кассиан. Монастырские установления, кн. 5, гл. 34. [Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Сергиев Посад, 1993, стр. 69.]

¹² Св. Нил. [Преподобный Нил Синайский. Точная цитата не установлена.]

постоянным пребыванием в молитве, поищем взойти в сию истинную тишину, тогда при чтении Писания нам достаточно будет взглянуть на то или иное изречение – и мы найдём в нём больше духовного помазания, света, благословения и силы, чем если бы мы прочитали двадцать наизнаменнейших авторов об этом предмете. Кратко сказать: если ты хочешь быть богопросвещённым человеком, то стремись сначала умереть для своего ветхого человека; без этого ты никогда не будешь просвещён.

9. *Четвёртое средство*, или требуемое расположение души, чтобы право понимать истины Божии в Священном Писании, есть *некое особое обращение к Богу в духе чрез внутрь-собрание и благоговейное припадание сердца к Нему, ощущение сердцем Его присутствия в нас*. Если таким образом *обращается человек к Богу, то снимается покрывало с очей его* (2 Кор. 3, 16). Это необходимо для нас по следующим причинам:

Первая. Божий свет и благодать не зависят ни от каких наших действий, равно как не привязаны они неразрывно ни к каким внешним средствам, употребляемым нами. Мы можем предпринимать всё, что только в наших силах; мы можем прибегать к всевозможным внешним церковным средствам; мы можем наполнить и переполнить свою голову тысячами размышлений и созерцаний ума – и всеми этими усилиями и стараниями мы не сможем ни привлечь к себе Божий свет, ни приумножить его, разве только воспрепятствовать ему и не подпустить его к себе. *Всё, что мы с помощью предваряющей благодати на самом деле можем и должны делать – это отвращать свой взор, свои желания и стремления от всего, что не есть Бог и Божие, и осторожно, тихо и без натуги обращаться к свету Божию и держать очи души открытыми по отношению к нему, в смиренном всецелом предании себя действию сего света и чаянии благодати Божией*. Это есть главное свойство и качество души, делающее её способной к принятию божественного просвещения, и именно то средство к разумению Священного Писания, какое только мы и можем иметь в своём распоряжении.

10. *Вторая причина* необходимости для нас внутрь-собрания и сердечного припадания к Богу есть та, что нельзя понять должным образом никакую книгу, а тем более Священное Писание, если не проникнуть хотя бы до некоторой степени в состояние духа того, кто её писал. Мы не можем себе представить в полной мере, в каком благоговейном, чистом, отрешённом и божественном состоянии пребывали священные авторы, когда они писали Библию; но тем не менее именно в эти мысли, чувства и состояние должны стремиться придти и все читатели, если они хотят право понять слова сих авторов, а точнее сказать, Самого Святого Духа.

11. *Третья причина* сей необходимости заключается в том, что Священное Писание говорит об истинах духовных и божественных, о предметах, принадлежащих иному, сверхприродному миру. Мы не можем их понять такими, какие они есть, *ибо иначе надлежало бы нам выйти из мира сего* (1 Кор. 5, 10). Суетные, рассеянные наши чувства и ум не разумеют ничего истинного, по крайней мере, в вещах духовных; но сердечное устремление к Богу и внутрь-собрание приносит в душу свет. Испытайте на себе: если мы хотя бы некоторое время сохраним мысли и чувства сердца от всякого суетного рассеяния и благоговейно поставим себя пред лицом Божиим, – не гораздо ли больше тогда мы вкусим и увидим в Писании, чем когда приступаем к нему после продолжительной рассеянности, забот, дел и попечений о внешних вещах? В таком состоянии голова полна, душа занята, чувства обращаются то на одно, то на другое; человек тогда не на истинном своём месте, то есть в духе, где только и можно увидеть и уразуметь духовные вещи. *Приидите* – и только потом *увидите дела Господни* (Пс. 45, 9). Только собравшись внутрь, возможно вместе с Пророком *заступить на стражу, и стоя на башне своей, наблюдать, чтобы узнать, что изречёт во мне Бог* (Авв. 2, 1). Ах! сколь многое можно было бы сказать о том, как наши сегодняшние учителя Священного Писания, пытающиеся найти его смысл, поступают вопреки именно этому правилу – вдаются в тысячи бесполезных рассеянностей, переполняют свою голову всевозможными посторонними образами и т. п. Бог да откроет им их неразумие! Насколько же лучше предоставить Марфе *заботиться и суетиться о многом*, а самому (при чтении Писания) *сесть с Марией к ногам Иисуса и слушать слово Его* (Лк. 10, 39)! Поистине, если человек уразумет сие, то это будет для него тем *одним*, что *только нужно* (Лк. 10, 42) для истинного и спасительного понимания Писания. Итак, кто в глубине сердца, собранного внутрь себя в простоте, пребывает с Богом, тот стоит во свете, как сказано: *во свете Твоём мы видим свет* (Пс. 35, 10), и как размышляет о том богомудрый Фома Кемпийский: «Чем больше человек собирается в себя самого и упрощается внутренне, тем бóльшие и высшие вещи он постигает без труда и утомления, ибо он приемлет свет разумения свыше»¹³.

12. *Пятое* и последнее *средство* к достижению истинного понимания Священного Писания есть *благословенный крест*, внутренний и внешний. Испытания учат внимать слову Божию (Ис. 26, 16). Пока человек спокойно проводит свои дни в рассеянных, текущих по заведённому порядку мыслях и чувствах, у него вряд ли появится горячее

¹³ Книга 1, гл. 3 [Фома Кемпийский. О подражании Христу. Богословие в культуре Средневековья. Киев, 1992, стр. 234].

стремление почерпывать из Священного Писания советы Божии для своего спасения; если он и читает Библию, то по другим побуждениям, без подлинного устремления сердца к Богу. Но едва посетит его Бог какой-либо скорбью – расстройством дел, бедностью, болезнью, или иным чем, – то его внутреннее расположение меняется: он берётся за Писание, начинает усерднее ходить в церковь и т. п. Хотя такое благочестие нередко может быть и лицемерным, но в любом случае из этого видно, что может крест и скорбь. Уже гораздо серьёзнее идёт дело, когда кто при начальном покаянии, Божией благодатью, вводится в болезненное чувство своих грехов, падшести, нищеты и великой опасности для души. Когда всё это касается сердца человека в истинной своей силе, и ответ на вопрос: *что мне делать, чтобы спастись?* (Деян. 16, 30) становится для него самым насущным и главным, тогда он обращается к Библии с неизмеримо большим желанием и благоговением. Тогда он смотрит на неё другими глазами; тогда слово Божие отзывается в нём; тогда начинает он понимать Писание, которое до этого было для него запечатанной книгой. Таким-то образом приводит нас внутренняя скорбь к истинному свету.

13. Но на этом наше обучение отнюдь не заканчивается. Нужно всячески хранить себя от этой пагубной ошибки – думать, что ты уже всему научился. Ещё предстоят всевозможные искушения и испытания, внутренняя тьма, страдания и скорби со всех сторон и т. д., – но только из этого рождается чистейший свет и глубочайшее, от одной меры в другую, проникновение в Священное Писание. Даже праведник, *если он не имеет опыта, знает мало* (Сир. 34, 10); а мы в большинстве своём думаем о себе, что мы-то знаем гораздо больше. Пока не исторгнут человека из этого заблуждения скорби и искушения, он *склонен много учить; когда же будет вразумлён* ими, то уже далеко *не всё сможет сказать* (Сир. 34, 12, – как прекрасно передал это Лютер в своём переводе¹⁴). После таких испытаний человек научается вместе с праведным Иовом *налагать руку свою на уста свои* (Иов 39, 34) и исповедывать свою немощь и слепоту. И это неперемное правило: насколько верующая душа выдерживает крестное испытание, настолько обретает она чистое и основательное познание Бога, себя самой и всех истин Священного Писания, так что по миновании искушений человек от всего сердца восклицает с Давидом: *благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим* (Пс. 118, 71)¹⁵. Посему, кто хочет право уразуметь

¹⁴ [Приводимый Лютером стих отсутствует как в русском, так и в современном немецком тексте Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова.]

¹⁵ Это опытно дознал и выразительно исповедал на смертном своём ложе богонаученный муж Андре Ривье, перенесший тяжкие телесные и душевные страдания. Так он молился Богу: «Ты – Учитель душ. Я научился богословию в эти десять дней, когда Ты посетил меня, больше, нежели во все прошедшие пятьдесят лет, когда я ничего в нём не понимал. Ты соделал, что я вошёл в себя самого.

Священное Писание, тот прежде да уготовится к кресту и страданиям, а иначе он никогда не поймёт слово Божие. Да даст он учащему нас Духу (Ин. 14, 26) ввести себя в истинное покаяние, и да подклонит он свою выю под крестное иго Христово (Мф. 11, 29); тогда несомненно из *тьмы воссияет ему свет* (2 Кор. 4, 6). Где крест, там свет. Смотри также Сирах 4, 18-21; 6, 25-29.

14. Итак, мы видим, что является главнейшим и абсолютно необходимым средством и путём для достижения правого и основательного разумения Священного Писания – именно эти пять классов небесного училища. Ибо душа, наученная 1) молитве, 2) исполнению того, что она уже дознала, 3) самоотвержению, 4) внутрьсобиранию и 5) несению скорбей становится всё более способной к восприятию божественного просвещения, ибо таким образом отверзается и проясняется, пробуждаемый неложным светом истины, её чистый приимательный ум¹⁶, или око души (Еф. 1, 18). Этот божественный свет, которому приобщается человек, просвещает не только рассудок (как того желало бы самолюбие – чтобы всё знать, говорить и писать и тем самым услаждать себя), но, будучи *помазанием от Святого* (1 Ин. 2, 20), всё более и более пронизывает собой и прочие силы души, то есть всего человека, освящая его и исполняя опытным познанием истины.

Душа, приобщившаяся этому божественному помазанию, по слову Апостола Иоанна, *знает всё* (1 Ин. 2, 20) – особым, так сказать, «свёрнутым» (имплицитным) знанием, поскольку она имеет в себе принцип, ключ и основание всякого природного и сверхприродного знания. Но к частному, подробному (эмплицитному) знанию всего она не стремится, не желая знать ничего более, чем только то, что Богу будет угодно ей открыть. Такая душа, в меру её освящения и просвещения, *имеет* в себе *ум Христов* и Дух Божий (1 Кор. 2, 16), и по этой причине она без всякого труда *и со многим удостоверением* (1 Фесс. 1, 5) обнаруживает тот же Дух и в Священном Писании, имея в своём несомненном опыте живой комментарий и изъяснение Писания. Такая душа, если смысл того или иного библейского изречения неясен ей на первый взгляд, не нуждается в том, чтобы вдаваться во всевозможные научные изыскания; ей нужно только поднести это изречение к свету, или, как говорит Псалом, *войти с ним во*

Доселе я был не во мне; я был в мире сем. Ныне я в школе Бога моего; Он учит меня совсем иначе, чем это делали все доктора богословия, чтению которых я отдал столь много времени. Сколько же суеты во всём, что исходит от человеческого духа!» и т.д. Ах! если бы люди отдавали себе в этом отчёт в своё время! [Андре Ривье (1572 – 1651) – пастор и профессор теологии в Лейдене, советник Вильгельма II Оранского.]

¹⁶ [В нем.: «leidentlicher Verstand», «страдательный (то есть противоположный активному) ум». Аналогия: соотношение действительного и страдательного залога в грамматике. Для перевода употреблено славянское слово, которое шире, чем русское «принимающий». «Приимательный» – принимающий (воспринимающий) действие совне без своего содействия. Со стороны принимающего требуется лишь несопротивление тому, что даётся и «освобождение места» для принимаемого дара.]

святилище Божие и уразуметь его до конца (Пс. 72, 17), посредством обращения внутрь себя в простоте и поставления себя в духе пред Богом. Тогда душа скоро уразумевает истинный и ясный смысл текста.

Кто почитает всё это за мечтательство и заблуждение, тот путь остаётся при своём мнении, пока Бог не откроет ему глаза. На таких слепцов не должно гневаться, но относиться к ним с состраданием; они, не будучи в состоянии видеть сами, считают обольщением всё то, что другие люди рассказывают о красках или о дневном свете.

15. Но позвольте, – возразят тут мне, – неужели всякая научность должна быть совсем отринута и забыта? Не следует ли в качестве важнейшего и необходимейшего средства для понимания Писания поставить на первое место и всячески рекомендовать изучение древних языков и истории, точнейшее исследование времён, мест, лиц, образов речи, обычаев народов и тому подобного, равно как и употребление лучших комментариев и подробных толкований библейского текста? Ответ: мы отнюдь не забываем про это; но здесь мы занимаемся только одним предметом, и говорим о том, способствует ли, и насколько способствует ему всё вышеназванное. Предмет этот – то, что является первой, неизбежной, главной, и, можно сказать, всеобъемлющей необходимостью для достижения истинного и полного разумения Священного Писания. Это пять указанных выше средств. Кто воспользуется ими, тот несомненно станет настоящим богословом и подлинным знатоком Священного Писания, *недалёким от Царствия Божия* (Мк. 12, 34), пусть он даже совсем ничего бы и не знал о древних языках, библейской критике и прочих человеческих учёностях. Кто же овладел всей наукой, но не поставил на первое и преимущественное место в своей жизни молитву, исполнение того, что он узнал из Писания, самоотвержение, внутрь-собрание и несение креста, тому вся его учёность совершенно бесполезна¹⁷; тот не понимает Писание ни в малейшей степени, он *слеп и вождь слепых* (Мф. 15, 14), хотя бы все почитали его за высокодуховного, учёного и просвещённого человека. Именно от таких людей, по слову Писания, исходит нечестие (Иер. 23, 15), тяжкие грехи против ближних (Ис. 29, 21), заблуждения (Иер. 10, 21), ереси и раздоры (1 Тим. 6, 3-5), гонения на праведников (Ин. 16, 2-3) и всяческое несчастье для всего мира.

16. Задумаемся со всей серьёзностью: Дух Божий хочет чрез Писание дать нам познать Свою волю, Свои мысли, Свои намерения. Но природный человек никоим

¹⁷ «Допустим, у нас есть корабль, равномерно нагруженный, снабжённый рулевым, гребцами, канатами и снастями, якорем и всем прочим, но нет ветра: какой будет прок во всём этом прекрасном снаряжении, если ему на помощь не придёт дуновение ветра? Так и когда мы образованы, глубокомысленны, красноречивы, умны, но нет при этом Святого Духа, то не будет от всего этого никакого толку». Иоанн Златоуст, «О Святом Духе».

образом не может принять того, что от Духа Божия (1 Кор. 2, 14): пути и мысли Бога не суть наши мысли (Ис. 55, 8). Это ведь то, чего не видел глаз, не слышало ухо, и что не приходило на сердце человеку (1 Кор. 2, 9); это вещи иного мира, о которых мы не можем составить себе никакого представления, никакой идеи. И тут можно идти и учить все восточные языки, всю церковную и светскую историю, прочитать все энциклопедии, лучших языческих авторов и что там кому ещё угодно, – и неужели это будет подходящий метод, чтобы понять Духа Божия в Священном Писании? И если бы всё это было непременно требованием для понимания Писания, то как тогда быть бедным и неучёным людям? Разве Писание дано только учёным мужам, а не всем людям?

17. Совсем другое дело – когда верующий человек в юности, или до своего просвещения от Бога, учится всему этому, а после сего приобщается божественному свету. Такой человек, познав и отвергнув вкупе с Апостолом Павлом всякое надмевающее и рассеивающее человеческое знание (1 Кор. 8, 1) как *тщету и сор* в сравнении с *превосходством познания Иисуса Христа* (Фил. 3, 8), может впоследствии, в должном порядке и мере, применять свою учёность. Так, чрез знание древних языков он может доставить своим ближним немалую пользу, точно переведя Библию на их родной язык или же способствуя её пониманию, прояснив в том или ином месте Писания к назиданию ближних какое-нибудь тёмное место, выражение и т.п., чего не смог бы сделать тот, кто не знает языков. Понимая образ речи или обычаи того или иного народа, равно как и особенности мест, времён и иных обстоятельств, описываемых в Библии, он может иногда разрешить недоумение по поводу тех или иных текстов Писания и сделать их ясными для ближнего, и т. д. Поэтому никак нельзя безусловно и без разбора совсем отвергать подобного рода человеческую учёность при изъяснении Священного Писания, когда она исходит от таких людей¹⁸. Наоборот, этим приобретённым знаниям, также как и прочим освящённым природным дарованиям, поставленным на службу Богу, следует воздавать должное, применяя их на благо ближних. Только надо хорошо понимать, что всё сие есть лишь привходящие, побочные средства, которые не абсолютно необходимы, и всю пользу от того, когда верующая душа с помощью научных методов открывает нечто в Священном Писании,

¹⁸ «Если ты имеешь Духа Господня, то знание иностранных языков будет тебе весьма полезно, ибо чрез сие ты сможешь иногда понять некоторые места Писания несколько легче и скорее. Но Тот же Самый Дух может дать, а часто и даёт, лёгкое уразумение Писания само по себе и без всяких языков... Ибо если ты не имеешь Самого Духа Божия, то все твои языки останутся для тебя мёртвой буквой, и никогда не может быть так, чтобы только при помощи языков ты понял духовный смысл хотя бы одного стиха Библии». Франсуа Ламберт. «О пророчествах, научении и языках», трактат II, гл. 5. [Франсуа Ламберт Авиньонский (1486 – 1530) – гессенский реформатор, профессор Марбургского университета.]

надлежит приписывать не им самим, но благодати Божией. При этом нужно иметь великую осторожность и тщательно следить за тем, чтобы не слишком увлекаться научностью, не слишком вдаваться в разнообразие, не слишком долго занимать себя всем этим, но от времени до времени прекращать свои занятия и вновь и вновь с детским, простым и приемательным сердцем представлять себя внутреннему свету Божию, если душа не хочет впасть в величайшую опасность и заблуждение.

18. Наш действующий ум, или активный рассудок, похож на деятельного художника, постоянно занятого тем, чтобы рисовать всевозможные портреты и изображения, сообразно тому, что предстанет пред ним и на что он направит своё внимание, будь то духовное или телесное, доброе или злое, полезное или вредное. Если (продолжая наше сравнение) око этого художника, или, по слову Апостола Павла, *очи сердца* (Еф. 1, 18), то есть наш приемательный разум, в своём воззрении на духовные предметы будет отверст и просвещён Божией благодатью, так что мы познаем в Божием свете истину и узрим её как стоящую пред нашими глазами, то наш художник, не отводя своих очей от сей прекрасной девы, чистой Божией истины, и в течение долгого времени созерцая её в безмолвии, возможно, сумеет создать её портрет, который, будучи показан тем, кто её не знает, побудит их возлюбить и взискать её. Но если он сам в процессе своего художества не будет время от времени, и довольно часто, прерывать свою работу и вновь устремлять свой взор на оригинал, – то каких только искажений и ошибок он не наделает! И если по благополучном завершении работы наш художник захочет после сего иметь больше дела со своим рисунком (то есть безжизненным образом), чем с живым оригиналом, и, не удостоив последнего ни единым взглядом, только будет возиться со своей картиной и мудрить над нею, – то не явится ли это величайшим безумием?

Пусть же сие сравнение послужит нам серьёзным предостережением, которое я хочу подтвердить ещё и свидетельством одного знаменитого английского богонаученного мужа¹⁹, говорящего так: «Учащийся в небесном училище должен принести в жертву свои очи, а точнее сказать, свою слепоту. Он должен на всякое время пленять свой ум и приемательно предоставлять его Духу Божию. О той маленькой искорке Духа, какую он получит, ему надлежит со всем усердием пещись, ни в коем случае не допуская, чтобы она заглушилась активной деятельностью его ума, и взирать на истину только тем оком, которое он принял от Бога».

¹⁹ Франциск Роуз, «Небесная академия», гл. 7. [Франциск Роуз (1579 – 1659) – видный английский политик и религиозный деятель, представитель пуританства.]

Глава третья.

Является ли Священное Писание непонятным?

Как правильно понимать те или иные его места?

И есть ли в Писании духовный, сокровенный смысл?

1. Прежде чем мы пойдём дальше и дадим некоторые наставления, как надлежит нам применять Священное Писание на пользу души, будет нелишне кратко обсудить следующие предварительные вопросы: 1) является ли Писание в некоторых местах непонятным и тёмным, и откуда произошло такое мнение; 2) как можно узнать, что точно имел в виду Святой Дух в том или ином изречении Писания, и 3) нужно ли искать в Писании также и сокровенный, или духовный, смысл?

2. Вполне удовлетворительный ответ на *первый вопрос* мы находим уже в древней Церкви. Он заключается в следующем: то, что необходимо для спасения, Священное Писание излагает ясно и понятно для всех людей и на все времена. Если же некоторые места Писания представляются порой тёмными и невразумительными, то, *во-первых*, это надо приписывать не самой Библии, но темноте человеческого духа и его неспособности понимать духовные и божественные вещи, – чему не могут помочь никакие наши усилия и ухищрения, никакие пути и способы, кроме только правильного применения пяти названных в предыдущей главе средств. Только через них человек становится восприимчивым к божественному просвещению, которое одно, в своё время, по Божьему изволению, соделает для него ясными, сильными и усладительными те изречения Писания, которые казались ему тёмными²⁰. Повторю ещё раз: никакие усилия ума, исследования и изыскания здесь нисколько не помогут; это будет значить ставить телегу впереди лошади.

Во-вторых, поскольку Священное Писание предназначено для всех людей, а каждый человек живёт в своём времени, находится в своём состоянии, в своих обстоятельствах, – то и не может быть, чтобы всё, написанное в Библии, в равной степени относилось ко всем. Что в данный момент открывается нам и ложится на сердце, то обращено именно к нам; а что-то другое – нет, чтобы, будучи преждевременно узанным, не причинить нам соблазна или вреда. Поэтому неисследимая Премудрость Божия первые и всеобщие истины, необходимые для всякого человека, положила в Писании как бы на поверхности, явно и открыто, дабы их мог узреть каждый; более же глубокие, особые, последние истины лежат под первыми

²⁰ «Чтобы верой и сердечным зрением увидеть, услышать и уразуметь то, что ученики Господа духовным образом говорят, понимают и делают, необходимо иметь новое око, новый слух, новое сердце». Климент Александрийский. Строматы, кн. 2.

большей частью сокровенно, под покровом внешних образов, притч и т.п. Иногда они кажутся совсем непонятными и тёмными; иногда на эти истины указывает почти одно какое-нибудь слово, – тем не менее порой именно они, говорю я, есть драгоценнейшие и божественнейшие истины. Итак, всякий понимает именно то, что и как он должен и может понять. Мы видим, что не только лицемеры, хулители и все нечестивцы *слухом слышали и не уразумевали* (Мф. 13, 14), чтобы им, как свиньям, не *попирать* такого драгоценного жемчуга *ногами своими* (Мф. 7, 6) и не *дополнить меру* осуждения своего (Мф. 23, 32), столь согрешая против сего великого света, – но вечная Премудрость так устроила Писание, что даже для учеников Иисуса многое в нём оставалось непонятным (Лк. 24, 45), к их же благу, потому что они *ещё не могли вместить* (Ин. 16, 12). Когда же приходит нужное время, тёмное сразу становится совершенно ясным, так что остаётся только дивиться, как этого можно было не увидеть раньше.

3. Исходя из вышеизложенного, мы можем ответить и на наш *второй вопрос*: как нам узнать, какой точный смысл имеет то или иное место Священного Писания? Я скажу кратко: для меня точным и собственным смыслом всякого изречения Писания является то, что открывает в нём Божия благодать и Божий свет *мне*, для моего назидания. Ибо Библия написана не только для Иудеев, Римлян, Коринфян и т. д., но, как уже сказано, для всех людей – а стало быть, и лично для меня. Другому человеку Дух Божий даёт в том же самом изречении иное назидание, иное внушение; третьему – снова иное, и т.д.; но при этом все мы так или иначе обретаем верный смысл Писания и можем вкупе возрадоваться в любви о такой многообразной премудрости Божией. И кто осмелился бы укорить Святого Духа и сказать, что Он не открыл всякому, кого Он наставляет, истинное значение Писания (Ин. 14, 26; 16, 13)?

«Истина Твоя не принадлежит кому-либо из нас, – говорит блаж. Августин, – но всем вместе, кого призываешь Ты к наследованию её, строго предостерегая при этом, чтобы никто не дерзал присваивать её себе одному, иначе мы можем совсем утратить её... Итак, пусть все, о которых я уверен, что они узревают в Твоём слове нечто истинное (хотя и различное) и возвещают о том, возлюбят друг друга; а наипаче возлюбим Тебя, Господа Бога нашего, Источника истины, если только мы действительно жаждем её, а не увлекаемся суетою своею»²¹.

4. Кого Дух Божий хочет обличить, тот во всех изречениях Писания увидит обличение. Кого Он хочет утешить, тот на каждой странице Библии найдёт утешение. Кто кается, тому всё в Писании проповедует покаяние. Кто не вышел из-под Закона,

²¹ Исповедь, кн. 12, гл. 25 & 30. [См. Блаженный Августин. Исповедь. Киев, 1998, стр. 703; 710.]

тому и Евангелие является законом; и кто под благодатью Нового Завета, тот и у Моисея обрящет Евангелие. *О, бездна премудрости и ведения Божия! Кто познал ум Господень?* (Рим. 11, 33-34). Если бы и все умы всех людей непрестанно исследовали Библию, до смерти споря друг с другом, то и тогда они не смогли бы придти к единству в нахождении и определении того, что составляет смысл Священного Писания. *Безмерно обширна заповедь Твоя* (Пс. 118, 96); Писание не терпит никаких человеческих ограничений, так, чтобы кто-то мог сказать: «это Бог имеет в виду, а это – нет». Его Дух зрит дальше, чем все мы. Живительное слово Божие есть хлеб, питающий наши души в пустыне сего странствования по земле; и те свойства манны Израилевой, о которых нам рассказывает Книга Премудрости, мы с определённой видим в Священном Писании. *Ты послал* (обращается автор сей книги к Богу) *народу Твоему хлеб с небес, приготовленный без всякого их труда*; в нём была сила всякой прекрасной пищи, *и имел он всякую приятность по вкусу каждого*. Чрез сей сущностный хлеб *открывалась любовь Твоя к чадам Твоим*, ибо он приспособлялся к потребностям тех, кто принимал его, *изменяясь в удовлетворение желания по вкусу каждого* (Прем. 16, 20-21). Не будем же спорить о том, какой вкус для каждого имеет сей хлеб, если он укрепляет и услаждает нас.

5. Переходим теперь к ответу на наш *третий вопрос*: нужно ли искать в Писании также и духовный, или сокровенный смысл? Это всё равно, что спросить: не имеют ли, по намерению Духа, все повествования, обрядовые постановления, символы, пророчества, притчи и изречения Священного Писания, наряду с историческим и буквальным значением, касающимся тех времён, мест и лиц, о которых идёт речь, также и иной, больший смысл? Не относится ли всё, о чём говорится в Библии, неким сокровенным образом к внутреннему человеку, к руководству верующей души, к её духовному деланию на все времена? На этот вопрос нельзя ответить иначе, как положительно, что достаточно очевидно и из всего предыдущего изложения.

Я не хочу здесь принимать сторону тех или иных богословов, спорящих об этом предмете, но намерен лишь защитить правое понимание самого дела. Нельзя отрицать, что если совсем отставлять в сторону историческое содержание Писания, объясняя всё символически и вдаваясь в чрезмерные аллегории, или, не будучи непосредственно руководимым Духом Истины, изъяснять слова Писания по собственным соображениям, дабы утвердить свой ум и свою духовность, то велика опасность повредить себе и выставить Божию истину в дурном свете. Но всё это – очевидное злоупотребление, которое никак не может и не должно отменить самый принцип духовного толкования Библии, когда человек со страхом Божиим и в простоте

сердца ищет и находит для себя назидание и духовную пищу во всех местах Писания, к прославлению многообразно являющей себя Премудрости Божией. Подтвердим мы это и следующими основаниями:

6. На духовное и сокровенное значение Священного Писания указывает нам 1) Сам Святой Дух, ибо в некоторых аллегорических книгах, таких, как Песнь Песней или Откровение св. Иоанна Богослова, равно как и во всех обрядовых церемониях и притчах Библии невозможно не видеть некоего глубокого и тайного смысла. Сама природа вещей приводит нас к такому выводу. Не бывает тени без тела, образа без прообраза, обряда без того, что обряжается, и притчи без стоящего за ней наставления – иначе никакой пользы и назидания во всём этом не было бы.

2) И Апостол говорит: *закон духовен* (Рим. 7, 14), и потому имеет в себе нечто большее, чем внешнее, чем букву; все слова и действия Закона направлены на внутреннее и на дух.

3) *Всё, что писано было прежде, написано нам в наставление* (Рим. 15, 4), продолжает св. Павел. Из этого следует, *во-первых*, что всё то, о чём говорит Писание, относится именно к нам, а не только к тем, кто жил в прошлом. *Во-вторых*, поскольку все христиане неодинаковы, имея разную меру веры (Рим. 12, 3), так что одни духовны в большей, а другие в меньшей степени (1 Кор. 3, 1-2), – то необходимо, чтобы для верующих, могущих *судить обо всём духовно* (1 Кор. 2, 15), Писание содержало некий духовный смысл, а иначе оно больше бы к ним не относилось, и ни они, ни Павел не могли бы сказать: «Писание дано *нам* в наставление». Хорошо говорил об этом блаж. Августин: «Сокровища Библии выявляются постепенно. При первом подступе к Писанию оно есть дом с входом низким; но чем дальше идёшь, тем выше своды, и тем больше открывает оно чистые свои тайны»²².

4) С тем, что уставы, обрядовые постановления и пророчества, данные ветхому народу Израиля, всецело прообразовательны, никто не будет спорить. Однако толковать их так, что они относятся исключительно к исторической стороне Церкви Нового Завета, указывая на те или иные лица и обстоятельства и на те пути, которыми Церковь идёт до конца времён, как это ныне модно среди богословов, было бы излишней вольностью и немалым заблуждением. В самом деле, неужели Дух Божий, желая (как считают приверженцы такой точки зрения) во всём этом изобразить Церковь Нового Завета, при этом забыл то, что в Церкви является преимущественным и самым главным? Неужели Духу важнее в Церкви внешнее, чем внутреннее, чтобы

²² Исповедь. Кн. 3, гл. 5. [См. Блаженный Августин. Исповедь. Киев, 1998, стр. 502.]

Ему указывать в прообразах Писания только на первое? Всякое внешнее, если отсутствует внутреннее, есть лишь тень без тела, прах без души. Поэтому всё внешнее во всех его формах в истинной Церкви Нового Завета само есть символ и прообраз внутреннего. Ибо всякое внешнее не есть сущность, но имеет своё основание и цель в духовном и по отношению к духовному. По этой причине ни с чем не сообразно отвергать духовный смысл Писания.

5) Наконец, как на наших предшественников, понимающих Писание и его повествования духовно, мы с очевидностью должны указать на самих Апостолов. Достаточно только прочитать Гал. 4, 22-24; 1 Кор. 10, 6 и 11; Евр. 4, 2; 1 Кор. 9, 9-10 и другие подобные изречения. Особенно из последнего изречения (*о волах ли печётся Бог? Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано*) явствует, что когда духовный человек понимает Писание духовно, то такое понимание не есть некое самоизмышлённое благочестивое предположение, но собственный и истинный смысл Духа Божия. Итак, отсюда усматривается, в чём заключается всё дело: каждый видит сообразно тому, каковы его глаза. *Духовный человек судит обо всём духовно* (1 Кор. 2, 15); и в Писании он узревает духовный смысл. *Душевный же, природный человек не принимает того, что от Духа Божия*; всё таковое будет для него сокровенным и тайным, если не прямо *безумием* (1 Кор. 2, 14).

7. Закончить же рассуждение об этом предмете я бы хотел прекрасным свидетельством некоего учёного мужа нашего времени, на которого я уже ссылался²³. Он замечательным образом подтверждает всё то, о чём я здесь пишу. Вот что он говорит:

«Поистине, невозможно найти никакой другой книги, в которой указание на божественную Премудрость и способы её действия было бы явлено так полно и глубоко, как в книгах Священного Писания. Уже в том, что Бог изволил составить Писание таким образом (как это ясно видно из него самого), чтобы оно доставляло душевную пользу не только одному или другому человеку, о которых идёт речь в Библии, и не только людям того времени, когда была написана та или иная книга, но всем людям, живущим во всякое время, нельзя не усмотреть сию высшую Премудрость. А именно: Бог хотел, во-первых, чтобы всякий человек, к которому непосредственно было обращено слово Писания, смог найти в нём то, что способствовало бы его истинному благу и вело бы его по истинному пути в том состоянии и положении, в котором этот человек находился. Далее, Бог, обращаясь к живущему в то время определённого народу со всеми тогдашними его качествами и

²³ [См. прим. 19. Точный источник цитаты не установлен.]

свойствами, хотел, чтобы сей народ почерпывал пользу из того, что Бог повелевал Своим пророкам и апостолам говорить или писать. Наконец, Бог хотел, чтобы именно то, что говорилось тогда тому или иному человеку, или народу, или церковной общине, подходило бы для возвещения и свидетельства всем людям и каждому человеку всех последующих времён до скончания мира, как в отношении того, что служило бы им ко благу в ведении и делании, внутренне и внешне, обще и частно, так и в отношении того, чтобы они знали, как Бог изволит поступать и действовать до конца времён. Воистину, такое не могло быть установлено ни от кого другого, как только от сей высшей Премудрости. Ибо поскольку Премудрость Божия одна прозревает состояния и пути как каждого человека, так и всех людей всех времён, и одновременно усматривает все действия Божии, которые сообразно с тем вершит Бог до скончания века, – то только она одна, Премудрость Божия, и может придать одному и тому же изречению Писания либо предуказательное, символическое, либо прямое значение, объяв тем самым столь многообразный смысл, который подошёл бы ко всем, какие только возможны, временам и обстоятельствам людей».

Глава четвёртая.

Наставления к душеполезному применению Священного Писания

1. В заключение приведём некоторые простые и краткие указания, как жаждущей Бога душе надлежит читать и применять Священное Писание себе на пользу.

Прежде всего *при занятии Писанием* в высшей степени *необходимо иметь благоговение и почтение* к нему. Библия есть книга, действующая могущественно (Евр. 4, 12); книга Божия, по сравнению с которой все иные книги недостойны и именоваться книгами. Она есть поистине *Священное Писание*, возникшее не по человеческой воле, *но изрекали его святые Божии человеки, будучи* особым образом *движимы Духом Святым* (2 Петр. 1, 21). Поэтому мы должны рассматривать Библию и читать её *не как слово человеческое, но как слово Божие* (1 Фесс. 2, 13). И кто, разумея сказанное, не будет всячески почитать Библию и дорожить ею? Сия книга открывает нам благодатную волю Божию и драгоценнейший, любвеобильный, спасительный совет Божий в отношении меня и тебя, боголюбивый читатель, – как твоя и моя душа, содержащаяся в плену проклятия, повреждённая, падшая и заблудшая, может и должна быть искуплена, исцелена и спасена. Это есть то, что твой Творец и Спаситель хочет сказать и открыть тебе чрез Святого Своего Духа, когда ты

слышишь и читаешь Писание, и от этого слова зависит жизнь и смерть, спасение или осуждение твоей бессмертной души. Посему *читающий да разумеет* (Мф. 24, 15). Не будь при занятии Писанием неблагоговеем и небрежен, как большинство людей, которые читают Библию без молитвы и жажды души, как будто они просматривают газету или торговые ведомости. Не уподобляйся и тем, кто в порыве увлечения берётся за Писание, но потом мало думает над прочитанным и не доводит его до сердца. Ты же первым делом собери свои мысли и чувства, отстрани их от всякого внешнего расточения, сядь в духе вместе с Марией к ногам Иисуса (Лк. 10, 39), и затем с наивозможнейшим благоговением и вдумчивостью читай внешнее слово Писания, в уповании, что Бог одновременно Духом Своим Святым откроет тебе и его внутреннее значение.

2. *Читая слово Божие, мы всегда должны прилагать его к себе самим*, к нашему собственному состоянию, положению, нуждам и обстоятельствам. Не слишком задерживайся на временах и лицах, о которых и к которым говорит Писание. Даже если в читаемом и усматривались бы пути Божии в отношении всей Его Церкви, – не это должно быть тем, на что преимущественно надлежит нам обращать внимание. Всё, что содержит Писание, написано для научения и наставления тебя и меня (Рим. 15, 4); оно есть зеркало, в котором мы должны видеть своё состояние и на основании сего созидать самих себя (Иак. 1, 22-23). Как только откроется тебе малый свет в Писании – сразу примени его к собственному своему благу; не рассматривай и не суди, не учи и не обращай в этом свете других, но себя самого: ты – тот муж (Пс. 1, 1), которого имеет в виду Писание. О! как много тех, которые каждый день читают и толкуют Библию и ничего не понимают и ничему не научаются! Они остаются слепы и мертвы, и не приносят ни себе, ни другим ни малейшей пользы, а всё только потому, что забывают внимать самим себе, *вникать в себя* (1 Тим. 4, 16), и, читая Писание и размышляя над ним, прилагать его к себе. О безумие! *уча других, не учить себя самого!* Смотри Рим. 2, 17-23.

3. *Употребляй Писание для того, для чего оно дано тебе от Бога*. А дано оно нам для обличения и наставления (2 Тим. 3, 16) и для пробуждения и укрепления в благочестии, то есть богообщении, дабы нам жить и возрастать в нём. Все истины Божии сводятся к единой *истине благочестия* (Тит 1, 1); поэтому тот, кто ищет в Библии одно только теоретическое умовое познание, пользуется ею неверно. Писание дано нам, чтобы чрез него мы отвратились от наших многочисленных рассеянностей и раздробленностей в мыслях и чувствах и от убогого действования нашего ума и, собравшись внутрь, в сердце, обратились к Богу и вошли в общение с Ним, став

причастниками Его света и Его любви. Если же мы, в противоположность сему, возьмём от Писания повод рассеиваться и расточаться во всевозможных самоизмышлённых умствованиях, теориях, изысканиях и тому подобном и тем самым всё больше и больше отвлекаться от Самого Бога и нашего сердца, то мы будем применять Писание неправильно. Слово Божие дано нам, чтобы мы научились из него любить Бога и ближнего²⁴; *в этом – весь закон и пророки* (компендиум всей Библии) (Мф. 22, 40). Если же мы, напротив, станем искать в Писании только основания для споров, чтобы своеумно подтверждать им наши особенные мнения и оспаривать, уничижать и обвинять в ереси наших бедных ближних, – то мы злоупотребим Писанием, ибо оно есть аптека, содержащая множество лекарств, а не оружейное хранилище.

4. *Надлежит нам читать Писание с жажущим Бога и покорным Богу сердцем.* Нам не должно быть дела ни до чего иного, кроме познания воли Божией, с тем, чтобы тут же безоговорочно покориться ей. Ветхозаветному человеку *не принесло пользы слово слышанное*; не принесёт оно пользы и нам, если не соединится с деятельным послушанием вере (Евр. 4, 2). Посему не нужно стремиться во что бы то ни стало проникнуть мыслью в то, чего мы ещё не можем полностью уразуметь и что к нам часто ещё не относится. То, что при благоговейном чтении и сердечном созерцании остаётся для нас в Писании непонятным и тёмным, мы можем без всякого смущения и вреда для себя отложить в сторону, смиренно познавая отсюда нашу слепоту и несовершенство. Нам не подобает желать понять то, что Бог пока не даёт нам понимать: в своё время придёт день, когда всё станет ясным (1 Петр. 1, 19-20; 1 Кор. 3, 13). Но стократ худшим, нежели ненужная пытливость, будет то, если наш рассудок станет изыскивать всевозможные причины уклониться от слова Божия, когда оно коснулось нас. Наш падший ум нередко с радостью ищет в самом себе, во мнении других людей или даже в букве Писания мнимый повод не дать в душе места той истине, которую ощутило в слове Божиим сердце. Бог да сохранит нас от такового самообмана! Это слово будет судить нас во оный день. Итак, если мы хотим, чтобы чтение Писания было для нас спасительно, то мы должны сразу всецело покориться истине, как только она достигла до нас, и всячески стараться, силой Божией благодати, исполнять то, что сделалось нам понятным.

²⁴ «Любовь есть цель и конец Закона. Посему, если ты не можешь прочитать всю Библию, то сохрани любовь – и в ней ты обрящешь всё божественное познание». «Кто думает, что он уразумел Писание, но не научился при таком разумеании любить Бога и ближнего, тот совсем ещё ничего в Писании не понял». Блаж. Августин. Проповеди на Господские праздники, 39; О христианской науке, кн. 1, гл. 36.

5. Берегись однако же при этом, чтобы не взяться тебе с рьяностью за исполнение заповедей Писания собственными силами и действиями, в уверенности, что ты сможешь исполнить их так, как того требует Бог в Библии и в совести. Закон, как детоводитель, должен только подталкивать и вести тебя ко Христу (Гал. 3, 24), имея целью лишь то, чтобы ты, при каждом вразумлении и требовании благодати, сразу же осознавал свою нищету и бессилие и внутренне всецело предавал себя Господу Иисусу, дабы Он стал в тебе *и хотением и действием* (Фил. 2, 13). Он желает совершить в тебе всё, что невозможно Закону. И чем более Закон, выявляя твою неверность Богу и неспособность самому исполнить заповеди, устрашает и гнетёт тебя, тем смиреннее и глубже должен ты погружаться в благодать, милость и искупительную Кровь Иисуса. Только пребывай в Нём в таком расположении духа, в верующей алчбе и жажде, молитве и ожидании – *и ты принесёшь много плода* (Ин. 15, 5); в своё время даст Он тебе Свою любовь в сердце, и ты *соблюдёшь слово Его* (Ин. 14, 23) непротивляющейся душою и *сможешь всё* в Том, Кто внутренне *укрепляет тебя* (Фил. 4, 13).

6. *Писание нужно читать, молясь, и молиться, читая*, ибо всякий свет, всякое действие и благословение Писания осеняет наше сердце только по благодати Святого Духа. Кто читает Священное Писание не с обращённым к Богу молящимся сердцем, тот отходит от богатого стола голодным, бессильным и пустым, как бы ни была наполнена его голова. Если мы читаем Библию правильно, то Бог говорит к нам, и всё читаемое должно подвигать и нас говорить с Богом. Все обетования и заповеди Писания надлежит обращать в молитву, и сокровенным разговором нашего духа с Богом и возвышением к Нему сердца часто прерывать чтение. Кто таким образом занимается Писанием в Боге и с Богом, тот везде *найдёт себе пажить*, ибо он будет *входить и выходить* со своим Пастырем (Ин. 10, 9).

7. *Не увлекайся многими и различными человеческими толкованиями Писания*; большинство из них вредят и запутывают больше, чем приносят пользы. Даже к лучшим из них не склоняйся слишком и не полагай, что они разъяснили нечто раз и навсегда: Дух благодати по Своему изволению по-разному действовал в каждом толкователе, сообразовываясь с его состоянием, его временем и обстоятельствами. *Не привноси в Священное Писание свои предвзятые мысли и образы*. Ты должен не подгонять Писание под себя, но наоборот, дать Писанию, чрез Святого Духа, формировать твой ум и чувства и всю твою жизнь. Проси Бога об этом Духе истинного

просвещения, и в ожидании Его вникай в Библию в беспристрастном²⁵, тихом и послушливом расположении души. Предоставь Святому Духу Самому открывать тебе истины Писания и запечатлевать их в сердце. Это питает и насыщает нас несравненно лучше, чем если бы нам всё разжевывали толкователи; это укореняется и пребывает в нас так, что во всю свою жизнь мы часто не можем забыть сего вразумления Духа.

«Слово Божие», говорит Лютер, «есть бесконечное слово; оно хочет, чтобы воспринимал и созерцал его безмолвный дух, как сказано в 84-м Псалме: *послушаю, что скажет* во мне Сам Господь Бог (Пс. 84, 9). Никто не понимает сего, кроме самого этого безмолвного созерцающего духа. Кто может придти в такое состояние без комментариев и толкований, тому ни мои, ни всех людей изъяснения Писания совсем не надобны, и даже будут только во вред»²⁶.

8. *Не слишком стремись к тому, чтобы знать на память как можно больше слов Писания, но гораздо более к тому, чтобы их значение и силу восчувствовало сердце*²⁷. Нередко человек забывает слова, но сила их пребывает в его душе; и часто тот, кто содержит в памяти и на устах мало слов Писания, в великой мере объемлет его смысл и дух в сердце. Всё внимание нужно обращать на свет, помазание и уразумение, открывающиеся в глубине нашей души при чтении и слушании Писания; их нужно *сохранять в сердце своём* (Лк. 2, 51). Это есть субстанция или сила питающего нас хлеба, *слова, исходящего из уст Божиих* (Мф. 4, 4), которым только – а не внешним звучанием или пустыми образами в голове – и жив человек (Ин. 6, 57).

9. *Если твоему сердцу откроется и станет понятным какое-либо изречение Писания, то ты не должен тотчас рассказывать это другим*, выставляя напоказ своё разумение. Не блистай здесь своим самолюбивым умом, который всё искажает, но дай семени слова глубже ниспасть тебе в сердце и там вместе с Марией выслушай его и размысли над ним в чистоте (Лк. 10, 39). Отметь это изречение в своей Библии или каким-нибудь иным способом сохрани его для напоминания; может быть, эта кроха со стола Господня (Мф. 15, 27) некогда в голодное время вновь напитает тебя. Прежде же всего *всяким хранением блюди своё сердце* (Притч. 4, 23), дабы никакая хищная птица не истребила посеянное слово, или терния мирских забот и обольщение богатства не заглушили это семя (Мф. 13, 4; 22). Оно есть слово Божие в твоей душе; малое семя, но семя нового рождения свыше (Ин. 3, 7; 1 Петр. 1, 23), которое станет

²⁵ [В некоторых изданиях «Пути истины»: «чистом».]

²⁶ Tomus novem, Hallae, Folio 162. [Мартин Лютер. Том 9-й, стр. 162. Галле, 1740–1753].

²⁷ «Чтение внешней буквы питает человека совсем мало, если он не почерпнёт из сердца изъяснение и внутренний смысл читаемого». «Райская лестница», гл. 4 [средневековый сборник изречений святых], в писаниях свв. Бернарда и Августина.

великим деревом (Мф. 13, 32) и принесёт много плода (Ин. 15, 5), если только будет за ним надлежащий уход.

10. *Не читай много сразу*, подобно некоторым, глотающим страницу за страницей, как будто они хотят предъявить Богу к оплате счёт, сколько глав в Библии ими прочитано. Читай мало; но это малое – с тем бóльшим благоговением и вдумчивостью. Библия так составлена Духом Премудрости, что хотя в ней всё нанизано одно на другое в прекрасной связи и порядке, как жемчужины на ожерелье, пусть даже не везде мы можем это увидеть, – но одновременно почти каждый её стих представляет собой краткое законченное изречение, подобное жемчужине, которая ценна и сама по себе. Поэтому иногда можно раскрыть Библию на любом месте, и, читая то или иное изречение, ожидать в страхе Божиим, что оно даст нам для нашего пробуждения, назидания и укрепления; а в другой раз можно читать библейские книги последовательно, созерцая сие прекрасное жемчужное ожерелье во всей его целостности. Только всё это нужно совершать со смиренным и детским расположением духа, не для того лишь, чтобы наполнить голову, но чтобы напитать сердце и чрез Писание приближаться к Самому Богу.

11. Ибо, как мы уже говорили в начале, это и есть, собственно, конечная цель Бога и важнейший духовный смысл Писания, на что направлена вся Библия во всё её многообразии – именно, чтобы чрез сие драгоценное спасительное средство привлечь и привести нас от нашего горестного отпадения от Бога, рассеяния в творениях и раздробленности в самих себе обратно к Нему, к внутреннему общению с Ним во Христе Иисусе. Этой конечной цели нам никогда нельзя упускать из виду при занятиях Священным Писанием, иначе мы будем читать его напрасно, и оно вместо целительного средства станет для нас претыканием. Тогда к нам будет относиться обличение, высказанное некогда Спасителем Иудеям: *вы исследуете Писание* (именно так следовало бы правильно перевести это место Евангелия²⁸), *ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; но ко Мне вы не хотите придти, чтобы обрести вам сию жизнь* (Ин. 5, 39-40). Писание не может дать нам жизнь, но только Христос, о Котором свидетельствует Писание. О, душа! прибегай ко Христу перед чтением Библии, во время него и после него! Если при занятиях Священным Писанием читаемое охватит тебя, насытит тебя, соберёт всего тебя воедино, если помазание Святого Духа изволит дать тебе внутреннее вразумление, если ты, неким особым образом ощутив Бога, Его соприсутствие, то или иное Его совершенное свойство, будешь повлечён внутрь себя и удержан там, переживая всё это в духе, – то смотри,

²⁸ [Терстеген здесь полемизирует с общепринятым переводом Ин. 5, 39: *исследуйте Писания.*]

не будь неразумен и не читай дальше ничего, чтобы не лишиться тебе столь драгоценного излияния благодати. Смиренно убезмолвствуйся тогда²⁹, ибо Датель Писания в такие моменты Сам соприсутствует тебе. Утишь все свои мысли, чувства, воления и действия и всецело предай себя этому святому действованию Бога и Его благодати, дабы во внутреннем безмолвии и отрешённости *услышать* с Давидом, *что Сам Господь говорит тебе* (Пс. 84, 9). Предоставь Ему своё сердце отверстым, умолкнувшим и обнажённым от всего, уподобься чистому листу бумаги, чтобы Он Сам перстом Духа Своего написал Свой закон тебе в сердце (Евр. 8, 10), и чтобы ты, всем твоим существом и действиями, сам стал неким священным писанием и апостольским посланием, которое могут читать все люди. Тогда, хотя Библия и останется для тебя, как было и до того, верным свидетелем о Христе, но теперь уже ты будешь *веровать* не только *ради речей* Писания, но *услышишь и познаешь* Его Самого (Ин. 4, 42).

12. Думаю, что для сего трактата нельзя найти лучшего завершения, чем прекрасные слова боговеда Фомы Кемпийского, которые одновременно могут стать и замечательной молитвой при чтении Священного Писания. Да запечатлеет Бог их смысл глубоко в нашем сердце и да дарует нам опытно познать и исполнить их!

«Говори, Господи, ибо слышит раб Твой (1 Цар. 3, 9). Я раб Твой: вразуми меня, и познаю откровения Твои (Пс. 118, 125). Приклони сердце моё к откровениям Твоим (Пс. 118, 36), да польётся, как роса (Втор. 32, 2), речь Твоя. Чада Израилевы говорили некогда, обращаясь к Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть (Исх. 20, 19). Не этого, Господи, не этого я прошу, а вместе с пророком Самуилом умоляю Тебя смиренно и ревностно: говори, Господи, ибо слышит раб Твой. Пусть не только Моисей или кто-либо из пророков говорят со мной, а ты, Господи Боже, Вдохновитель и Просветитель всех пророков, говори со мной, ибо Ты Один можешь наставить меня в совершенстве, они же без Тебя ничем способствовать мне не в силах.

Они могут передать слова, но они не передают духа. Они говорят красиво, но если Ты безмолвствуешь, они не воспаляют сердца. Они дают нам букву, Ты же открываешь нам смысл. Они говорят нам о тайнах, Ты же даруешь понимание всего того, что сокрыто. Они объявляют заповеди, Ты же помогаешь их исполнять. Они указывают нам путь, Ты же даёшь силы на то, чтобы этот путь пройти. Они действуют

²⁹ «Как я уже говорил, так увещаю снова: если среди твоих размышлений над Писанием придёт Святой Дух и Сам начнёт проповедовать в твоём сердце Своими светоносными и ясными мыслями, то воздай Ему честь, оставив твои уже сложившиеся суждения. Утишься и внимай Тому, Кто проповедует лучше, чем ты; и что Он возвестит тебе, то запомни и запиши, и так познаешь ты многие чудеса». Лютер, Альтенбургское издание, том 6, стр. 473.

только вовне, Ты же проникаешь в сердца наши, наставляя и просвещая их. Они удобряют снаружи, Ты же даешь плодородие. Они изрекают слова, Ты же даёшь нам понимание этих слов.

Посему, да не Моисей только говорит со мной, но Ты, Господи Боже мой, Ты, Вечная Истина, – чтобы не умереть мне, оставаясь бесплодным, когда наставления приходят ко мне только извне, а сам я не воспламеняюсь внутренне; и чтобы не подвергнуться мне суду слова, которое я слышу, но не осуществляю, воспринимаю, но не проникаю к нему любовью, которому верю, но не соблюдаю. Говори же, Господи, раб Твой внимает Тебе. *Ты имеешь глаголы вечной жизни* (Ин. 6, 68). Говори со мной, Господи, обо всём, что направлено на утешение души моей, на исправление всей жизни моей, да вечно воздам Тебе славу, честь и поклонение»³⁰.

Аминь.

³⁰ Фома Кемпийский. Четыре книги о подражании Христу. Кн. 3, гл. 2. [Частично использован перевод А. Н. Панасьева в изд.: Фома Кемпийский. О подражании Христу. Богословие в культуре Средневековья. Киев, 1992. Слова в скобках вставлены Терстегеном.]

Трактат II

Рассуждение

о границах человеческого ума

в деле постижения

божественных истин

*Бог сотворил человека правым,
а люди пустились во многие помыслы.*

(Еккл. 7, 29)

*И мир Божий, который превышает всякого ума,
соблюдёт сердца ваши и помышления ваши
во Христе Иисусе.*

(Фил. 4, 7)

ВВЕДЕНИЕ

Сей трактат представляет собой частное ответное письмо, написанное мною в своё время по-голландски, а затем, по желанию многих, ищущих назидания, переведённое на немецкий язык и широко распространившееся. Некоторые, прочитавшие его, укоряют меня, что я противостою рассудку посредством рассудка и отвергаю значение ума рассуждением ума. Но я отнюдь не отвергаю значение ума, а всего лишь указываю на границы его возможностей и правильное и неправильное его применение в деле познания божественных истин. Одновременно я показываю, что от Бога нашему духу дана гораздо более благородная способность сущностно и спасительно познавать Его Самого и сверхприродные вещи. Таким образом, совершенно безосновательным является обвинение, что я призываю людей уподобиться неразумным животным, в то время как, наоборот, мною здесь изъясняется, что такое *разумение истины* (1 Тим. 2, 4), как к нему придти, его обрести и им пользоваться во благо.

Что же касается моего стремления привести исчерпывающие рассуждения, то я хотел тем самым некоторым образом приспособиться к восприятию тех, кто привык рассматривать всё в свете и зеркале рассудка, – и то в ограниченной степени, с тем намерением, не подвигнет ли это их обратиться от образов к оригиналу и сущности и *стать как дети* (Мф. 18, 3), которые знают и любят свою мать и безыскусно, не употребляя утомительных усилий, вкушают от её груди без всяких «почему», только лишь следуя данному им от рождения природному инстинкту и влечению. Бог даёт Своим *рождённым свыше* (Ин. 3, 7) *из слова истины* (Иак. 1, 18) чадам некий подобный инстинкт и влечение – напечатление и действие веры в сердце, чрез что они опытно всё более и более познают и вкушают Бога и Его истину сверх всяких рассуждений ума. И если только они предадут себя этому внутреннему *привлечению от Отца* (Ин. 6, 44) и свету веры (который есть вовсе никакое не обольщение или самоизмышлённая вещь, но неложное *осуществление* – Евр. 11, 1), то придут они не во тьму, хотя иногда кажется именно так; но Святой Дух Истины поведёт их от меры в меру (Еф. 4, 13) из всяческой суеты, заблуждений, мечтательства и самости к истине и подлинному существованию, которые обретаются во Христе. Следуя по этому пути, они научатся всё более и более отстраняться от всякой надежды на себя и на свой ум, дабы уповать только на имя Господне и всецело предавать себя своему Богу. К прочим же, которые не желают покорить себя вере, но упорно следуют свету своего

ума, Дух Святой со всей строгостью взывает чрез Пророка Исаию: *Вот, все вы, которые возжигаете огонь, ходите в искрах вашего света, – идите в пламень огня вашего и стрел, раскалённых вами! Это будет вам от руки Моей; в мучении умрёте* (Ис. 50, 11).

* * *

Возлюбленный о Господе друг и собрат!

1. В Вашем последнем письме Вы поставили передо мною столь многие и важные вопросы, что, конечно, было бы лучше, если б они были обращены к тем, кто имеет не только больше времени, но и больше способности ответить на них полнее, нежели я. Однако же, дабы явить, что я рад и готов послужить Вам, и вдобавок видя в себе, как кажется, некоторое понимание предмета, я попытаюсь, хотя, может быть, и в недостаточной мере, ответить Вам.

2. Вы изволите знать, что я думаю о познании человеком самого себя и о познании Бога (или, по Вашему выражению, «боговедении»¹), и посредством чего и каким путём мы с нашей стороны можем придти к сему познанию. В особенности же Вас интересуют мои мысли о рассудке – не является ли наш ум до некоторой степени подходящим инструментом для познания истины, и в чём должно ему следовать, – или же нужно противиться ему? И что и как в таком случае могут уразуметь душа, дух и т. д., если они будут действовать вопреки уму? Итак, с Божией помощью я постараюсь изложить Вам здесь свои соображения по этому поводу.

I

[Свойства рассудочного познания²]

3. Если, как я понял, под «познанием самого себя» Вы имеете в виду не моральное или нравственное самопознание (которое совершенно необходимо), но

¹ [Здесь и в аналогичных местах (§§ 3, 5, 6) употребляется термин Theosophie. Терстеген в примечании к § 3 разбирает употребление этого термина древними («теософия – опытное познание Бога и божественных вещей») и новыми церковными писателями (здесь «теософия – происходящая из божественного откровения и созерцания истинная философия или метафизика»). Заканчивает своё примечание Терстеген неодобрительным упоминанием, что в его дни под этим словом часто понимается школьное богословие. Поскольку сегодня термин «теософия» воспринимается совсем иначе, чем во времена Терстегена, переводчик несколько изменил терминологию (с полным сохранением смысла) и опустил авторское примечание к § 3.]

² [Редакторские заголовки разделов взяты из издания: Gerhard Tersteegen. Ich bete an die Macht der Liebe. Eine Auswahl aus seinen Werken. Gießen, 1997, S. 155.]

исчерпывающее понимание, как устроены наши душевные силы, каковы их точные наименования, их порядок, различие между ними и особенности их действований, а под «боговедением» (или, проще говоря, «знанием о Боге») ясное и полное уразумение Божией природы, Божиих свойств, действий, проявлений и т. д., – то я скажу, что Бог не требует от человека такого знания и не заповедует его. *Не требует* потому, что мы можем освятиться и спастись и без него. *Не заповедует* потому, что таким знанием (особенно знанием Бога) невозможно овладеть посредством обучения, как какой-нибудь наукой или искусством. Человек своими силами и своим действом стяжать такое знание никак не может: один Бог даёт его, когда и кому Он хочет.

4. Хотя все мы должны иметь истинное познание Бога, сердечно желать его и подобающим образом уготовлять себя к приятию его, ибо в нём заключается всё наше спасение, – но достигается это познание единственно и только, когда Бог Сам действительно откроет нам Себя и приобщит нас к Себе. А благоволит Он открывать Себя *не мудрым и разумным, но младенцам* (Мф. 11, 25), тем, *кто любит Его и соблюдает слово Его* (Ин. 14, 23).

5. Знание же о Боге (в «школьном» употреблении этого слова) есть нечто совсем иное. Под ним понимают притязание на полноту, но одновременно основывающееся на членении и различении понятий умозрение не только о том, каков Бог в отношении к нам, но и каков Он по Своей сущности, в Своих свойствах и действиях. И такое знание о Боге не необходимо для спасения.

6. К тому же надо сказать, что умозрительное богопознание, если оно действительно претендует на основательность и истинность, должно проистекать (точно так же, как и познание Бога, необходимое для спасения) из некоего, по большей части экстраординарного, внутреннего просвещения, откровения и созерцания Бога. Таким созерцанием никто не может обладать по собственному усмотрению; никто не может достичь его посредством своих духовных усилий или размышлений, но даёт его только Сам Бог, кому Он хочет, по Своему особому попечению о душах человеческих. И число таких боговедцев на земле чрезвычайно мало.

7. Что касается определённого наименования душевных сил, их различения и т. п., то и здесь нет необходимости иметь о том совершенные и точнейшие понятия. Величайшие святые часто такими понятиями не обладали, а величайшие философы, с какой бы скрупулёзностью они ни вдавались в исследования этих предметов, понимали суть дела ещё меньше. Спросите, к примеру, какого-нибудь философа мира сего, что такое «внутренний человек», «чистое разумение», «основание души»,

«глубина сердца» и тому подобное. Да он только посмеётся над этим и скажет, что Вы произносите бессмысленные термины, которыми оперировали всякие безграмотные мистики, – а между тем всё названное является высшими и благороднейшими силами нашей души. Те, которые говорят об этом, хорошо знают, что всё это означает; но без просвещения от Бога и без опыта узнать это невозможно.

8. Есть, конечно, книги, написанные об этом из состояния божественного просвещения с достаточным пониманием предмета. Но всё равно для нас лучше, если мы приуготовимся – и дадим Святому Духу приуготовить себя – к тому, чтобы самим быть причастниками этого божественного просвещения и чрез него научиться познавать свою падшесть, Божию благодать во Христе, чудное действие сей благодати в нас и внутреннее приобщение к ней, нежели рассеивать себя всевозможными образами и смутными представлениями, преждевременно вычитанными из таких книг.

9. Разумение всего этого приходит с годами; я полагаю, что достаточно для нас, чтобы мы, *как новорождённые младенцы*, жаждающе приникали к *чистому молоку* – полноте благодати во Иисусе Христе, *и возрастали в Нём* (1 Петр. 2, 2); тогда всё остальное последует само собой. Такие младенцы Христовы понимают всё наилучшим образом, и не учась этому когда-либо. Я знаю многих благочестивых людей, которые вряд ли могли бы описать Вам, как действует их ум, но в которых я, несмотря на это, вижу, что они прекрасно понимают, как им следует, а как не следует поступать в том или ином случае.

10. Когда чадо благодати слышит или читает обращённую к нему заповедь: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею* (Мк. 12, 30), то он не ломает долго голову над тем, чтобы дать точное описание и составить исчерпывающее понятие о каждом в отдельности термине «сердце», «душа», «разумение», «крепость»; но уразумевает прежде всего то, что всё поименованное вкуче должно всецело принадлежать Богу. Поэтому ему нет необходимости идти длинным и кружным путём выяснения, что да как; а нужно ему только отстранить свою любовь от всего, что не есть Бог и Божие, и, как бы собрав все силы души воедино, безоговорочно предать их Богу. И я бы сказал, что при таком образе действий чадо благодати поступает стократ более разумно, чем тот, кто проводит целые часы за исследованием, что каждое из этих слов означает в отдельности, прежде чем ему приступить к самому делу предания себя Богу и возлюбления Его, – если только он вообще приступит к нему, а не отступит в процессе уяснения, что такое сердце, от своего собственного сердца так далеко, что,

вероятно, уже и не сможет увидеть его в себе, дабы предать его Богу. Я говорю это отнюдь не из намерения совсем отвергнуть всякое объяснение терминов Писания, но ради предостережения от того, чтобы давать голове слишком много, а сердцу слишком мало. Жаль, когда ходят чересчур уж большими обходными путями, ибо жизнь наша кратка, и время её дорого.

Так и в Библии гораздо большее внимание уделяется изображению *поведения* человека – каков этот человек, и что доброго и злого в нём есть, нежели описанию его *природы* – сколько в нём действует сил души, какие наименования и свойства эти силы имеют, и т. д., так как первое несравненно важнее, чем второе.

11. Как в моральном отношении люди делятся на две части – на добрых и злых, так и человек, рассматриваемый в отношении его природы и сущности, имеет две части. *Высшая*, благороднейшая *часть человека* именуется в Писании «духом», «сердцем», «душой», «разумением», «совестью», «внутренним человеком», «духовным человеком», «сокровенным сердца человеком»; и эти слова означают в общем одно и то же. Если же, например, с той или иной целью нужно различить дух и душу, то само собой понятно, что тогда «духом» будет именоваться наивысшая, благороднейшая, а «душой» – менее (сравнительно с духом) благородная часть человека³. Можно было бы всё это подробно расписать, если бы это было необходимо; но поскольку этим занимались уже многие просвещённые люди, и никому из них так и не удалось составить строгие понятия о том, как именно различаются дух и душа, прежде чем *разделит их действие живого слова Божия* (Евр. 4, 12), – то и я прерываю это рассуждение.

Вторая часть человека именуется «внешним человеком», «природным человеком», «телом с членами его», «плотью», «плотью и кровью», «мудрованием» и «помыслами» (то есть плотским умом и рассудком), и т. д.; всё это связано одно с другим, и понимается под всем этим, как правило, одно и то же.

12. Рассудок, без сомнения, очень обидится на меня, что я поставил его на столь низкое место, в то время как он привык председательствовать во всех делах людских. Но потерпите, друг мой, сейчас я изъясню Вам его подлинное положение согласно самому делу и руководствуясь тем, что говорит о нём Писание.

Вы спросите меня: где же в Писании говорится о рассудке? Действительно, слово «рассудок» встречается в Библии едва ли не единственный раз, и то в качестве

³ Дух преимуществует пред душой, согласно словам Апостола (1 Фесс. 5, 23).

обиходного выражения⁴. И само это молчание Духа Божия в Писании даёт нам весомое предположение, что в духовных вещах рассудок не должен высоко почитаться, и от него нельзя требовать той службы, какая обыкновенно от него ожидается. Он в лучшем случае должен быть поставлен в чин гаваонитов, занятых лишь тем, чтобы рубить дрова и черпать воду, речам которых никак нельзя неосторожно верить прежде, нежели согласишься с Господом (Иис. Нав. 9, 3-21).

13. Но хотя Библия не говорит о рассудке как таковом, само его дело достаточно показано в ней – и именно таким образом, что вряд ли можно проникнуться к нему почтением. Человеческому уму лишь только *кажется правильным* то или иное, и мы *не должны ничего делать*, следуя этой кажимости (Втор. 12, 8); на него *нельзя полагаться* (Притч. 3, 5). Он изображается как некая *твердыня замыслов* (то есть умствований, рассудочных рассуждений), которые *должно разрушать и ниспровергать*; как *превозношение, восстающее против познания Божия* (уже отсюда видно, что рассудок не может дать нам правое познание Бога); как *всякое помышление*, которое надлежит *пленять в послушание Христу* (2 Кор. 10, 4-5). Человеческий ум есть *плоть и кровь*, с которыми не следует *держаться совет* (Гал. 1, 16); *желание плоти и помыслов*, по которым живут *чада гнева* (Еф. 2, 3); *помышления в делах лукавых*⁵, *отчуждающие* нас от Бога и делающие нас *врагами Ему* (Кол. 1, 21). Кратко сказать, человеческое умствование есть *мудрость мира сего*, которую Бог *обращает в безумие* (1 Кор. 20-21), *мудрость земная* (Иак. 3, 15), *природный человек*, который *не принимает и не может разуместь того, что от Духа Божия, ибо он почитает это безумием* (1 Кор. 2, 14).

14. Видите, любезный мой друг, как Писание изображает тот ум, который ныне свойственен всем потомкам Адама, после того, как размышление наших прародителей склонилось к согласию с наветами змия (Быт. 3, 1-7). И поскольку сей наш ум через это открыл к себе доступ сатане и вступил в общение как с ним, так и с духом мира сего и с плотью и кровью, – то потому всякий христианин имеет причину никогда не доверять слишком много своему рассудку и отнюдь не во всём повиноваться ему, из необходимой предосторожности, чтобы, *как змий хитростью своею прельстил Еву, так и его ум не повредился бы, уклонившись от простоты во Христе* (2 Кор. 11, 3).

⁴ [Втор. 32, 28: *ибо они народ, потерявший рассудок*. – В § 12 переводчик ради сохранения смысла вынужденно отступил от буквы авторского текста из-за невозможности найти полное и постоянное соответствие в русском языке терминам Vernunft, Verstand, Rat, Ratio и др., и опустил примечание Терстегена, в котором тот предпринимает небольшое филологическое исследование, сравнивая значение и употребление этих слов в немецком, голландском и латинском языках.]

⁵ [По ц.-сл. переводу.]

15. Даже если мы будем рассматривать рассудок, как он есть сам по себе, как одну из душевных сил человека, отстраняясь от его падшего состояния, то и тогда мы увидим, что он всё равно не способен доставить нам истинное и основательное познание Бога и Его истин. Чтобы пояснить это, скажу кратко, что всякий человек получил от Бога тройкую возможность нечто познавать. Она осуществляется:

1) через внешние чувства. Ими мы познаём видимые и природные вещи, как они есть, непосредственно убеждаясь в их действительном наличии;

2) через чистое или приимательное разумение⁶, которое воспринимает Бога и невидимые сверхприродные вещи также как они есть, объемля, чувствуя и разумея Бога как непосредственно сопричастующего душе;

и, наконец, 3) через рассудок, или активный ум, действующий силой воображения и рассуждения и представляющий и живописующий себе как природные, так и сверхприродные предметы и явления, которые *не наличествуют* в данный момент и *не сопричастуют* нам, – с целью сделать их *как бы* наличествующими и сопричастующими, созерцая их в некоем образном виде, как в зеркале или на картине.

16. То, что мы познаём природные видимые предметы и явления, как они есть, через внешние чувства, а не через рассудок, достаточно очевидно. Кто греется на солнце или ест вкусную пищу, тот познаёт это живо и с полным удостоверением. Рассудок со всей его работой не может прибавить нам никакой большей убедительности в познании этих явлений. Напротив, если некий философ, никогда не видя солнца, сидит при свече или в полной темноте и составляет себе понятие о солнце, употребляя самые тонкие и изысканные определения (или же кто-нибудь много рассуждает о восхитительном вкусе блюда, которое он никогда не ел), – то это будет мёртвое познание и воображательное описание отсутствующего предмета, от которого нельзя ни согреться, ни насытиться.

17. То же, что в нас есть некое чистое приимательное разумение⁷, которое Апостол Павел именует *очами сердца* (Еф. 1, 18) (и если сии очи отверсты и просвещены Божиим светом, то такое приимательное разумение называется также *верой*), коими мы можем воспринимать Бога и божественные вещи живо, как они есть и сопричастуют нам; и что к этому неспособны ни внешние чувства, ни рассудок (или

⁶ [См. прим. 16 к первому трактату.]

⁷ Г-н профессор Витсиус называет его «новым даром души», духовным, небесным, божественным даром, который только и делает нас способным к созерцанию духовных, небесных и божественных вещей. См. его «Письменное рассуждение к Ульриху Хуберу», [Утрехт, 1687,] стр. 40, 41. [Герман Витсиус (1636 – 1708) – пиетист, профессор теологии в Утрехте и Лейдене].

наш действующий ум), – мне представляется неопровержимым. Внешние чувства слишком грубы для этого. Рассудок же есть активная сила в человеке, сама себе создающая свои предметы; и как возможно, чтобы человек мог произвести Бога, божественный свет и божественную истину из своего собственного действия? Посему необходимо, чтобы в нас была некая приемательная, неактивная возможность созерцать Бога и божественные вещи, как они есть и соприсутствуют нам. И это есть *чистое разумение*, которое вложено при сотворении во всякого человека и которое остаётся незадействованным, пока Бог не даст нам свет и разум для внутреннего и сущностного познания истины, *дабы мы пребыли в истинном Сыне Его Иисусе Христе* (1 Ин. 5, 20).

18. Среди этих трёх видов познания нет в нас познания более недостаточного, ненадёжного и мёртвого, чем достигаемого рассудком. Какие только порой не составляются диковинные представления о вещах, которые человек никогда не видел и не испытывал! И хотя бы о том говорилось точно теми же словами, какими иной говорит от опыта, всё равно истинного разумения предмета тут не будет; не будет даже и приблизительного понятия. Например, все мы можем произнести слова, что Бог вездесущ. Но я уверяю Вас, любезный мой друг: если Бог Сам не просветит нас и не откроет нам Себя Самого, то при всём рассудочном знании, полученном совне, мы ещё нисколько не будем разумеать, что такое Божие вездеприсутствие на самом деле. Когда же Богу угодно будет дать нам сию благодать, то мы всем сердцем исповедуем с праотцем Иаковом: *истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!* (Быт. 28, 16). Прежде чем мы достигнем просвещения от Бога, или опытного познания истины, всё наше знание есть лишь предположение и мнение; поэтому-то люди всегда недоумевают и спорят об этих вещах. Кто же познал истину, тот не имеет нужды ни с кем спорить; что он увидел, то знает, и для него уже нет никакого предмета для спора. Я пишу здесь об этом вскользь, мимоходом, дабы показать только, что не всё то является истиной, что считается таковой людьми. Самые прекрасные концепции, взятые из головы, не заслуживают названия истины. Истина есть или Сам Бог, или познание Бога и божественных вещей, как они есть; ни Тот, ни другое не являются делом и предметом рассудка.

19. Вышесказанному не противоречит, что если человек истинно познал и опытно вкусил Бога и духовные предметы, то он может по мере своего опыта и просвещения составить истинный образ и верное описание познанного. Он может размышлять о нём и делать выводы и заключения, которые будут иметь гораздо больше основания и истинности, чем измышления прочих людей. И если его просвещение от Бога

достаточно глубоко, ясно и постоянно, то для него возможно как бы в одно мгновение, без утомительного думанья, найти истину изображённой в его уме, подобно тому, как человек видит себя в зеркале.

20. Если на то есть Божия воля, то такой просвещённый человек может употребить свой рассудок, или активно действующий ум, с большой пользой – как для самого себя, созерцая по временам истину, изображённую, как на картине; так и преимущественно для других, имея возможность указать им на истину и точно представить её, будь то устно или письменно. Всего этого не может быть без определённой деятельности активного ума. Но такой просвещённый человек непременно должен следить за тем, чтобы не пользоваться действием ума сверх меры, слишком долго, слишком много. Ум надлежит ему применять только как вспомогательное средство, время от времени вновь углубляясь и собираясь в своё сердце, дабы, как дитя, не имеющее своей воли, своего разума, своих представлений и образов, дать место Господу и, по Его заповеди, соблюсти свою субботу. В противном случае образы и представления об истине в его голове и вся его благая деятельность постепенно истощатся и оскудеют, станут бесплодными и мёртвыми и даже обольстительными и вредными для него самого и для других людей.

Поэтому истинно просвещённый от Бога и ведущий внутреннюю жизнь человек никогда не станет по собственному почину стремиться совершать духовное служение ближним (как это бывает с новоначальными или с просвещёнными только отчасти). Сам Господь должен подвигнуть нас работать в Своем винограднике. Подлинно просвещённые люди знают, что при всяком действовании есть опасность; они не любят долго пребывать в голове; пребывание с Богом в сердце для них несравненно лучше занятий с образами в уме. Для таких людей большим самоотвержением является, когда ради других им приходится много времени и внимания уделять рассудочной деятельности. О, сколь великая благодать и терпение необходимы им для этого на благо всем!

21. Также я совсем не хочу сказать, что те, кто ещё не пришёл к достаточному просвещению от Бога и опытному познанию истины, не должны пользоваться своим деятельным умом. Вовсе нет! Наоборот, я считаю, что доброе размышление и созерцание ума в своё время может быть очень полезным. Пусть человек читает, слушает, думает, занимается всем этим, чтобы деятельность ума, Божиим содействием, могла побудить и подвести его к цели – сущностному познанию Бога и возлюблению Его. Но для того, чтобы эти размышления были хороши и приносили нам пользу, а не препятствовали нашему пути к Богу, мы должны постоянно иметь в виду

только что указанную конечную цель, дабы нам не рассеиваться и не расточаться чрез свои размышления и созерцания по таким вещам, которые не служат нашему освящению и не приближают нас к Богу. Зачем нам предпринимать слишком большой кружной путь? Созерцание или размышление о Боге и божественных предметах должно быть сердечным, без напряжения и излишних усилий; нужно только всегда следить, чтобы на эти размышления сочувственно отзывалась душа, и с тем пребывать внутри. И вообще не следует слишком надолго оставаться в голове, но, насколько это возможно, стараться погружаться в сердце и стремиться достигать той цели, которой должно служить всё прочее – умерщвления ветхого Адама и возлюбления Бога. Такое умерщвление однажды приведёт нас к тому, что мы умрём и для активной деятельности своего рассудка, дабы предоставить в себе место действию Божию и Его чистой истины.

22. Делать те или иные умозаключения и выводы – также вещь добрая, если человек остаётся при этом в определённых рамках. Наши умозаключения должны быть просты и зиждиться только на тех основаниях, которые способствуют нашему познанию самих себя и обращают нас к Богу, дабы мы учились взирать на Него, на Его совершенства и на Его благодеяния. Пример таких умозаключений явил нам Авраам, когда он сделал основательнейший вывод о Божием всемогуществе и заградил тем самым уста рассудку, согласившись на совершенно противоречащее всякому уму дело принесения Исаака в жертву, *ибо он думал, что Бог силен и из мёртвых воскресит* (Евр. 11, 19). Подобно этому надлежит делать выводы и нам, например: почему Бог попускает нечестивым благоденствовать? Потому что Он *долготерпелив и не хочет, чтобы кто погиб* (2 Петр. 3, 9). Почему Бог попускает войны? Потому что *все мы согрешили* (Рим. 3, 23), а Бог справедлив. Почему Бог посещает меня болезнями? Почему всё идёт не так, как я хочу? По той же самой причине, и чтобы исправить и очистить меня (1 Петр. 4, 1). Почему Бог скрывает Свою премудрость *от мудрых и разумных и открывает её младенцам*? Потому что *таково Его благоволение и изволение* (Мф. 11, 25-26). Кто мыслит, делает выводы и умозаключения таким образом, тот уразумевает истинные основания всего без ломания головы; его душа познаёт Бога во всём, и сердце его не отдаляется от Бога.

23. Но здесь-то рассудок начинает противиться и упираться; он не хочет быть *как дитя* (Мф. 18, 3), он не хочет, чтобы его ограничивали и *пленяли в послушание Христу* (2 Кор. 10, 5). И в той мере, в какой он не остаётся в вышеуказанных границах, его деятельность становится сплошным злоупотреблением и *враждой против Бога* (Рим. 8, 7) и против истинного познания Его. Это несоблюдение умом своего чина

столь велико и всеобще, что нельзя не ужаснуться сему; и тем оно опаснее, чем менее осознаётся. Об этом я хочу сказать отдельно несколько слов.

II

[О неверном применении ума в деле богопознания]

24. Первая основная повреждённость и неверное применение ума есть самонадеянная дерзость и мечтательное обольщение, когда человек считает, что он может деятельностью своего рассудка (посредством изучения, исследования и рассуждения) получить правое познание Бога и Его истины. Многие придерживаются такого убеждения. Между тем это есть великое обольщение и в высшей степени вредное заблуждение. Мы не в состоянии никакими нашими действиями возыметь в себе Бога и Его божественный свет; мы можем только, как бедные слепцы, чаять его и принимать исключительно по благодати. Наш ум не умеет ничего, кроме как создавать образы. И тот, кто, подобно усердному и одарённому художнику, обладая искусным, развитым активным рассудком, может живописать в уме всевозможные тонкие и прекрасные образы природных и духовных вещей и способен как созерцать их сам, так и являть их взору других людей, – тот подвергается гораздо большей опасности впасть в самолюбование и рассеяние и зря растратить время своей жизни, нежели тот, кто не имеет таких способностей. Всякий раз, когда такой человек подступится к подлинному познанию Бога и Его истины, в нём будет воздвигаться сильнейшая буря мысленных картин и образов. И именно в этом заключается причина, почему в деле истинного познания Бога никому не приходится труднее, чем мудрецам века сего (1 Кор. 1, 20) и тем, кто предоставляет своему падшему уму слишком большие полномочия.

25. Другое недолжное употребление ума есть то, когда он действует слишком много и не в своё время. Люди, болеющие острой горячкой, исполнены фантазий и не хотят верить, что они больны, но стремятся встать и работать, и очень сердятся на тех, кто говорит им, что из-за их болезни они не в состоянии этого делать, но должны тихо лежать и ожидать выздоровления. И действительно, от таких людей требуется только одно – чтобы они спокойно и смиренно принимали прописанные им лекарства. Наш природный ум и есть такой безумный горячечный фантазирующий пациент, который всё время хочет быть занятым. Но он только усилит свою лихорадку, если не успокоится и не покорится предписаниям Высшего Врача, дабы, следуя им, ожидать в безмолвии просвещения свыше (Иак. 3, 17).

26. И смотрите, как получается: большинство людей знают и говорят, что мы слепы от природы, в силу её падшести, и что Бог должен дать нам просвещённые очи сердца (Еф. 1, 18). А между тем, совершенно не ожидая, когда Бог даст им такие очи, люди с дерзновением берутся что-то делать и считают, что они видят всё столь ясно, что уже не нуждаются ни в каком руководстве свыше, и даже нисколько не верят, что они могут что-то не видеть и не понимать. Но даже если человек просвещён от Бога и в высокой степени, ему всё равно надлежит применять свой ум очень умеренно. Ибо (как я уже говорил) умом мы видим Бога и Его истину только как на изображении, в образах. Бог соприсутствует нам внутри, в нашем сердце; там изволит Он открывать нам Себя и Свои истины. Представьте, если к Вам придёт Ваш лучший друг, а Вы будете разглядывать его портрет, некогда написанный Вами, обращаться к нему, говорить с ним, и т. д., а на самогó Вашего друга даже и не взглянете. Что подумает о Вас Ваш друг, да и все люди? И согласится ли хоть кто-нибудь с тем, что изображение полнее и живее изображаемого? Самый просвещённый человек, который слишком много занимает свой ум и живёт им, может опаснейшим образом обмануться и стать величайшим обольстителем для других.

27. Ещё одним неправильным применением ума является то, когда человек хочет иметь у себя в голове точные понятия и исчерпывающую концепцию о Боге и божественных вещах – не только о том, что они существуют, но и о том, как именно они существуют. Вследствие сего человек отвергает то, что он не понимает, или представления, которые не сходятся с его собственными. И именно это есть путь к тысячам заблуждений, к бесконечным спорам, да и к самому атеизму.

Всё вышесказанное значит не то, чтобы в Боге или в божественных предметах было что-то неразумное, – но что Бог и всё божественное *превышает* человеческий ум. Он дан нам не для богопознания; для этого в нас есть гораздо более благородная способность и сила. Наш ум видит всё образно и по частям, и поэтому он не может как должно познавать Бога и божественные вещи. Чтобы подлинно познать что-либо, необходимо увидеть это не в отображении, но как оно есть, и во всей целокупности. Поскольку же рассудок на это не способен, то он производит либо совсем грубые и неподобающие образы Бога, Его совершенств, Его путей и истин, либо претыкается о свои представления об этих предметах. Один своим умом видит вещь с одной стороны, и воспринимает некую часть истины; другой видит ту же самую вещь с другой стороны, и также воспринимает только лишь часть истины; и поскольку эти части не совпадают, то люди спорят о том и ненавидят друг друга до смерти.

28. Так было с учением о Святой Троице, о первородном грехе, о благодати, о свободе воли и т. д. Я даже и не могу сказать, есть ли хоть какое-нибудь свойство Божие, какая-нибудь истина или положение веры, вокруг которых не происходило бы такого рода споров и раздоров. А всё потому, что попускают рассудку, нарушая заповедь, входить в святилище (Исх. 30, 10; Евр. 9, 7), хвататься там за всё своим суждением и пытаться раскрыть такие вещи, в которые надлежит приникать только верой (1 Петр. 1, 12) и принимать их с благоговением по одной лишь обязывающей и безусловной причине, что так сказал Бог и засвидетельствовали Его святые.

29. И здесь необходимо упомянуть проявляющуюся в наше время чрезвычайно вредную распущенность ума – а именно, когда слова Божии и свидетельства святых Его⁸ подвергаются критике. Людям представляется, что это ниже их достоинства – веровать сим словам больше, чем они могут их понять (и очень, очень немногие могут честно сказать себе об этом). Но кто бы из каких оснований не исходил: кто много критикует, тот не на верном пути. Это только кажется, что ум своим критическим действием просвещает тьму и развязывает узлы сомнений. Ныне многие уверены в этом; что касается меня, то я, наоборот, убеждён, что падший природный ум со всей своей критикой ни к чему так более не способен, как к тому, чтобы ясное сделать тёмным и чтобы навязать на Священном Писании гораздо больше узлов сомнения, нежели их разрешить. Ибо человек, ведóмый собственной премудростью, проходит мимо того, что просто и ясно, что непосредственно предназначено для него и на чём нужно бы остановиться душой, дабы вкусить и исполнить то, – но задерживается своим мудрованием на том, что темно и что в настоящее время его ещё не касается; больше обращает внимания на род речи или незначительные обстоятельства, чем на самое дело; вгрызается в скорлупу, а ядро отбрасывает в сторону. Напротив, человек, верующий в простоте, стремится опытно вкусить и исполнить только то, что он понимает; а что он ещё не понимает, в то верует и препоручает Богу, и не носит всё это в голове, но *слагает* с Марией *слова сии в сердце своём* (Лк. 2, 19). И таким образом, когда мы исполняем то, что мы уже поняли, нам открывается и то, что мы ещё не понимаем (Ин. 7, 17).

30. Если человек увидит всё это, как есть, то он скоро убедится, что наш ум во всех своих действиях, и также в критике, тайно изыскивает возможность предоставить слово самолюбию и падшей природе. Во что не хочется верить и что не хочется делать, то (как уже сказано) подвергается критике. И через это – когда

⁸ [Поскольку дальше речь идёт о Св. Писании, то под «святыми» здесь скорее всего имеются в виду пророки и апостолы.]

падшему уму предоставляется право судить и решать – извращаются многие божественные высказывания Господа Иисуса Христа; они перетолковываются таким образом, который устраивал бы рассудок, хотя при беспристрастном рассмотрении подобные толкования и в голову бы никому не пришли. И всё сие только потому, что ясный смысл Божия откровения слишком строг и непереносим для падшей природы.

31. Именно отсюда происходит то, что природный человек, руководствуясь рассудком, насколько ему удаётся, подвергает сомнению или вовсе отрицает то, что он слышит о делах и чудесах Божиих и Его святых. Также человеческий ум всегда стремится рационализировать чудеса Божии, происходящие в мире, чрезвычайно заботясь о том, чтобы объяснить их естественными причинами; а если это не получается, то такие причины придумываются. Как то́ (чудеса и действия Божии в Писании и Церкви), так и другое (чудеса Божии в мире) наш рассудок стремится перетолковать не потому, чтобы он был слеп в отношении Бога, но преимущественно потому, что из-за очевидного расположения к крови и плоти и тесной связи с ними он имеет тайную ненависть и страх перед всем, что указывает на Бога, на Его силу, премудрость и благость. Кто же любит Бога, тот настроен совсем по-другому. Одноединственного убедительного свидетельства ему хватит, чтобы поверить тому, что восславляет Бога и помогает придти к Нему; равно как и десяти свидетельств ему будет недостаточно, чтобы разуверить его в том.

Также мы видим, что падший ум имеет легко осуждающее лукавое око в отношении ближнего; он склонен строго и подозрительно взирать на других людей, о которых ничего и не знает. Человек, руководимый им, даёт всему самое осудительное толкование, и ему гораздо легче подумать о ближнем (особенно если тот благочестив) худое, нежели доброе, – чтобы свет праведников не обличал его самого (Пс. 46, 11; Притч. 13, 19).

32. Немалое повреждение ума есть также излишняя пытливость, когда человек хочет всё знать, всё испытать и всё охватить пониманием, даже и то, что к нему ещё не относится и его не касается, – и это при том, что уже познанное и прямо к нему относящееся он пропускает и не исполняет. Это желание знать абсолютно всё и самым точным образом (что по праву может быть названо *похотью очей* – 1 Ин. 2, 16) змий вложил в наших прародителей; и до сих пор он с необыкновенным искусством побуждает нас к сему, дабы удерживать нас при себе и всё больше и больше отчуждать от Бога. Но христианину надлежит *быть, как дитя* (Мф. 18, 3), и даже в духовных вещах не стремиться к познанию того, что Богу ещё не благоугодно нам

открыть, а уж тем более не тратить время на исследование того, что не освящает нас и не приближает к Богу.

33. Также одним из проявлений нашего самолюбия и падшести ума является то, когда человек питает особое пристрастие к тонкости выводов, изысканной отделке речи, цветистому, высокопарному и благоуветливому стилю изложения, и, напротив, тайно гнушается (как простой неприправленной пищей) словом, не ласкающим падший ум и питает отвращение ко всему, что сказано просто и не отвечает замысловатости, требуемой риторическим искусством. У некоторых людей это заходит так далеко, что если спросить их начистоту, то они ответят именно то, за что укорял себя блаж. Августин в своей «Исповеди» – простой стиль Писания представлялся ему заслуживающим всякого презрения, ибо его невозможно было и сравнить с Цицероном и его прекрасно изложенными творениями⁹.

34. Чтобы вкратце перечислить всё, касающееся недолжного применения ума, мне нужно сказать ещё и то, что выводы и заключения рассудка, будучи сами по себе, как правило, вполне верными, по своей цели и по своему употреблению чаще всего оборачиваются ложью. И в этом заключается величайшее повреждение и неправильность человеческого ума, – именно, что из-за очевидного расположения к плоти и крови и связи с ними ум во всём, и причём самым тонким, скрытым и обольстительно хитрым образом, отстаивает их интересы, защищает их первенство и во всех своих действиях благодетельствует им. Вся работа, все выводы природного ума направлены только на то, чтобы узкий путь сделать широким (Мф. 7, 13), и чтобы падшая природа жила в полной своей силе. Поэтому рассудок охотнее всего занимает себя такими умозаключениями, и наиболее расположен принимать такие точки зрения, которые, как ему представляется, дают свободу природе, и исходит в основе своей из самой настоящей ненависти ко всякой истине Божией и всему, что противоположно плоти и крови. По этой причине он тщится всеми способами, как для себя, так и для других, ослабить силу сих истин и возбудить к ним неприязнь.

35. Возьмём человека, который сталкивается с необходимостью так или иначе исполнить заповедь о последовании Богу. Что происходит в нём прежде всего? Он обращается к своему лукавому уму и тайно вопрошает его, что посоветуют здесь плоть

⁹ «Учёные, – говорит "христианский Цицерон", Лактанций, – привыкшие к изящным и гладким оборотам речи, презирают незамысловатые и простонародные слова Божественного Писания как нечто низкое, ибо они ищут лишь услаждения своих чувств... Не мог ли Бог, сотворивший ум, голос и язык, Сам говорить цветисто? Но нет, наоборот, по Его премудрому изволению всё устроилось так, чтобы божественные вещи были высказаны словами без румян и белил, дабы, что Он изрёк ко всем, и было понято всеми». Лактанций, «Божественные установления», т. 6, стр. 21.

и кровь (Гал. 1, 16) – не выйдет ли из этого последования Богу для него вреда, ущерба, неприятностей и неудобств; не ударит ли он в грязь лицом, и что скажет тот или иной важный для него человек; и нет ли хоть какой возможности изыскать в этой ситуации чего-либо благоприятного для него и его самолюбия. Если последнее находится, тогда исполнение заповеди представляется ему приемлемым. Если же ничего благоприятного для плоти и крови не усматривается, и человек убеждается, что его дело последования Богу будет противоречить им, то падший ум немедленно возьмётся всесторонне обдумывать, нельзя ли найти какое-нибудь иное средство или иной путь, чтобы обойти такую неприятность. И здесь рассудок, как самый ловкий и искушённый адвокат, приложит все усилия, дабы предложить плоти и крови свою верную службу, изобретая всевозможные увёртки и самые превратные толкования слова Божия, только чтобы не последовать точнейшему и яснейшему Божию указанию. *«Неужели, – говорит ум-змий, – Бог сказал именно так?»* (Быт. 3, 1). Нет же, это надо понимать таким-то и таким-то образом; конечно, намерение у Бога было совсем другое», и т. д. При этом в сердце человека невозможно до конца заглушить разумение, что Бог требует от него, и что Ему угодно – если только как следует разобрать самооправдательные умствования и уловки рассудка и отвергнуть их. Если же человек последует им, то они продолжатся до тех пор, пока рассудок не вынесет решение, удовлетворяющее плоть и кровь, – или под тем предлогом, что исполнение заповеди невозможно (хотя человек ни разу и не пробовал того) и противоречит разуму (ибо падший ум считает всё, что затрагивает плоть и кровь, безумным и глупым), или из какого-то безрассудного страха, что его сочтут святошей и ханжой, или я не знаю ещё из каких опасений. На самом же деле человек тайно страшится только одного – что его падшая природа может потерпеть ущерб, что ей грозит умерщвление, и т. п. В результате бедная совесть, подавляемая всеми этими лукавыми измышлениями, связывается молчанием, которое обеспечивается главным образом тем, что наш лукавый адвокат, падший ум, подтверждает свои доводы разными местами Писания, выворачивая их наизнанку по своему усмотрению и желанию, – либо представляет человеку пример того или иного почитаемого подвижника, который, может быть, так же, как и он сам, ничего не понимает в христианстве. О! не уместно ли тут воскликнуть: *Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых!* (Пс. 1, 1) – своих нечестивых помыслов, *восстающих против послушания Христу* (2 Кор. 10, 5). Если бы человек изложил их на бумаге, тогда он мог бы легко обнаружить обман; но величайшая беда заключается в том, что бесчисленное множество таких помыслов (и часто под видом

великой премудрости и святости) для человека проходят столь сокровенно, что он сам этого не замечает – да и не хочет замечать.

36. Здесь ещё нужно упомянуть вот что: даже верующие души, даже уже имеющие опыт внутренней жизни, часто дают слишком много места своему уму – правда, очень тонким, почти незаметным образом. Тем самым в большей или меньшей степени они препятствуют действию Божию в себе и ввергают себя в многообразные сложности, запутанности и страхи, думая при этом, что поступают правильно. Это тонкое и незаметное действие падшего ума проявляется в том, что верующие души излишне много и с крайней скрупулёзностью рассматривают и анализируют свои помыслы, слова и дела: как и что ими сделано? доделано ли, как надо? а может быть, лучше было сделать так? а не осудил ли или не осудит меня кто? а не смутится ли тот или этот? а что из этого может последовать? и т. д., – и потом подчиняют себя и свои дела этому зыбкому и сомнительному свету и суждению рассудка, а то и вовсе само- или человекоугодию. Часто человек ничего этого совсем не видит, и считает, что исходит из самых что ни на есть христианских побуждений, – но только в качестве плода обретает не *праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17), а великое разорение, беспокойство и безотрадность, и, давая действовать своему *лукавому оку* (Мф. 6, 23), наполняет душу множеством путанных и бестолковых движений.

37. От всего этого наилучшим образом избавляет то, когда человек стремится чисто пребывать в своём сердце, обращая око ума вовнутрь и взирая только на Господа и на Его волю, в таком настроении, как будто в мире есть только один я и Бог, Которому мне надлежит благоугождать. Если *око наше пребудет* таким образом *чисто, то и всё тело наше*, то есть всё наше внешнее, само собой *будет светлым и правильным* (Мф. 6, 22).

38. Также и в том, когда верующая душа излишне занимается собой, своими немощами, своей падшестью и бессилием, и тем ослабляет себя и препятствует себе верно следовать Господу, исполняя по мере своих возможностей заповеди Его и совершенно полагаясь на Его благодать, – проявляется неправильное действие нашего падшего ума. Не *ум*, но *вера* должна быть здесь нашим путеводителем. Вера взирает единственно на Бога во Христе Иисусе и всецело уповает на Него, в полной уверенности, что она *всё может в укрепляющем её Иисусе* (Фил. 4, 13). Человек, живущий верой, полагает основание не в себе самом. А если «застрывать» в себе, то мы только и будем всё вглядываться и вглядываться умом в нашу падшесть и всё более и более становиться никуда не годными. Применять такое же скрупулёзное рассматривание наших добродетелей будет ещё бóльшим злом. Итак, нам надлежит

стремиться *отвергать* и забывать себя (Мф. 16, 24), дабы взирать верою только на Бога, Который и производит в нас все добродетели (Фил. 2, 13) и спасает нас от нашего падения.

39. Ещё одно недолжное действие ума в духовных вещах заключается в некоей особой пытливости, когда верующая душа хочет постоянно и с абсолютной точностью видеть и испытывать, действует ли, и каким именно образом действует в ней Бог в данный момент. Душа желает подтверждения и чувства, что в духовном отношении всё у неё идёт хорошо, и что так же будет и впредь; она рассматривает, прибавилось ли в ней, и насколько прибавилось Божией благодати, и т. д. Но через это по большей части прибавляется только неверие или усиливается самолюбие. Стократ лучше, когда душа всецело предаёт себя Богу в вере и, по благодати Его, верно следует Ему, думая лишь о том, чтобы пребывать в присутствии Его и прилепиться Ему. Ибо несомненно, что тот, кто хочет всё в себе видеть и составить обо всех «как и что» точные понятия, никогда не продвинется далеко. Божии пути становятся тем непонятнее, чем более человек приближается к Богу. Конечно, Бог снисходит к нашей немощи и соразмеряется с ней; но нужно же, наконец, учиться предавать себя Богу и отвергаться себя! *Блаженны не видящие, и верующие* (Ин. 20, 29).

40. Действование нашего ума может ввести нас в заблуждение, беспокойство, смущение и соблазн ещё и тогда, когда мы рассматриваем пути Божии и Его промысл в отношении нас самих и других людей. Мы смотрим на всё и оцениваем всё слишком по-человечески, когда хотим всё понять и всему найти основание и причину: почему случилось так, а не иначе; почему с нами происходит то и то; ведь это (с нашей точки зрения) не может быть благом, не способствует добру, и т. д. Но всё это – совершенно бесполезные и бессмысленные наведения ума. Чистая простая вера покоится только на том, что то или это хочет или делает Бог, – не вдаваясь ни в какие исследования по этому поводу. *Обратившийся и ставший как дитя* христианин (Мф. 18, 3) говорит всему, что хочет или делает отец: *Ей, Отче!* да будет так! А если его спросят: почему? – то в ответ он предъявит самое верное и непоколебимое основание: *ибо таково есть Его благоволение* (Мф. 11, 26).

41. Вот каковы, любезный мой друг, мои мысли об уме и о верном и неверном его применении, как в отношении познания Бога и истины, так и в отношении деятельного благочестия, или жизни в Боге, – насколько мне позволила изложить их моя головная боль (которая побуждает меня уже заканчивать письмо). По крайней мере я, надеюсь, убедил Вас, что не без причины я так сдержано, и скорее отрицательно отношусь к действию ума в духовной области – именно, потому, что я считаю (и совершенно

убеждён в том), что познание Бога и Его истины достигается совсем другими средствами и совсем другим путём.

III

[Истинное богопознание: внутреннее умирание и молитва]

42. Но что же это за путь, и что это за средства, – спросите Вы меня, – которые мы можем употреблять с нашей стороны для того, чтобы Бог просветил нас Святым Своим Духом и привёл к познанию Себя и нас самих?

На это я уже не раз, в том числе и в опубликованных сочинениях, отвечал по мере света и благодати, какую уделил мне Господь (Еф. 4, 7). Но что никогда в должной мере не исполняется, то нелегко и воспринимается. Поэтому я повторяю ещё и ещё раз, также и на этих страницах: *Бог и Его истина беспрепятственно обретаются только на путях внутреннего умирания самому себе и сердечной молитвы, когда то и другое совершается вместе.*

43. Для этого нужно лишь, с помощью благодати и посредством безмолвия и благоговения, постараться стяжать и удерживать в сердце глубокое запечатление той истины веры, что Бог присутствует всюду, и в особенности неким непостижимым образом внутренне во Христе соприсутствует нам, желая обитать в нашем сердце. Соприсутствует же Он нам потому, что любит нас, и для того, чтобы мы возлюбили Его. Стоит нам только войти в эту любовь – и мы обрящем истину.

44. *Кто любит Меня, тот соблюдёт слово Моё* (Ин. 14, 23), говорит Господь. Поэтому мы должны не только поучаться во внешнем слове Божиим, но главным образом в простоте внимать Его слову, увещанию, руководству и действию во внутреннем человеке, *сохраняя всё сие в сердце своём* (Лк. 2, 51). Тогда мы, исходя исключительно из любви к такому Богу, Который столь возлюбил нас (Ин. 3, 16) и Который столь близок к нам (Фил. 4, 5), сможем всецело препоручить и предать себя Ему, от сердца устраниться от всего, что не есть Бог и Божие, не прилепляясь к тому своей любовью и не ища в том отраду и утешение, и во всём отречься от своей падшей воли, страстей и греховных склонностей. Сюда же относится и то, чтобы мы со смирением отстранились и освободились от излишних образов, размышлений и

действований головы, или рассудка, – также и в духовных вещах, дабы нам в тишине собраться в сердце и жить там, ходя пред Богом, насколько и в какой мере это для нас возможно. *Итак, всё заключается в том, чтобы мы старались пребывать в соприсутствии Божию в сердце как малое, простое, не имеющее своей воли и устремлений дитя, которое ничего не знает и ничего не хочет знать.*

45. Такое дитя Отец любит (хотя оно может и не разумеет того) и откроет ему Себя в то время, таким образом и в той мере, в какой это Ему угодно, – чем чада Божии совершенно и утешаются.

46. Посмотрите, дорогой мой друг, не есть ли это самый лучший и надёжный путь? К тому же всё сие столь необходимо, что (как уже не раз сказано) невозможно познать Бога и его истину право и со *многим удостоверением* (1 Фесс. 1, 5), кроме как только в том человеке и тем человеком, который чрез умирание самому себе, своей плоти, страстям, похотениям и своей воле делается безмолвным и собранным вовнутрь, и который чрез отстранение от многообразных излишних размышлений и действий рассудка становится простым, как дитя.

47. Ибо не в голове, но в сердце открывается чистое и истинное разумение к познанию Бога и божественных вещей; там – *очи сердца* (Еф. 1, 18), которые нам должен открыть Бог.

48. Большинство, или даже и все действия ума, которые мы чувствуем в себе, принадлежат рассудку; чрез его действие чистое разумение божественных вещей скрывается – его как бы затопляет поток помыслов и размышлений. И как рассудок имеет явное дружество с плотью и кровью, так чистое разумение имеет внутреннее дружество с сердцем; оно как бы сроднилось с ним, да и есть само сердце. Поэтому Писание говорит, что *мудрость почиет* не в голове, но *в сердце разумного* (Притч. 14, 33). Апостол Павел сетует на Иудеев, знавших слово Божие чуть ли не наизусть, что они не разумеют его сердцем, и что *сердца их огрубело* (Деян. 28, 27). И о великих мудрецах из язычников говорит он, что *сердца их омрачены и несмысленны* (Рим. 1, 21).

49. Поэтому мне бы хотелось, чтобы мы ко всему прилагали поменьше головы и побольше сердца и любви. Мы сделались какими-то уж слишком умными пред Господом. Пойдём же из головы в сердце! О, какой это прекрасный и надёжный путь! Бог любит чад сердца; Он радуется им и в них, и *открывает им то, что утаил от мудрых и разумных* (Мф. 11, 25).

50. В голове – мёртвые, пустые отображения истины; в сердце же человек находит самую живую истину, *помазание, которое учит нас всему* (1 Ин. 2, 27). В

сердце обретается животворящий источник света. Тот, кто живёт с Богом, обратившись в своё сердце, часто единым воззрением внутреннего ока увидит столько, сколько иной, при величайшем напряжении всех своих сил, не увидит никогда.

51. Единственное дело сердца – *поклонения Богу в духе и истине* (Ин. 4, 24), любви Божией, благоговения и радости в Боге и тому подобного – несравненно лучше и полезнее бесчисленных занятий в голове. Бог требует от нас только сердца (Притч. 23, 26), как вместилища любви и как властителя над всеми силами и движениями души. И если мы поистине предадим наше сердце Богу, то *всё остальное приложится нам* (Мф. 6, 33). Голова и рассудок предназначены преимущественно для вещей века сего; сердце же сотворено всецело для Господа. Не во всякое время мы распоряжаемся своими мыслями; часто они влекутся вслед наших занятий, дел и т. д. Но с сердцем и его духовными помыслами мы можем непрестанно пребывать с Богом, по благодати Его, если мы в простоте навикнем сему.

52. *Отступники, возвратитесь в свои сердца* (Ис. 46, 8¹⁰)! В сердце Бог даёт нам почувствовать Свои увещания и все Свои благие действования; они скоро ослабевают и исчезают, если оставить сердце и слишком долго пребывать в голове. В сердце человек слышит глас Божий; в голове же – голос искушителя. Кто стремится жить внутренней, обращённой в сердце жизнью, тот в значительной степени освобождается от тысячи искушений, заблуждений и т. п., отчего другой падает. Мир сей и всё временное донимают его меньше, равно как и плоть и кровь, и он более восприимчив для действований Божиих. Кто же живёт, будучи расточенным и рассеянным в голове и в чувствах, тот обретает противоположное. В сердце хочет жить Бог; там Он изволит приобщать Себя нам и соединять Себя с нами, – что в голове совершиться не может. В сердце входит божественная мудрость (Притч. 2, 10); в сердце – закон Бога нашего (Пс. 36, 31), и сердцем удерживаем и храним мы слово Его (Притч. 4, 4; Пс. 118, 11).

53. Посему повторю свой призыв, и им закончу письмо: *постараемся только добровольно войти в своё сердце и жить в нём*, – не чрез великое усилие и напряжение наших мыслей, но (как мы сказали), во-первых, *чрез отречение от себя самих и от всего, что не есть Бог и Божие*, и, во-вторых, *чрез тихое, чуждое всякой экзальтации и исполненное простоты обращение всей нашей любви и всех наших стремлений к Богу, как соприсутствующему нам*, – дабы таким образом прилепиться сердечной верой к Невидимому, и, Ему содействующу, стать одним духом с Ним

¹⁰ [Здесь расхождение между русским и немецким текстом Библии. В переводе Лютера: *ihr Übertreter, gehet in euer Herz!* В Синодальном переводе: *примите это, отступники, к сердцу.*]

(1 Кор. 6, 17). Каковой неизреченной милости и благодати чаёт и Вам от всего сердца желает

Ваш собрат о Христе Герхард Терстеген.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Поскольку предмет настоящего письма разбирался мною в некоторых других сочинениях, то я счёл небесполезным приложить сюда выписки из них.

I

***Каким образом учёность и просвещение от Бога,
равно как и деятельная и созерцательная жизнь,
могут сочетаться друг с другом***

Учёность и просвещение от Бога могут сочетаться; деятельную и созерцательную жизнь можно вести одновременно, – но это не так легко, и встречается не так часто, как об этом думают. Ещё реже бывает (что, однако, совершенно необходимо), когда эти вещи, сочетаясь, стоят в должном порядке друг относительно друга. Да, есть учёные люди, имеющие некоторое просвещение от Бога, иногда в большей, иногда в меньшей степени; но только при этом они не приводят свою учёность, свою рассудочную деятельность, свои стяжанные с усилиями и трудом знания в послушание божественному свету и благодати, что соответствовало бы истинному порядку вещей (2 Кор. 10, 5). Они не хотят быть скромными учениками, обучаемыми божественным светом и божественными увещаниями в сердце, и испрашивать премудрость, бодрствуя и ожидая её пред входом в её врата (Притч. 8, 34). Если их осенит малый свет свыше, то их ум немедленно восхищает сей свет себе, рассматривает его по своему разумению так и эдак, разграничивает, членит и т. п., и таким образом делает его средством для своей деятельности. Кратко сказать, активный рассудок здесь господин и распорядитель, в то время как он должен быть слугой, покорным божественному свету, лишь следовать ему и ничего не делать без его изволения, так, чтобы

предать себя божественному свету

его единственной мыслью и занятием было,
как замечательно написал один немецкий поэт¹¹.

То же самое нужно сказать и о соотношении деятельной и созерцательной жизни. Под деятельной жизнью я понимаю здесь служение, направленное на обращение и спасение ближних, а под созерцательной – внутреннее сокровенное общение с Богом посредством молитвы. В своё время та и другая жизнь могут сочетаться. Я подчёркиваю – в своё время, потому что незрелое стремление спасти и обратиться других для христианства то же, что болезнь для тела. Я считаю, что человеку необходимо долго *пребывать и обращаться с Иисусом*, прежде чем ему будет дозволено воспринять апостольский жребий (Деян. 1, 21-22). Да и Сам Сын Божий (о, сколь высокие тайны!) тридцать лет был в сокровенности, прежде чем Он приступил к всеобщему служению, или деятельной жизни.

И если кто подлинно будет призван и послан Спасителем служить ближним, пробуждая их и обращая к Богу, то и тогда его внешняя деятельная жизнь, как и прежде, должна быть подчинена внутренней, созерцательной, и сей последней всё равно надлежит оставаться его главным делом. Я хочу сказать, что призванные к апостольскому служению ученики Христовы не должны всё время пребывать в непрестанном делании, общаясь с людьми и отдавая себя без остатка возвещению слова; им необходимо часто вновь *собираться к Иисусу*, беседовать с Ним и некоторое время *отдыхать в уединённом месте* (Мк. 6, 30-31), дабы *служение слова* всегда совмещалось с *пребыванием в молитве*, и последнее было поставлено впереди первого, как это мы и читаем в Книге Деяний (Деян. 6, 4). Также и в остальном, при их встречах с людьми и занятиях с ними, они никогда не должны слишком растрчивать себя так, чтобы через это пренебрегалась и предавалась забвению заповедь *вникать в себя и в учение* (1 Тим. 4, 16), – да не случится с ними того, о чём предостерегает Апостол: *дабы, проповедуя другим, самим не остаться недостойными* (1 Кор. 9, 27).

II

О том, чтобы стать как дети (**Мф. 18, 3**)

Господь наш Иисус Христос есть необходимейший и наиглавнейший предмет нашей веры, – но Иисус, объемлемый верой *целиком*, во всех Своих состояниях. Иисус Распятый есть неиссякаемый источник божественного милосердия, любви и силы (Зах.

¹¹ [Ангелус Силезиус, стихотворение «Пресвятая Троица».]

13, 1), дарованный всем (Рим. 8, 32). Вера зрит в Распятом Христе и черпает из сего источника оставление всех грехов, детское упование на Бога и *надёжный доступ* к отверстому для нас сердцу Отца (Еф. 2, 18; 3, 12), равно как и великую силу и желание страдать с Иисусом и умирать с Ним греху, миру и всякому самолюбию, дабы *жить только Тому, Кто за нас умер и воскрес* (2 Кор. 5, 15).

Однако Иисус стал человеком не только для того, чтобы распяться за нас. Вочеловечившись, Он явился нам маленьким ребёнком; но уже и в Своём рождении Он неизменно был тем Иисусом, дарованным нам от Отца, из Которого вера черпает наше спасение (Ис. 9, 6; Ин. 3, 16). Он стал маленьким ребёнком не только для того, чтобы объять Своим искуплением наше детство и юность и освятить Своим образом и Своей заслугой этот отрезок нашей жизни; но и для того, чтобы как Своею смертью и воскресением, так и Своим детским состоянием отворить нам двери к соединению с Богом. И в этом мы видим указание Божие, что, подобно тому, как Христос именно в состоянии детства принял на Себя человеческую природу, так и мы, если мы хотим вернуться к Богу и соединиться с Ним, не должны оставаться закосневшими в своей взрослости самоуверенными людьми, но *обратиться и стать как дети* (Мф. 18, 3). В рождении и детстве Иисуса нам возвращается сия детскость, то есть утерянная во Адаме невинность. Детскость Иисуса есть для нас источник совершенной невинности, чистоты, простоты, умаления и всецелой зависимости от Бога; и вера именно здесь усматривает и почерпывает всё это. Нам нужно только соединиться с Младенцем Иисусом и позволить Ему жить и царствовать в нас и формировать нас по Своему прекрасному образу так, чтобы мы прониклись Его детскими качествами, дабы некогда Сей наш великий Воспитатель и Наставник вновь вручил нас Отцу такими, какими Его божественная рука сотворила нас, со словами: *вот, Я и дети, которых дал мне Господь* (Ис. 8, 18).

Но такие дети поистине *лежат на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий* (Лк. 2, 34). Как для веры Иисус во всех Своих состояниях есть наидрагоценнейший предмет, так и для человеческого рассудка и неверия не только Иисус распятый, но и Иисус, лежащий в яслях в Вифлееме, есть соблазн и безумие (1 Кор. 1, 23). Стать, как дети: да *кто может это слушать* (Ин. 6, 60)? Повергнуться пред малым ребёнком: да где это видано? Мыслимо ли, чтобы премудрость преклонилась перед простотой, богатство и величие – перед нищетой и уничтожением? Ах! не много таких (но, слава Богу, встречаются ещё по временам), кто почитает за великое счастье воздать поклонение сему Богомладенцу, Которому уже при Его рождестве поклонились все Ангелы Божии (Лк. 2, 13-14; Евр. 1, 6)!

В заключение воскликнем словами святых¹²: «Сердцá, сюда! Сердцá, сюда! Повергнитесь к стопам святого Младенца Иисуса! Да познают все Его творения державу и крепость Его! *Всё из Него, Им и к Нему* (Рим. 11, 36). Ей, аминь, Господи Иисусе!»

¹² Маргарита фон Бауне. [Терстеген, «Жизнеописание святых душ». Эссен, 1786, т. 3, стр. 33].

Трактат III

Краткий трактат о сущности и пользе истинного благочестия

*Благочестие на всё полезно,
имея обетование жизни
настоящей и будущей.*

(1 Тим. 4, 8)

ΕΥΣΕΒΕΙΑ¹

Кто ходит в страхе Божьем, вере и любви,
тот служит Богу истинно
и право чтит Его.

Не преступает *страх* притвора храма (2 Пар. 3, 4),
но издали он кланяется Богу. Сетуя и каясь,
скорбит и плачет он, и в грудь себя бьет (Лк. 18, 13).
Он удаляется от зла, старается о добром (Притч. 8, 13; Пс. 33, 15; 2 Кор. 8, 21)
и обращения от мёртвых дел своих взыскует (Исх. 30, 18; Евр. 6, 1).

С молитвой и алчбой восходит *вера* во святая (Евр. 9, 2),
где, как алтарь кадилный оный (Исх. 30, 1-10),
она кропление приемлет Кровию Христовой (Евр. 10, 19-22),
где Сам Иисус, Хлеб предложенья (Евр. 9, 2),
ей простирает дух и жизнь (Ин. 6, 51; 63),
и где всё пронизающий светильник (Лев. 24, 2-4)
ей разумение всех истин открывает (Ин. 16, 13; 1 Ин. 2, 20).

Святое же Святых *любви* отверсто чистой (Евр. 9, 3).
Там, глубоко во мраке (3 Цар. 8, 10-12)
изволит Бог в душе покоиться безмолвной (Пс. 64, 2; 131, 14; 2 Кор. 6, 16).
Кто сего достигнет,
тот может Бога Самого объять и созерцать
и поклоненье воздавать Ему, подобно Херувимам (Исх. 25, 19-21).

Вот в этом состоит богослуженье.
Кто держится сего троякого устава,
тот почитает истинно и чисто
Отца и Сына и Святого Духа.
Всё остальное – лицемерье.
Сверши сие – и будешь истинно благочестив,
и честь, и благо и блаженство в Боге обретёшь.

¹ [Благочестие (греч.)]

О СУЩНОСТИ И ПОЛЬЗЕ ИСТИННОГО БЛАГОЧЕСТИЯ

I

§ 1 Истинное благочестие сегодня совсем неизвестно. §§ 2 – 5 Оно не может состоять в том, что является общим как для верующих, так и для неверующих, §§ 6 – 8 в чём-либо экстраординарном или §§ 9 – 10 в явных, ощущаемых дарах благодати. §§ 11 – 13 Неправильное и § 14 правильное отношение к упомянутым дарам².

1. Достойно всякого сожаления, что в наши последние, тёмные и развращённые времена благочестие (или богообщение, или истинное богослужение и религия – все эти слова означают одно и то же) стало совсем неизвестным и чуждым на земле. Даже для христиан, народа Божия, главное свойство и первое дело которого, согласно Писанию, быть светильником для всех других народов в мире (Мф. 5, 14-16), открывая им глаза на свет богообщения, – даже для христиан, говорю я, всё сие является столь чуждым и неизвестным, что они повсеместно отвращаются от одного только слова «богообщение»; или же, если и говорят о нём, то не имеют никакого представления о том, что именно это такое. И если некоторые из них и составляют себе какие-то понятия о благочестии, то при ближайшем рассмотрении выясняется, что эти понятия ни в малейшей степени не совпадают с сущью предмета, и что при всей видимости и соблюдении внешних форм благочестия его сила им совершенно неизвестна, а то и вовсе отвергается как обольщение и заблуждение (2 Тим. 3, 5).

Видя всё это, я счёл необходимым, по мере света и благодати, какие мне уделил Бог (Еф. 4, 7), по возможности кратко изъяснить таким христианам, в чём именно состоит та сила благочестия, о которой говорит Апостол. Если бы ныне где-нибудь нашлась община христиан, какими они были в первые три столетия по Рождестве Христовом, то можно было бы переложить труды такового изъяснения на их плечи, и я почёл бы за счастье учиться у них, читая в них, как *в живых письмах, начертанных Духом Божиим* (2 Кор. 3, 2-3) то, о чём я могу написать чернилами лишь очень

² [Оглавление всех разделов трактата взято из переведённой и опубликованной Терстегеном в 1727 г. книги Жана де Лабади «Руководство к истинному благочестию» (настоящий трактат первоначально был предисловием к этому изданию).]

немногое, слабое и недостаточное. Но поскольку таких общин нет, то да будет принята и сия моя малая лепта (Мк. 12, 42).

2. Если кто вознамерится составить точное понятие об истинном благочестии, или же описать подлинно благочестивого человека, то здравое рассуждение потребует, чтобы мы не делали свои выводы на основании 1) того, что может быть общего как у истинно благочестивых христиан, так и у лицемеров и у людей, далёких от Бога; 2) того, что хотя и присуще благочестивым людям, но не всем; 3) того, что хотя и присуще им всем, но не всегда. Стало быть, для определения, что есть благочестие, нам нужно искать такие качества и свойства, которые присущи только благочестивым христианам, всем им, и во всякое время. Это очевидно и бесспорно. Итак, посмотрим, что следует из сказанного.

3. *Во-первых*, истинное благочестие не может состоять в том, что одинаково присуще как христианам, живущим в Боге, так одновременно и лицемерам и неверующим людям. Следовательно, если человек удерживается от грубых грехов и пороков, не пьянствует, не крадёт, не сквернословит, не ссорится и т.д., но проводит внешне честную, добропорядочную, нравственную, умеренную, тихую, одобряемую обществом жизнь, – это ещё не есть доказательство, что он благочестив и живёт в Боге. Более того: если у человека всё это наличествует, но ничего большего в нём нет, а при этом он считает себя благочестивым, то он лицемер и далёк от Бога.

4. Можно быть крещёным, ходить в церковь и причащаться (Мф. 22, 11); можно усердно исполнять внешние обряды и церковные установления (сами по себе вполне добрые); можно читать душеполезные книги, учиться богословию, размышлять о Боге, совершать молитвословия, поститься, давать милостыню (Лк. 18, 10-12); можно хвалить и по-своему любить благочестие и благочестивых христиан и иметь общение с ними (Мк. 6, 20; Мф. 25, 1-12); можно иметь в своей голове вполне верные представления об истине (Рим. 1, 21; 2, 17-20), уметь хорошо и пространно об этом говорить – и при всём том по сути своей быть совершенно чуждым Богу (Мф. 5, 20).

5. Можно быть уверенным в бытии Божиим и в истинности Его слова вплоть до того, что это будет трогать сердце, и человек будет радоваться (Мф. 13, 20) или плакать (Втор. 1, 45); можно внимать обличениям совести, страшиться их и слушаться их (Деян. 24, 25; 3 Цар. 21, 29); можно возжелать обращения к Богу и положить начало этому обращению (Мф. 13, 19-22), также и действительно измениться и исправиться во внешнем (Мф. 23, 25) и избегать явных грехов; даже можно стараться воздерживаться и от тайных грехов, которые человек любит в глубине своего сердца, боясь мучений совести и страшась ада, – и всё же не быть истинно благочестивым христианином, то

есть не пребывать в богообщении. Всё это подробно описано многими писателями³, всем это известно, – и тем не менее, если бы мы отделили тех христиан, кто ограничивается только вышеназванным, от тех, кто подлинно благочестив, то последних, боюсь, нашлось бы по всей земле очень немного.

6. *Во-вторых*, истинное благочестие не может заключаться в том, что хотя и наличествует у тех или иных живущих в Боге христиан, но не присуще им всем. Сюда относятся видения, откровения, пророчества, творение чудес, проникновение в божественные тайны, особенные духовные дарования, чрезвычайная ревность к внешним подвигам и вообще все экстраординарные благодатные дары Божии. Подлинное благочестие, или богообщение, не состоит во всём этом.

7. Посему христианам не следует желать таких высоких дарований и уж тем более не завидовать другим, имеющим их. Ибо часто самолюбие думает: «Ах! если бы тебе обладать таким светом, такими дарами, такой ревностью по Богу! Тогда бы ты был подлинно благочестив и мог бы назидать ближних!» Нередко вследствие этих мыслей и желаний человек – совсем без призвания Божия и без Его благодати – начинает подражать тем или иным подвижникам. Но всё таковое проистекает из самообольщения и самоугождения, и есть поистине опаснейшее искушение сатаны, против которого надлежит вооружаться смирением и молитвой. Мы должны стремиться только к тому, что является сутью благочестия, а тем нашим собратьям, которым Бог уделил такие дары, сорадоваться в простоте.

8. Кто же имеет их, не должен считать себя за нечто или превозноситься над другими, – но тем больше беречься, чтобы не прилепиться душой к этим дарам, останавливаться на них и услаждать ими своё самолюбие. Ему необходимо затворить своё сердце и слух от внимания к людской хвале и восхищению и постоянно иметь в виду, что это есть только и именно дары, которые сами по себе никого не делают истинно благочестивым, но при которых их обладатель подвергается гораздо большей опасности, чем тот, кто их не имеет (Мф. 7, 22; Лк. 10, 19-20; 1 Кор. 4, 7; 9, 27).

9. *В-третьих*, суть истинного благочестия также не может состоять в том, что хотя и присуще всем благочестивым христианам, но присуще им не всегда. Все, живущие в Боге (или, по крайней мере, бóльшая их часть) вкушают по временам божественное утешение, мир Божий, явно чувствуемую радость и сладость, иногда внутренние уверения в той или иной Божией истине, те или иные увещевания от Бога и многие другие духовные блага. Повторю: все эти Божии утешения ощущаются

³ См., напр., д-р Шпенер, «Природа и благодать», и др. [Филипп Якоб Шпенер (1635 – 1705) – лютеранский богослов и проповедник, один из основателей пиетизма.]

христианами *по временам*, – то есть не всегда и не без перемен; из чего следует, что подлинное благочестие заключается не в них.

10. Посему неправильное устройство имеют те, которые, получив, быть может, от Бога некие подобные дары, гораздо более ценят их, нежели саму суть благочестия. Они считают их надёжным признаком и сущностным свойством веры и богообщения и той целью, к которой нужно всегда стремиться и не успокаиваться, пока её не достигнешь.

11. Отсюда происходит то, что многие благонастроенные души, полагая, что такие ощущаемые благодатные дары и есть цель духовной жизни, но не вкушая их, приходят в уныние и погружаются в сомнение, малодушие и печаль относительно своего положения. Всё это является препятствием на пути самоотвержения и несения креста, поскольку душа вместо того, чтобы внимать признакам и свойствам истинного благочестия, по самолюбию стремится к радости и утешению и со всех сторон ищет знаков и уверений в том, что она пребывает в благодатном состоянии.

12. Ибо тот, кто имеет подобные дары благодати, зачастую только и услаждается ими, и нередко думает тайно, что он – любимейшее чадо Божие, свят, лучше, чем другие, и что небо ему уже отверсто. Тогда душа забывает истинный и единственный надёжный путь – самоотвержения и несения креста, и упокоивается на мягком ложе ощущаемых утешений, желая соорудить себе куцу (Мф. 17, 4) прежде, чем она пройдёт своё поприще.

13. Если Господь по премудрому Своему промыслу скрывает от души это молоко чувствуемых ею духовных утешений и услаждений, то она становится скорбной, унылой, малодушной, теряет покой и стремится удержать у себя и получить вновь то, что Бог отнимает от неё – отнимает потому, что всё это питает её самолюбие, и для того, чтобы душа, как и *Вождь её спасения*, была *совершена через страдания* (Евр. 2, 10).

14. Несомненной истиной является то, что на пути жизни с Богом мы обретаем многие, великие и разнообразные благодатные явления, которые Бог даёт нам вкушать ощущаемым образом, – как то подтверждает всё Священное Писание, бесчисленные свидетельства святых всех времён и живой действенный опыт даже до сего дня. Но только эти благодатные явления встречаются нам – я подчёркиваю – *на пути* жизни с Богом, будучи как бы местом отдохновения и гостиницей при дороге. Они не есть *сам путь*, и не цель пути, и не то, в чём нам определено непрестанно пребывать здесь на земле, – но то, что даётся нам лишь по временам, когда в этом есть необходимость,

для утешения, укрепления и восстановления сил, дабы мы потом тем живее могли совершать своё поприще (3 Цар. 17, 5-7).

Если размышлять над этим иносказанием и развивать его дальше, то можно достаточно близко подойти к уразумению того, как надлежит правильно относиться к благодатным дарам, которые нам даётся ощущать. Но об этом я говорить здесь больше не стану, предоставив сие писателям, более опытным, нежели я⁴.

II

§§ 15 – 16 В чём заключается истинное благочестие: §§ 17 – 20 в страхе Божию, вере и любви, § 21 или, что то же, в хождении пред Богом. § 22 Отсюда проистекает внешняя добродетельная жизнь § 23 и все внутренние и внешние обязанности благочестия. § 24 Чем истинное благочестие отличается от ложного.

15. Доселе мы рассматривали то, что можно принять за благочестие, и что большинством действительно принимается за таковое, но что, тем не менее, отнюдь не составляет его сути. Спрашивается: в чём же тогда заключается истинное благочестие? Хотя ответить на этот вопрос в немногих словах совсем нетрудно; но трудно, и даже совсем невозможно, дать надлежащее понятие об истинном благочестии тому, кто не имеет его сам. Ибо оно есть *то, что от Духа Божия* (1 Кор. 2, 14), чего не может принять ни один природный человек. Да просветит Сам Дух Божий наш разум Своей истиной, и да привлечёт Он наши сердца к послушанию ей!

16. Истинное благочестие (Εὐσέβεια), или жизнь в Боге, есть внутреннее, порождаемое Святым Духом состояние или свойство души, из которого проистекает такое её устройство и действие, когда она воздаёт Троиственному Богу честь и поклонение и приносит Ему – насколько это ей возможно – подобающую Ему службу. Сия служба состоит в детском благоговении пред Богом и *страхе Божию*, в сердечном уповании на Бога и живой *вере* в Него и во внутреннем прилеплении к Богу и *любви* к Нему. Эти три состояния души есть как бы три сущностные части духовного храма, в котором совершается истинное богослужение. Ибо поскольку Бог

⁴ [Здесь Терстеген отсылает читателя к самой книге Жана де Лабоди «Руководство к истинному благочестию», предисловием к которой, как уже сказано, первоначально был данный трактат.]

есть Дух, то и служить *и поклоняться Ему надлежит* не лишь внешним, обрядовым, показным образом, но внутренне, сердечно, *в духе и истине*, если только мы хотим совершать наше служение Богу как должно, – к чему нас призывает Сам наш Учитель и Наставник (Ин. 4, 24).

17. Такое состояние души, говорю я, является действием Святого Духа, когда Он вышеестественным образом, живо и властно даёт человеку (кому зримо, сразу, в значительной мере, а кому – в меньшей степени, постепенно и не так приметно) внутренне познать и вкусить истину, славу и любовь вездеприсутствующего Божества.

18. Это влечёт за собой неизреченное, глубочайшее благоговение, преклонение пред Богом, детский и чистый страх Божий и внутреннее повержение всего, что есть в душе, пред сопричастующим ей высочайшим величием Божиим. Душа уразумевает, что только Он Един сущностей, велик и высок, а она вкупе со всем творением пред Ним – совсем ничто. Тогда душа начинает возвеличивать и чествовать Бога, сама же умаляется в глубочайшем смирении. До самых основ своего существа она ощущает себя *прахом и пеплом* (Быт. 18, 27), и даже ещё менее; поэтому уже не может воспринимать похвалу или почести от других людей. Душа познаёт, что пред таким величием Божиим, открывшимся ей, поистине должно пасть и *преклониться всякое колено небесных, земных и преисподних* (Фил. 2, 10), – и она больше всего желает этого и для себя. Она воспринимает Бога как одного только *Сущего* (Исх. 3, 14), всё же остальное пред Ним – как вовсе не сущее. Огорчить *такого* Бога представляется душе ужасным и недостойным человека преступлением; и цену тысячи миров она не взяла бы за то, чтобы соделать столь великое зло и согрешить пред Ним (Быт. 39, 9). Это побуждает её совесть к тому, чтобы глубочайшим образом, в истинном смирении и сокрушении сердца, устыдиться как грехов, совершённых ею в прошлом, так и присущих ей ещё немощей и греховных склонностей. Даже малейшее и тончайшее их движение причиняет душе величайшую скорбь и отвращение ко греху, и она всеми силами стремится к искоренению его из себя и ожидает этого с верой (Притч. 8, 13).

19. Такое воздаяние славы Богу и видение того, что пред Ним и сама она, и всё творение есть ничто, пробуждает в душе совершенное ненадеяние на себя и истинную веру и упование на Бога во Христе Иисусе. Ему душа всецело, в детском доверии и послушании, вручает, предаёт и вверяет и тело, и дух, и всю себя, дабы Он совершал с ней, в ней и через неё, и на земле, и в вечности, то, что Ему благоугодно, – в непоколебимой надежде и вере, что Он может, Он хочет и Он на самом деле устроит с ней всё к её благу и к славе Своей (Ин. 9, 3).

Это состояние души порождает в ней исход из себя самой и из всего того, что не есть Бог и Божие, внутреннюю алчбу и жажду Бога, прибегание к Нему и действительное, не воображаемое вхождение и переходение в Иисуса Христа. С Ним душа единится в самой своей основе, и чрез постоянное прилепление к Нему верой, устремление к Нему всех своих сил и внутрь-пребывание с Ним (Ин. 15, 5-7) истинно, не в обольщении, приемлет *благодать на благодать* (Ин. 1, 16) – сущностные и новые духовные и душевные силы и соки, которыми она проникается и живится, так что все её внутренние и внешние действия, слова, помыслы и само её устройство всё более и более наполняется и одушевляется этим новым жизненным началом.

Вследствие этого душа начинает от всего сердца приписывать всё доброе, что только обретается в ней и исходит от неё, этому божественному началу – животворящему Духу Иисуса Христа, с глубочайшим осознанием своей собственной малости и падшести и с сердечным исповеданием самодержавной благодати Божией, так что достигает она того, что может вместе с Апостолом Павлом воскликнуть: *уже не я живу, но живёт во мне Христос; а что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия* (Гал. 2, 20), и научается уразумевать силу слов Христовых: *кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 5). И поистине, такое сущностное единение в вере с Иисусом Христом есть единственное основание (1 Кор. 3, 11) всякого подлинного благочестия, а проистекающая из этого основания новая жизнь и есть само истинное благочестие, которое именно поэтому и названо в Писании *благочестием во Христе Иисусе* (2 Тим. 3, 12), – дабы отличить его, как нечто сущностное, животворящее и действенное, от всякой самоизмышлённой кажимости и тени.

20. Результатом такого внутреннего познания и видения Бога является то, что душа как бы пленяется Богом и с великим произволением, без какого бы то ни было внешнего принуждения, устремляется к тому, чтобы в глубочайшем самоотвержении отвратить и освободить все свои желания, всю свою любовь, радость и довольство от себя самой и от всего, что не есть Бог и Божие, и обратить их к Единому и единственно истинно Сущему, дабы только Его любить, Ему пожертвовать себя и Ему прилепиться *всем сердцем своим, и всею душою своею, и всем разумением своим, и всею крепостию своею* (Мк. 12, 30), и не любить ничего, кроме Него и кроме того, в чём обретается Его истина.

Нечестивые (ἀσεβής) и благочестивые (εὐσεβής) люди в Писании прямо противопоставлены друг другу. Нечестивец, или безбожник, есть такой человек, который живёт без Бога, отдалился от Него и весь прилепился к себе самому и к

творениям. Благочестивый же человек есть тот, который отстранился и освободился от себя самого и от творений и всей своей любовью прилепился к Богу. Его сердце говорит всему, что не есть Бог и Божие: «я не для вас, и вы не для меня. Вы – ничто для меня; я могу свободно обойтись без вас. Бог для меня – всё; Он сокровище моё, Он средоточие моей любви; только в Нём имею я *всякое довольство* (2 Кор. 9, 8)». Сего преисполненного любви Сущего объемлет благочестивый человек всей силой своей любви и только в Нём взыскует радости, отрады, утешения и упокоения, Ему прилепляется из глубины души, в Него погружается, пока, наконец, не станет он всецело *единым* (Ин. 17, 21), или *одним духом* (1 Кор. 6, 17) с Богом, – после того, как, при условии mnogой верности и великого терпения и упования (Евр. 10, 36), могущественным действием благодати Божией все преграды и средостения греха и самолюбия будут в нём упразднены (Еф. 2, 14).

21. Всё вышесказанное, сведённое воедино, именуется в Писании *хождением пред Богом*, пред лицом Его, или в соприсутствии Его. Это и есть истинное благочестие, истинное служение Богу, или религия. Так служили и угождали Богу Енох (Быт. 5, 24), Ной (Быт. 6, 8), Авраам (Быт. 17, 1) и все ветхозаветные святые (Быт. 39, 9; 4 Цар. 20, 3; Евр. гл. 11 и др.) и пророки (Пс. 15, 8; 24, 15; 114, 9; 122, 1-2; 3 Цар. 17, 1; 18, 15; 4 Цар. 3, 14; 5, 16 и др.), в особенности же – Господь и Спаситель наш Иисус Христос, Сам прошедший по тому пути, которым надлежит идти нам (Ин. 4, 34; 6, 38; 8, 29; 14, 6; 1 Петр. 2, 21), купно с апостолами (Деян. 17, 27-28; 2 Кор. 5, 9; Фил. 3, 20; Евр. 4, 12-13), первыми христианами (Евр. 12, 22-23; 1 Петр. 3, 2-4) и всеми Своими истинными последователями во все времена. Более подробно это изъясняется в указанных здесь местах Писания, в которые и да вникнет тот, кто жаждет *здорового учения о благочестии* (1 Тим. 6, 3).

22. Хотя истинное благочестие, или богообщение, по своей сути и основанию есть всецело внутренняя вещь, тем не менее оно, как некий божественный свет, не может оставаться совсем сокрытым (Мф. 5, 14) и не пронизывать лучами своих свойств (4 Цар. 4, 9) всю жизнь, слова и поступки живущей в Боге души (часто без её ведома и воли), которыми она и отличается решительным образом от жизни, слов и поступков людей мира сего вплоть до полной противоположности им. Всё это с точностью соответствует словам Христовым: *Не может дерево доброе приносить плоды худые; если дерево хорошо, то и плод его хорош* (Мф. 7, 18; 12, 33). Если сердцу человека присуще истинное благочестие, то в таком сердце живёт Сам Иисус. Тогда и вся жизнь этого человека непременно выстраивается по учению и жизни Христа, становится явной (2 Кор. 4, 10) и просиявает всеми Его свойствами: смирением, кротостью,

любовью, правдой, отвержением чести и славы, похотей и богатства мира сего, терпением, мужеством, добротой, милосердием, умеренностью и всеми прочими добродетелями Господа Иисуса. И хотя внешнюю видимость чего-либо из этого может неким образом иметь и лицемер, но подлинно благочестивый человек сияет своим светом (Фил. 2, 15) во всей истине сих добродетелей.

Всё это должно послужить особенным предостережением тем, которые говорят только о внутреннем благочестии, а во всём остальном допускают полную свободу ходить по духу и обычаям мира сего, вмняя ни во что и почитая «ханжеством» самоотречную и серьёзно проводимую внешнюю жизнь. Но *кто говорит, что пребывает в Нём, тот должен поступать так, как Он поступал* (1 Ин. 2, 6).

23. Из такого внутреннего состояния души, живущей в Боге, исходит, как из своего источника, всякое делание благочестия и духовных добродетелей – смирение пред Богом, внутренняя молитва, богомыслие и созерцание, поклонение Богу, благодарение и восхваление Его, любовь к Нему, пожертвование себя Богу и проч. Из этой же основы истекают и должны истекать также и все внешние благочестивые обязанности, чтобы им совершаться с истинной пользой и иметь основание именоваться подлинным богослужением: слушание, чтение и обсуждение Писания и прочих добрых книг, молитвословие и песнословие и тому подобное.

24. Из всего сказанного с очевидностью явствует, что истинное благочестие отличается от ложного главным образом тем, что последнее есть только внешняя форма, видимость и личина, при которых сердце остаётся неизменённым, падшим, пребывающим в любви к миру сему и самому себе и исполненным всяческой мерзости. Истинное же благочестие имеет в себе некую божественную силу (2 Тим. 3, 5), которая изменяет человека в самых глубинных его основах: могущественно отвращает его сердце, все его душевные силы, его любовь, желания, стремления и его упование от всякого творения, связует и единит его с Богом, его Источником и Корнем, и пересаживает его в подлинно святую и божественную жизнь.

III

§§ 25 – 29 Великая польза и спасительность благочестия, **§ 30** безосновательно почитаемого многими чем-то безрадостным и тяжким. **§§ 31 – 34** Причины, почему для большинства это так. **§ 35** Слово о внутренних страданиях. **§ 36** Утешение для душ, буруеваемых внутренней тьмой. **§ 37** Заключение.

25. И как может тот, кто *так* благочестив, не обрести в Боге благо, честь и блаженство? И поистине, он блажен. Он *познаёт Бога и Того, Кого Он послал, Иисуса Христа; Сей есть жизнь вечная* (Ин. 17, 3). Его разум, который столь долго с великими усилиями и беспокойством брёл на ощупь вдоль стены (Ис. 59, 10), ходил кругами, ничего не видя сквозь непроницаемые покрывала природной тьмы (2 Кор. 3, 15), искал истину при неверном свете рассудка, но находил только мёртвые, холодные, зыбкие образы, догадки и предположения, – теперь без многих изысканий и трудов *видит свет во свете Божию* (Пс. 35, 10). Он *познаёт истину* (Ин. 8, 32) и Истинного (1 Ин. 5, 20), и от вкушения сей истины око его сердца (Еф. 1, 18) просвещается, исполняется радости и насыщается, ибо оно обретает свой предмет и достигает своей цели. Познание того, что Бог есть, и что Он таков, каков Он есть (Исх. 3, 14), доставляет неизреченное блаженство тому, *кому это открывает Сын* (Мф. 11, 27). Такой человек уже не может не принять сего всем сердцем и не воскликнуть: Ей, Господи! какое благо, что Ты есть, и что Ты таков, каков есть! Ей, аминь!

26. Если блаженством (как это и есть на самом деле) именуют то, когда человек имеет всё, что он хочет и к чему стремится, то душа, которой присуще истинное благочестие, поистине блаженна – ибо она соединила свою волю с волей Божией, *благой, угодной и совершенной* (Рим. 12, 2). Насколько человек прежде мучился и истязался в адском огне своей воли – и ему никогда не удавалось удовлетворить её, но то одно, то другое было не так мятущемся самолюбью, вследствие чего человек день и ночь, как угрызаемый неким червём, вращался и запутывался в самом себе в страхе, заботах, скорбях, печали и беспокойстве, к расстройству и вреду для тела и души, – настолько теперь он в истинной вере и глубочайшем отвержении своей воли всецело предаётся Божию водительству, так, что в своём сердце он хочет только того, что хочет Бог и не желает того, что Богу не угодно. И в этом он обретает беспечальное и истинно мирное состояние.

27. Его воля жаждет только Бога; и поскольку в истинном благочестии, или богообщении, Бог даёт Себя человеку как бы в собственность (пусть не всегда явно и

ощутительно, но всегда самым сущностным образом в вере), – то ему больше ничего не остаётся желать, ибо Бог, став для него его собственным и бесконечным предметом обладания, наполняет Собою, насыщает и утишает все бесконечные стремления души, так что она может со святым праотцем Иаковом воскликнуть: «*у меня есть всё* (Быт. 33, 11), мне больше ничего не надо». Поистине, кроме живущей в Боге души, такое не может по совести сказать никто, даже и величайший правитель на земле.

Подлинный смысл слов «у меня есть всё» неизвестен никому, кроме того, кто имеет опыт богообщения. Люди думают найти удовлетворение своим желаниям и стремлениям во внешних тварных вещах и явлениях. «Если бы ты был в том или ином положении, если бы ты имел ещё то или другое, если бы не препятствовало тебе то или это, то ты был бы спокоен и доволен», – так размышляет бедный, не ведающий Бога человек. Но не даёт ли постоянно и настойчиво верный наш Творец понять ему, что всё это есть лишь *разбитый водоём* (Иер. 2, 13), в котором нет для него ни капли влаги? *Одно только нужно* (Лк. 10, 42) – Бог, в Котором благочестивая душа собирает воедино все свои желания и стремления и всю свою любовь, с отстранением от всего, в чём она расточалась и рассеивалась прежде. Тогда её дух достигает своего Источника и Корня, основы и цели; Ему он сроден, и поэтому в Нём обретает он истинный покой и блаженство, – которое ещё преумножается чрез чаяние будущего совершенного откровения и явления вечной славы (Кол. 3, 4), так что душа, взирая на сие, уже *спасена в надежде* (Рим. 8, 24).

28. Из всего этого проистекает чистое, радостное и бодрое состояние души и благоупорядоченный, гармоничный, ясный и незамутнённый образ жизни, – ибо (как я уже сказал) своя воля упразднена, и потому все стремления и действия души умирились и пришли в должный порядок, вследствие чего и тело получает пользу и не вредит ни себе, ни душе.

29. Но перечисление всех высоких блаженств, которые сопровождают истинное благочестие уже и в этой жизни, заняло бы слишком много места; к тому же речь здесь идёт о тонких внутренних вещах, которые с трудом могут быть описаны. Посему всякой душе лучше всего познавать их на своём действенном опыте; это она и может, и должна. Апостол Павел выразил всё вышесказанное в кратких словах: *благочестие на всё полезно* (то есть оно является истинной универсалией и панацеей), *имея обетование жизни настоящей и будущей* (1 Тим. 4, 8).

30. Тем не менее и из того, что мы сказали, можно с определённостью заключить, что глубоко заблуждаются те, кто воспринимает истинное благочестие как печальную, унылую, тяжёлую и мрачную жизнь, в то время как оно есть полнейшая

противоположность сему. Да, оно является тяжким крестом, скорбью и смертью для нашего жестоковольного своеволия и для жизни падшей природы; но именно это своеволие и эта падшесть есть то, что делает нас *несчастливыми, и жалкими, и нищими, и слепыми, и нагими* (Откр. 3, 17) и отнимает от нас спасение и блаженство. Посему именно это и выкорчёвывается и искореняется из нас силою и Духом Спасителя нашего Иисуса, – и непременно должно искореняться, если только мы хотим и здесь, и в вечности быть истинно радостными и ни в чём не нуждающимися и обрести в Боге благо, честь и блаженство.

31. В связи с этим рассмотрим несколько причин, по которым не только все чада мира сего, но, быть может, даже и большинство тех, кто считает себя благочестивыми христианами, воспринимает истинное благочестие как нечто мрачное и обременительное. *Первая причина* заключается в том, что многие (и о! сколь многие!) слишком вялы и слишком жалеют себя при отвержении мира, при *распятии плоти со страстями и похотями* (Гал. 5, 24), при умерщвлении своеволия, чувственных удовольствий и всякого проистекающего из самолюбия услаждения и любви к творениям. Для таких христиан становится невозможным достичь истинного мира с Богом и сущностного познания Его вседостаточности. *Никто не может служить двум господам* (Мф. 6, 24). Кто стремится к утешению и довольству в Боге, тот не должен больше искать их у творений; и кто хочет иметь радость и покой в творениях, тот не найдёт их в Боге.

32. Для некоторых душ препятствием к истинному благочестию является тонкая (но крайне пагубная) внутренняя нечестность, когда сокровенным образом, но тем не менее сознательно, душа прилепляется любовью к тому или иному творению или к тому или иному греху. Этим опечаливается её дух, сердце не обретает покоя, а совесть не перестаёт обличать и угрызать её.

Другие души не обращают должного внимания на то, чтобы в тишине и точности воспринимать действующую в их сердце вразумляющую и назидующую их благодать Святого Духа. Это происходит тогда, когда человек больше расточён и рассеян в мыслях и чувствах, нежели живёт в Духе (Рим. 8, 5-9, 13), и потому не может ни увидеть, ни искоренить свои бесчисленные грехи и проявления самолюбия.

Нередко бывает и так, что человек действием своего рассудка (или вняв рассуждениям других) ставит себе некоторые цели или в чём-то ограничивает себя, и вполне удовлетворяется этим малым началом. В деле самоотвержения и освящения он исполняет только некую часть, а всему прочему, под вывеской «немоощь», даёт идти своим чередом без какого-либо серьёзного сопротивления.

33. *Другая причина*, почему немалому числу христиан истинное благочестие кажется безрадостным и тяжёлым, заключается в явлении, обратном тому, о котором мы только что сказали. В противоположность вышеописанным вялым и расслабленным христианам многие с великим рвением приступают к делу самоотвержения и освящения, но часто впадают в другую крайность. Там, где первые были нерешительны и слабы, последние хотят следовать и быть верными увещеваниям и действиям Святого Духа, Которому они дали в себе место, самым ревностным образом, – но только *собственными* своими силами, по *своему* произволению и разумению. Когда Дух побуждает их к чему-либо, они не отвергаются в тот же момент самих себя и решительно, по истине (а не только в мыслях и воображении) отлагают все свои намерения и действия и всецело предают себя с верой и любовью Господу Иисусу Христу, делаясь неким духовно-сокровенным образом соединённым и единым с Ним (1 Кор. 6, 17), дабы Он, *произведший в нас хотение*, также свершил *по Своему благоволению и действию* (Фил. 2, 13), – но остаются при своём. Из этого замкнутого на себя подвижничества и не выходит ничего настоящего, основательного, чистого и неразоримого, и поэтому душа, при всех своих законнических усилиях и напряжении, никогда не может вырваться из многих отягощений, недоумений, обличений совести, уныния и прочих тяжких уз. Это очень важный пункт (если его правильно уразуметь), который присущ благочестивым людям в значительно большей степени, чем это обычно представляется.

34. Истинное освящение и богообщение особенно невозможно и чуждо Закону и природным человеческим силам. Лишь животворящий Дух Иисуса Христа (Рим. 8, 2) соделывает нас *новым творением* (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15) и всецело живит нас и действует в нас, дабы мы, всё более и более проникаясь и преисполняясь сей свободной силой Нового Завета, с сердечной радостью, крепостью и непоколебимостью смогли отвергнуть и победить всё (1 Ин. 5, 4) и в подлинном благочестии ходить пред лицом Господним. Если бы всякий, кто серьёзно относится к жизни в Боге, прибег бы, купно со всеми истинными христианами, к единственному источнику всякой благодати и богообщения, Иисусу Христу, и в осознании своего глубочайшего повреждения и бессилия и в сердечном уповании на Бога погрузился бы в сей источник, – о! поистине мы зазеленели бы, процвели и принесли плоды, как *деревья при потоках вод* (Пс. 1, 3), и в живом опыте с несомненностью убедились бы, что *заповеди Его не тяжки* (1 Ин. 5, 3).

35. Однако же, когда я говорю о том, что благочестивая жизнь не тяжка и блаженна, да не подумает кто, что тем самым упраздняется тайна креста, и святой

путь страданий ради Бога (1 Петр. 2, 19-21; 4, 1) отменяется для тех, кто принадлежит уделу Его (1 Петр. 2, 9; Еф. 1, 14); нет, конечно же, нет! Если бы я решил рассуждать так, *то я виновен был бы пред родом сынов Твоих* (Пс. 72, 15): пред Авраамом, Иовом, Давидом, Еманом (Пс. 87, 1), Иеремией и всеми святыми как Ветхого, так и Нового Завета. Ибо все они (каждый по-своему и каждый в свою меру) были научаемы, экзаменуемы и очищаемы Богом чрез различные искушения, испытания, оставление благодати, внутреннюю тьму, пустоту и сухость, страхования и прочие многие и великие скорби и страдания, по телу и душе. До нынешнего дня, и до конца веков неизменным остаётся Божие определение, что *все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3, 12), – не только внешне, чрез осмеяние и ненависть мира сего, но и внутренне, чрез многочисленные и разнообразные искушения, кресты и страдания (Иак. 1, 2), дабы стать им совершенными (Евр. 2, 10) и *многими скорбями войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Но для благочестивой души все эти внутренние мучения, испытания и скорби будут становиться всё более и более лёгкими и даже обратятся в *великую радость* (Иак. 1, 2), и никак не смогут разорить её глубочайший мир в Боге, – если только душа будет со всем усердием учиться всю свою силу, крепость, отраду, утешение, благостояние и спасение полагать единственно и исключительно в Боге и в том, что Ему угодно. Не в себе самой, не в своих трудах и делах, не в радости и услаждении для себя, не в своём удобстве и покое; не в божественном свете, сладости, духовном удостоверении и тому подобных Божиих дарах, поскольку всё сие может и должно быть часто скрывается и отнимается от души; но только в Самом Боге – ибо Он и Его воля не подвигаются и не изменяются вовек (Пс. 45, 6). И если душа в своих страданиях, какими бы они ни были, в глубочайшем самоотвержении и пусть ничего не видящей, но непоколебимой вере (Евр. 10, 38) всецело предаст верному своему Творцу всю себя и всё своё спасение (Мк. 8, 35), – то несомненно, после того, как пройдёт это время её обучения и она совершенно отринет свою правду и своё, не истинно-Божие, благочестие, уже и в нынешнем веке она *достигнет мирного плода Божией праведности* и святости (Евр. 12, 10-11).

36. Также я вовсе не хочу преогорчить тех благочестивых христиан, которые со всей искренностью сражаются с грехом и пребывают в покаянной печали и самоуничижении, будучи *труждающимися и обремененными* (Мф. 11, 28), – и тут слышат, что это их состояние может быть неправильным, потому что они не ощущают радости и лёгкости богообщения. Да не будет сего! Наоборот, сказанным я желаю утешить и ободрить их, и уверить их, что так не будет с ними всегда (Ин. 16, 21-22).

Лишь бы только они, в таком своём состоянии, осознавая свою падшесть и бессилие, поистине приходили к Иисусу, дабы Он *утешил и успокоил* их, соделав для них *изго Своё лёгким и бремя Своё благим* (Мф. 11, 28-30); и лишь бы они именно тогда, когда в особенности не имеют никаких сил, пробивались к истинной сути благочестия – непрестанно жаждая Бога, молитвенно припадая к Нему в глубине своих сердец, внутренне прилепляясь к Нему и приучая себя пребывать в Нём. Тогда Он в своё время несомненно и непреложно *Своей божественной силой* в преизбытке *дарует им всё, что потребно для жизни и подлинного благочестия* (2 Петр. 1, 3).

* * *

37. *Единый блаженный Бог* (1 Тим. 6, 15), Который один только может дать человеку богообщение, да коснётся живительно и сильно Духом Своим сердец тех, кто читает сии страницы, дабы они не только решились отвергнуться себя и всего того, что не есть Бог и Божие, но и, Его благодатию, верно последовали Ему и вкусили неизреченного и вечного блага божественного соединения с Ним. Если человек хочет объять Бога и быть объатым Духом Его, ему надлежит оставить себя, изойти из себя самого и войти в Бога. Этот исход и это вхождение и есть основа и главное действие истинного благочестия, ибо чрез сие мы всецело и беспрекословно возвращаем Богу то, что принадлежит Ему, то есть нас самих, и познаём и приемлем Его как такого, каков Он есть – то есть как нашего Господа, Творца и Спасителя, наше высочайшее благо, наше единое и наше всё во веки. Если это одно (исхождение из себя и вхождение в Бога) упускается, то наше благочестие не стоит ровно ничего, оно есть только видимость без сути.

Итак, поскольку милующая любовь Божия во Христе непрестанно призывает нас к подлинному благочестию, или богообщению, то преклоним свою главу, отрешимся от самих себя и последуем сему бесценному призыванию благодати, дабы и здесь, и в вечности поистине обрести нам благо, честь и всяческое блаженство в Иисусе Христе, –

чего всем читателям от сердца желает и от Источника всякого блага молитвенно испрашивает

стремящийся к истинному благочестию Г. Т⁵.

⁵ [В оригинале игра слов: первые буквы слов заключительной фразы «Gottseligkeit Trachtende Seele» («стремящаяся к благочестию душа») составляют инициалы автора – G. T. S.]

Трактат IV

**Об отношении
к особым духовным дарам,
видениям, откровениям
и тому подобному**

Духа не угашайте.

Пророчества не унижайте.

Всё испытывайте, хорошего держитесь.

(1 Фесс. 5, 19-21)

ВВЕДЕНИЕ

Предыдущий трактат был посвящён тому, чтобы, среди прочего, различить и отделить существенное в деле благочестия от несущественного, привходящего и экстраординарного. Что касается последнего, то в некоторых других сочинениях я уже излагал свои мысли, как относиться к особым духовным явлениям в жизнеописаниях тех, кто уже отошёл в вечные обители. Также я отвечал и на вопрос, как надлежит разуметь необычные явления этого рода, присущие многим живущим ныне людям, обратившимся к Богу. Итак, я счёл небесполезным собрать всё, высказанное мною, в особый трактат, приложив к нему и выдержку из письма одному моему голландскому другу по поводу происходящего в наши дни духовного пробуждения, каковая выдержка составит третью часть сего трактата.

I

1. Необходимо сразу поставить во главу угла, что путь чистой веры – когда душа следует руководству Духа Иисуса Христа в глубине своего сердца и предоставляет Ему свершать её исхождение из себя самой и из всего сотворённого, дабы, прилепившись к Богу и служа Ему в духе и истине, войти с Ним в единение и общение – есть самый верный, надёжный, и вместе с тем совершенно необходимый путь для человека. Напротив, тот путь, когда душа наряду с этим и сверх этого испытывает ещё и нечто экстраординарное – особые духовные состояния, осияния светом, восхищения, откровения и прочие сверхприродные вещи, – таит в себе многие опасности и возможность обольщения.

2. Из этого, однако, не следует делать вывод, что души, идущие таким путём, и на самом деле непременно должны быть обмануты и находиться в прелести¹; вовсе нет. Бог ведаёт, кого и как Ему вести; и кого Он держит в Своей деснице, тот безопасен на всех путях своих (Пс. 90, 11). Тот, Кто сохранял Павла от превозношения высокими откровениями, попустив действовать в нём ангелу сатаны и жалу плоти (2 Кор. 12, 7), – Тот, конечно же, знает ещё тысячи способов, как незаблудно вести души, не ищущие ничего, кроме Него Самого, даже и совсем необычными путями.

¹ [Прелесть (от слова «лесть») – святоотеческий термин, означающий самообман, самообольщение, сочетаемое с лживым, «лстящим» воздействием демонических сил; состояние, в котором человек считает себя угодным Богу, идущим по Божьему пути, исполняющим Его волю и т.п., в то время как это совсем не так.]

Разумеется, нам надлежит, насколько это зависит от нас, избирать надёжнейшее и безопаснейшее, и по самолюбию не стремиться ни к каким высоким и особенным вещам. Однако мы не должны и полагать ограничения Богу в том, как Он ведёт человека и что Он даёт ему, – но благоговейно почитать всё, что от Него исходит и к Нему приводит, несомненно веруя, что Он, будучи совершенным, свободно действующим и благим, может открывать (и действительно открывает) Себя Своим святым и возлюбленным чадам бесконечно разнообразными способами, к возвещению Своих божественных великих дел и чудес (Ин. 9, 3).

3. Поэтому, когда мы встречаем в жизнеописаниях святых многочисленные, порой странные и необычные явления подобного рода, то, по моему представлению, к ним нужно относиться без опаски, стараясь из всего извлекать для себя пользу. Допустим, например, что тот или иной святой сказал или сделал нечто доброе и прославляющее Бога, что молва разнесла как божественное речение или откровение, но что на самом деле являлось лишь плодом его собственных мыслей. Если я, никому ничего не навязывая, приму это слово или дело и, поступив в соответствии с ним, получу для себя назидание к славе Божией, – то всякий разумный человек признает, что я не претерплю вреда от такого образа действий. И это будет гораздо более богоугодно, чем если бы я, без Божьего удостоверения, встал на место судьи и начал бы износить безоговорочное осуждение всему экстраординарному – здесь я скорее окажусь в действительной опасности похулить Бога, отвергая Божии дары в святых Его.

II

4. Бывают ложные, обольстительные видения и откровения, равно как бывают и ложные пророки. Также существуют многоразличные фантазии, мечтания и прочие самоизмышлённые небылицы, порождённые слишком сильной или неудержимой силой воображения и часто принимаемые за чистую монету; и именно сюда надлежит относить слово Сираха: *кто скоро доверяет, тот легкомыслен* (Сир. 19, 4). Но бывают также и истинные видения, откровения и пророчества, исходящие из доброго и божественного источника. Священное Писание наполнено ими; также и в церковной истории и подлинных жизнеописаниях святых мы находим многие свидетельства и доказательства того. Посему ложной является та мысль, что Святой Дух решил действие всех Своих сил ограничить периодом времени, о котором повествует Новый Завет, а в дальнейшем не подавать их постоянно, *всё обновляя, и, переходя из рода в род в святые души, приготовляя друзей Божиих и пророков* (Прем. 7, 27). Напротив,

Он ещё чрез Своих ветхозаветных пророков возвестил, что именно в последние дни экстраординарные духовные дары будут всеобщими, так что стар и млад, мужчины и женщины, и даже рабы и рабыни, будут пророчествовать и увидят видения и сны (Иоиль 2, 28-29).

5. Итак, памятуя о том, что существуют ложные и обольстительные духовные явления, и нужно тщательно беречься, чтобы не принять истину за ложь, – необходимо, с другой стороны, всячески остерегаться, чтобы без испытания и разбора не отвергнуть подлинные и божественные вещи. Предположим, мы знаем, что в шкатулке с драгоценными камнями есть некоторые, а может быть, и многие фальшивые камни; мы же не выкинем по этой причине всю шкатулку. Поэтому, хоть мы и живём в последние, неверующие времена, слова Апостола Павла *духа не угашайте; пророчества не унижайте* (1 Фесс. 5, 19-20) остаются действенными и для нас.

6. Опытные и просвещённые мистики-боговедцы советуют не желать и не искать особых духовных явлений; если же они даны, то не слишком обращать на них внимания и не задерживаться на них, напротив, проходить мимо них, дабы не искушиться и не плениться ими, но в свободном отстранении духа, возвышаясь над всем, прилепляться к Богу чистой верой и стремиться к непосредственному единению с Ним. Это увещание (отстраняться от особых духовных явлений) правильно и необходимо для тех людей, которые сами в себе, непосредственно, на опыте испытывают (или могут испытывать) всё сие. Мы же ведём речь о том, как надлежит нам относиться ко всему этому, не имея такого опыта, со стороны. И тут мы не можем по истине (и по смыслу того, о чём говорили вышеуказанные богопросвещённые мужи) сказать ничего иного, как только то, что, по надлежащем испытании, нам следует с должным благоговением принимать такие явления и извлекать из них для себя возможную пользу.

При этом нужно иметь в виду, что ничто экстраординарное не является непременным доказательством святости (а уж тем более великой святости) человека, ибо иногда такие дары даются и новоначальным душам. Впрочем, не следует забывать, что божественные откровения, видения и т. п. могут быть присущи и людям, находящимся на вершинах святости, и апостольскому чину, как о том с достаточной убедительностью свидетельствует хотя бы пример высоко воспарившего орла, евангелиста и тайнозрителя Иоанна.

7. Конечно, возникает вопрос – как надлежит нам проверять и испытывать все эти явления. Тут мы неизбежно сталкиваемся с трудностями. Ибо не говоря уже о том, что далеко не всякий человек имеет способность различения духов (1 Ин. 4, 1; 2 Кор. 12,

10), мы обнаруживаем, что иногда и нечестивцы имели подлинные откровения и пророчества (Валаам – Числ., гл. 22-24; солгавший пророк-старец в Вефиле – 3 Цар. 13, 20); истинные пророки, напротив, нередко говорили от собственного духа или своих добрых мыслей (Нафан – 2 Цар. 7, 1-3). Ещё чаще мы находим, что пророки изрекали по воле Божией то, что по букве отнюдь не исполнялось (Ис. 38, 1), ибо или люди, которых это касалось, изменялись к лучшему (Иер. 18, 7-8; Иона 3, 4-10; 3 Цар. 21, 17-19; 28-29) либо к худшему (Иер. 18, 9-10; 1 Цар. 2, 30), – тогда и Бог не приводил в действие Своё слово; или же Божье слово понималось и принималось не по Божьему намерению (Иер. 4, 10).

8. Но несмотря на все эти трудности, мы имеем надёжное мерило и испытательный камень, который дал нам Сам Спаситель; и, по моему представлению, тот поступает богоугодно и по истине, кто твёрдо держится этого пробного камня². *По плодам их узнаете их* (Мф. 7, 16), говорит Господь; и мы должны познавать по плодам, с истинным или ложным пророком мы имеем дело. Плоды и признаки подлинного духовного действия нам указаны, среди прочего, у Апостолов Павла (Гал. 5, 22 – 6, 2) и Иакова (3, 17). Итак, если я нахожу, что человек живёт в смиренном и не экзальтированном благочестии, что его чувства и мысли, душа и дух спокойны и мирны; что обращение с ним назидательно; что, имея опыт необычных духовных явлений, он становится при этом ещё благочестивее и смиреннее (см. у Макария Великого, Беседа 10, § 4)³; что он не стремится к высоким духовным состояниям, не хвалится ими, но пребывает в нежелании их и страхе Божиим; что он до блаженной своей кончины остаётся верным Богу; что содержание его откровений, видений и т. п. согласно со Священным Писанием или по крайней мере ни в малейшей степени не противоречит ему (Гал. 1, 8), но служит прославлению Бога и приводит к Нему; и, сверх всего сказанного, что его пророчества никак не могли быть получены естественным путём, но по изречении их оказываются истинными, – если, говорю я, в человеке и в его экстраординарных духовных дарованиях обнаруживаются такие признаки, то я буду повинен в великой дерзости и непростительной неблагодарности к Богу, отвергая подобные свидетельства Божией благодати и не внимая им, вместо того, чтобы принять их с подобающим благоговением.

² [Пробный (испытательный) камень (Probierstein) – твёрдый камень из кремнистого сланца. В средние века его использовали для выяснения того, содержится ли в металлическом сплаве серебро: им наносилась глубокая царапина, заполнявшаяся смесью азотной кислоты и бихромата калия. Если эта смесь окрашивалась в красный цвет, то это значило наличие серебра в сплаве.]

³ [См.: Творения преподобного Макария Египетского. М., 2002, стр. 308.]

III

9. Нынешнее время я воспринимаю как время особого благодатного посещения Божия. Хотя Господь Иисус всегда готов *взыскать и спасти погибшее* (Мф. 18, 11), и мы всегда можем придти к Нему, – но сверх сего Господь иногда посылает людям дни особенной благодати, дни посещения Божия, когда Он необычайным, властным образом осеняет ту или иную страну, местность или отдельного человека, милостивой Своей рукой преизобильно изливая на людей Свою благодать, касаясь их сердец и подвигая их к восприятию Своего слова и к обращению. В такие дни отверзается небесный храм, и Царство Божие становится ближе. Если люди не разумеют и не узнают сих дней, то за этим следуют суды Божии и всяческое разорение жизни (Лк. 19, 42-44). Те же, которые пекутся о душах своих, спешат использовать такие времена, как корабельщики попутный ветер. Ибо придут дни, когда столь широкого доступа в храм Божий уже не будет (Откр. 15, 8)⁴.

10. Такое благодатное посещение и возвешение Своей истины в той или иной местности или стране Господь иногда сопровождает экстраординарными раздаяниями Своих духовных даров – великими силами, особым умилением, необычными внутренними и внешними действиями и явлениями. Это совершает Он для того, чтобы утвердить таким образом Своё дело, обращая к Себе души с помощью столь сладостной пищи, равно как и для того, чтобы привлечь внимание людей зримыми духовными действиями, как это было в день Пятидесятницы, когда народ собрался, пришёл в смятение, изумился и дивился чрезвычайным явлениям, слыша новое святое возвешение и получая в сердце умиление к обращению (Деян. 2, 6-7; 37). *О, глубина премудрости и человеколюбия Божия* (Рим. 11, 33)!

Вот какова, по моему представлению, истинная конечная цель Бога при таких экстраординарных явлениях. Все ли они исходят именно от Бога, сразу сказать невозможно. Это выясняется с точностью только впоследствии, а непосредственно в момент соприкосновения с такими явлениями об этом рассудить нелегко. Но если плод добр и пребывает таковым неизменно, тогда и дерево должно быть добрым (Лк. 6, 44).

11. Если же разбирать все эти, как я их называю, духовные возбуждения – обнаружение особых чувств, необычные телесные движения и тому подобные бросающиеся в глаза явления, – то нужно сказать, что они могут происходить или от благого, или от злого начала; также могут они заимствоваться отвне.

⁴ [Случившаяся вскоре Французская революция и последующая коренная перемена образа жизни в Европе вполне подтвердили эти пророчества Герхарда Терстегена.]

Я видел немало таких вещей. О многих из них я не могу сказать ни одного доброго слова, ибо плоды и следствия их были дурны. Эти духовные возбуждения либо проистекали из злого начала, либо были экзальтированы, неестественно преувеличены или имитированы. Также они могли происходить из подражания речам, облику или действиям других людей. Те, с которыми совершалось такое, с необыкновенной готовностью обманывали себя и были не в состоянии воспротивиться своей экзальтации или как-то изменить своё поведение.

Некоторые из этих духовных явлений, как я полагаю, первоначально были достаточно хороши, но потом из-за самоугождения в них не оставалось ничего, кроме человечески-падшего и худого. Некоторые (как говорилось выше) не приносили никаких добрых плодов; в иных не было ни хорошего, ни плохого, но те, кто их имел, оставались такими, какими они были.

Но также я видел, что многие люди чрез подобные духовные возбуждения полагали начало самому серьёзному обращению, когда внезапное прозрение и великое изменение их состояния потрясло их так, что даже, так сказать, колебались основания их внутреннего дома (Деян. 4, 31; 16, 26). Здесь происходило то, что описано в Третьей книге Царств: после сильного вихря, землетрясения и огня, шедших пред Господом, следовало (если только душа пребывала верной) *веяние тихого ветра*, только в котором – Господь (3 Цар. 19, 11-12).

12. О других экстраординарных явлениях (осиянии светом, видениях, откровениях и т. п.) я могу сказать почти то же самое. Поскольку во времена особого благодатного посещения Божия Царство Небесное подходит к той или иной стране, месту или человеку близко, то и святой мир вечного света раскрывается над ними несколько больше. Отсюда и происходит преизобильное раздаяние различных благодатных даров, откровения, видения и проч., и чрез сие могут пробудиться внутренние чувства (ибо как человек имеет внешние чувства для восприятия этого мира, так есть у него и внутренние чувства для восприятия мира иного, которые обычно, в силу грехопадения, сокрыты и не проявляют своего действия), – так что предметы ангельского мира, или рая, не только могут становиться видимыми и слышимыми, но человек может с достаточной осязаемостью вкушать, воспринимать и чувствовать их, к великой радости и укреплению души, с которой это происходит.

Однако нужно всегда иметь в виду, что только в будущем веке такой опыт будет всецело ангельским, чистым и безопасным; в этой же жизни подобные сверхприродные дарования подвергаются опасности послужить пищей самоугождению, смешаться с человеческой падшестью и подвергнуться обману от

врага тем больше, чем больше в них участвует чувственное восприятие. Именно это, без сомнения, является причиной того, что Бог ведёт в сей жизни Своих чад прежде всего путём веры. В своё время вера несомненно сопровождается светом, небесным опытом и божественными внушениями – но такими, которые неизмеримо существеннее, духовнее, непосредственнее и спасительнее, нежели все внешние экстраординарные дары.

13. По этой же причине всегда бывает так, что те, кто испытывает подобные экстраординарные усладительные вещи, должны пройти чрез последующие или предшествующие страдания и скорби; и именно те, которые сегодня утешаются Ангелами, завтра могут подвергаться нападениям и искушениям злых врагов – в качестве противоядия от самоугождения. Апостол Павел был *восхищен до третьего неба, в рай, он слышал неизреченные слова*, и т.д. Это были экстраординарные дары и возвещения; но что произошло с ним потом? *Чтобы я не превозносился* (говорит он), *дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня* (2 Кор. 12, 1-7).

Здесь мы видим важное различие. Помимо этих откровений Павел получил от Бога гораздо более существенную благодать: Бог *открыл в нём Своего Сына* (Гал. 1, 16), он был *сораспят Христу*, так что *жил уже не он сам, но жил в нём Христос* (Гал. 2, 19-20). Эти и многие иные вещи были сущностной благодатью, неизмеримо более высокой и ценной, нежели все видения и откровения; но ради этой благодати Павел не нуждался ни в каком ангеле сатаны. Ибо сия сущностная благодать, непосредственно ощущаемая в духе, хотя по своей природе услаждает и восхищает душу, но одновременно и глубоко смиряет её, исцеляет её основы и производит в ней всякую добродетель, будучи ничем иным, как богообщением и действием в душе Господа Иисуса Христа и Его святой жизни. При экстраординарных же духовных явлениях всё обстоит совсем по-другому. Они, как уже сказано, могут происходить и от самого человека, ещё не умерщвлённого для падшести; они могут мало способствовать жизни с Богом, и т.д. – в отличие от сущностных благодатных действий Божиих. Вселение Бога в сердце, о котором говорит Павел (2 Кор. 6, 16) – вот сущностная благодать Божия. Кто хочет приобщиться сей благодати, тот должен *очистить себя от всякой скверны плоти и духа и совершать свою святиню во страхе Божиим* (2 Кор. 7, 1).

14. Из вышесказанного легко уразуметь, как надлежит нам относиться к экстраординарным духовным явлениям в отношении наших ближних. В наше время особого духовного пробуждения, по вышеприведённому совету богопросвещённых

мужей⁵, мы должны настойчиво предостерегать души, с которыми мы вместе сопутствуем к небу, чтобы они отнюдь не желали и не стремились к подобным дарам, дабы им не обмануться и не прельститься. Если они имеют их, то пусть крайне берегутся от всякого самоугождения и самоуслаждения, не на минуту не забывая, что все эти дары сами по себе нисколько не делают нас лучше, а Бога к нам ближе. Нужно вразумлять их, чтобы они не слишком останавливались на своих дарах, но, найдя им доброе применение, затем шли как бы мимо них, к сущностному – истинному обращению, обновлению сердца и соединению с Богом чрез веру и любовь. Что же касается особых телесных движений – своего рода трясений и дрожаний, экзальтаций, выражаемого вовне умиления и тому подобных бросающихся в глаза явлений, – то нужно стараться мягко приводить людей, испытывающих их, в состояние умеренности и тихости. Если же ни им самим, ни нам не удастся с кротостью и мягкостью привести их в должный чин, то тогда дело нужно препоручить Богу и оставить, как есть, на Его волю.

В особенности же нужно блюстись от того, чтобы в отношении как этих, так и других экстраординарных духовных вещей дерзать износить решительное суждение, а наипаче осуждение, дабы не предписывать границ Святому Израилеву (Пс. 77, 41), пути Которого простираются далеко выше нашего разумения (Ис. 55, 8-9), и Который в последние дни даст свершиться многим необычным, особым и экстраординарным явлениям.

⁵ [См. § 6.]

Трактат V

Предостережение

от духовной поверхности и беспечности,

содержащее также краткое рассмотрение того,

какова связь между освящением и оправданием,

равно как и того,

что относится к Закону, а что – к Евангелию

У Тебя прощение,

да благоговеют пред Тобою.

(Пс. 129, 4)

ВВЕДЕНИЕ

Первоначально сие написанное на голландском языке частное послание не предназначалось для печати. Однако очень скоро оно, без указания лица, коему было адресовано, разошлось по рукам, и не только многократно было переписываемо, но и – без моего ведома – не раз переводимо на немецкий язык. Поскольку в силу этого оно перестало быть личным письмом, то я больше не вижу причин отклонять желание многих моих друзей, чтобы оно было напечатано и широко распространяемо, как, собственно, это уже и произошло с голландским текстом письма.

Хочу особо подчеркнуть, что я составлял это письмо не как полемическое сочинение, направленное против некоторых людей, и не хотел бы, чтобы оно рассматривалось и использовалось в качестве такового. Моим намерением было исключительно предостережение против духовной беспечности и поверхностности и иных заблуждений этого рода, у кого бы и где бы они ни обнаружились, дабы мои размышления, по благодати Божией, могли послужить одним для вразумления, а другим – для утверждения в истине. Дух благодати и назидания Сам да расположит каждого к достойному пониманию тех мест сего письма, кои необходимы именно для него.

Поскольку это письмо было написано на голландском языке, то и цитаты из Писания приводятся по большей части по голландскому уточнённом переводу; о чём считаю необходимым уведомить благосклонного читателя.

В качестве назидательного предисловия приведём следующие глубокомысленные стихотворные строки г-на Йодокуса ван Лоденстейна (некогда знаменитого – ради своего выдающегося благочестия – проповедника из Утрехта)¹:

1. Христиане, бедные, запутавшиеся,
служат Богу, и не знают сами, зачем,
думая только о своей выгоде от сего.
Хотя они и ищут, но не находят Спасителя,
так как ищут Его лишь для того,
чтоб Он покрыл и защитил их на Суде.
Но Агнец пришёл

¹ [Йодокус ван Лоденстейн (1620 – 1677) – голландский богослов и проповедник Реформатской Церкви. Один из крупнейших представителей так наз. Nadere Reformatie (движения «дальнейшей реформации»), требующей всё более глубокого укоренения повседневной жизни в Евангелии.]

принять тех, кто повреждён грехом,
и сущностно приобщить их Себе
через их самоотвержение.

2. Отречься от себя – очень горько для людей.
Они мечтают посредством Иисуса
достигнуть спасения в будущем веке;
любить же Тебя (что, о Боже,
уже здесь дарует человеку небо
в его покаянии и крестах) –
это учение ныне умерло,
хотя Сын Твой
возвестил его словом Своим во всех концах земли
и в совершенстве исполнил в Себе Самом.

3. Что наше спасение состоит в том,
чтобы обуздать волю, чувства и душевные движения
и отвергнуть всякую похоть;
чтобы возненавидеть самого себя
и возлюбить Бога, –
этого ныне
никто не может вместить.
Люди хотят творить свою волю,
и даже в служении Богу
ищут только своего.

I

[Освящение человека не есть одномоментное действие²]

1. Возлюбленный о Господе Иисусе, нашей славе и нашем единственном уповании, друг мой *N!* Я бы хотел несколько более подробно изложить свои мысли о предметах, которые в Вашем письме привлекли моё внимание – а именно, что некоторые души, как Вы пишете, ничего не желают слышать о тех или иных

² [Разделение текста и подзаголовки взяты из книги: Gerhard Tersteegen. Ich bete an der Macht der Liebe. Gießen, 1997, S. 226.]

приготовлениях для достижения единения с Богом, равно как и о деятельном пребывании в самоотвержении; всё сие они считают только Законом, а не Евангелием. Вы полагаете, что это решительно противоречит тому, о чём говорит Апостол Павел, а именно, что *закон есть детоводитель ко Христу* (Гал. 3, 24) и проч. При сем Вы надеетесь, что здесь, у нас, в понимании этого учения дело обстоит лучше, чем в Голландии.

2. Что касается последнего, то я должен сказать: да, слава Богу! Во всей нашей местности в этом отношении положение вещей лучше, чем у вас, хотя в других вопросах христианского учения и у нас наличествуют разные заблуждения. Среди людей, которых коснулось духовное пробуждение, ничего не слышно об этом новом евангелии³, отрицающем всякое самоотвержение, деятельное постоянство в последовании Христу и постепенность продвижения в духовном освящении. Да, у нас от сердца веруют, что только через Кровь Христову мы получаем оставление грехов (1 Ин. 1, 7) и дерзновение приближаться к Богу, *по богатству благодати Его*⁴ (Евр. 10, 19; Еф. 1, 7). Но также у нас веруют и в то, что Тот, Кто посвятил Себя за нас, также поистине хочет освятить и нас самих (Ин. 17, 19), дабы чрез дарование нам Своего Духа и благодати уготовить нас в жилище Богу по богатству Своей славы (Еф. 3, 16-17), – равно как веруют у нас и в то, что *имеющие такие обетования* и надежду должны, силой именно этой благодати, *очистить себя от всякой скверны плоти и духа, совершая своё освящение в страхе Божиим* (2 Кор. 7, 1). Одним словом: мы стоим на том, что *Христос сделался для нас от Бога* не только *премудростью и оправданием*, но и *освящением и спасением* (1 Кор. 1, 30). Это учение очевидно и принимается всеми; между тем необходимо, чтобы оно непременно было и осуществляемо чрез самое усердное делание.

3. Когда я пишу слово «делание», то я хорошо понимаю, что те, кто ничего не хочет слышать об отвержении себя, также осудят и понятие «делания», как якобы принадлежащее к области Закона. Но не о делании ли говорит Апостол Павел, назидая Тимофея, чтобы он *упражнял себя в благочестии* (1 Тим. 4, 7), *воинствовал, как добрый воин* Христов (1 Тим. 1, 18), *подвизался добрым подвигом веры* (1 Тим. 6, 12), и так далее? О, как прискорбно, что люди – и благочестивые люди! – так легко

³ [Имеются в виду воззрения гернгутеров. См. предисловие. «Духовное пробуждение» («Великое Пробуждение») – массовый интерес и обращение людей протестантской Европы и Северной Америки к внутренней жизни о Христе в первой половине XVIII в.]

⁴ Оставление наших грехов чрез примирение с Богом во Христе Павел называет *богатством благодати Божией* (Еф. 1, 7); проистекающее отсюда освящение, просвещение и единение с Богом – *богатством славы Его* (Еф. 3, 16); спасение вообще и все чрез Христа даруемые нам блага – *презობильным богатством благодати Его в благости к нам во Христе Иисусе* (Еф. 2, 7).

скатываются в крайности! А ведь истина недолго останется истиной, если слишком наклонять её только на одну сторону.

4. Некогда, чтобы отвергнуть иудейское оправдание делами и утвердить оправдание во Христе, нужен был Павел. А в наше время нужны Пётр и Иаков, дабы указать нам Духом Святым на то, что *написанное по данной ему премудрости возлюбленным ими братом Павлом* не всегда понимается правильно, но то *извращается*, а то доводится до крайности (2 Петр. 3, 15-16). Однако истина должна всегда оставаться истиной. Я ясно вижу коварство врага нашего спасения при нынешних «битвах с Законом». Драгоценнейшая заслуга Христова, Его Кровь, Его раны – прекрасный повод для дьявола, чтобы чрез поверхностно понимаемое «удобное» Евангелие уничтожить Крест Христов и отвратить духовно пробуждаемые души от святого делания внутреннего христианства, от его силы и сока и от живого опыта богообщения, обретающегося в этом делании. Намерение врага – выманить человека на уровень переливов помыслов и чувств, в то время как глубинное наше повреждение остаётся непознанным и неумерщвлённым. Поэтому в наши дни служители Божии должны особенно стараться, чтобы возвещать Христа и Его Евангелие всесторонне, в полноте, тем более, когда они имеют дело с живым сердечным обращением человека к Богу. Им надлежит настаивать на необходимости внутри-пребывания во Христе, отвержения себя и истинного освящения, без которых, вне всякого сомнения, никто не увидит лица Божия (Евр. 12, 14).

II

[Четвероякое состояние человека по блаж. Августину]

5. Что же касается понятий «Закон», «состоять под Законом» и т. п., то об этом можно было бы многое сказать⁵. Ибо не всё то Закон, что представляется Законом; и не всё то Евангелие, что именуется Евангелием. По своему плотскому рождению все люди находятся в состоянии до-законном; и весьма сомнительно, чтобы было возможно перепрыгнуть из него сразу в состояние евангельское. Конечно, Дух Божий может творить чудеса; но в обычном порядке вещей мы должны смотреть на всеобщее устройство Божие в Его Церкви, которое есть отнюдь не внешняя история, но образ Его руководства в отношении каждой отдельной души.

Итак, я, вкупе с блаж. Августином, утверждаю, что человек может находиться в четверояком состоянии: 1) до Закона, без него и вне него; 2) под Законом; 3) под

⁵ И в конце сего трактата многое об этом ещё будет сказано.

благодатью и 4) в состоянии божественного мира, или славы Божией. «Будучи до Закона (говорит Августин), мы, не задумываясь, следуем похотям плоти. Под Законом они влекут нас уже против нашего произволения, насильно. Под благодатью мы и не следуем им, и не влечёмся ими. В состоянии мира и славы Божией никаких плотских похотей больше нет вовсе... Но *мы знаем, что закон духовен, а я плотян* (Рим. 7, 14), говорит Апостол, с ясностью показывая этим, что Закон не может быть исполнен никем, кроме как только духовным человеком, в котором действует благодать. Ибо всякий, уподобляющийся Богу, с лёгкостью исполняет повеления Закона; он уже не *под Законом, но с Законом*»⁶.

III

[О состоянии под Законом]

6. Состояние под Законом Апостол Павел изображает из своего собственного опыта в 7-й главе Послания к Римлянам. Социниане⁷ и некоторые другие рассматривают эту главу как описание общего домостроительства Божия в ветхозаветном подзаконном историческом времени. Но Апостол говорит не только об этом, но и о состоянии под Законом каждого человека, когда обвиняющая, требующая, принуждающая и устрашающая сила Закона живо действует в его совести. Это доказывается тем, что в 9-м стихе Павел утверждает, что *некогда жил без Закона*; однако ведь он никогда не был язычником, но *евреем от евреев* (Фил. 3, 5). Следовательно, он имеет здесь в виду своё падше-природное, невосприимчивое к Богу состояние.

Также повсеместно распространено мнение, что Апостол изображает в этой главе состояние христианина, вновь родившегося свыше (Ин. 3, 7)⁸, в каком состоянии Павел, когда писал своё послание, несомненно пребывал. То, что это не так, я мог бы обосновать ссылками на свидетельства учителей Церкви первых веков (Иринея, Тертуллиана, Оригена, Златоуста, Иеронима и других) – все они понимают эту главу как указание на состояние человека под Законом. Выражение «внутренний человек», встречающееся в 22-м стихе (единственное, которое может навести на такую мысль),

⁶ Augustin, in Libro proposit. ex Epistola ad Romanos [Августин. Рассуждения о Послании к Римлянам. См. Early Christian literature series, т. 6. Chico, Calif., Scholars Press, 1982].

⁷ [Социнианство (по имени Фауста Социна, 1539 – 1604) – одна из протестантских сект, отрицающая традиционное церковное учение о Троице, о первородном грехе и т. д.]

⁸ Впрочем, не все протестанты так считают. Многие учёные мужи, как среди лютеран, так и среди реформатов [здесь Терстеген перечисляет ряд имён своих современников], трактуют эту главу именно как описание человека, состоящего под Законом.

означает здесь не *новое творение* (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15), но внутреннюю жизнь души всякого человека.

7. Поводом к вышеназванному мнению является то, что многие просвещённые души (также и среди католиков) усматривают в 7-й главе Послания к Римлянам изображение тяжких внутренних испытаний, искушений и страданий, которые всегда свойственны родившимся свыше христианам. Но это совсем другая сторона дела, против которой и я нисколько не возражаю. Действительно (при том, что и Римская Церковь не допускает иного толкования данной главы, чем говорящего о состоянии человека под Законом), во время высоких духовных испытаний душа встречается с такими вещами, описание которых вполне совпадает с выражениями, употребляемыми здесь Павлом. Кроме того, Святой Дух остаётся владыкой над Писанием и имеет полную власть так толковать и так прилагать его к сердцам Своих чад, как это Ему благоугодно и как это бывает нужно находящемуся в искушении человеку. Однако это всё особые, а не общие способы толкования. Если бы они были всем доступны, я бы и слова не сказал. Но в общем понимании Писания отнесение этой главы к новому, рождённому свыше во Христе человеку было бы для только пробуждающейся совести великим соблазном самоуспокоения: если даже такой Апостол, как Павел, утверждает, что *он плотян, продан греху* (Рим. 7, 14), что *он хочет делать доброе, а делает злое* (Рим. 7, 19), и т. д. – то что тогда говорить о ней? Но очевидно, что в 5-м и 6-м стихах этой главы, равно как и во всей следующей 8-й главе, Павел даёт нам совсем другое описание своего (и всех истинных, то есть родившихся свыше христиан) состояния. Ибо в 8-й главе он изображает собственно состояние под благодатью, являющееся *начатком* состояния мира и славы Божией и введением в него.

8. А сегодня мы видим новое духовное движение, которое хочет сразу оказаться в состоянии *полноты* благодати, под Евангелием. О, как это было бы прекрасно! Но приходится весьма опасаться, как бы тут не принять за истину и за то дело, которое может совершить Один только Святой Дух, поверхностное и легковесное обольщение. Не ветхозаветным ли образом, с принуждением, хотят приверженцы этого нового учения навязать всем Евангелие и веру, прежде чем Бог Сам введёт нас в них, и прежде чем будут исполнены необходимые для этого приготовления? О, христианство – великое и непростое дело, и если оно не таково, тогда никакого христианства быть не может!

9. Ибо никто не посмеет отрицать, что Богом установлены определённые предварительные условия и приготовления для души, дабы она могла воспринять состояние благодати и нового рождения. Достаточно только поразмыслить над

словами Господа Иисуса: Он зовёт к Себе алчущих и жаждущих, труждающихся и обременённых, нищих и больных (Мф. 11, 28) – следовательно, прежде чем люди придут к Нему, они должны почувствовать себя таковыми. Господь требует обращения и покаяния, чтобы уверовать в Него (Мк. 1, 15), и отвержения всего, чтобы придти к Нему и стать Его учеником (Лк. 14, 33) – стало быть, должно заранее наличествовать обращение и самоотвержение, хотя бы в самых начатках, в самой глубине сердца. Христос уверяет, что *никто не может придти к Нему, если не привлечёт его Отец* (Ин. 6, 44) – значит, у каждого верующего необходимо должен быть предварительный период, когда он ощущает в своём сердце это «привлечение от Отца», прежде чем для него станет возможным достичь Христа и взойти в состояние Евангелия и благодати⁹.

10. Этот предварительный период можно именовать или состоянием под Законом, или привлечением от Отца, или служением Иоанна Предтечи, или временем покаяния и обращения, или как-нибудь ещё: здесь дело не в словах. Главное – не перескакивать поверхностно и легкомысленно через сам этот период, и не отзываться о нём презрительно и несмирненно.

11. Легкомысленно же перескакивать через этот период – значит полагать, что обращение к Богу совершается во всей своей полноте за несколько дней или даже часов. Многие говорят об этом; но я боюсь, что такая быстрота оборачивается слишком большой неукоренённостью и незрелостью. – Обращение к Богу есть действие Духа Божия, а не результат человеческих призывов. Многих людей касается благодать Божия; с ними совершается некое покаяние и изменение жизни; они получают определённое просвещение и утешение. Но если пристально взглядеться, то обнаруживается, что христианство ещё не вошло в них глубоко, и основание их сердец ещё не истинно проникнуто благодатью – хотя и нельзя отрицать, что она действует в них. Много есть и тех, у кого доброе семя *быстро всходит из-за того, что земля неглубока* (Мф. 13, 5). Сразу уверять всех таких людей в их спасении или в их благодатном состоянии, отговаривая их от обязанностей самоотвержения и деятельной верности в последовании Христу под тем предлогом, что это-де «Закон, а не Евангелие» – значит обольщать, искушать и соблазнять дүши. Всё сие есть приуготовления, начало пути; но для того, чтобы из этого произошло истинное христианство, Дух Божий должен взять сердце человека в Свои руки. «В человеке

⁹ Так называемым «полупелагианам» вменяют в вину (правильно или нет – не будем здесь исследовать), что они учат, что в человеке могут быть и природные, естественные приуготовления к принятию благодати. Но я, вкупе с другими реформатами [здесь Терстеген перечисляет имена современных ему богословов], утверждаю, что эти приуготовления производит в человеке Бог. Если же некоторые богословы считают иначе, то это происходит от того, что термин «новое рождение» понимается ими по-другому, как это показывает проф. Витсиус [см. о нём прим. 7 ко второму трактату].

действуют начала веры (говорит блаж. Августин), кои можно сравнить с оплодотворением и зачатием. Но нам надлежит быть не только зачатыми, но непременно и родиться, дабы достичь вечной жизни»¹⁰.

12. Примеры мгновенного обращения к Богу¹¹, взятые из Евангельской истории, не могут служить здесь опровержением сказанного и доказательством обратного. Во-первых, в Савле и других благочестивых Иудеях того времени уже было гораздо больше приуготовлений, совершённых Божиим Духом, чем мы себе представляем. Во-вторых, особые пути и действия Божии (которые Он совершает, исходя из Своих намерений, равно как и сообразуясь с обстоятельствами, лицами и временем) не могут являться общим правилом. Не все обращаются, как Павел, как разбойник на кресте, и т. д.

13. Также произнесение слов «я христианин, я верую во Христа»¹² в первые века христианства заключало в себе гораздо бóльшие и великие вещи, чем это кажется ныне. Это простое исповедание не мог бы совершить тот, кто твёрдо не решился бы добровольно принять на себя неизбежную ненависть и презрение мира сего, отринуть всё, чем услаждается падшая природа, подвергнуться лишению имущества, пролитию крови и претерпеть в крайней степени всё то, что только может измыслить человеческая и дьявольская злоба. Поистине, многое, весьма многое должно было предварительно совершиться в сердце того человека, который устами произносил эти великие слова: «Я верую во Христа» (Рим. 10, 10). Посему обманывает себя и других тот, кто легкомысленно упускает всё это из виду, в обольщении, что в наши дни, когда христианство, согласно поговорке, «купается в золоте», это краткое устное исповедание имеет тот же вес, каким он был в первые огненные столетия. В свете этого сегодня необходимо гораздо больше останавливаться на том, что предшествует сему исповеданию, тщательно испытывая, содержит ли наша вера в себе то, что она должна содержать.

14. Посему люди, ищущие Бога, должны со всей готовностью предоставить Ему провести себя чрез покаяние и обращение к Нему, и, всецело предав себя Ему, выдержать под Его десницей это обращение столько и таким образом, как это Ему будет благоугодно, прежде чем Он приведёт их путями Своей благодати к большему миру и духовной широте души.

¹⁰ Augustinus, Ad Simplcianum [«De diversis quaestionibus ad Simplcianum»], Liber I, Quaestio 2.

¹¹ То есть когда человек становится совершенным христианином в немногие часы или дни. Впрочем, никак нельзя отрицать, что начатки решительного обращения к Богу могут произойти и в самое краткое время.

¹² [Здесь автор полемизирует с мнением, что через одно только искреннее произнесение этих слов совершается всецелое обращение человека ко Христу.]

15. Итак, неразумным уничтожением этих и иных приуготовлений души к вступлению в состояние под благодатью является то, когда позволяют себе говорить (как это происходит ныне), что всё, что совершается с душой до оправдания (которое неправильно сводится к уверенности человека в оставлении его грехов), не имеет никакого значения.

IV

[Вера и оставление грехов]

16. Напротив, то, что мы читаем в Евангелии о Нафанаиле (Ин. 1, 48), Никодиме (Ин., гл. 3), Корнилии (Деян. 10, 1-4), Аполлосе (Деян. 18, 25), учениках Иоанна Предтечи (Мф. 9, 14; Деян. 19, 1-7), о самих учениках Иисуса, когда они обращались со Спасителем во время Его земной жизни, и о многих других (Мк. 10, 21; 12, 34; Лк. 10, 6 и проч.), приводит нас к совсем иным мыслям и заставляет сделать вывод, что, во-первых, Дух Божий производит в человеке различные благие приуготовления и действия, прежде чем в полноте возведёт его в состояние нового рождения свыше, и, во-вторых, что мы не должны почитать сии благие приуготовления, о которых Сам Бог свидетельствует, что они угодны Ему, за незначительные вещи – хотя последует им, конечно, нечто гораздо большее.

17. Что же касается веры, то она не состоит в оставлении грехов или в уверенности человека в этом. Оставление грехов следует непосредственно за верой, и не всегда человеку даётся чувство удостоверенности в этом. Но собственно вера не заключается ни в первом, ни во втором, а состоит она в том, когда кающийся человек приходит к Иисусу и приемлется Им (Ин. 1, 12; 6, 35) – что необходимо включает в себя оставление и отвержение всего, что не есть Бог и Божие, с искреннейшим и всецелым преданием всего себя и всего своего в руки Иисуса Христа, Его водительству, по мере нашего состояния и нашего света¹³.

18. Я подчёркиваю – «по мере нашего состояния и нашего света». Ибо сия единственно спасающая вера (начинающаяся с алчбы и жажды) есть не совершающееся в один момент, но продолжающееся и каждодневно углубляющееся

¹³ «Вера заключается не в сладком вкушении утешений, но в твёрдом прилеплении к Богу и во всецелой и абсолютной приемательной покорности Ему, чрез что мы предаём и предоставляем себя чистому Божьему благовому действию». Возтиус, Аскетика, гл. IV, стр. 157. [Гисберт Возтиус (1589 – 1676) – нидерландский пастор и богослов, профессор Утрехтского университета, один из ведущих представителей движения «Nadere Reformatie».]

действие¹⁴ сердца, разума и всех сил души. Это действие производит то, что мы пребываем во Иисусе (Ин. 15, 4), поступаем так, как Он поступал (1 Ин. 2, 6), терпеливо выдерживаем все искушения, страдания и испытания, не отпадая от Него (Лк. 22, 28; Иак. 1, 3; Евр. 2, 1; 10, 39), и таким образом *укореняемся и утверждаемся в Нем и укрепляемся в вере* (Кол. 2, 7), прилепляясь чрез всё сие Господу и становясь *один дух с Ним* (1 Кор. 6, 17). В одном слове «вера» заключены все основы, вся «душа» духовной жизни, движитель всех добрых и святых действий по отношению к Богу, самому себе и ближнему. Смотри всю 11-ю главу Послания к Евреям.

19. Вера имеет своё начало; но она должна возрастать и придти в совершенство, равно как и наше освящение (Евр. 12, 1-2; 2 Кор. 7, 1). Величайшие и драгоценнейшие обетования дарованы нам во Христе Иисусе (2 Петр. 1, 4), и даже в наше время, по милости Божией, они могут исполняться в полноте. И когда Дух Божий глубоко касается ищущих Бога сердец, так что они чувствуют внутреннюю алчбу, жажду и необходимость дальнейшего пути ко Христу и духовному совершенству, – то как же можно угашать в них такое настроение, уверяя их, что они в продолжение нескольких часов или дней обретают полноту христианства, становятся всецело святы и благи, и им больше ничего и не нужно? Ныне так боятся слушать об отвержении себя и мира, что даже само это слово становится непереносимым. А ведь, вне всякого сомнения, мы никогда не сможем стать *причастниками Божеского естества* (2 Петр. 1, 4), если решительно не *отвергнемся самих себя* (Мк. 8, 34) и не *удалимся от господствующего в мире растления похотью* (2 Петр. 1, 4).

Итак, не будем пренебрежительно относиться к отвержению себя и мира, но наоборот, уповая на столь великие обетования, представим духовно жаждущим душам учение об этом во всём его значении, дабы и сии души, и мы сами *свергнули с себя всякое бремя и запинаящий нас грех* (действию которого подвержены и истинно верующие), и не оставались только при начале пути, но *с терпением* (и далеко не всегда с чувствами духовной сладости и утешения) решились *взяться за предлежащее нам поприще, взирая* (или, если точнее перевести с греческого, *отводя взгляд от самих себя и от всех вещей мира сего*) *на Иисуса, не только начальника и руководителя, но и совершителя нашей веры* (Евр. 12, 1-2).

¹⁴ [В оригинале «Tat». Протестантские мистики (Вайгель, Арндт и др.) разделяли «Werk» и «Tat». «Werk» – «дело», совершаемое человеком самостоятельно; согласно протестантской догматике, какие бы дела («Werke») человек не совершал, это не спасает его, ибо спасение совершается только верой («sola fide»). «Tat» – более широкое понятие; не дела, а действие как таковое, «новое послушание», как его понимает Аугсбургское исповедание (Артикул VI), первоначальный импульс которого – вера и благодать Божия (sola gratia).]

20. Все те, которые имеют истинную веру, описанную выше, имеют также (как сказано) и оставление своих грехов; но отнюдь не все из них ощущают, тем более с ясностью и силой, особое удостоверение в этом. *Кто верует, тот спасён будет* (Мк. 16, 16), а не тот, кто убеждён в оставлении своих грехов. «Мы оправдываемся не тогда, когда мы убеждены, что оправданы (говорит Бакстер), но когда мы веруем, что можем быть оправданы... Оправдание состоит не в самом по себе принятии отпущения грехов, но в принятии Христа, Который приносит сие отпущение и дарует его нам, каждому своим образом. Посему никто не идёт в погибель (как говорили первые христиане¹⁵) по той причине, что он опасается гибели; и никто не спасается в силу того, что он уверил и обнадёжил себя, будто непременно будет спасён»¹⁶. О женщине Хананеянке Сам Иисус сказал, что *вера её велика*; но полное уверение она получила не столько от того, что она услышала эти слова, сколько от того, что было принято и исполнено её моление (Мф. 15, 22-28). Ясно ощущаемая уверенность в оставлении грехов есть благодать, которую даёт Бог, когда и кому Он захочет; она поистине есть чистое дело Духа Божия, и не действие человека. Посему люди не должны из самолюбия искать такой удостоверенности или успокаиваться на её отдельных признаках, равно как и вообще полагать сущность своей веры и своего христианства в тех или иных благодатных чувствах.

21. Я с сожалением вижу, что в большинстве случаев наша лукавая природа и самолюбие, опасаясь за себя, действуют таким образом, что ищут уверенности в оставлении своих грехов больше, чем Самого Христа и внутреннего единения с Ним, стремясь всегда только к утешению и радости; о силе же умирания в Иисусе и жизни в Нём заботятся крайне мало. Люди хотят жить, не умерев для падшего Адама, и знать только о любви, радости, сладостных вкушениях благодати и уверении в оставлении грехов, в то время как истинное сердечное покаяние и подлинное обращение к Богу остаётся для них почти неизвестным, а то и вовсе непонятным, и падшая плоть со своими страстями и похотями даже не приближается к своему распинанию (Гал. 5, 24), не говоря уже об умерщвлении (Кол. 3, 5). Не это ли есть – вливать новое вино в старые мехи, чрез что мехи неизбежно повреждаются и вино вытекает (Мф. 9, 17)? Мехи повреждаются и прорываются от самообольщения и самоугождения, когда чувственная часть души устраивает себе сплошной праздник, услаждая себя высокими ощущениями и чувствами любви по своему (а не по Божьему) вкусу, – отчего сердце

¹⁵ Климент Александрийский, *Quis dives salvetur*, гл. 27 [«Увещевание к богачу по Мк. 10, 17-31»].

¹⁶ *Leeven des Geloofs*, стр. 6. [Ричард Бакстер (1615 – 1691) – английский духовный писатель, предшественник пиетизма, пастор Англиканской Церкви, гонимый ею из-за его принадлежности к пуританизму.]

часто поистине повреждается до такой степени, что человек всю свою жизнь остаётся ветхим неумерщвлённым Адамом, никогда не доходящим до силы и постоянства во Христе, а порой и вовсе возвращающимся (если суэта совсем помрачит его) на бесплодные пажити мира сего, чтобы внутренний его человек пасся там. Вино вытекает от незрелого учения, от легкомысленного насмешливого отношения к тайнам благочестия, от фамильярных и фальшивых разговоров о «любви Иисуса», о «близости к Нему», о Крови Агнца¹⁷ и т. п., и от безосновательного и дерзновенного присвоения себе великого наименования и преимуществ «избранных и святых душ».

22. Оставление грехов основывается исключительно на Иисусе Христе, а не на наших мыслях или чувствах, какие мы можем иметь (или не иметь) по этому поводу. Само дело нашего спасения и прощения грехов со стороны Божией является незыблемым; но с нашей стороны мы должны *всё более и более стараться делать твёрдым наше звание и избрание* (2 Петр. 1, 10) по тому порядку, какой Дух Божий предписал нам чрез Апостола Петра – именно, чтобы *мы, прилагая к сему всё усердие, показывали в вере нашей добродетель*, и т.д. (2 Петр. 1, 5-7). А в некоторых рукописях Нового Завета стих 10-й выразительно прибавляет: *старайтесь* чрез добрые дела¹⁸ *делать твёрдым ваше звание и избрание* (2 Петр. 1, 10). Выражение «добрые дела» сегодня является у нас прямо каким-то ругательным, хотя известно, что древние отцы Церкви понимали это место именно таким образом – и, по здравому рассуждению, так оно и должно пониматься.

23. Вообще же я полагаю, что не всегда можно и нужно с точностью определять время и час, когда человек переходит к состоянию под благодатью, или (как это называют ныне) к Евангелию. Такая пытливость всегда рискованна и вредна для души, поскольку производит в ней либо бесплодное уныние, либо недолжную самоуверенность, либо самоугождение. И мы видим, что Бог часто скрывает Свои пути пред глазами Своих чад, к их же благу, и что как сама душа, так и окружающие её люди, если они не глубоко опыты и просвещены Духом, часто оценивают своё состояние совсем иначе, чем оно есть пред очами Божьими.

24. Посему достаточно, и необходимо, чтобы всякая душа, вместо того, чтобы вдаваться в таковую пытливость, в простоте пребывала внутри себя, следуя тем божественным благодатным действиям, которые время от времени проявляются в ней. Это может быть действие благодати, открывающее душе её повреждение и греховность; это может быть утешение от Духа, когда душа чувствует благость и

¹⁷ [Имеется в виду уверенность «проповедников нового евангелия», что они уже раз и навсегда «омыты Кровию Агнца».]

¹⁸ [Здесь в оригинале – «gute Werke» (см. прим. 14).]

любовь Божию во Христе; это может быть духовное наставление и руководство души на путях отвержения себя и мира сего. Дух то возвышает душу, то смиряет её, то побуждает её к действию, то извещает её, что она должна приимательно дать место действию Божию. Во всём этом вера, как о ней сказано выше, остаётся для души основой и центром всего – именно, что душа, со всем, что она обретает в себе, сообразуясь со своим состоянием, внутренне прилепляется ко Христу и пребывает в Нём сердцем, непрестанно веруя, что чрез Его Кровь она имеет оставление грехов и великое дерзновение приближаться к Богу (Евр. 10, 19-22), и что только так, чрез воздействие и руководство Его Духа и Его благодати, она должна всецело освятиться и *приуготовиться в жилище Божие Духом* (Еф. 2, 22).

V

[Различие между состояниями людей]

25. Это делание того, что составляет суть веры, говорю я, постоянно совершает душа сообразно своему состоянию; но не всегда она с ясностью осознаёт и различает те или иные стороны этого делания. Ибо душа не может увидеть, что и сколько из духовных вещей она имеет или не имеет, не только когда она (как говорилось выше) претерпевает внутреннюю тьму, испытания и искушения. И в многообразных внутренних тонких и чистых состояниях общения и единения с Богом душа со всеми своими силами в такой простоте устремляется и прилепляется к своему божественному предмету, до такой степени покоряется действию Божию в себе, что, конечно, ей было бы крайне тяжело и разорительно, если бы она должна была возвратиться к исследованиям и различениям. Её блаженное единение с Богом объемлет собою все сии духовные вещи¹⁹ неким весьма возвышенным образом, подобно тому, как дукат, или иная золотая монета, заключает в себе множество пфеннигов, хотя ни одного пфеннига в самой монете не видно.

26. О Боже мой! сколь многие смущения и горести происходят от того, что люди не получают пастырского окормления сообразно их состоянию! Всех хотят стричь под одну гребёнку! Я даже не хочу упоминать, как много происходит жарких споров, бессмысленных диспутов и обвинений в ереси относительно понимания того или иного места Писания только потому, что спорящие и обвиняющие не могут уразуметь состояние и степень возрастания человека. Печалит меня более всего то, что многие жаждущие Бога души останавливаются на своём пути и мучаются от того, что не

¹⁹ [То есть веру, её действия, оставление грехов, оправдание и т. д.]

попадают они в руки знающих учителей, обладающих светом духовного различения. Год за годом должны оставаться таковые души при одной пище, при одном и том же назидании, между тем как в силу их возрастания им нужна уже более твёрдая пища; или же, если человек немощен, то его надлежит питать щадящим образом; а бывает, если желудок переполнен, то надо на некоторое время и вовсе воздержаться от пищи. То душу призывают к преждевременному покою и отдохновению именно тогда, когда ей нужно восходить на гору и когда, наоборот, надлежит всё более и более пробуждать её, дабы она могла идти дальше (3 Цар. 19, 7) и содействовать благодати, совершающей в ней дело своё. То заставляют душу спасти себя саму несвоевременной деятельностью и перенапряжением сил, в то время когда бы ей в терпении, тихости и предании всего Богу ожидать помощи от Господа (Ис. 30, 15). Если найдётся душа, какую, подобно Марии, Господь Иисус удостоил сесть к ногам Его, дабы она в смиренном благоговении любви и глубоком неразоримом мире слушала слово, исходящее из Его божественных уст (Лк. 10, 39), то тут же найдутся наставники, которые непременно исторгнут такую душу из её так называемого «безделья» и вовлекут в сотни добрых дел, требующих беспокойства и разорения (Лк. 10, 40; Песн. 1, 6) – как будто уже совсем и не является грехом нарушать Господню субботу! Людей принуждают искать своё сокровище незнамо где, в то время как оно лежит у них в доме. Пастыри совсем не видят, что душа может понести, а что не может (Ин. 16, 12), и не знают никакого различия между молоком, которое надлежит давать младенцам, и сокровенной премудростью, которую подобает возвещать совершенным (1 Кор. 2, 6-7; 3, 1-2).

О Господи, Господи! умилосердись над бедной паствой Твоей, за которую отдал Ты жизнь Свою! Дай им *пастырей по сердцу Твоему, пасущих народ Твой с разумением* (Иер. 3, 15), служителей, кои *давали бы ему пищу в своё время* (Мф. 24, 45) и *право правили бы слово Твоей истины* (2 Тим. 2, 15)! Если же не обрящется таковых, то дай людям Твоим Себя Самого и Сам взыщи Своих заблудившихся и расточенных овец (Иез. 34, 11-12)!

27. Посему в деле окормления душ надлежит следовать Богу и не устанавливать Его Духу никаких рамок. Покаяние, самоотвержение, вера, надежда, любовь, оправдание, освящение, новое рождение свыше и т. д., вне всякого сомнения, необходимы каждому христианину. Но точное расчитывание и определение границ – когда и каким образом всё это должно быть испытываемо душой; по каким признакам нужно определять то или иное духовное явление; должно ли одно или другое быть прежде или после, и т. п., – часто лишь даёт повод к разделениям, смущениям и

беспольным словопрениям, которыми пусть занимается школьное богословие. Это только для господ анатомов представляет интерес, образуется ли при созревании плода в материнской утробе сначала мозг или сердце, и какую величину и форму имеет те или иные части плода, если рассматривать их через увеличительное стекло. В обычной же жизни человеку совершенно достаточно иметь здоровое сердце, мозг и члены тела.

28. Ни апостолы, ни первые христиане ничего не знали и не писали о таких различиях или разграничениях. Иногда они ставили оправдание впереди, а освящение на второе место (1 Кор. 1, 30; 6, 11)²⁰; но всегда они возносили веру превыше всего, и следом – любовь (Евр. гл. 11; 1 Кор. гл. 13). Некоторые принимали Духа ещё прежде крещения (Деян. 10, 44-47), другие же – после того, как были крещены во второй раз (Деян. 19, 2-6)... Первых христиан интересовало само дело. Всё прочее они всецело предавали Духу Божию – каким образом и в каком порядке Ему угодно давать людям Свою благодать и Свои блага, одной душе так, другой иначе.

29. Те, которые столь высокоумно и дерзостно говорят, что самоотвержение и проч. нужно считать только Законом, а не Евангелием, должны быть последовательными и сказать также, что учение Христово есть сплошное Иудейство, и что Его слова в Евангелии не являются Евангелием. Но всякой христианской душе предлежит отвержение самой себя и всех вещей мира сего; и всякая христианская душа понимает это и действует в этом направлении сообразно своему состоянию, и не действовать не может. Это правда, что таковое действовање как в начале, так и ещё долго в продолжение духовного пути может быть несовершенным, слабым, ветхим, слишком полагающимся на собственные силы, то есть, если угодно, «подзаконным»; но лучше несовершенное действовање, чем никакое. Опыт всё расставит по своим местам, и душа научится своей немощи и бессилию несравненно убедительнее и лучше, чем если бы она ничего не делала, а только внешним образом принимала бы Евангелие²¹. Душа всецело придёт ко Христу, когда увидит, что без Него она не может идти дальше (Ин. 15, 5) и на себе удостоверится в том, о чём пишет Павел в конце 7-й главы Послания к Римлянам.

²⁰ «Я верую вместе с Безой (говорит реформат, профессор Болё), что не следует особо беспокоиться о том, что именно – оправдание или освящение – нужно ставить впереди и какой порядок здесь устанавливать, когда по сути оные всегда вкупе, и никогда не могут быть отделены друг от друга». [Людовик ле Бланк де Болё (1614 – 1675) – проповедник и профессор богословия в Кальвинистской академии в Седане (северо-восточная Франция). Теодор Беза (1519 – 1605) – швейцарский реформатор, сподвижник и преемник Кальвина.]

²¹ [Здесь Терстеген полемизирует с мнением, что единократный акт «принятия Христа», «принятия Евангелия» является достаточным для получения нового рождения и совершенной духовной жизни.]

VI

[Непреходящая значимость Закона и его смысл]

30. Прообразы, тени (Евр. 10, 1), церемониальное служение, обряды, внешние заповеди и предания всякого рода могут быть изменяемы, или и вовсе упраздняться (Еф. 2, 15). Но совершенно немислимо, чтобы это произошло с тем сущностным и незыблемым Законом, о котором говорит Писание: *Правда Божия – правда вечная, и закон Его – истина* (Пс. 118, 142). В отношении этого Закона – святого нравственного закона вечного, неизменного и праведного Бога – мы связаны вечной же и неизменной обязанностью. Никакое время, никакое состояние, никакое положение, в котором бы человек ни находился, не может ни в малейшей степени отменить эту нашу обязанность. Где бы и как бы ни был записан сей Закон – на каменных скрижалях или на бумаге, в совести или в сердце – мы должны во всех случаях познавать, что *Закон свят, праведен и благ* (Рим. 7, 12), и что человеку необходимо быть таким, каким он ему велит быть. Здесь невозможно желать или надеяться каким-либо образом освободиться от обязательства – Божий закон сохраняет всё своё право и требование, пока он не будет исполнен (Мф. 5, 18); здесь не поможет никакой протест или жалобы на свою немощь и на его неисполнимость. Кто с Моисеем и со своим падшим сердцем не может справиться с этой обязанностью, тот да идёт ко Христу и просит Его о Его обновляющем Духе, дабы чрез Его животворящую благодать и силу исполнилась требуемая Законом праведность (Рим. 8, 4). Сама Кровь Христова и дарованное чрез неё для нас и в нас совершенное примирение с Богом вовсе не прекращает нашу обязанность в отношении святого Божьего закона; но наоборот, эта обязанность приобретает ещё большее основание, подтверждается, преумножается и возвышается.

31. Священное Писание (я уже указывал на это выше) не отзывается с пренебрежением о начатках – пусть не лишённых множества недостатков – отвержения себя и мира сего. О том же, что и в продолжение духовного пути, в состоянии под благодатью, постоянное и действенное отвержение себя и мира всё ещё должно иметь место, Писание говорит много и со всей ясностью. Оно уверяет нас, к примеру, что *благодать научает верующих отвергать всякое нечестие и мирские похоти* (Тит. 2, 11-12); оно увещевает нас *свергнуть с себя всякое бремя и запинаящий нас грех* (Евр. 12, 1); оно побуждает нас *выйти и отделиться от среды беззаконных и не прикасаться к нечистому* (2 Кор. 6, 17); оно призывает нас к распятию себя (Гал. 5, 24), к умиранию (Рим. 6, 8; 2 Тим. 2, 11; Кол. 3, 5) и к *очищению*

от всякой скверны плоти и духа (2 Кор. 7, 1; 1 Ин. 3, 3). Писание требует, чтобы верующие имели попечение о святости (Евр. 12, 14), трудились над своим спасением со страхом и трепетом (Фил. 2, 12), совершая святую жизнь в страхе Божиим (2 Кор. 7, 1), старались и усердствовали в добром (2 Петр. 1, 5; Евр. 4, 11), трезвились, дабы противостать врагу (1 Петр. 5, 8-9), постоянно бодрствовали в молитве (Кол. 4, 2; 1 Фесс. 5, 6) и были верны даже до смерти (Откр. 2, 10). Эти места Писания сразу приходят мне на ум, вкуче с многими другими изречениями слова Божия, поскольку и вообще Евангелия и Апостольские послания исполнены этими и подобными убедительными увещаниями, обращёнными – я подчёркиваю это! – к тем, которые уже, будучи истинно верующими, пребывают под благодатью. И если всё это называть только Законом и отказывать в именовании Евангелия, то нужно будет признать, что Апостолы проповедовали совсем иное Евангелие, чем то, которое хочет возвеститься в наши дни²².

32. Если бы у меня было время и силы, сообразные моему желанию, то я смог бы показать из писаний церковных учителей, следующих непосредственно за Апостолами, что все они говорили совсем иное, чем многие, чуждые смирения, в наши дни. Единственным основанием первых христиан, как и Апостолов, был Иисус Христос (1 Кор. 3, 11), Его вочеловечение, смерть и воскресение и истекающее отсюда примирение с Богом, благодать и Дух. И на этом основании они строили серьёзное, самоотверженное, внутреннее, духовное христианство, в котором Сам Христос действовал и жил в них. Они знали и исповедывали, что Христос освободил их от закона греха и смерти (Рим. 8, 2); но они также знали, и почитали это своим спасением, что Христос поставил их под закон Своей благодати и Духа жизни во Христе Иисусе (Рим. 8, 2; Иак. 1, 25; 2, 12). Первые христиане веровали не только в то, что Спаситель предан за грехи наши, дабы удовлетворить за них и даровать нам оставление оных, но что Он и воскрес для оправдания нашего (Рим. 4, 25), то есть для того, чтобы мы на деле стали праведными. А то, что это слово здесь, как и в других местах Писания, должно пониматься не как только внешнее оправдание (когда человеку формально объявляется о снятии с него греха), не подлежит никакому сомнению. Силой воскресения Иисуса Христа верующим дан дух жизни и святости – так говорят Апостолы: смотри 1 Петр. 1, 3; Рим. 1, 4; 5, 8-10; 6, 4; 22; Еф. 2, 5-6; 4, 24; Фил. 3, 10-11; Кол. 2, 12; 2 Тим. 1, 10 и т. д.

²² Святой учитель Церкви и мученик Иринеи, живший совсем близко к апостольскому веку, пишет, что уже в его время еретики, с дерзостью и коварством противясь истине, утверждали именно то, что – увы! – позволяют себе говорить некоторые в наши дни: что Апостолы смешали со словами Спасителя вещи, которые-де являются не Евангелием, а Законом («Против ересей», кн. 3, гл. 2).

33. Что же, собственно, есть Закон и состояние под Законом? Это не есть Закон – отвергать себя самого и мир сей (Мф. 16, 24; 1 Ин. 2, 15), распинать плоть свою со страстями и похотями (Гал. 5, 24) и настаивать, вкупе с вышесказанным, на необходимости всецелого освящения (1 Фесс. 4, 3; Евр. 12, 14); иначе Апостолы во всех своих посланиях возвещали бы Закон. Это не есть проповедь Закона – призывать к тому, чтобы *вера действовала любовью* (Гал. 5, 6), утверждать, что она *без дел мертва* (Иак. 2, 20), что христианам надлежит *со всем старанием подвизаться в вере* (2 Петр. 1, 5) и *за веру, дарованную святым* (Иуд. 3), и что *тот только праведен, кто делает правду* (1 Ин. 3, 7). Всё это слова четырёх первостоятельствующих Апостолов. Это не есть Закон – напоминать христианам о том, чтобы они *поступали осторожно* (Еф. 5, 15 – последнее слово правильнее перевести как «исполняли своё дело с точностью и полнотой»), чтобы они проводили свою жизнь *свято и благочестиво* (2 Петр. 3, 11) и *со страхом* (1 Петр. 1, 17) – да, *со страхом и трепетом* (Фил. 2, 12); и что по временам они должны скорбеть от различных искушений²³ (Иак. 1, 2; 1 Петр. 1, 6). Это всё сказано уже верующим христианам. Не есть состояние под Законом – воздерживаться от того или иного внешнего образом, и даже предпринимать телесные, и весьма строгие, подвиги, дабы соблюсти благопристойный и святой чин (1 Кор. 14, 40). Иначе Павел действовал бы не по-евангельски, когда он в христианском подвизании *от всего воздерживался* (1 Кор. 9, 25), *усмиряя (со строгостью – если точно переводить это греческое слово) и порабощая тело своё* (1 Кор. 9, 27), когда он учил других *умерщвлять земные их члены* (Кол. 3, 5), и когда с той же настойчивостью, что и Пётр, не хотел допускать, чтобы христиане *украшали себя плетением волос, или золотом, или жемчугами, или многоценными одеждами* (1 Петр. 3, 3; 1 Тим. 2, 9).

34. Но то́ есть Закон, или состояние под Законом, когда вышеперечисленное и подобное тому делается без изменения сердца, чтобы только удовлетворить Бога и свою совесть внешними делами благочестия, возложив на них всё своё упование. То́ есть состояние под Законом, когда совершают эти дела благочестия или рассуждают о них без познания своей падшести и повреждённости сердца, без разума и свободы, которые даёт только Христос, и без понимания, что для всего, что есть истинное благо и святость, необходима внутренне действующая благодать. Закон – это давать Богу внешнее, оставляя сердце для себя и для мира сего; искать Бога в храмах и в букве,

²³ [Автор полемизирует с той точкой зрения, что никаких искушений после мгновенно совершившегося «нового рождения» уже не должно быть.]

не ища его в своём сердце; служить Ему внешним образом, в обрядах и церемониях, не служа Ему в духе и истине (Ин. 4, 23)²⁴.

VII

[Смысл Евангелия: жить во Христе в отречении от мира]

35. Что же тогда есть Евангелие, состояние под благодатью? Евангелие не есть то, когда человек без истинного покаяния и изменения сердца соглашается умом с новозаветным возвещением о Христе и о деле спасения, только поверхностно веруя, что «Христос всё за меня совершил», и, успокоенный этой человеческой верой, отталкивает все драгоценные воздействия и увещевания спасающей благодати, под надуманным предлогом, что-де «я стою уже не под Законом, а под благодатью». Евангелие не есть то, когда человек испытывает мимолётное сладостное умиление, утешающий свет, духовные чувства и т. п., и предаётся при этом покою, как будто больше ничего делать и не надо, кроме того, чтобы в уверенности о своём достигнутом спасении говорить о нём и воспевать его. Всё перечисленное²⁵ – дары и благодать, к которым надлежит относиться с благоговением; но не Сам Даритель. Это есть *привлечение от Отца* (Ин. 6, 44), Его любовь, которая должна побудить нас идти дальше, к Самому Господу Иисусу, дабы в Нём мы обрели жизнь и подлинное евангельское состояние. Также не является Евангелием то, когда человек, имея (или думая иметь) убеждённость в оставлении своих грехов, проводит беззаботную и весёлую жизнь, разрешая себе всяческую свободу для своей природы и чувственности и не допуская до своего сердца укоров, обличений и всего того, что может обременить его, чтобы, как он считает, «не ходить под Законом». Но что говорит его сердце, как при «радостях жизни», так и при недопущении до себя обличений? Не чувствует ли оно часто, и против воли, и отгоняя от себя эти мысли, беспокоящую и устрашающую силу Закона? Ах, если бы только человек внял сему! Но он, особенно при благоустроенной жизни и общительном характере, легко ускользает от укоров сердца, преимущественно прибегая к общению с друзьями. Однако этим дело не поправишь, и

²⁴ Образ действий тех, кто Иудейским образом хочет удовлетворить Богу и своей совести внешними вещами, груб и очевиден. У тех же, кто, пробудившись к жизни с Богом, состоит под воспитанием Закона, всё это совершается более сокровенным образом. Кажется, что «подзаконничество» постепенно уходит, что его больше нет; но на самом деле оно продолжается гораздо дольше, чем это представляется, до тех пор, пока человек, уже совершенно измучившись под тяжестью и трудом Закона, не приходит ко всецелой алчбе и жажде Христа, решительно отвергая всё остальное.

²⁵ [То есть «объективное» оправдание и духовные чувства.]

сбывается над таким человеком слово Иеремии: *обольстили и превозмогли тебя друзья* (или, как перевёл Лютер, *утешители*) *твои* (Иер. 38, 22).

О, углубимся же в наше обличающее сердце, дабы дом наш подлинно был основан на камне (Мф. 7, 24)!

36. Сказанным я совсем не хочу отяготить и беспокоить тех, чьё сердце преисполнено Господом. Если состояние человека таково, что Бог изрекает его душе мир – то аминь! мир ей! Опасно то, когда немощи и недостатки христиан хотят у врачевать наискорейшим и легчайшим образом, *говоря им: мир! мир! – а мира нет* (Иер. 8, 11).

37. Также сказанное вовсе не отталкивает грешников (пусть и величайших); но, наоборот, призывает их²⁶. *Неисследимое богатство Христово* (Еф. 3, 8) благовествуется и возвещается всякому. Грешникам проповедуется, что *Бог явился во Христе и примирил с Собою мир* (2 Кор. 5, 19), и что теперь Сей примилившийся с человечеством Бог *стоит у дверей их сердца, стуча и моля*, чтобы и они *примирились с Ним* (Откр. 3, 20; 2 Кор. 5, 20). Им возвещается радостная весть, что *путь приготовлен, и Царство Божие приблизилось* (Мф. 3, 2-3), – но надлежит им *покаяться* (Мф. 3, 2; 4, 17; Деян. 17, 30), дабы воспринять сердцем сие великое спасение. Тогда они будут введены на добрую почву, в Божий чин и порядок, и придут в состояние Евангелия, соделавшись чрез Дух Иисуса Христа истинными чадами Нового Завета.

38. Ибо является ошибкой, когда Евангелие, или великие блага Нового Завета, ограничивают только одним оставлением грехов. Несомненно, оставление грехов чрез жертву Мессии есть существеннейшее, фундаментальное благо Нового Завета; но он заключает в себе также и многие другие, ничуть не менее важные и драгоценные блага и обетования, проистекающие из сего первого блага – и прежде всего дарование нам духа святыни (Рим. 1, 4), чрез что Закон Божий пишется в сердце человека (2 Кор. 3, 3), и душа уготовляется и становится святилищем и храмом Божиим (1 Кор. 3, 17). Ибо достойное всякой славы, чести и поклонения намерение и цель Бога – в Новом Завете обитать внутри сердец Своих чад, как в Ветхом Завете Его божественное величие обитало в храме внешне. Для сего нам и отверст путь к Богу чрез примирение во Христе. Путь этот, открытый нам Христом, есть освящение наше Духом; конец сего

²⁶ [Терстеген критикует здесь ту точку зрения, что обращать грешников следует, говоря им только об оставлении их грехов во Христе, не «запугивая» их самоотвержением, борьбой с грехом и прочим «законничеством».]

пути – соединение с Богом²⁷. Итак, идём же по нему (Евр. 10, 19-22)! Все ветхозаветные пророки говорили об этом, предрекая великие блага Нового Завета. Прочтите хотя бы немногие их изречения и поразмыслите над ними: Лев. 26, 9-12; Ис. 54, 9-14; Иер. 31, 31-34; 32, 38-40; Иез. 36, 25-29; 37, 23-28. Не видно ли отсюда со всей ясностью, что для того, чтобы стать чадом Нового Завета (а чада Нового Завета – это те, в коих Господь изволит обитать внутренне), человек должен верить не только в примирение с Богом во Христе, но и в Его обновляющий Дух, и быть причастным Сему Духу?

39. Христов Дух напишет Закон в сердце, обновляя душу и всё глубже запечатлевая в ней такое устройство, такие мысли и чувства, о которых говорит и которые требует Закон. Сам Сей Дух становится для подлинно верующих их святым Законодателем, Коего надлежит слушать (Рим. 8, 2; Тит. 2, 11-12) и Коему надлежит следовать (Рим. 8, 14); и на это необходимо обращать особое внимание. Когда Сей Дух жизни спасительно овладевает сердцем, тогда человек добровольно покоряется Его господству и Его беспрекословному руководству, и ходит в Духе поистине евангельски. И чем более *пленяет* человек *всякое* своё *помышление в послушание Христу*, чем более он подвизается против всякого непослушания падшей природы и падшего рассудка (2 Кор. 10, 5-6), тем более он становится *новым человеком* (Еф. 4, 24) и опытно вкушает и познаёт внутри себя жизнь, широту и свободу. Тогда все дела его – больше не Закон, хотя бы это и выглядело так в глазах неопытных и ненаученных людей, которые меряют других по своему состоянию и чувствам. Да, можно сказать, что такой человек состоит под законом – но под законом Христовым, *законом свободы* (Иак. 1, 25; 2, 12), *законом духа жизни во Христе Иисусе* (Рим. 8, 2). В исполнении этого закона он обретает великое вознаграждение; сей закон становится ему *слаще мёда и капель сота* (Пс. 18, 11), даже тогда, когда он со строгостью побуждает и наставляет его к отвержению себя и мира, к кресту, умиранию и освящению. Если такой человек устно или письменно поделится этими наставлениями и вождением Духа с другими, то это не будет Законом или предписаниями Закона, как у ветхого человека. Сии заповеди будут восприняты людьми одного с ним духа как обетования; всё это будет им Евангелием и единой благодатью. О, какое было бы благо, если б люди могли вкусить хоть малую часть сего блаженства! Тогда вся легкомысленная болтовня о Законе, законничестве и т. п., несомненно, сразу бы умолкла. Нынешние новые евангелисты получили бы тогда гораздо более

²⁷ Если здесь возразят, что Христос Сам есть путь (Ин. 14, 6), то это будет пустым словопрением. Сказанным мною слова Христа не отрицаются, но, наоборот, подтверждаются.

возвышенные мысли о силе Евангелия и поняли и исповедали бы, что как раз их незрелые проповеди и речи о Евангелии проистекают по большей части из силы Закона, и что они, столь склонные на скорые обвинения других в действовании по своей воле²⁸, в себе и в своих действиях поступают гораздо более своевольно, чем они думают. Разница между Законом и Евангелием заключается в том, из чего человек исходит в своих делах и словах, а не в этих делах или словах самих по себе.

40. Наконец, незыблемым положением нашей веры является то, что Христос со всеми Своими заслугами и Евангелие со всеми своими благами даны только для духа, а не для плоти, не для падшей природы и повреждённого рассудка. Для них Христос не принёс ничего, кроме их упразднения и смерти – и именно это²⁹ является для нового человека самым верным и подлинным Евангелием. *Нет никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу* (Рим. 8, 1). Мы хотим знать, что относится к Закону, а что к Евангелию? В этом изречении Апостол Павел Святым Духом учит нас сему; и ровно это испытывают также и все истинные христиане. Быть во Христе вне мира сего, вне греха, вне самого себя – вот что значит быть под Евангелием. Отклоняется человек от Духа, от Христа, делает что-либо сам из себя – тогда он уже не всецело под Евангелием. Уступает человек плоти, чувственности, падшему рассудку – тут же подпадает он под Закон и под его безотрадную, осуждающую силу. И при этом он может сколько угодно обольщать себя тем, что он «принял Евангелие»; его не уврачует ничего, если не обратится он вновь ко Христу и во Христа, в Котором только и можно обрести всякую благодать и мир (Ин. 16, 33).

41. О люди! станьте же внутренним человеком! Не ждите никакого утешения, помощи или спасения ни от чего сотворённого, ни от себя самих! *Войдите в свои сердца* (Ис. 46, 8³⁰); там ищите, ожидайте и найдёте Совершителя вашего спасения, Который, как Друг и Спаситель, столь сердечно сопредисутствует вам! Живите так в Духе, живите во Христе, если вы хотите обрести для ваших душ непоколебимый и подлинный покой! Да не соблазнит вас никто! Если вы будете жить вне себя – то во всём, и в самом Евангелии, вы не найдёте ничего, кроме Закона и суда; если же будете жить внутри – то всё, и сам Закон, будет возвещать вам чистейшее Евангелие.

42. О, сколь склонен человек к крайностям, уклоняясь то вправо, то влево от истинного пути! То он стремится всё делать сам, не желая подобающим образом

²⁸ [То есть в том, что человек хочет спастись своими собственными усилиями.]

²⁹ [То есть изъятие христианина из-под власти падшей природы (Кол. 1, 13).]

³⁰ [Так в немецкой Библии: *ihr Übertreter, gehet in euer Herz* (преступники, войдите в свои сердца). Русский текст иной: *примите это, отступники, к сердцу.*]

познавать необходимость внутренне действующей благодати и Духа. То благодать для него всюду, так что он полагает, что не нужно делать вовсе ничего. Один доходит прямо до суеверия, держась за внешние формы, обряды и богослужения и отвергая всё, что указывает на Дух и на духовные вещи, «чтобы не впасть в прелесть». Другой отбрасывает все телесные действия, внешние средства и служения, и из-за недостатка смирения и умирания себе и миру увязает в несвоевременной и ложной «свободе от всего». Некоторые, борясь с поверхностным пониманием христианского учения, начинают противостоять оправданию во Христе, настаивая исключительно на освящении и благочестии; иные же, напротив, ни о чём не хотят слушать, как только об искупающей нас лёгкой вере в Кровь Спасителя, и навешивают на всякое делание благочестия и на верность в следовании путём освящения презрительный ярлык «делá Закона». Те говорят только о «Христе в нас», а эти – только о «Христе для нас»³¹, в то время как Христос ведь не разделился, и разделиться не может. Я бы мог из всей церковной истории показать, что от апостольского века и до нынешних дней многие высказывали подобные крайности. Но уже настало время заканчивать письмо, которое разрослось под моим пером гораздо более, нежели я предполагал.

43. Дух Иисуса Христа, единый Дух Премудрости, Сам да ведёт нас незаблудным царским путём Своей истины, сохраняя нас под Своим руководством и надзором! Да убережёт Он нас и всех Своих бедных овец в сии последние, исполненные смущений и искушений времена от излишних и вредных умствований и от *слушания чужого голоса* (Ин. 10, 5)! Мы же только да приблизимся и внутренне да прилепимся к Нему, доброму нашему Пастырю (Ин. 10, 14) чрез веру, любовь и непрестанную молитву в духе и истине – ведь в Нём одном имеем мы жизнь (Ин. 1, 4) и *всякое довольство* (2 Кор. 9, 8), и не просто жизнь, а *жизнь с избытком* (Ин. 10, 10)! Тогда чем дальше, тем больше

³¹ На эти споры можно посмотреть совсем другими глазами, когда, например, одно чадо Божие, вкусив благодатью Христовой примирение с Богом, от полноты сердца говорит о «Христе для нас», так что может показаться, что человек не обращает внимание на прочие стороны благодатного Христова посреднического служения, – а другое чадо Божие, напротив, столь сильно входит в уподобление смерти Христовой или во внутреннее общение со Христом в любви, что ни о чём больше не может говорить, как о «Христе в нас», так что может сложиться впечатление, что тайна примирения и искупления им забыта, хотя на самом деле она лежит в основе его жизни. Тогда такая разница в восприятии дела Христова объяснима и оправдана. Но человек, желающий точно знать христианское учение, *книжник*, который *учится Царству Небесному*, должен исследовать все эти вещи в полной их связи, из зрелого опыта, дабы, по уразумению *нового и старого*, начала, продолжения и свершения всякой духовной вещи, сообразно с личностью и обстоятельствами, он мог премудро *износить из внутренней сокровищницы своей* необходимое и полезное (Мф. 13, 52). [Споры «Christus für uns, Христос для нас» (то есть «объективное» искупление, внешнее вменение человеку оправдания Христова) или «Christus in uns, Христос в нас» (то есть искупление, приносящее в душу человека благодать, действием которой он, деятельно уподобляясь Христу, оправдывается перед Богом) были распространены между сторонниками протестантской ортодоксии с одной стороны, и протестантскими мистиками (Вайгель, Арндт и др.) – с другой.]

будем мы узнавать Его и Его голос (Ин. 10, 4), и Он Сам удержит нас от уклонения на всякие неверные пути и распутья и утвердит нас, так что никто не сможет похитить нас из руки Его (Ин. 10, 28) во веки. Аминь.

Мюльхайм, 19 июля 1746 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

О необходимости очищения души для единения с Богом

1. То, что мы, грешники, вновь примирились с Богом во Христе, и чрез Его Кровь только и имеем *надёжный доступ* к Богу (Еф. 3, 12) и в Его Царство, есть дар благодати, достойный всякого поклонения. Но это отнюдь не исключает того, что мы также должны идти путём отвержения себя и мира и *страдать со Христом*, если мы хотим *с Ним и прославиться* (Рим. 8, 17). Последнее вытекает из первого как необходимое следствие и неременный результат – поскольку никак невозможно, чтобы тот, кто не имеет чистого сердца, мог бы узреть Бога (Мф. 5, 8) как во времени, так и в вечности. Кто отрицает это, тот показывает, что он или не знает Писания, или не понимает дела спасения, как оно устроено в целокупности, равно как обнаруживает и то, что он не познал опытом ни самого себя, ни Бога, ни великой разницы между чистотой и нечистотой души.

2. Заблуждаются поэтому не только те, которые вменяют себе заслугу Христову и обетования Евангелия без покаяния и изменения образа мыслей, и считают такое вменение, как бы действующее само по себе, подлинной верой. От истины остаются далеки и те, которые, после некоего малого опыта вкушения благодати или оставления (пусть и действительного) грехов, сразу полагают, что в один момент с ними произошло всё, что нужно, и что дальше от них ничего не требуется, как только восславлять своё состоявшееся спасение и говорить о нём другим, дабы привести к Спасителю как можно больше душ.

3. Прекрасно, когда кающаяся душа, приобщившись богатству Божия милосердия, поистине получает оставление своих грехов и чувствует после сего, что она, невзирая на её падшестъ и нечистоту, может иметь надежду и упование на Бога, Который, вместо заслуженного наказания, дарует ей Своё благоволение и благость. Но только

если душа пребудет в этой благодати, то она скоро уразумеет сердцем, что благодать сия есть не мимолётная или мёртвая вещь, но живая творческая сила Духа Христова, указывающая душе, как и что она должна *отвергнуть*, и каким образом ей надлежит *целомудренно, праведно* и внутренне *благочестиво* ходить пред своим Богом (Тит. 2, 11-12), *ради* предстоящих великих *обетований очищая себя от всякой скверны плоти и духа* и *совершая своё освящение в страхе Божием* (2 Кор. 7, 1). Те, кто не чувствует необходимости именно такого всецелого очищения и освящения, должны усомниться, истинно ли они стоят в благодати, и беспокоиться тем, не бессмысленно ли они проводят дни своей жизни, не понимая того, что происходит в их сердцах.

4. Хотя мы не можем, и не должны, совершать всё это собственными силами – ибо, как сказано, всё сие соделывает благодать; но мы должны давать ей в себе место, верить и быть ей послушными. Тогда в продолжение этого своего делания – послушания благодати – и при возрастающем свете Христовом душа будет всё более познавать, что даже самые напряжённые её усилия, самое искреннее сотворчество с благодатью недостаточны для того, чтобы исторгнуть из неё глубочайшие корни её самолюбия и исцелить бездну её повреждения. Сам Бог должен особо приложить здесь Свою руку, дабы очистить сию плодоносящую ветвь (Ин. 15, 2) и соделать душу Своей избранницей, *переплавив её в горниле страданий* (Ис. 48, 10). Совместное действие души и благодати можно назвать приуготовительным и деятельным очищением (1 Ин. 3, 3); то же, что совершает Сам Бог чрез скорби и многообразные искушения (1 Петр. 1, 6) – примательным, страдательным очищением, очищением подлинным и существенным. Если через первое человек некоторым образом омывается от плотской нечистоты, то второе совершенным образом очищает его от всякой примеси скверны плоти и духа (Ис. 1, 25; 2 Кор. 7, 1). Таким образом, примательное очищение является, согласно Писанию (2 Кор. 6, 16-17), необходимейшим и ближайшим преддверием для всецелого вселения Бога в нас.

5. Но при всём этом путь очищения, освящения и созидания нашего спасения вовсе не противопоставляется исключительной нашей опоре на Христовы заслуги и на дар благодати. Да не будет того! Наоборот, чем дальше Бог ведёт душу по пути освящения, тем больше для неё проясняется и *возвеличивается от силы в силу* (Пс. 83, 8) сия великая истина нашей веры. Ибо в душе всё яснее обнаруживается и из неё выкорчёвывается тайная опора на себя саму и на всё, что – в духовном – не есть исключительно Христос и Его дело, так что душа приуготовляется всецело отвергнуть себя и совершенно *найтись во Христе* (Фил. 3, 9), когда она уже *не себе живёт*, но только *Христу, живущему в ней* (Гал. 2, 20). Поистине, если кто опытом вкусит славу,

последующую во Христе за этими страданиями (1 Петр. 1, 11), тот не будет противиться сему спасительному учению о Кресте, но примет его, как истинное Евангелие.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Некоторые размышления над 2 Кор. 5, 16

[Об уповании на примирение с Богом Кровию Христовой]

(извлечение из частного письма)

*Отныне мы никого не знаем по плоти;
если же и знали Христа по плоти,
то ныне уже не знаем.*

(2 Кор. 5, 16)

1. Вы просите меня, чтобы я изложил свои мысли по поводу этого места Писания. Очевидно, что Апостол говорит здесь о *производящих разделения* худых делателях на ниве Христовой (Рим. 16, 17; 1 Кор. 1, 10-12), опирающихся на свой авторитет и преимущества по плоти, которыми – а не христианским состоянием своего сердца – они хвалятся (2 Кор. 5, 12). Также Павел имеет в виду *знаменитых чем-либо* (Гал. 2, 6), тех, кто так или иначе *надеется на плоть* (Фил. 3, 2-7), и, кратко сказать, всех, кто привлекает к себе души чем-либо внешним.

Против сих худых делателей Апостол, побуждаемый силой любви, выступает со святой ревностью, как бы *выходя из себя* (2 Кор. 5, 13), дабы исторгнуть верующих из всех этих внешних чувственных вещей. Он как бы становится одним из уже умерших, чтобы и верующие, глядя на него, почитали себя такими же (2 Кор. 5, 15). «Я умер – что мне во внешнем? Я умер, и потому больше не знаю никакого человека, как он выглядит наружно, высок он или низок, учён или неучён, родственен мне или чужд, Иудей или язычник. В смерти всё это прекращается – даже похвала земным родством со Христом, знакомством с Ним в мире сем, хождением с Ним, участием в Его истории и вообще всем, что от Него могло быть увидено или познано внешним образом». Всё сие (как бы хочет сказать Апостол) должно отныне стать невидимым и духовным; мы

уже больше не ветхий, преходящий человек, но *новое творение* (2 Кор. 5, 17); это одно, и ничто внешнее, имеет силу во Христе (Гал. 5, 6).

2. И сегодня, как Вы совсем небезосновательно пишете, многие основываются только на одном лишь внешне-образном и плотском познании Христа и Его служения. Одни содержат истину о Христовой Крови и о примирении с Богом только в голове и на устах, без подлинного изменения сердца – и это есть крайне поверхностное познание Христа по плоти, которое никогда никого не может спасти.

3. Другие, более духовные люди, при внешне-образном познании Христа имеют также и некоторое сладостное умиление в чувствах и движениях души. Но они задерживаются на этих усладительных чувствах и на внешне-образном представлении о Христовой истине слишком много и слишком долго. С ними происходит то, как если бы кто держал пищу во рту, но не глотал её и не получал от неё питательной силы. Они не растут, питаясь только этим услаждающим молоком. Они – в лучшем случае – *младенцы во Христе* (1 Кор. 3, 1); их нужно любить, но при этом и вразумлять, что от молока им надлежит переходить к более взрослой пище (1 Петр. 2, 2). Само молоко при этом не надо презирать – ведь и взрослые люди его пьют. Но если привыкшие к молоку захотят, чтобы и все остальные непременно думали, говорили и действовали так же, как они, то их придётся тоже назвать *плотскими* (1 Кор. 3, 1-4), а их *знание о Христе* – исключительно *по плоти* (2 Кор. 5, 16).

4. Вочеловечении Христа – говорили христиане первых веков³² – Бог дал нам Себя как молочную пищу, дабы чрез неё мы возрастали ко вкушению Хлеба бессмертия, то есть Духа Отца. Чрез человечество Христово мы приводимся к Божеству.

5. Те, которые воспринимают примирение с Богом во Христе внешне-образно и поверхностно и успокаиваются на этом, чаще всего пришли ко Христу недолжным, ненадлежащим путём, не чрез *привлечение от Отца* к покаянию и обращению (Ин. 6, 44). Но никаким иным образом придти к Нему невозможно.

6. Если же мы поистине пришли ко Христу и к Его Крови примирения (Кол. 1, 20), то потом мы непременно должны чрез Христа, Который есть истинный и живой Путь, быть приведены к Отцу и к внутреннему единению с нашим благим Богом (Ин. 14, 6). И именно это чаще всего остаётся совсем непонятым, и человек стоит при пути, вместо того, чтобы идти по нему.

7. Христос – не только распятый и умерший. Он есть и воскресший и восшедший на небеса, дабы освятить нас дарованием Своего *Духа жизни и святости* (Рим. 8, 2; 1,

³² Смотри Приложение III, [§ 14].

4) и *посадить* с Собою на небесах (Еф. 2, 6), – то есть дать нам небесный образ мыслей и чувств.

8. Посему верующие должны не останавливаться на истории, образных представлениях и умилительных чувствах при созерцании смерти и воскресения Христовых, какими бы благими, действенными и сладостными в своё время и на своём месте эти представления и чувства ни были; но главным образом стремиться к опытному познанию силы смерти и воскресения Христа *и к участию в страданиях Его* (Фил. 3, 10).

9. Если бы Христос не примирил нас с Богом чрез Свою Кровь и крестную смерть, то мы никогда не смогли бы освятиться, соединиться с Богом и спастись. Слабый, падший, повреждённый в самих своих основах человек не воспринял бы со стороны божественного величия и чистоты (кои сами в себе в высочайшей степени достолюбезны и святы) ничего, кроме страха, отторжения и ада, если бы силой нашего великого Посредника, Богочеловека Эммануила, действие Божие на грешника не было бы изменено, соделавшись умеренным, переносимым, а затем желаемым и любезным.

10. Чрез единение Бога с человечеством во Христе положено основание для нашего воссоединения с Богом, и чрез Христову Кровь и заслугу все бедные кающиеся грешники, равно как и уже освящённые чада Божии, имеют в жизни и в смерти открытый им *новый и живой путь*, вводящий их *во святилище* богообщения (Евр. 10, 19-20). Но нужно именно *входить* в сие святилище, а не только смотреть на уготованный нам путь и хвалиться им (Евр. 10, 22).

11. Три части Иерусалимского храма были, среди прочего, прообразом различных состояний тех, кто служит Господу, равно как и того, как можно познать и вкусить Бога и всё божественное, и как надлежит служить Ему. Во внешнем дворе (2 Пар. 3, 4) совершалось почти непрекращающееся излияние крови жертвенных животных (Исх. 29, 10) пред глазами всего народа. В святилище (Евр. 9, 2) эта кровь приносилась, и ею помазывались роги жертвенника (Исх. 29, 12). В Святая Святых (Евр. 9, 3), где Божие Величие обитало в безмолвном мраке, не было видно жертвенных закланий или слышно их шума, но кровь примирения тем не менее также вносилась *во внутреннейшее за завесу* (Евр. 9, 7; 6, 19).

12. Сообразно сему Христова Кровь примирения во всех состояниях человека остаётся драгоценной и достопоклоняемой, не только для верующих на земле, но и для святых на небе (Откр. 5, 9). Но не во всех состояниях и не во всякое время человек живо помнит о ней, представляет её своему взору или испытывает яркие духовные чувства по отношению к ней.

13. Всякое внутри-собрание и влечение любви к Богу, всякое приближение ко Господу, всякое воззрение на Него в детском уповании, все действия и внутренние извещения Божии о Его любви, Его мире, Его благодати, которые только верующие могут испытывать; всякое стремление человека жить по Богу и т. д., – всё сие, равно как и иные бесчисленные вещи этого рода, имеет своё основание в примирении Христовом и проистекает из него, хотя душа в моменты таких духовных переживаний не думает с точностью именно о нём.

14. Дитя вкушает от материнской груди, не понимая, откуда берётся молоко, и не разглядывая грудь, питающую его. Рассмотрение груди воспрепятствовало бы вкушению. Так и благородные духовные состояния и драгоценные минуты внутренней жизни не допускают многих рассматриваний и размышлений.

15. Бывает так, что человек держит на языке прекрасное кушанье, но оно не питает его, потому что он не проглатывает его, не давая ему идти своим путём. И наоборот, бывает так, что человек может совершенно забыть вкус пищи, насытившей его, но при этом всецело воспринять всю её питательную силу.

16. Душам, ведущим внутреннюю жизнь, сущность примирения во Христе часто открывается, даётся в ощущении и усваивается очень просто, но очень глубоко и питательно. Возможно, они не могут выразить этого в словах; но их сердца, исполненные величайшего самоумаления, сладчайшего преклонения пред Богом, глубочайшего благоговения и поклонения Ему, всецелого упования на Него и т. д., на деле свидетельствуют о том. И таким образом они имеют сам предмет, а не только образ и описание предмета, и приобщены прославленному Христу и совершённому Им примирению с Богом бесконечно больше, чем все те, кто только поверхностно разглагольствует о нём³³.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Некоторые свидетельства учителей Церкви первых веков, подтверждающие вышеизложенные истины

³³ [Терстеген приводит здесь этот отрывок из письма, чтобы подчеркнуть, что внешняя вера в совершённое Христом примирение с Богом и проповедь того, что как только человек «принимает» это примирение, так тут же вся христианская жизнь совершается во всей полноте, – является «знанием Христа по плоти», противоречащим апостольскому учению.]

1. Чтобы не создавалось впечатления, что я в своём трактате «Предостережение от духовной поверхности и беспечности» безосновательно ссылаюсь на согласие отцов Церкви первых веков, то я хочу в качестве доказательства привести здесь некоторые их слова, и на сей раз, кроме уже цитируемого Августина, в качестве свидетелей представить Иустина, Иринея и Киприана – трёх высокочтимых учителей Церкви, которые все подтвердили и запечатлели мученической кровью то, чему они учили.

2. Первый, именно Иустин (принявший христианство около 130 года), в своём известном «Разговоре с Трифоном Иудеем» говорит так: «Некогда обетованный в Ветхом Завете Новый Завет надлежит соблюдать всем людям, желающим получить наследие Божие. Закон, данный на Хориве, есть ветхий закон, и только для вас, Иудеев, а тот закон, о котором я говорю, – для всех людей вообще, и вовек»³⁴. И дальше: «Скиф ли кто или перс, однако если имеет познание о Боге и Христе Его и соблюдает Его вечные заповеди, – тот обрезан прекрасным и полезным обрезанием (Духа), и есть друг Богу»³⁵.

3. Когда Трифон спрашивает: «Те, которые жили по закону, данному Моисеем, будут ли жить в воскресение мёртвых?», – то наш святой мученик отвечает на этот вопрос утвердительно. «Ибо, – говорит он, – в законе Моисеевом заповедано исполнять то, что по природе хорошо, свято и справедливо, и сверх того предписано делать и то, что узаконено по жестокосердию народа; люди подзаконные исполняли и это. Поелику же те, которые делали всеобщее, естественное и вечное добро, приятны Богу, то и они, подобно прежде их жившим праведникам Ною, Еноху, Иакову и другим, во время воскресения спасутся чрез Христа нашего вместе с теми, которые Сего Христа признали Сыном Божиим»³⁶.

4. «Бог призвал Авраама, – продолжает Иустин, – и повелел ему выйти из земли, в которой он жил (Быт. 12, 1). И нас всех Он призвал так же, и мы теперь вышли из того образа жизни, который вели, живя худо подобно другим обитателям земли. И вместе с Авраамом мы наследуем святую землю и получим в наследие бесконечную вечность, так как мы дети Авраама по одинаковой с ним вере. Ибо как он поверил голосу Божию, и это вменилось ему в праведность, так и мы, уверовавши голосу Божию,

³⁴ [Св. Иустин, философ и мученик. Творения. М., 1995, стр. 150. – Текст, приводимый Терстегеном в этой и во всех нижеследующих цитатах св. отцов, не всегда эквивалентен русскому переводу.]

³⁵ [Там же, стр. 176–177.]

³⁶ [Там же, стр. 202.]

проповеданному апостолами и предвозвещённому нам пророками, отреклись даже до смерти от всего в мире»³⁷.

5. Дальше он говорит: «Блажен человек, которому Господь не вменит греха (Пс. 31, 2), – то есть: покайся в своих грехах, он получит от Бога прощение их; но не так, как вы обольщаете себя самих, и некоторые другие, подобные вам, которые говорят, что хотя они грешники, но поскольку они знают Бога, то Господь не вменит им греха»³⁸.

6. И в Послании к Диогнету Иустин пишет: «Бог предал Сына Своего в искупление за нас, Святого за беззаконных, Невинного за виновных, Праведного за неправедных, Нетленного за тленных, Бессмертного за смертных. Ибо что другое могло прикрыть грехи наши, как не Его праведность? Через кого мы, беззаконные и нечестивые, могли оправдаться, кроме Сына Божия? О, благодеяние, превышающее всякую надежду! – Бог возлюбил человека, для которых Он сотворил мир, создал их по собственному Своему образу, к ним послал едиnorodного Сына Своего, им обещал Царство Небесное, которое Он и даст возлюбившим Его. О, какой радости ты исполнишься, когда познаешь Отца! Как ты возлюбишь Того, Кто столько наперёд возлюбил тебя! Когда же возлюбишь Его, то сделаешься подражателем Его благости, и тебя не будет удивлять, что человек может быть подражателем Божиим. Может, если захочет (конечно, если обратит его к Себе Бог силою Своею). Тогда ты отринешь обольщение и заблуждение мира и научишься истинной небесной жизни. – Я не новость сказываю, и не напрасно ищущи убедить других, но бывши учеником апостольским, и я сделался учителем язычников, и то, что мне предано, стараюсь сообщить ученикам, достойным истины»³⁹.

7. В послании же к Зене и Серену⁴⁰ он говорит: «Наши чувства и мысли запутываются от соображения с миром, в котором мы рассеяны. Сего ради, поскольку наш Спаситель говорит, что Он не от мира сего, то Он хочет и нас отвлечь от общения с миром и изволит, чтобы мы были друзьями истины и приняли совершенство небесной силы, равно как и то, чтобы мы совершали всё, что только составляет волю Отца Вечности. Ибо не является верующим тот, кто живёт сообразно падшей природе».

8. Обратимся теперь к святому Иринею, который в свои детские годы знал ещё святого Поликарпа⁴¹, и сам в преклонном возрасте благородно пролил свою кровь за имя и учение Христово. В четвёртой книге «Против ересей» он пишет: «Поелику в

³⁷ [Там же, стр. 324.]

³⁸ [Там же, стр. 356–357.]

³⁹ [Там же, стр. 381–382.]

⁴⁰ [Перевод на русский язык этого приписываемого св. Иустину послания нет.]

⁴¹ [Св. Поликарп Смирнский (ок. 70 – 156), ученик св. Апостола Иоанна Богослова.]

обоих Заветах, в Законе и в Евангелии, заповедь о совершенной жизни едина, то оказывается, что Учредитель Закона и Евангелия – Один и Тот же. Ибо так как в том и другом Завете правила совершенной жизни одни и те же, то они указывают на Одного Бога, Который хотя и предписал особенные в том и другом Завете заповеди, сообразные людям и обстоятельствам, но главнейшие и важнейшие, без которых невозможно спасение, дал одни и те же в обоих Заветах»⁴².

9. «И что Господь это самое существенное в Законе («естественные заповеди Закона», как, собственно, пишет Иринеи⁴³), которым человек оправдывается и которое до законодательства соблюдали оправдавшиеся верою и угодившие Богу, не разрушил, но распространил и восполнил, – это открывается из Его слов: *если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное* (Мф. 5, 20). А что значит «превзойти»? Во-первых, верить не только в Отца, но и в Сына Его, уже открытого, ибо Он-то приводит человека в общение и единение с Богом. Во-вторых, не только говорить, но и делать, – ибо они говорили, но не исполняли, – и, в-третьих, воздерживаться не только от худых дел, но и от пожелания их. И этому Он учил не в противность Закону, но восполняя Закон и вкореняя в нас праведность Закона»⁴⁴.

10. «Ибо Закон, будучи дан для рабов, обучал душу посредством внешнего и телесного, как бы узами привлекая её к повиновению заповедям, дабы человек научился служить Богу. Слово же (Христос) освободило душу (от сих уз) и научило чрез неё (т. е. чрез душу) очищать и тело. После сего необходимо должны были разрушиться узы рабства, к коим человек уже привык, чтобы ему без уз следовать за Богом, а определения свободы – расширяться, покорность же Царю – увеличиться, дабы обращающийся не являлся недостойным своего Избавителя. Послушание и любовь к домохозяину должны быть одни и те же у рабов и свободных, но свободные имеют бóльшую уверенность, потому что действие свободы больше и славнее, чем повиновение в рабстве. Поэтому-то Господь вместо: «не прелюбодействуй» заповедал не иметь даже вожделения, и вместо «не убивай» – не гневаться, и вместо даяния десятины – разделять всё имение бедным, и любить не только ближних, но и врагов, и не только быть щедрыми даятелями, но давать дары тем, кои отнимают наше»⁴⁵.

⁴² [Св. Иринеи Лионский. Творения. М., 1996, стр. 344–345.]

⁴³ Это выражение, по всей видимости, Иринеи заимствовал у св. мч. Иустина, который то, что мы обозначили как «существенное в Законе», называет тем, «что по природе (всегда) хорошо, свято и справедливо» [см. цитату выше, в § 3; прим. 36].

⁴⁴ [Св. Иринеи Лионский. Творения. М., 1996, стр. 346–347.]

⁴⁵ [Там же, стр. 347–348.]

11. «Все это, как я сказал (продолжает Ириной), говорит Господь не как Тот, Кто разрушает Закон, но как Тот, Кто восполняет, распространяет и расширяет его в нас. С бóльшим действованием свободы Он насаждает в нас более полное повиновение и любовь. Ибо Он освободил нас не для того, чтобы мы отступили от Него, но чтобы, получив больше Его милости, более любили Его. А чем более возлюбим Его, тем бóльшую получим от Него славу, так как мы всегда будем пред лицом Отца»⁴⁶.

12. «Итак, всё существенное в Законе обще нам и им (Иудеям). Ибо повиноваться Богу, следовать Его Слову, любить Его больше всего и ближнего, как самого себя, воздерживаться от всякого злого дела и прочие подобные заповеди общи обоим Заветам и указывают нам на Одного и Того же Бога. Сей-то Господь наш, Слово Божие, сперва привлёк рабов к Богу, а потом освободил их, как Он говорит ученикам: *Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что открыл вам всё, что слышал от Отца Моего* (Ин. 15, 15). Словами: «Я уже не называю вас рабами» Он весьма ясно показал, что Он сперва установил в людях посредством Закона рабство в отношении к Богу, а потом даровал им свободу. А называя учеников Своих друзьями, Он ясно показывает, что Он есть то Слово Божие, которому и Авраам добровольно и без уз, по благородству своей веры, следовал и сделался *другом Божиим* (Иак. 2, 23). Но Слово Божие приняло дружбу Авраама не по нужде Своей, будучи изначально совершенно, ибо *прежде, нежели был Авраам, Я есмь* (Ин. 8, 58), сказал Он; но чтобы по Своей благодати даровать самому Аврааму вечную жизнь, потому что дружба Божия дарует бессмертие тем, которые в неё вступают»⁴⁷.

13. «Моисей говорит: *Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его, и служил Господу, Богу твоему, от всего сердца твоего и от всей души твоей* (Втор. 10, 12). Это доставляло славу человеку, восполняя то, чего ему не доставало, то есть дружбу Божию; а Богу ничего не доставляло, ибо Бог не нуждался в любви человека. У человека же не доставало славы Божией, которой он никак не мог получить иначе, как чрез повиновение Богу»⁴⁸. – Именно эти заповеди остаются незыблемыми также и для христиан, и чрез явление Христа во плоти они не только не отменены, но приумножены и расширены. – Ириной продолжает: «Заповеди рабства, пригодные к образованию и вразумлению народа, Бог отдельно дал чрез Моисея. Эти заповеди, данные народу в рабство и как предзнаменования, Христос всесторонне

⁴⁶ [Там же, стр. 348.]

⁴⁷ [Там же, стр. 348–349.]

⁴⁸ [Там же, стр. 356.]

отменил Новым Заветом свободы. Сущностные же (естественные), благородные и всем общие заповеди Он расширил и умножил, независтно и щедро даровав людям чрез усыновление познать Бога Отца и любить Его всем сердцем, и без противления следовать Его Слову, воздерживаясь не только от злых дел, но и от худых пожеланий. Он умножил страх Божий; ибо сыны должны больше бояться Отца и иметь к Нему бóльшую любовь, чем рабы. И потому Пётр говорит: *мы должны иметь свободу не для прикрытия зла* (1 Петр. 2, 16), но для засвидетельствования и обнаружения веры»⁴⁹.

14. О необходимости постепенного продвижения к совершенству в деле нашего освящения святой мученик говорит так прекрасно и выразительно, что я не могу удержаться от того, чтобы не привести здесь некоторые его слова по этому поводу.

«Как мать может доставить младенцу совершенную пищу, но он ещё не может принять пищи старшего возраста, так и Бог мог вначале даровать человеку совершенство, но человек не мог принять его, ибо он был ещё младенец. Посему и Господь наш в последние времена, восстанавливая в Себе всё, пришёл к нам не так, как Он мог, но как мы могли Его видеть. Ибо Он мог придти к нам в неизреченной славе Своей, но мы не могли вынести величия Его славы. И поэтому Он, совершенный Хлеб Отца, представил нам, младенцам, Себя Самого как молоко – таково было Его человеческое пришествие, – дабы, как бы вскормленные от сосцов Его плоти и чрез такое млекотворение приученные есть и пить Слово Божие, мы могли содержать в себе самих хлеб бессмертия, который есть Дух Отца. Посему Павел говорит Коринфянам: *Я питал вас молоком, а не твёрдою пищею, ибо вы были ещё не в силах* (1 Кор. 3, 2) принимать такую пищу. То есть: вы узнали пришествие Господа, как человека, но Дух Отца ещё не почивает на вас по причине вашей слабости». Ибо чувства их были ещё *не приучены навыком* к хождению перед Богом (Евр. 5, 14). «И поэтому, – продолжает Иринея, – совершенный Сын Божий сомладенчествовал человеку, и не ради Себя, но ради младенчества человека Он соделал Себя доступным таким образом, каким человек мог принять Его»⁵⁰.

15. «И вот каким порядком сотворённый и созданный человек становится образом и подобием несозданного Бога: Отец изволяет и повелевает, Сын действует и исполняет, Дух питает и возвращает, человек же постепенно преуспевает и восходит к совершенству, то есть приближается к Несозданному, ибо Несозданный – Бог – совершен. Человеку надлежало сперва произойти, произшедши – возрастая, возросши – возмужать, возмужавши – умножаться, умножившись – укрепляться

⁴⁹ [Там же, стр. 357.]

⁵⁰ [Там же, стр. 434–435.]

силами, укрепившись – прославиться, и прославившись – видеть своего Владыку. Ибо Бог есть Тот, Которого должен узреть человек; видение же Бога производит нетление, а нетление приближает к Богу»⁵¹.

16. «Итак, как будет Богом (подобным Богу) тот, кто ещё не сделался человеком? Как будет совершенным только недавно сотворённый? Как будет бессмертным, кто в смертной природе своей непослушен Творцу? Ибо надлежит тебе прежде соблюсти чин человека, а потом приобщаться славе Божией. Не ты творишь Бога, но тебя творит Бог. Посему, если ты творение Божие, то жди руки твоего Художника, всё делающего в надлежащее время – в надлежащее именно относительно тебя, предмета Его творения, время. Предоставь же Ему твоё сердце мягкое и покорное и соблюдай образ, который дал тебе Художник, имея в себе влажность, дабы, огрубевши тебе не утратить следов перстов Его. Соблюдая свой состав, ты достигнешь совершенства, ибо художество Божие скроет твою глину. Рука Его соделает из тебя прекрасное существо; она обложит тебя изнутри и снаружи чистым золотом и серебром и так украсит себя, что Сам *Царь возжелает красоты твоей* (Пс. 44, 12). Если же ты, скоро загубев, отвергнешь Его искусство и окажешься неблагодарным к Нему за то, что ты создан человеком, то чрез свою неблагодарность ты лишишься и Его искусства, и жизни твоей. Ибо творить свойственно благодати Божией, а быть творением есть свойство человеческой природы. Посему, если ты отдашь Ему твоё, то есть веру в Него и послушание Ему, то примешь Его искусство и станешь совершенным делом Божиим. Если же ты не будешь веровать в Него и убежишь от руки Его, то причина несовершенства будет в тебе, неповиновавшемся, а не в Том, Кто призвал тебя»⁵².

17. Теперь выпишем несколько мест, как нельзя лучше иллюстрирующих то, о чём мы говорили в нашем трактате, из творений святого учителя Церкви и мученика Киприана.

«Наши тела, – пишет он⁵³, – суть храмы Божии, которые никем не должны быть растлеваемы и оскверняемы. Сих-то храмов строители и настоятели – мы; послужим же Тому, Кому уже мы принадлежим. Прославим и будем носить Господа в чистом и нескверном теле, соблюдая всевозможную осторожность. ИскуПЛенные Кровию Христовою, подчинимся воле Искупителя своего во всех действиях нашего служения Ему; постараемся о том, чтобы ничего скверного и нечистого не было вносимо нами в храм Его, дабы Он, оскорбившись нашим поведением, не оставил жилища, в котором теперь обитает. Вот слова Господа, исцеляющего и поучающего, одновременно

⁵¹ [Там же, стр. 435.]

⁵² [Там же, стр. 437–438.]

⁵³ «Книга об одежде девственниц».

врачующего и наставляющего: *се, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5, 14). Даровав здоровье, Он предлагает затем и образ жизни и закон непорочности, воспрещая на будущее время жизнь беспорядочную и распутную»⁵⁴. «Неприлично христианину гоняться за славою и почестями плотскими, а надлежит внимать слову Божию и в нём искать благ, во веки пребывающих. Или, если уже и гордиться плотию своею, то разве тогда только, когда она бывает мучима за исповедание имени Христова»⁵⁵.

18. «Итак, должно стремиться к вечному и божественному и всё делать по воле Божией, следуя стопам и божественному учению Господа нашего, Который в наставление нам сказал: *Я сошёл с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца* (Ин. 6, 38). Если раб не более господина своего, и получивший свободу обязан послушанием своему освободителю, то мы, желая быть христианами, должны подражать тому, чему учил и что творил Христос. В Писании сказано, и мы читаем, слышим, и в пример нам возвещается устами Церкви: *Кто говорит, что пребывает в Нём, тот должен поступать так, как Он поступал* (1 Ин. 2, 6). Посему надлежит нам ходить по тем же стопам, ревностно идти по тому же пути»⁵⁶. «Говоришь, что ты достаточна и богата, и твердишь, что тебе следует пользоваться теми благами, коими Господь наделил тебя. Пользуйся ими, употребляй, но на дела спасительные; употребляй для добрых целей; употребляй, но на то, на что Бог заповедал, на что Сам Господь указал. Пусть чувствуют твоё богатство бедные, пусть ощущают твой недостаток неимущие»⁵⁷. «Истинная дева, докажи, что ты превыше убранных, ты, которая побеждаешь плоть и мир, победи страсть к золоту. Могущая торжествовать над бóльшим – не в состоянии ли восторжествовать над меньшим? *Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь* (Мф. 7, 14); трудны и тяжелы стези, ведущие к славе. Этим-то путём, по этим стезям проходят мученики, шествуют девы, идут все праведники»⁵⁸.

19. В трактате «О ревности и зависти» святой мученик пишет: «Для чего бесславит стадо Христово ложно именующий себя христианином? Облечься во имя Христово и не идти путём Христовым – не есть ли это предательство имени Христова, оставление спасительного пути?»⁵⁹. «*Если живёте по плоти, – говорит Павел, – то умрёте, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете. Ибо все,*

⁵⁴ [Творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского. М., 1999, стр. 192.]

⁵⁵ [Там же, стр. 195.]

⁵⁶ [Там же, стр. 196.]

⁵⁷ [Там же, стр. 198.]

⁵⁸ [Там же, стр. 204.]

⁵⁹ [Там же, стр. 349.]

водимые Духом Божиим, суть сыны Божии (Рим. 8, 13-14). Если мы сыны Божии, если мы соделались храмами Божиими, если, приняв Духа Святого, мы стали жить свято и духовно, возвели очи от земли к небу, устремили сердце, исполненное Бога и Христа, к горнему и духовному, то будем делать то, что достойно Бога и Христа. – Мы не можем носить на себе небесный образ, если не будем уподобляться Христу в том, чем быть начали. Изменение прежней жизни и начало новой требует, чтобы в тебе явно было рождение божественное, чтобы твоё богоподобное поведение соответствовало Богу Отцу, чтобы честной и похвальной жизнью прославлялся в человеке Бог»⁶⁰. «Помышляй о том, что мы стоим пред очами Божиими, что сам Бог смотрит и судит о прохождении нами жизненного пути; что мы можем сподобиться созерцать Его только в том случае, если мы будем радовать Его, взирающего теперь на нас, своими поступками, если соделаем себя достойными Его благодати и милости, если, предназначенные к тому, чтобы вечно угождать Ему в Царстве, мы сперва угодим Ему в сем мире»⁶¹.

20. В завершение наших выписок приведём несколько мест из блаж. Августина, в которых он кратко излагает свои мысли о законе и благодати.

«Действие Закона заключается в том, что человек уразумевает, что Бог хочет от него; действие же благодати – в том, что человек покоряется Божию закону; *ибо не слушатели закона*, – возвещает Апостол, – *праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут* (Рим. 2, 13). Таким образом, закон производит слушателей правды, а благодать – делателей её. Ибо, как говорит тот же Апостол, что Закону было невозможно, потому что *он был обессилен плотью*, то совершил Бог, *послав Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти, дабы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу* (Рим. 8, 3-4). Ибо невозможно, чтобы Закон мог быть исполнен посредством плоти. Посему правда Закона исполняется не в тех, кто живёт по плоти, но в тех, кто ходит по духу. Кто же ходит по духу, если не тот, кто *водим Духом* (Рим. 8, 14)? Не те дети свободны, кои приняли закон буквы, но принявшие духа благодати, которым Закон, будучи сам по себе *свят, праведен и добр* (Рим. 7, 12), может быть исполнен. Вот – правое учение; да внемлют ему все, и да не спорят»⁶².

21. «Исключая те заповедания Ветхого Завета, которые даны только для того, чтобы обозначить и предуказать нечто иное (хотя и в сих заповеданиях, если их понимать духовно, Закон поистине может быть назван духовным), всё прочее,

⁶⁰ [Там же, стр. 350–351.]

⁶¹ [Там же, стр. 353–354.]

⁶² Augustin. Lib. III ad Bonifac. contra duas Epist. Pelagianor, Cap. 2.

относящееся к благочестию и доброй нравственности, несомненно должно быть исполняемо так, как предписано. Ибо хотя Христос снял с нас тяжкое иго многих преданий (Мк. 7, 9), можем ли мы по этой причине сказать, что нас не касается то, что велит Закон? Кто столь нечестив, что дерзнёт сказать (хотя сегодня многие дерзают), что на заповеди Закона ему можно не обращать внимания, поскольку он христианин, и больше не под Законом, но под благодатью? – Те, кои поистине под благодатью, оживотворяются Духом и исполняют дела Закона *верой, действующей любовью* (Гал. 5, 6)»⁶³.

⁶³ Augustin, *ibid.* Cap. IV.

Трактат VI

**О различном понимании того,
что́ есть благочестие
и преуспеяние в нём**

*Много званных,
а мало избранных.*
(Мф. 20, 16)

I

1. Хотя по Своей всесовершенной и вседовольной¹ сущности Бог не нуждается ни в какой вещи и ни в каком служении (Деян. 17, 25), – но по Своему творческому величию, достойному всякого преклонения, чести и славы, Он восхотел наряду с бесчисленными *тысячами тысяч* Ангелов (Дан. 7, 10) (которые, подразделяясь на различные иерархии, *начала и господства, власти и силы* (Кол. 1, 16; 1 Петр. 1, 22), окружают Его престол, созерцая Его достопоклоняемое Существо и с благоговейным почитанием наслаждаясь им) возыметь Себе Церковь из человеческого рода и падших чад Адама – *дúши, поклоняющиеся Ему в духе и истине* (Ин. 4, 23-24), с коими Он мог бы неким внутренним и друг-друго-общительным образом соединяться, обращаться и соделывать их причастными Своей божественной славе и блаженству (2 Петр. 1, 4). Именно в этом заключается во веки пребывающее определение Божие и милостивая Его воля в отношении человека.

2. Отсюда проистекает то, что вечная Премудрость, *чья радость – с сынами человеческими* (Притч. 8, 31), как исполненная любви и верности мать и невеста неустанно как бы обходит весь мир в поисках таких душ (Прем. 6, 13), которые подобающим образом *поклонялись бы Отцу в духе и истине* (Ин. 4, 24). У большинства людей эти её поиски – увы! – не приводят ни к чему. У некоторых она находит некий отзыв, некое слышание себя – но не всецелое, и не во всём. И лишь у меньшинства обретает она для себя свободный вход, дабы беспрепятственно производить в их душах свои божественные действия. Одним словом, *много званых, а мало избранных* (Мф. 20, 16). Несмотря на это, определение Божие и Его воля пребывают неизменными: *Отец ищет Себе таких поклонников* (Ин. 4, 23). И действительно, так и бывает – Премудрость до сего дня находит, и всегда будет находить, немногих среди всякого рода и племени, в коих она входит *и приуготовляет друзей Божиих*, как говорится о том в Книге Премудрости (Прем. 7, 27).

3. Из этого весьма разного отклика душ на благодатный призыв Божий и происходит великое различие между образами благочестия в Церкви Христовой (о

¹ [Всецелый (ц.-сл.) – богословский термин, означающий обладание всем, полноту всех благ, не имение нужды ни в чём.]

большинстве чад мира сего и о лицемерах внутри Церкви мы здесь даже и упоминать не будем; речь у нас пойдёт только о благочестивых христианах). Особенно это стало явным после иссякания *первой любви* и силы (Откр. 2, 4) в Церкви, когда большинство христиан остаются только при некоторых начатках христианства, не возрастая и не преуспевая в нём усердно и постоянно и проводя пред Богом и людьми – я бы сказал – обыкновенную, исполненную немощей и по преимуществу внешнюю жизнь. Но есть и такие христиане (их несравненно меньше), которые, будучи верными Божию призыву, стремятся вперёд, и благодатью Божией ведутся и приводятся к гораздо более существенному и внутреннему состоянию, вследствие чего они стараются проводить святую, ревностную и обращённую вовнутрь жизнь².

Я мог бы здесь не тратить много слов на изъяснение всего этого, а наименовать первых (воспользовавшись часто употребляемым в Священном Писании и в творениях учителей Церкви термином) «несовершенными», вторых же – в разумном понимании этого слова – «совершенными» (Мф. 5, 48; 19, 21; Иак. 3, 2; 1 Кор. 2, 6; Еф. 4, 13; Кол. 1, 28; 4, 12; Евр. 5, 14). Но поскольку в нашем поистине несовершенном христианстве многие так неохотно слушают о совершенстве, что возникает опасение, что они отвращаются не столько от слова, сколько от самого дела, – то надлежит устранить сей камень преткновения.

4. По этой причине мы вкратце рассмотрим различие между благочестивыми христианами, которое и сегодня столь очевидно, – не познаёт ли кто самого себя в таковом рассмотрении, и не начнёт ли искать внутреннего корня сокровенной жизни во Христе под теми многочисленными наслоениями, привходящими несущественными вещами и преизобилием всего внешнего, чем так покрыто и задавлено нынешнее христианство.

5. Большинство призванных от Бога душ останавливаются на своём пути после того, как они пережили первое, начальное действие покаяния. Испытав скорбь, печаль и сожаление о своих грехах, почувствовав своё опасное состояние, возмев алчбу и жажду благодати Божией во Христе, такие души *обращаются от мёртвых дел* грубых грехов (Евр. 6, 1) к некоему внешнему добродетельному благочестивому жителству – и исполняются уверенности в том, что этим единократным изменением своей жизни

² Конечно, нельзя отрицать того, что на особые ступени святости и богообщения Бог возводит избранные души по Своему особому промыслу. Но это не значит, что полнота христианства доступна только немногим: если бы каждая душа познала в себе Божий замысел о человеке и с верностью откликнулась бы на призыв Божий, то все люди стали бы святыми.

ими уже достигнуто то, что в Священном Писании именуется *новым рождением свыше* (Ин. 3, 7) и всецелым обращением к Богу. Если к тому же их сердца время от времени ощущают то или иное утешение, духовную сладость и радость, то они ещё более утверждают в своей уверенности и полагают, что они поистине обрели небесное сокровище, целиком прошли своё поприще и достигли единения с Богом. На этом основании они относят к себе драгоценные обетования, титулы и привилегии, которые слово Божие усваивает истинным христианам.

6. И здесь прекращается их движение по христианскому пути. Я не хочу сказать, что их чувства, мысли и мнение о себе всегда и непременно таковы, что они-де уже достигли освящения и спасения и могут предаваться покою, – но что их благочестивая жизнь и то, что считается ими преуспеянием в ней, есть в лучшем случае топтание на месте, остановка, а то и вовсе обращение вспять (Лк. 9, 62).

Чем же является для таких христиан преуспеяние в благочестии? Чаще всего они понимают под этим усердное чтение духовных книг, душеполезные беседы, устное молитвословие, пение и тому подобные, сами по себе полезные занятия и правила; также размышление об истинах Божиих и стремление составить себе понятие о них, чтобы (как принято говорить) достичь полноты познания. Во всей этой деятельности человек ищет для себя отраду и наслаждение. Если его душу по временам посещают те или иные духовные чувства, или он видит в себе некие добрые наклонности, то он радуется, считает их за великое приобретение и высоко их ставит, не зная всему этому истинную цену. Если же ничего такого в нём нет, то человек жалуется, что Бог оставил его, и дерзает сравнивать своё состояние с тяжкими духовными скорбями Иова, Давида и других святых. И я не знаю – не большинство ли благочестивых христиан не в чём ином, как в этом, полагает делание своего благочестия и преуспеяние в нём? Что же касается дурных качеств, которых не затронуло первое и начальное обращение, то они остаются в таких христианах во всей своей силе. Конечно, иногда им оказывается некоторое сопротивление, но полностью они никогда не побеждаются, и человек относится к этим проявлениям падшести как к «грехам по немощи», от которых ведь невозможно быть свободными в земной жизни.

7. Если мы рассмотрим жизнь и поведение таких христиан, то увидим, что в своих благочестивых занятиях они достаточно благоговейны; но в прочее время, при повседневном своём обхождении с людьми, они весьма раскованы и вольны. Они вовсе не считают зазорным погружаться в обычные, «как у всех», избыточные хлопоты о житейском и *собирать себе* «на будущее» деньги и *сокровища на земле* (Мф. 6, 19). Они думают, что имеют полную свободу многословить о внешних бесполезных вещах

и без нужды обращаться с людьми мира сего. Они полагают, что для них является вполне допустимым услаждать свои чувства зрением, слышанием, вкушением и тому подобным. Об их помыслах я даже и не говорю. На всё это они по большей части не обращают должного внимания, и без всякого самоукорения, без хоть какого-либо противостояния сему попускают себе пребывать целыми часами и днями в полной рассеянности и рассосредоточенности. И таким образом их сердца разделяются в самих себе (Мф. 12, 25), хотя они этого по большей части и не замечают. Ибо, ах! как мало сии благочестивые души понимают, что они отдали свою радость и любовь какой-нибудь тленной и скоро преходящей вещи и черпают в ней услаждение, утешение и отраду; что они под самыми благовидными предложениями то в одном, то в другом своеумно и своевольно поступают так, что порой совсем незаметной становится разница между ними, христианами, и чадами мира сего!

8. Не горькая ли это правда? и не будет ли принуждён тот, кто читает сии строки, по совести сказать: «да, это так»? Ибо, возлюбленные, не достаточно ли очевидно, что таковые души не истинно приняли в себя силу веры и благочестия – силу подлинной победы над миром (1 Ин. 5, 4) внутри и вне себя, силу для упразднения греха, страстей и проявлений падшести, силу для искоренения из своей жизни самолюбия, своеволия и искания своей выгоды? Не очевидно ли, что такой образ благочестия ещё не обладает великими преимуществами Нового Завета – а именно, когда Сам Бог напишет Свой закон в глубине сердец Своих чад (Евр. 8, 10), и они, вследствие сего, исполняют волю Божию не из одного лишь понуждения беспокоящей их совести, но из сердечного расположения, радостного желания и внутренней любви к Богу?

9. Посему такие христиане и не достигают подлинного и неразоримого мира с Богом, знания Бога и общения с Ним во Христе. Бедные их сердца из собственного, глубоко пережитого опыта мало знают об этом, равно как и о вкушении радости, полноты жизни и блаженства во Христе – хотя они и читали о том, и слышали от других чад Божиих. Сюда прибавляется ещё и то, что при всём их внешнем служении Богу внутри себя они испытывают великое отягощение, глубокое недовольство и немирность совести. Если же при исполнении тех или иных занятий и правил, кажущихся им добрыми, они и ощутят некую отраду и удовлетворение, то это состояние будет не глубоким, не укоренённым, ещё меньше – чистым, и продлится оно недолго, так что уже вскоре поднимутся в них привычные укоры совести (пусть даже в иных случаях они на некоторое время и заглушали бы их). Происходит это потому, что человек в таком состоянии действует, напрягая (по большей части несознательно) свои природные силы, которые скоро никнут. Такой образ действий доставляет

человеку или малодушие и уныние, или самодовольство и уверенность в собственной праведности, – Богу же не воздаёт славы, и не приносит в душу постоянного и истинного мира.

10. И здесь нужно особо задуматься и спросить – как это возможно, чтобы люди, получившие от Бога свет и благодать, и отнюдь не желающие обманывать самих себя (ибо, напомним, мы ведём речь именно и только о таких благочестивых христианах), были уверены в том, что их состояние истинно и угодно Богу, в то время как их нищета и недостаточность во всём столь очевидна? Поистине, здесь нет иной причины, как той, что *всё сие происходит от недостатка внимания, обращённого внутрь себя, и от непонимания того, что совершается у нас внутри*. Душа отвлекается от воспитательных и вразумительных действий благодати и Духа Божия в сердце и – я бы сказал так – даёт «выманить» себя из своего внутреннего человека. Последовав начальному призыву и привлечению Божию к первому покаянию, человек потом как бы исходит из сердца в мыслительную часть души и при слабом и недостаточном свете собственного рассудка составляет себе некие понятия о божественных истинах и представления о христианстве (каковые понятия и представления, поскольку они являются плодом действия падшего ума, с неизбежностью будут крайне приблизительными, надуманными и недостаточными). Далее, следуя этим своим само-составленным понятиям, в полной уверенности, что поступает правильно, человек сооружает себе своё собственное христианство, в котором так утверждается, что считает не истинным и отвергает всё, что не согласно с его представлениями или выходит за их рамки, – и живёт, далеко отойдя от внутреннего человека, от света и вождения Духа, и рассеявшись во внешнем и рассудочном. По этой причине душа никогда не приходит ни к точному и глубокому познанию своего внутреннего повреждения и падшести, ни к видению бесчисленных проявлений своей самости, ни к истинному пониманию, что есть оправдание во Христе, ни к тщательному, святому, отрешённому и сокровенному жительству, требуемому настоящим христианством, ни к опытному познанию силы Духа Иисуса Христа в верных Его последователях, действием Которого они приуготовляются к подлинно святой и божественной жизни.

11. Сказанным я вовсе не хочу обвинить все таковые души в сознательной и намеренной нечестности и неверности, и тем самым совсем осудить их состояние. Нет, я только хочу указать им на их великое несовершенство, недостаточность и неразумие – не обратятся ли, содействием Божией благодати, хоть некоторые из них внутрь себя и не захотят ли с точностью познать извечный и единственно истинный

путь умирания самому себе и всему миру и сокровенной жизни со Христом в Боге (Кол. 3, 3)? Ибо, ах! как печально то, что благочестивые и благонастроенные души год за годом ходят по кругу и довольствуются рассудочным исповеданием веры и внешними начальными делами и обязанностями благочестия настолько, что забывают о всяком преуспеянии и продвижении вперёд, и никогда не познают истинную суть христианства и не вкушают блаженство оно во внутреннем богообщении!

II

12. Но, слава Богу, обретаются и в наши дни люди, которые не находят для себя ни покоя, ни удовлетворения в начатках христианства и в той мешанине, какую оно сегодня из себя представляет; но вкупе с евангельским юношей (чтобы здесь мне употребить слово Спасителя) *хотят быть совершенными* (Мф. 19, 21) – то есть стремятся неким особым образом освятить себя и всецело пожертвовать собою для Господа Иисуса и истинного последования Ему, благодатью Его усердствовать в истинном внутреннем и тщательном христианском жителстве и подвизаться в нём всем сердцем как в единственно необходимом для человека деле и занятии. И среди таких людей, если смотреть на их преуспеяние и их меру, мы также увидим многие различия. – Здесь я хочу немного коснуться переломного момента, в результате которого они переходят в такое состояние, и того, что характеризует сих христиан; ради недостатка места я буду совсем краток.

13. Переломный момент и переход таких душ от внешнего благочестия к существенному и внутреннему христианству совершается примерно следующим образом. Все внешние и внутренние благочестивые занятия, вся деятельность души, на которых доселе, часто неосознанно, зиждилось её христианство, становятся для неё тягостными и бессмысленными. У одних это происходит быстро, у других – постепенно. Чтение духовных книг, душеполезные размышления и беседы, устное молитвословие и тому подобное перестаёт питать душу и не может более продолжаться – отчасти из-за того, что прежде столь активный рассудок постепенно обессиливается и делается неспособным рассматривать и понимать духовные вещи так, как это у него получалось раньше; отчасти потому, что понятия и представления, которыми человек прежде наполнил себя, исчерпываются для него, а ничего другого он не может ни принять, ни удержать в себе. Всё, чем душа занималась при своём

внешнем и внутреннем делании, начинает крайне её отягощать, и больше не производит на сердце и волю такого действия, какое было раньше. Вместо прежнего удовлетворения, сладости и отрады все дела благочестия становятся для души сухими, пустыми, бессильными, или даже и вовсе безрадостными и отвратительными.

При всём этом душа – или сразу, или со временем – начинает чувствовать в себе некое более чем обыкновенное стремление как к внешней тишине и уединению, так особенно к тишине внутренней, приводящей все её силы в неактивное и примательное состояние³. Это состояние характеризуется простотой, внутренней нерасположенностью ко всему сотворённому и забвением его, сокровенным, тонким, исполненным любви тяготением к Богу и детской верой, сопряжённой с непрестанным вниманием к Его соприсутствию в нас. Последнее – самое важное, оно должно быть в нас и восприниматься нами непременно. Если душа со всем чаянием предаст себя этому (для падшего ума столь диковинному, но на деле поистине спасительному) внутреннему привлечению от Отца (Ин. 6, 44) и вождению Духа (Рим. 8, 14), то чрез такую *тишину и упование* (Ис. 30, 15) ей придёт помощь от Бога. Тогда душа будет отвыкать от всех своих прежних рассеянностей и рассосредоточенностей и от действий по указаниям падшего ума, дабы в смиренном безмолвии внимать внутри себя сокровенному воспитанию и научению вечной Премудрости, и, обходя всё несущественное, побочное и привходящее в христианстве, погружаться в сокровенную жизнь со Христом в Боге – что может быть постепенно достигаемо только чрез постоянное умирание со Христом для самого себя и всякого творения (Кол. 3, 3).

14. Тогда постепенно само собой будет отпадать от души всё надуманное, высокопарное, внешнее – всё то, что может сочетаться с похвалой от мира сего или с возношением и восхвалением самого себя, – и человек начнёт входить в некое детское расположение души (Мф. 18, 3) и приступать к простой, бедной, презренной и сокровенной жизни Иисуса Христа. И здесь ему предлагается совсем иное учение, чем прежде. Он должен усвоить и полюбить страдания, нищету и поношение Христово, и, напротив, как крайне опасных вещей, всячески избегать того, что услаждает чувства и плоть, избегать богатств и сокровищ земли вкупе со всей земной честью, славой и величанием. Для такого человека становятся непереносимыми не только злые дела, но и недостаточно чистые побуждения, даже и в весьма добрых начинаниях. Его сердце должно поистине и всецело отлепиться от всякого творения и всё более и более отстраняться от всякой – вплоть до самой сокровенной – радости, любви и услаждения всем, что не есть Бог и Божие. Ему надлежит следить за тем, чтобы не

³ [См. прим. 16 к первому трактату.]

произносить ни одного ненужного или необдуманного слова, хотя бы речь шла и о добром и духовном; ему следует постоянно внимать тому, чтобы даже и на краткое время не обременять себя добровольно лишними мыслями, заботами и попечениями. Он уже не может разрешать себе слушать и смотреть, делать или не делать то, что и как придёт ему в голову. Нет, – ибо человек разумеет, что над собой и в себе он имеет Того, в Чьи очи он должен взирать, и Кому он должен покорить свою волю во всецелом предании себя Ему. Тончайшее самолюбие, страстное движение души, самодовольство, приписывание себе какого-либо добра в том, что душа говорит и делает, чувствует и вкушает, уже может опечалить и оскорбить Сего высокого и кроткого Гостя. Когда человек обнаруживает в себе эту самость, то он уходит, убегает из себя в подлинном самоотвержении и умирании самому себе, ради любви Божией. Одним словом: *я ежедневно, ежечасно и ежеминутно умираю* (1 Кор. 15, 31) – когда чрез многочисленные находящиеся на меня кресты и страдания совне и изнутри, по мудрому водительству Божию, моя падшая самость совершенно умирает во мне.

15. Это звучит жёстко и строго, и кажется совершенно невозможным. Но ведь есть и другая сторона, за счёт которой всё сие становится со временем для человека лёгким и любезным. Посмотрите: проводя такой образ жизни, сии души живут сокровенно во Христе, в Боге (Кол. 3, 3), в Его соприсутствии, и Бог живёт и обитает в них (2 Кор. 6, 16), соделывая их сильными и способными ко всему этому (Фил. 4, 14). Что они «недополучают» из-за умерщвления своей падшей природы, что они теряют, отстраняясь от творений и от всего внешнего, то стократно обретают они в Боге (Мф. 19, 29). Чем больше они делаются чуждыми и мёртвыми для творений в постоянном отвержении их, тем больше приближаются они к Богу и к Его жизни, становятся *Своими Ему* (Еф. 2, 9), и в сокровенном жительстве и обращении с Ним всё более и более проникаются Им. Прежде жили в них творения, и они жили в творениях, Бог же был для них как бы мёртв, как будто Его и вовсе не было. Ныне, напротив, Бог живёт в них, и они в Боге; всё же прочее, и также сами они по падшей их жизни, стали как бы мёртвыми, как будто их (в их самоощущении) и нет. Прежде они искали и имели жизнь в творениях и в самих себе; ныне же, сообразно вышесказанному, умерев для этой бедной и жалкой жизни, они обрели в глубине себя истинное существование, смысл, радость, утешение и всякое довольство в Боге, Которому они, в отрешённости своих сердец от всего прочего, внутреннейше прилепляются, в Него входят и в Нём обитают в сокровенных основах своего духа.

16. Тогда в самих себе, в живом опыте, они воспринимают, что Бог *недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живём и движемся и существуем* (Деян. 17, 27-28) – не только по Его всеобщему, но также и по особому, внутреннему соприсутствию. И так живут сии души по внутреннему их человеку в Боге, в Его соприсутствии, как рыба в воде или птица в воздухе. Не в одном лишь воображении и мыслях, но действительно и сущностно черпает их дух чрез непрестанную молитву, или алчбу веры и приближение к Богу, как чрез некое духовное вдыхание, Его божественную жизнь и силу. И таким образом, чрез сие неложное общение и единение в любви и вере в них вливается Божия жизнь, и они поистине становятся *причастниками Божеского естества* (2 Петр. 1, 4), проводя своё жительство с кротким и тихим духом, в простоте, всецелой преданности Богу и детской невинности пред очами своего Господа – хоть и не постоянно в видении и вкушении, но всегда в вере и сущностно. И как они *со Христом умерли* всему (Кол. 2, 20), то и *живут с Ним сокровенно в Боге* (Кол. 3, 3).

17. Да! и настолько сокровенно, что пытливый рассудок не видит и не замечает сей жизни; чувства не знают её; плотские очи нисколько не видят её. Нищета, поношение и страдания – вот три покрывала, укрывающие сию жизнь совне от мира сего, который не верует и не догадывается, что под ними таится *дщерь Царя* с её неизреченной внутренней славой (Пс. 44, 14). Поэтому мир считает таких христиан бедными, нищими, презренными, убогими, поносит их как несчастное меньшинство, как каких-то сектантов, *об учении которых везде спорят* (Деян. 28, 22), и выставляет их как нелепых, глупых, отсталых и безумных людей, кои сами себе причиняют кресты и страдания и стремятся проводить столь жалкую и злосчастную жизнь. И хотя внутренне сокрытая слава Христова проявляется в них разнообразными божественными добродетелями и просиявает многими лучами любви, так что их жительство, чуждое миролюбия, сластолюбия, сребролюбия и честолюбия, их простая, всецело преданная Богу, смиренная, невинная, детская, нелицемерная суть всякому бросается в глаза, – но это такого рода красота, *вид и величие* (Ис. 53, 2), которые никак не могут понравиться миру сему и слепому рассудку, но только подвигают их на насмешки и издевательства. И что гораздо хуже, такие христиане нередко представляются в весьма чёрном свете другим христианам, судящим по своей внешней и рассудочной жизни, а не по духу. Но последние не знают, что Суламита *черна, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы* (Песн. 1, 4), и что она, а вместе с ней и все возлюбленные Богом души сокрывают свою красоту и благость под этой наружной чернотой и неприглядностью, так что *сыновья матери их гневаются на них*, ибо они не наполняют мир внешней видимостью, словами и

суетными делами, но стремятся только, в безмолвной отрешённости от всего, *стеречь виноградник* (Песн. 1, 5) своего собственного сердца. И так пребывают они *мирными землями* (Пс. 82, 4), покрываемыми и *хранимыми Богом* (Пс. 82, 4). Их великое внутреннее благо невидимо; их божественная премудрость сокрыта (1 Кор. 2, 7); их общение со Христом тайно; их приискреннее⁴ обращение с Богом и их жизнь в Боге сокровенна (Кол. 3, 3); проистекающее из всего этого вкушение ими *жизни с избытком* (Ин. 10, 10), мира, радости и блаженства внешне незаметно. Одним словом, их жизнь есть жизнь в Духе (Рим. 8, 1; 4; 9), и вся их слава, величие и совершенство внутренне сокрыты в Боге.

18. Таковые богопросвещённые души, стремящиеся наиточнейшим образом *следовать за Агнцем, куда бы Он пред ними ни пошёл* (Откр. 14, 4), совершающие уже здесь своё освящение (2 Кор. 7, 1) в глубочайшем отвержении себя и всякого творения и в непрестанном внутреннейшем прилеплении к Богу, – таковые души, говорю я, вне всякого сомнения, обретают во времени и в вечности великие и высокие преимущества, привилегии и славу, обетованные Богом. Об этом непререкаемо свидетельствуют многие места Писания, из коих, ради краткости, я приведу лишь некоторые, с тем, чтобы ищущий Бога читатель вник и углубился в них пред лицом Божиим: Числ. 12, 6-8; Втор. 10, 8-9; Пс. 44, 14-15; Пс. 64, 5; Песн. 6, 8-9; Плач 4, 7; Иер. гл. 35; Мал. 3, 3; Мф. 19, 27-29; Лк. 2, 37; Ин. 14, 2; Ин. 15, 15; 1 Кор. 2, 6; 1 Кор. 15, 41; Откр. 14, 1-5, и др.

19. Сего ради да не сочтёт человек за нечто малое, если он ощутит в своём сердце сокровенную склонность, тяготение и любовь к особой, захватывающей его всецело, глубокой и отрешённой от всего внутренней жизни пред Богом, – но да приемлет сие как особенную благодать и святой призыв Божий, и да ценит такое стремление к внутренней жизни как великое преимущество и благо, коими Бог хочет удостоить его во времени и в вечности. Я повторю ещё раз признаки сего призыва Божия. Главные из них таковы:

1) человек при обычной жизни благочестивого христианина (в которой всё смешано и спутано) больше не обретает ни мира, ни покоя;

2) для человека становятся страданием и внутренним наказанием все его грехи (в том числе и самые тайные) и немощи, прилепление сердца к творениям и всякое проявление самолюбия, своеволия и самодовольства;

⁴ [«Приискренне» (ц.-сл.) – теснейшим, ближайшим образом.]

3) при всём этом человек ощущает в себе некое желание того, чтобы полнейшим и внутреннейшим образом соединиться с Богом и жить пред Его лицом в отрешении от всего;

4) душа теряет смысл в том, что доселе составляло её внешнюю чувственную и рассудочную активность и больше не обретает в себе склонности к прежним обычным многообразным занятиям, беготне и суете, раздумьям и размышлениям;

5) напротив, душа чувствует в себе некое сокровенное влечение и склонность к внутренней простоте, к всецелому преданию себя Богу и к безмолвию, дабы пребывать без особенных размышлений во всеобъемлющей благоговейной любви и во внимании к соприствующему ей Богу, – и т. д.

20. Первые христиане во времена Апостолов и их ближайших последователей в большинстве своём были, вне всякого сомнения, таким *избранным родом, царственным священством, святым народом* (1 Петр. 2, 9), с великой серьёзностью посвящающим себя сей простой, отрешённой, божественной жизни, как это достаточно доказывается писаниями Апостолов и свидетельствами первых учителей Церкви. Я не буду здесь подробно говорить на эту тему; отсылаю интересующихся к книгам г-на Готфрида Арнольда⁵ «Изображение жизни первых христиан» и в особенности к его «Истинному изображению внутреннего христианства в Древней Церкви», где читатель найдёт многочисленные свидетельства вышесказанного.

21. Но постепенно *первая* серьёзность и *любовь* (Откр. 2, 4) у многих, а впоследствии у большинства, начала охладевать, так что христиане сплошь да рядом стали довольствоваться либо внешним исповеданием веры, либо, в лучшем случае, малыми начатками благодати. И если гонения, огонь или меч ещё как-то удерживали их в мужественном стоянии в христианстве, то в мирное время они часто увлекались внешними стихиями мира сего (Кол. 2, 8) и многоразличными житейскими попечениями, так что порой невозможно было отличить их от язычников, среди которых они жили. Эта теплохладность (Откр. 3, 16), это отступление от сути христианства получили ко временам (столь благоприятным для падшего рассудка и чувственности) высокохвального императора Константина полный доступ в Церковь и завладели ею, – вследствие чего жительство большинства христиан стало теперь уже не прежней сокровенной жизнью со Христом в Боге, но бьющим в глаза великолепным,

⁵ [См. Предисловие, прим. 30. В нижеследующих параграфах Терстеген излагает концепцию истории Церкви, которую развивал Арнольд.]

пышным и роскошным существованием; теперь уже не внутренним истинным христианством, но внешней видимостью христианства.

22. Однако во все времена обретались отдельные избранные драгоценные души, кои, не находя себе покоя для духа и совести в теплохладной, повреждённой жизни большинства христиан, посвящали и освящали себя на особый образ служения Богу. Предпочтительно пред всем остальным они направляли весь свой труд, всю свою деятельность (как это и подобает) на то, чтобы подвизаться в отрешённой, божественной, сокровенной жизни, решительно отстраняя от себя всё то, что хоть каким-то образом могло воспрепятствовать их подлинному христианскому жительству или ослабить его. Такими были, среди прочих, многие посвятившие себя Богу девственники обоего пола⁶, *заботящиеся только о том, как угодить Господу* (1 Кор. 7, 34) и быть святыми по телу и духу, дабы тем свободнее прилепляться Ему. Их обычно именовали также «аскетами» (то есть «подвизающимися в благочестии»), ибо они, стремясь, по увещеванию Христову, *быть совершенными* (Мф. 19, 21), пресекали всякое не необходимое обращение с людьми и излишнее житейское попечение; а нередко, по божественному зову, продавали всё, что имели, и обитали в самом скромном жилище в безмолвии, делая что-либо малое своими руками, всё же прочее время посвящая тому, чтобы во всецелом отвержении себя и мира умереть всему и проводить сокровенную жизнь в Боге чрез непрестанную молитву и богообщение⁷.

23. И поскольку теплохладность и отпадение во внешнее стали великими и всеобщими, то многие тысячи христиан, дабы не быть вовлечёнными во всё это и не потерпеть разорения своего всецело посвящённого Христу жительства от расслабленного мирского времяпровождения прочих христиан, убегали от обычного сообщения с людьми и, по Божией воле, удалялись в отдалённые места и пустыни, подвизаясь там со всем усердием день и ночь именно в сей святой, внутренней, сокровенной жизни пред Богом и в соприсутствии Его.

⁶ Таких восхвалял мученик Иустин в своём послании Императору (около 130 года): «Есть среди нас много мужчин и женщин, лет шестидесяти и семидесяти, которые, из детства сделавшись учениками Христовыми (Мф. 19, 11-12), живут в девстве; и я готов указать таких из всякого народа» (Апология I [см. Св. Иустин, философ и мученик. Творения. М., 1995, стр. 44. Текст, приводимый Терстегеном в этой и в нижеследующих цитатах св. отцов, не всегда эквивалентен русскому переводу]). – Другой церковный писатель, живший вскоре после Иустина, возвещал: «Между нами найдёшь даже многих и мужчин и женщин, которые состареваются безбрачными, поскольку они уповают, что так они теснее соединятся с Богом» (Афинагор. Апология [см. «Афинагора Афинянина прошение о христианах». В кн.: Ранние отцы Церкви. Брюссель, 1988, стр. 446]). – И Августин писал: «Теперь никто уже не удивляется целым тысячам юношей и дев, воздерживающихся от брака и проводящих девственную жизнь». Augustin, De vera religione, гл. 3 [(«Об истинной религии»). См.: Блаженный Августин. Творения. М., 1997, стр. 6]. Читай также у Арнольда в «Изображении жизни первых христиан», кн. IV, гл. 3 [см.: Gottfried Arnold. Wahre Abbildung der ersten Christen nach ihren lebendigen Glauben und heiligen Leben. Leipzig, 1740, стр. 534–544].

⁷ Об этом также читай у Арнольда в «Изображении...», кн. II, гл. 7 [там же, стр. 231–238].

Моим намерением и целью вовсе не является рекомендовать тот или иной внешний образ жительствова, телесные подвиги или иные обстоятельства жизни упомянутых святых людей. Они и сами не имели для сего всеобщих правил, равно как и не придерживались одного и того же образа существования, – тем более что с течением времени при всё более сгущающейся тьме всё это постепенно приходило в упадок и сводилось к внешним преданиям и человеческому мудрованию. Моё намерение – лишь показать, что у сих посвящённых Богу душ и христиан, избравших одиночный образ жизни⁸, какими они были до пятого столетия, в наибольшей мере сохранялось и передавалось первоначальное, сильное духом, внутреннее христианство. Но и потом, в последующие века оскудения, Бог всё ещё сохранял Себе Своих сокровенных служителей (Пс. 82, 4; 3 Цар. 19, 18; Рим. 11, 4), как об этом можно прочитать в «Каталоге свидетелей истины»⁹ и других книгах, например, у Готфрида Арнольда в его «Мистическом богословии», гл. 16 и 17¹⁰, и т. д.

24. К таким избранным, освящённым Богом душам должны быть в особенности причислены те, коих именуют мистиками (то есть «тайными» или «сокровенными»)¹¹, в книгах которых, после Священного Писания, можно найти описание подлинного внутреннего христианства и истинного богопознания¹². То верно, что большинство из них принадлежали Римской Церкви и подчинялись её учению; только я должен во свидетельство истины сказать, что оправданные среди них¹³ – гораздо лучшие реформаты и евангелисты, нежели большинство протестантов. Ибо оправданные – это истинные, внутренние христиане, которые не прилепляются к внешнему, отвращая свою любовь и своё упование от всякого творения, от себя самих и от собственных дел, но служат и *поклоняются Богу в духе и истине* (Ин. 4, 24) чрез подлинную веру и единение с Богом во Христе. Да, в их писаниях встречаются те или иные частности или второстепенные вещи, которые не все нужно принимать или защищать; однако же несомненно, что на одном-единственном листочке из книги истинного мистического

⁸ Это можно ясно увидеть в жизнеописаниях древних отцов Антония, Илариона и прочих, в особенности же в писаниях Макария, Ефрема, Нила (каковые писания имеются и на немецком языке), также у Кассиана, Лествичника и др.

⁹ [«Catalogus testium veritatis» – исторический труд Флация. Матиас Флаций (Флациус) (1520 – 1575) – деятель ранней Реформации, богослов, историк. Его богословские взгляды частично осуждены «Формулой согласия» – одним из важнейших вероучительных документов Лютеранской Церкви].

¹⁰ [Gottfrid Arnolds Historie und beschreibung der Mystischen Theologie, oder geheimen Gottes Gelehrtheit, wie auch derer alten und neuen Mysticorum. Frankfurt, 1703, стр. 339–343.]

¹¹ [О понятии «мистика» см. Приложение I и II к настоящему трактату.]

¹² Некоторые сведения о таковых недавно собраны и изданы в сочинении «Жизнеописания святых душ». [Терстеген имеет здесь в виду составленный им в 1730-е годы трёхтомник, содержащий описание жизни 26 католических подвижников и подвижниц. См. Gerhard Tersteegen. Auserlesene Lebensbeschreibungen Heiliger Seelen. 3 Bände. Essen, 1785.]

¹³ [То есть получившие дар оправдания Христова; центральный пункт споров между католиками и протестантами.]

автора ищущая Бога душа может найти больше божественного помазания, света, утешения, совета и мира, чем порой в десятках фолиантах лишённого жизни и сока школьного богословия – как и сами просвещённые учёные мужи среди протестантов свидетельствуют о том¹⁴.

Но отчего же на столь драгоценные писания по большей части не обращают внимания и не руководствуются ими? Не происходит ли это потому, что любопытствующий рассудок не находит в них себе пищи, а ветхое плотское мудрование и наше глубинное самолюбие подвергаются в сих писаниях жестокому обличению? Конечно, эти книги, в отличие от множества других, не соответствуют вкусу ветхого Адама и падшего ума, ибо они требуют не хитросплетенных рассуждений, но отречения от всего и умирания ради Бога. – Но поскольку многие благочестивые учителя из протестантов уже и сами защищают божественную премудрость, содержащуюся в сих писаниях¹⁵, то я не буду тратить на это время и вновь обращусь к избранным душам, обретающим в себе божественный призыв к внутренней, подлинной христианской жизни, о которой мы ведём здесь речь.

III

Особенное обращение к избранным душам, всецело предавшим себя Богу и внутренней сокровенной жизни в Нём

25. Вам, избранные, драгоценные души¹⁶, богоосвящённые Назореи, вам, возлюбленные мои братья и сёстры, принесшие себя в жертву и посвятившие себя подлинному христианству и сокровенной жизни со Христом в Боге, – вам, пользуясь случаем, хочу я с любовью сказать некоторое слово увещевания и ободрения. Ибо, хотя многие из вас и имеют *Духа помазания*, Который *Сам наставляет вас на всякую*

¹⁴ Смотри у Готфрида Арнольда в «Мистическом богословии» гл. 8, § 38 [см. цит. изд. в прим. 10; стр. 215–216], и в *Sophae Praefet. num. 7* [источник не установлен].

¹⁵ Среди реформатов: [Гейсберт] Возций, [Иодокус] Лоденштейн, Франциск Роуз, [Пьер] Пуаре и др. [Терстеген называет здесь их отдельные произведения.] Среди лютеран: Лютер, Иоганн Арндт, [Август] Варениус, [Христиан] Хобург, предисловие Якоба Шпенера к Таулеру, «Мистическое богословие» [Готфрида] Арнольда, [Эберхард] Вайсман [здесь Терстеген также упоминает сочинение последнего], «Мистическое богословие» Алетофила [(Вольфа фон Меттерних)] и др.

¹⁶ «Цвет отрасли церковной, высокое украшение духовной благодати, весёлая природа, чистое и неповреждённое создание хвалы и чести (Христа и Его Церкви), образ Божий, соответствующий святости Господа (Иисуса), – это светозарнейшая часть стада Христова». Так именует святой мученик Киприан дев, посвятивших себя Богу в «Книге об одежде девственниц» [Творения священномученика Киприана, епископа Карфагенского. М., 1999, стр. 193], каковое определение высокоучёный муж Сандеус с полным основанием относит к мистикам в своём Предисловии к «Мистическому богословию» [Максимилиан Сандеус (Maximilian Sandaeus, 1578–1656) – голландский богослов, иезуит, ректор епископской семинарии в Вюрцбурге].

истину (Ин. 16, 13; 1 Ин. 2, 20), – но *Премудрость, сходящая свыше* (Иак. 3, 17), да утешит вас ещё и тем, что подтвердит ваш опыт опытом других. Чтобы, однако, мне *самому не остаться недостойным* (1 Кор. 9, 27), я буду, обращаясь к вашим душам, стараться говорить вам только то, что я сказал бы самому себе.

26. Из всего вышеизложенного мы видим, что мы совсем не должны равняться на других, даже и благочестивых людей, уподобляться им и подлаживаться под их взгляды. Ибо Бог требует от нас нечто *особенное* (Мф. 5, 47), а именно – более тщательное христианское жительство и более святой образ жизни, нежели тот, какой, увы! проводят другие. Посему *забудем, что позади нас* (Фил. 3, 13) и станем взирать на цель и сокровище, которые нам предлагает наш Небесный Отец. Другие живут так и эдак; многие благочестивые христиане занимают себя тем и этим; что до того тебе и мне? Пусть каждый жительствоует, как считает нужным; мы же будем в безмолвии и внутри-пребывании внимать Тому, кто непрестанно призывает нас: *следуй за Мною* (Ин. 21, 22). О, сколь неизреченно велико и поистине преславно сие высочайшее призывание!

Задумаемся над словами нашего Спасителя, что *много званых, а мало избранных* (Мф. 20, 16). Не тот *должен почитаться большим* (Лк. 22, 24), кто лучше просвещён и ознакомлен с путями Господними, но тот, кто имеет большую любовь и проводит более тщательную и святую христианскую жизнь. – Посмотрим же, возлюбленные, в чём заключается то *особенное* (Мф. 5, 47), которое должно обретаться в нас в сравнении с другими:

27. Если сии *другие* одновременно служат Богу и мамоне (Мф. 6, 24) и сочетают благочестие с излишними житейскими попечениями, ища и собирая себе блага и сокровища на земле (Мф. 6, 19), – то мы да будем взирать на Того, Кто возвещает всем, хотящим всецело последовать Ему: *лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнёзда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову* (Лк. 9, 58). Станем помышлять, что если сии *другие* – Израильтяне, то мы – Левиты, *царственное священство* (1 Петр. 2, 9), о которых Бог сказал: *вы не должны обладать ничем на земле; также не будет вам удела, ибо Я – ваш удел и ваше наследие* (Числ. 18, 20; Втор. 10, 9; Иез. 44, 28). Да явим, что мы умерли миру и *не смотрим более на то, что видимо* (2 Кор. 4, 18), ибо *наша жизнь сокровенна со Христом в Боге* (Кол. 3, 3). Наш отрешённый от мира и от денег образ жизни должен быть светлым гласом, возвещающим всем людям и свидетельствующим: «Бог – всё для меня». *Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле* (Пс. 72, 25).

28. Если сии *другие* позволяют себе в излишней снисходительности и человекоугодии становиться на одну ступень с миром сим в свободном обращении с людьми, ненужных разговорах, следованию моде и прочей суете, – то мы да будем здесь придерживаться как раз того *особенного*, о котором говорит Господь (Мф. 5, 47), и не уступать миру ни на один волос. Лучше прослыть своевольным, нелюдимым и т. п., чем быть миролюбцем. Ах, как легко уступка превращается в следование, и чрез слишком большое угождение сей Далиде (Суд. 16, 16-17) внутренняя наша сила утрачивается, как во сне (Суд. 16, 19)! Ревность Жениха наших душ (Песн. 8, 6) не терпит того, чтобы мы угождали Его неприятельнице (Мих. 7, 10); и тот, кто не верует сему, с великим ущербом для себя должен будет рано или поздно убедиться, что *кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу* (Иак. 4, 4).

29. Если сии *другие* следуют своей чувственности, и употребляют и расточают драгоценное время на многочисленность, красоту и изысканность своих платьев, домов, обстановки и т. п., и весьма много думают и всеусиленно заботятся о довольстве и покое своего бренного тела, – то мы да явимся не телесными и душевными, но духовными людьми, *живущими отныне не по плоти и чувствам, но по духу* (Рим. 8, 1; 4; 9). И в самом деле – как можно хотеть жить здесь в розах, в удобстве и довольстве, когда наш Глава и Предшественник родился в нищем хлеву и яслях и умер на кресте в терновом венце? Поистине, невозможно поверить (да и примеров таких нет), чтобы мир сей мог способствовать внутреннему христианству, его возрастанию и углублению у тех, кои хотят во внешнем всё иметь благоукрашенным, удобным и ласкающим их чувства, – пусть даже такие люди знали бы все тайны и говорили о высочайшей духовности.

Кто видит себя призванным к достоинству дочери и невесты Царя всех царствующих (1 Тим. 6, 15), чьи внутренние покои должны быть столь славными (Пс. 44, 14), чтобы стать жилищем и обителью высочайшего Божия величества (Ин. 14, 23), – тот будет с такой тщательностью убирать, украшать и приготавливать сие жилище, что у него совершенно отпадёт желание занимать себя всякими внешними нелепостями. Смотрите, каким украшением должны мы блистать: *сокровенным сердца человеком, в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом* (1 Петр. 3, 4).

30. Если у сих *других* мы видим легкомысленное обращение их чувств во вне, когда чрез не необходимое и необдуманное слышание, зрение, говорение и течение помыслов их сердца становятся как бы распахнутыми навстречу творениям, – то наши сердца да будут *запертым садом и запечатанным источником* (Песн. 4, 12),

открытым одному только Возлюбленному наших душ. Как духовным священникам, нам надлежит при входах в Его врата (Притч. 8, 34) день и ночь чаять Его покров и защиты; и поскольку мы веруем, что Господь соприсутствует нам в храме нашего сердца, мы обязаны, из достодожного благоговения пред Ним, соблюдать свои уста, мысли и чувства в воздержании и святом безмолвии. Когда мы говорим, *да говорим как истинные слова Божию* (1 Петр. 4, 11), *как от Бога, пред Богом, во Христе* (2 Кор. 2, 17).

Подумайте сами, возлюбленные братья и сёстры: мы, которым дано слушать Господа Славы (Пс. 84, 9), созерцать Его (2 Кор. 3, 18) и обращаться к Нему (Пс. 18, 15) внутри нас, – как можем мы нанести Ему такое бесчестие, когда мы как бы оставляем Его там, а сами убегаем наружу, к видимому, тленному и преходящему? О величайшее нечестие! Напротив, наше безмолвное, внимательное, отрешённое, сосредоточенное вовнутрь жительство должно для всякого являться примером внутренней сокровенной святости (4 Цар. 4, 9) и страха Божия, – как и досточтимый Берньер-Лувины хвалил своего духовного наставника после его смерти: «Когда я рассеиваюсь, то одно воспоминание о нём всегда поставляет мою душу в присутствие Божие и даёт мне силу и мужество ревностно трудиться над истинными добродетелями»¹⁷.

31. Если сии *другие* прилепляют свою любовь то к одному, то к другому творению, ища и находя в них радость, утешение, услаждение и увеселение, – то наши сердца, наше стремление и вся наша радость и любовь да будут, в подлинно девственном целомудрии, вечно обращены к одному Жениху наших душ. В нас и так слишком мало любви, чтобы как должно любить столь бесконечное Благо, достойное полноты любви, – как же мы можем отнимать от этой нашей малой любви ещё нечто, обращая её на другое? Да к тому же, что такого мы найдём в бедных, жалких и тленных творениях, чего бы мы в высочайшем совершенстве и в бесконечном преизбытке не могли бы вкусить в Самом Творце ещё и при этой жизни (Мф. 19, 29)? Посему да говорит наше сердце всякому благу, которое не является сим единым и высочайшим Благом: «я не нуждаюсь в тебе»!

32. Одним словом: мы должны жительствовать, умерев для всякого творения, и проводить сокровенную жизнь со Христом в Боге – жизнь святости и богообщения, смирения и кротости, простоты и невинности, любви и милосердия, целомудрия и воздержания. Кратко сказать: жизнь пред Богом и в Боге.

¹⁷ Letters Vie illum. Письмо 35, стр. 283 [источник не установлен. Настоящий трактат, как уже упоминалось, первоначально составлял предисловие к составленной Терстегеном книге Берньера-Лувины «Сокровенная жизнь со Христом в Боге»].

33. Но, возлюбленные, как при всём вышесказанном, так и при прочих наших отношениях с Богом и людьми попекитесь наитщательнейшим образом хранить себя от всякой вычурности, притворства, искусственности и того, чтобы «делать вид». Эти пороки столь сильно укоренены в нас, что часто без нашего осознания, не грубым, но самым тонким образом пятнают наши действия и всю нашу жизнь и чрез сие похищают у души всякую свободу, мир и простосердечие. Не человеками, кои видят только внешнее, но чистейшим сущностным светом Божиим (1 Ин. 1, 5) должны побуждаться, направляться и обуславливаться все наши слова и дела, вид и поведение, мысли и сердечные чувства (Фил. 2, 5; Евр. 4, 12). Нам надлежит стремиться к тому, чтобы не казаться святыми, а святыми быть – и быть только в очах Божиих, *испытующих сердца и внутренности* (Откр. 2, 23), а не в глазах людей. Пред лучами сего вечного *Солнца правды* (Мал. 4, 2) мы должны постоянно и по истине держать глубины наших душ чистыми и открытыми, дабы мы могли безыскусно и беспрепятственно придти к *простоте и богоугодной искренности* (2 Кор. 1, 12). Бог есть *Бог истины* (Пс. 30, 6), и посему нам надлежит также жить в истине и сердечной простоте (1 Ин. 1, 7; 3 Ин. 4), если мы хотим иметь общение с Сим чистейшим Существом.

34. Итак, да не будет с нами того, чтобы, зная всё сие и видя себя призванными к *особенному* (Мф. 5, 47), тщательно проводимому христианскому жительству, мы по этой причине воображали о себе нечто великое и превозносились над другими христианами, или, тем более, относили к себе те или иные почётные духовные именованья или преимущества, а других считали ниже себя, а то и вовсе уничижали или презирали их. Именно этим мы бы явили, что пусть в нас и есть некий свет, но сути и опыта подлинного внутреннего христианства в нас нет вовсе – ибо существенным свойством, признаком и мерилom истинной внутренней жизни является глубочайшее смирение и искреннее самоумаление. Если мы действительно имеем некоторый опыт и преуспевание в сей божественной жизни, то помазание от Духа непременно будет научать нас, что нам надлежит приписывать всё не собственным усилиям и верности, но дару благодати и силе Божией. *Что мы имеем, чего бы не получили* (1 Кор. 4, 7)? Если мы освящаемся и спасаемся, то это по благодати, и *сие не от нас, Божий дар* (Еф. 2, 8). Зачем мы обольщаем себя? Если в нас есть нечто доброе, то оно не от нас, и не наше; оно является и остаётся Божией собственностью, а Он может взять Своё и обратно.

35. И если так обстоит дело в отношении нашего благочестия и наших добродетелей, то тем более мы не должны почитать себя чем-то особенным и питать своё самодовольство ради тех или иных духовных и божественных даров, духовной радости, сладости и просвещения, пусть даже это были бы видения и откровения. Хотя нам надлежит принимать дары Божии со всяким благодарением, но ни в каком случае себе их не присваивать – так, чтобы всякое мгновение мы были бы готовы без малейшего сожаления вернуть оные их Дателю и в Нём одном, а не в Его дарах, искать свой покой. Ах! сколь многие, обладающие этими дарами, ощущениями благодати и т. п. думают о себе, что они благоговейны, святы и ведут совершенную внутреннюю жизнь, в то время как они, вместо необходимого самоумаления и смирения пред Богом и всяким творением, исполнены самолюбия, своеволия и самоугодия! Написано: *радуйтесь о Господе* (Фил. 4, 4), и: *радуйтесь, когда впадаете в различные искушения* (Иак. 1, 2), – о дарах же сказано: *не радуйтесь им* (Лк. 10, 20). Не столько чрез действие и вкушение, сколько чрез приемательность и страдания должны мы совершенствовать себя (Евр. 2, 10) и соединяться с Богом. Крепко запомним, что суть христианства и истинной святости состоит не в дарах или в чём-то подобном, но в том, чтобы умереть самому себе и всякому творению и проводить сокровенную жизнь со Христом в Боге и пред Богом.

36. Я говорю: «со Христом», ибо – ах! как скоро исчезает всё то, что не основано на Христе (1 Кор. 3, 11)! Единственное истинное и непоколебимое основание внутренней жизни есть внутреннее (или мистическое) единение и общение в вере с Иисусом Христом. Подлинность и незыблемость нашей святости не зависит ни от наших добрых мыслей и намерений, ни от нашей воли и подвижничества, ни от «законнического» напряжения всех наших сил (Рим. 9, 16). Мы знаем, что говорит наш высочайший Учитель внутренней жизни: *если пребудете во Мне, то принесёте много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 5). О! если бы мы только крепко веровали слову нашего Спасителя и соответственно этому жили! А это значит – в глубочайшем сознании своей немощи изойти из самих себя, всем сердцем и душой, с внутренним устремлением и жадной веры, приинкнуть к Сему единственному Источнику всякой благодати и святости и *принять от полноты Его благодать на благодать* (Ин. 1, 16). Будем же, отвращая свою любовь от всякого творения, постоянно обращаться к Нему и в Него, и привыкать непрестанно детски пребывать в Нём при всех без исключения обстоятельствах нашей жизни. Тогда животворящая сила Его Духа, вливающаяся внутрь нас, всё более и более будет освящать наше тело, душу и дух (1 Фесс. 5, 23), – и тогда мы увидим: Марфа ли, с её бесчисленными

попечениями и суетой, кажущимися добрыми, или Мария, безмолвно сидящая у ног Спасителя, достигла *благой части*, одного того, что *только нужно* (Лк. 10, 42).

37. Когда же мы, возлюбленные братья и сёстры, увидим себя *искупленными* от земли и *соделавшимися царями и священниками Богу нашему* (Откр. 5, 9-10); когда мы возьмем в глубине наших душ *надёжный доступ и дерзновение* (Еф. 3, 12) *входить во святилище* (Евр. 10, 19) пред лице Божие, – то не забудем воздать за сие славу, честь и благодарение единой драгоценной Крови примирения Господа нашего Иисуса Христа (1 Петр. 1, 18-19; Рим. 3, 25; Рим. 5, 11; 2 Кор. 5, 18; Еф. 1, 7; Еф. 2, 13; Кол. 1, 20; Евр. 9, 12-14). Только чрез неё мы получаем таковую благодать, и только чрез неё отверзается нам и пребывает для нас всегда отверстым путь к Богу. Поистине, если бы Иисус Христос семнадцать столетий тому назад не умер бы и не воскрес за нас, то для нас, бедных и падших творений, путь к подлинному освящению и общению с Богом был бы навсегда закрыт.

Я особенно подчёркиваю это потому, что тех, кто посвящает себя тщательному, внутреннему христианскому жителю или свидетельствует о нём, постоянно обвиняют в том, что они якобы мало почитают, а то и вовсе унижают дело спасения, совершённое для нас Христом. Не стану отрицать, что многие из них, ещё недостаточно смирившиеся чрез внутренние кресты, нищету и страдания, употребляют порой чрезмерно резкие и неосторожные выражения, с излишней ревностью противостоя всеобщему злоупотреблению – когда уповают только на вероучительные истины. Но все подлинно просвещённые души, даже и мистики среди католиков, восславляли и почитали заслугу Господа Иисуса Христа для нашего примирения и оправдания поистине несравненно выше, нежели большинство их обвинителей. Мы же, о избранные души, да исповедуем со смиренной благодарностью, что если бы у нас не было «Христа для нас», то мы никогда не обрели бы «Христа в нас»¹⁸. И если бы мы возвысились в сей или будущей жизни и до чистейшего и высочайшего созерцания Божества, то и тогда сия истина всегда должна быть для нас внутреннейше усладительной и драгоценной – ибо *закланный за нас Агнец достоин принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение*, ибо Он *Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему* (Откр. 5, 9-14).
Ей, аминь!

¹⁸ [См. прим. 31 к пятому трактату.]

38. К Тебе обращаюсь я, благословенному Спасителю Иисусу, Своєю смертью и воскресением открывшему нам сию сокровенную божественную жизнь (2 Тим. 1, 10). Ах! да настанут же скоро столь чаемые блаженные времена, когда вместо всех человеческих преданий, измышлений и раздоров вновь явится в своей первой силе и плодоношении сие оправдывающее и спасающее внутреннее христианское жительство во всех народах, дабы они добровольно покорили свои сердца Твоему владычеству любви¹⁹! Моё же единственное желание, о сладчайший Иисусе – чтобы Ты *освятил* меня *истиною Твоею* (Ин. 17, 17). *Укрывай меня*, о мой Первосвященник, всё глубже *под покровом лица Твоего*; *сокрой меня под сенью Твоею* (Пс. 30, 21) от всякого обстояния! Сохрани, продолжи и соверши во мне Своё благодатное дело, чтобы всякая падшая и самолюбивая жизнь во мне прешла и умерла, и чтобы не было во мне никаких мыслей и чувств, желаний и действий, кроме тех, которые происходят от Тебя и Твоего Духа, к вечной славе Твоего Отца! Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Об истинной мистике

(из частного письма)

Возлюбленный о Господе брат!

1. Два Ваших письма я получил. Внутренняя моя склонность к сокровенной жизни со Христом в Боге является причиной того, что я никогда не желал умножать круг своих знакомств и увеличивать переписку. Однако Бог, вопреки моей воле, всё время прилагает мне то и другое; я же не хочу и не могу ни в чём противиться Его деснице. Ныне я выкроил время, дабы в простоте засвидетельствовать Вам, что моя сердечная любовь – с Вами, что я часто вспоминаю о Вас в духе любви Господа Иисуса, и что Ваши письма всегда приятны и любезны мне.

2. Я очень рад, что Бог даровал Вам тяготение к вхождению внутрь себя и вкус к внутренней жизни. Быть призванным к сей драгоценной жизни есть великая и ничем нами не заслуженная благодать Божия, на которую мы должны откликаться со всей возможной искренностью и верностью.

¹⁹ [Отголосок весьма распространённого в реформатском пиетизме хилязма – учения о тысячелетнем царстве Христа на земле перед окончательным концом света (в целом Терстеген не придерживался этого учения).]

Бог призывает нас к общению с Собой. Он хочет приуготовить нашу душу Себе в жилище и храм, дабы в сем внутреннем святилище мы созерцали Его прекрасное богослужение. О, какова Его милость и благоутробие!

Если же излияние любви Божией в наши недостойные души столь велико, то и мы должны быть полностью открыты и приемательны для Него, дабы ни в единой мелочи не воспрепятствовать сему вечному Благу, желающему, чтобы мы всецело принадлежали только Ему.

3. Существовать всецело для Бога – вот истинная сокровенная сердцевина внутренней, или мистической, жизни. Люди составляют себе об этом самые диковинные и отпугивающие представления, – но мы именно так и живём, когда Христос Сам становится нашей жизнью.

А христианская жизнь, которую люди выдумывают себе, жизнь, душой и источником которой является не Сам Христос, внутренне обитающий в глубинах нашего сердца, – вовсе не является тем, чем она именуется; но она есть только некая мёртвая личина и внешняя оболочка без жизни и силы.

4. Посему нам надлежит прекратить свои самоизмышлённые действования, истинно предать Господу Иисусу наши сердца, по-детски пребывать с Ним внутри наших душ и предоставить Ему всякую свободу действовать в нас Своим Духом.

Нет ничего проще, прекраснее, плодоноснее, прочнее, чем сия сердечная жизнь. Её подлинное познание и опыт приходят не от чтения, усиленных размышлений и т. п., но чрез умирание самому себе и миру и чрез любовь; и сия жизнь есть больше дело Духа Иисуса Христа в нас, нежели наши собственные действия.

5. Направлять всё своё внимание на побуждения и действования Сего Духа, покоряться Ему и следовать Ему – вот что делает нас внутренними и духовными людьми. Если человек лелеет Сей Дух любви, то Он приносит в его душу ум и смысл *Христов* (1 Кор. 2, 16), формирует её по Его образу (Фил. 2, 5; 2 Кор. 3, 18) и всё глубже вводит её в отвержение себя и всякого творения и во всецелое предание себя Богу. Происходит это так неприметно, как образуется дитя в материнской утробе.

Бог требует этого от нас не с законнической строгостью, но Сам вводит последующую Ему душу вовнутрь, давая ей, в противоположность её самости, вышеестественное сердечное желание и стремление *следовать за Агнцем, куда бы Он ни пошёл* (Откр. 14, 4).

6. Чем больше мы внутри «прибраны» и пребываем в мире и благоговении, тем лучше и чище мы проводим свою христианскую жизнь.

7. Особое делание молитвы или внутри-собрания нужно нам главным образом для того, чтобы детски предоставить себя нашему *кроткому и смиренному сердцем Пастырю* (Мф. 11, 29; Ин. 10, 11), дабы Он во всём совершенно владел и правил нами.

И здесь не имеет силы никакая своя деятельность, никакие формы – они могут только воспрепятствовать. Нужно стать простой бесформенной глиной в руках Горшечника, и сия преисполненная любви рука вылепит нас по Своему образу.

Она введёт нас в безыскусную простоту и в сладчайшее смиренное расположение духа; она соделает нас кроткими и несвоевольными; она научит нас отказаться от всех собственных замыслов, планов, намерений и т. п. и чисто устремляться к Богу. Она поставит нас в состояние совершенного отстранения от всякой самолюбивой жизни и от всего того, что чуждо Богу, – когда Бог становится единственным и всецелым сокровищем для души и воссиявает в ней, как Ему угодно. *Блажены те, кои таким образом всё больше забывают свой собственный дом и живут в доме Божиим: они непрестанно будут восхвалять Его* (Пс. 83, 5).

Сие и да будет отныне для нас всем содержанием нашей жизни, о возлюбленный мой брат – слепо и безоговорочно следовать Тому, Кто *призвал нас* таким *святым званием* (2 Тим. 1, 9). Хоть сам я нищ и убог, но я уверен, что Бог хочет, чтобы *Его искали* (1 Пар. 16, 11) именно на этом пути и *служили Ему в духе и истине* (Ин. 4, 24) именно таким образом.

8. Истинная внутренняя жизнь не есть какая-то опасная или новая вещь, – но древнейшее истинное богослужение, христианское жительство в его простоте и подлинном виде. Души, по-настоящему живущие внутренней жизнью, не составляют никакие особые секты. Если бы всякий человек следовал учению и жизни Иисуса, Его Духом, то, несомненно, все были бы *едины* (Ин. 17, 22) и пребывали бы обращёнными внутрь себя. Тогда мир был бы исполнен мистиков, то есть таких людей, кои жительствоваали бы не по одной лишь видимости во внешнем, но достигали бы состояния *сокровенного сердца человека в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом* (1 Петр. 3, 4).

9. Впрочем, не знаю, что ещё и написать Вам, поскольку Вы, возлюбленный брат, получили от Господа уже достаточное удостоверение на сем пути. Только бы нам оставаться с Господом, и, всё более углубляясь во внутреннее, предавать себя Ему. Ибо Он неизреченно благ к уповающим на Него, также и среди искушений и испытаний. В Нём и да обретём мы *всякое довольство* (2 Кор. 9, 8) во веки.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Краткое изъяснение того, что есть мистика

(из частного письма)

Возлюбленный о Господе брат!

Какого только горького сожаления не вызывает у меня то, что внутренняя христианская жизнь совсем неизвестна, а то и вовсе считается подозрительной и опасной среди многих благочестивых христиан, особенно среди учёных! Но именно потому она и подозрительна, что неизвестна. Недавно я узнал, что один хорошо знакомый мне благочестивый проповедник высказал весьма странные суждения об этом предмете. Чтобы убедить его переменить свои мысли к лучшему, я написал приводимое ниже письмо, в котором изъясняется, что мистическое богословие есть именно то, что мы обыкновенно именуем «внутренней жизнью» или «богословием сердца». Господь да пребудет с нами!

Мюльхайм-на-Руре, 5 сентября 1768 г.

1. Вы желаете знать, что, собственно, нужно понимать под «мистикой» или «мистическим богословием». Я отвечаю: в точности этого не может сказать никто, за исключением того, кто сам является мистиком. И уразуметь этого должным образом никакой человек не может, если только он сам не идёт по этому пути.

2. Я, со своей стороны, сознавая свою малость и недостаточность, могу лишь подписаться под тем, что говорили о сем предмете великие пред Богом и всеми знатоками (но ненавидимые миром) мужи и верные свидетели Божии среди протестантов, Арнольд и Пуаре²⁰. Но Вы, тем не менее, хотите знать также и мои мысли.

²⁰ И не только они: у реформатов богопросвещённый проповедник Лоденштейн в своём сочинении «Созерцание Сиона», стр. 42 и слл., выступает в защиту древних мистиков, а у лютеран г-н профессор Вайсман в «Церковной истории», т. 2, стр. 251 и слл., вступает за мистиков нового времени. [Пьер Пуаре (1646-1719) – французский богослов-реформат и философ, мистик. С 1680 г. проживал в Голландии, занимаясь обширной книгоиздательской деятельностью. Йодокус ван Лоденштейн – см.

3. Если бы я сказал Вам: мистика есть то, что Давид в 50-м Псалме называет *истиной в сердце и внутренней мудростью* (Пс. 50, 8), а Апостол Павел – *тайной, сокровенной премудростью Божией*, о которой можно говорить только *между совершенными* (1 Кор. 2, 6-7), – то Вы ответили бы мне: «Это звучит весьма мистично, но только из этого я всё же не узнаю, в чём именно состоит мистика».

4. Если бы я стал говорить Вам (и это сушая правда), что мистика есть не что иное, как само христианское благочестие, или богообщение, в подлинной своей силе, красоте и совершенстве, – то Вы сказали бы мне: «Да, это прекрасные слова; но этим ещё не разъясняется, в чём, собственно, заключено дело».

5. Если бы я, наконец, воззвал к Вам: «тогда сами станьте мистиком, и Вы поймёте, что это такое», – то это было бы повторением того, что я уже говорил вначале. Я мог бы сказать Вам, что Вы должны делать, дабы подлинно уразуметь сие; но мне следует исходить из того, что на данный момент Вы есть тот, кто есть, и не сможете воспринять больше, чем это позволяет Ваше состояние. Поэтому я буду пытаться изъяснить Вам сей предмет другими словами.

6. Мистики не образуют никакого отдельного сообщества; у них нет своего особого учения, разнящегося от учения тех церквей, в которых они пребывают. Они уподобляются сынам Левия, наследием коих был Сам Господь (Втор. 10, 9). Последние не имели ни собственного удела на земле, ни своей религии, отличающей их от прочих колен Израилевых; и жили они расточенно среди всех сих колен.

7. Так и среди римо-католиков, среди протестантов, среди греческой церкви могут обретаться мистики, не претендуя на какие-либо особые вероучительные положения или религиозные действия. Я не хочу этим сказать, что все церковные сообщества должны быть для нас одинаковы. Отнюдь нет! Правильное исповедание основополагающих истин, требуемых для нашего спасения, необходимо. Во всём же остальном каждый обязывается руководствоваться собственной совестью, насколько он полагает верным пред Богом и согласным с Писанием то, как он думает и как действует²¹. Сепаратист²² тоже может стать мистиком, хотя подлинному мистикому вовсе не так легко стать сепаратистом, поскольку он имеет дело с неизмеримо более важными вещами.

прим. 1 к пятому трактату. Эберхард Вайсман (1677–1747) – пиетист, профессор богословия в Тюбингене.]

²¹ Именно поэтому человеку совсем не нужно переходить из одной церкви в другую на том основании, что, как он слышал или прочитал, в другой церкви «больше святости или духовной жизни». Это было бы, несомненно, большим и опасным неразумием.

²² [См. Предисловие, прим. 13.]

8. Мистиков никак нельзя шельмовать как энтузиастов. Невинное слово «энтузиаст» понимается сегодня исключительно в отрицательном смысле²³. На самом же деле вреднейшими энтузиастами являются те люди (учёные и неучёные), которые выдают себя за посланников Божиих и орудия в Его руке, и хотят, чтобы их собственные фантазии, мнения, повеления, ревностные действия и речи почитались и принимались как Божие слово – при том, что делами обнаруживается, что руководствуются они вовсе не Духом Святым, но духом мира сего и своей падшестью. Такие люди совсем не принадлежат к тем, коих Апостол именовал *сынами Божиими* и от коих требовал, чтобы они *все* непременно и истинно имели живущего в них *Духа Божия*, Которым они были бы *водимы* (Рим. 8, 14) и Который бы правил ими и совершал в них всё, что только истинно, свято и спасительно (Фил. 4, 8), – как *то* являли бы плоды их жизни (Гал. 5, 22-23).

9. Не безумие ли, достойное всякого оплакивания – когда многие богословы, диспутируя со своими противниками (пелагианами, социнианами²⁴ и проч.), ревностно и смело отстаивают необходимость внутреннего действия Духа и благодати, ибо так требует христианское учение; когда же им доведётся столкнуться с людьми, действительно имеющими и ощущающими в себе сие спасительное действие Духа, эти же богословы сразу отвергают их как энтузиастов и мечтателей? Как будто не поётся каждое воскресенье во всех церквях:

*Помышлять о благе,
добрые дела творить –
всё сие Твой Дух в нас производит²⁵!*

10. Видения, откровения, голоса, прорицания и прочие экстраординарные явления хотя и могут непреднамеренно встречаться у мистиков, но к сути мистики они совсем не принадлежат. Наоборот: все опытные мистики призывают к наипрожайшей бдительности в отношении таких вещей.

²³ «Энтузиаст», собственно, значит: тот, кто имеет божественное побуждение и вдохновение. [В терминах раннепротестантских споров «энтузиасты» – то же, что и «мечтатели» или «спиритуалисты», то есть все те, для которых источником богопознания и богообщения служили прежде всего не Священное Писание и церковные Таинства, а личный внутренний религиозный опыт: «внутреннее слово» и т.п. Важнейшая символическая книга Лютеранской Церкви, «Формула Согласия», определяет энтузиастов так: «Энтузиасты... воображают себе, что Бог без всяких средств – без слышания Божественного слова и без отправления Святых Таинств – привлекает к себе людей, просвещает, спасает и оправдывает их» (Детальное изложение, Артикул II. Книга Согласия. Фонд «Лютеранское наследие», 1998, стр. 669).]

²⁴ [Пелагиане – последователи Пелагия (V в.), утверждавшего, что первородный грех не изменил природы человека, поэтому для спасения достаточно его собственных усилий. Социниане – см. прим. 7 к пятому трактату.]

²⁵ [Церковная песнь из ежевоскресного богослужения Лютеранской Церкви «*Liebster Jesu, wir sind hier, / Dich und Dein Wort anzuhören*» («О Иисусе, все мы здесь, / чтобы услышать нам Тебя и Твоё слово»), 2-я строфа. Автор – Тобиас Клаузитцер (1618–1684)].

11. Также мистики вовсе не склонны разглагольствовать о высокой духовности; они не экзальтированы, не употребляют высокопарных и цветистых выражений, но говорят то, что они испытали, и так, как это можно точно выразить теми словами, которым их *научает Дух Святой* (1 Кор. 2, 13). И вообще говорят они мало, делают же и страдают много; они отрешаются от всего; они *непрестанно молятся* (1 Фесс. 5, 17); сокровенное обращение с Богом во Христе – вот вся их тайна.

12. Необходимо различать мистику и теософию. Подлинные теософы в собственном смысле этого слова²⁶, коих от апостольских времён известно очень мало, все были мистиками; но мы бы весьма ошиблись, сделав вывод, что и все мистики должны быть теософами. Среди тысяч мистиков вряд ли обрящется один теософ. Теософы – это те, дух которых (не рассудок) водительством Божиим *проникает глубины Божества* (1 Кор. 2, 10) и в неложном созерцании познаёт Его великие чудеса. – Из вышесказанного уже можно уразуметь, что есть мистика; но я продолжу.

13. Термин «мистика» понимается иногда в широком, иногда в узком смысле. В широком смысле мистика есть не что иное, как деятельное богословие, или осуществлённое благочестие, в той мере, насколько оно основывается на благодати и изменении сердца – то есть не на естественной морали.

14. В узком, и собственном, смысле словом «мистика» обозначается та степень опытного познания Бога, которую Павел и все мистики после него именуют *просвещением*, к коему призваны уже *уверовавшие, запечатленные обетованным Святым Духом* (Еф. 1, 13; 17-18). Такое просвещение значительно отличается от первого, начального просвещения (Деян. 26, 18; Евр. 10, 32).

15. К этому же значению слова «мистика» относится также: *пребывание* в Иисусе (Ин. 15, 4); прилепление к Богу, *чтобы стать одним духом с Ним* (1 Кор. 6, 17); *хождение пред Богом*, в присутствии Божиим (Быт. 17, 1); *поклонение Богу в духе и истине* (Ин. 4, 24); деятельное и примательное *очищение от всякой скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 11) – которое есть нечто иное сравнительно с *начальным очищением от мёртвых дел* (Евр. 6, 11); *излияние любви Божией в сердце* (Рим. 5, 5) – той любви, которая *изгоняет* всякий страх (1 Ин. 4, 18); *помазание, учащее нас всему* (1 Ин. 2, 20); *созерцание славы Божией открытым лицом* (2 Кор. 3, 18); *явление* или *вселение Бога* в душу (Ин. 14, 21; 23) – для верующих Коринфян это было ещё чаемым обетованием (2 Кор. 6, 16); жизнь Божия, когда человек, или его «я», *уже не себе живёт, но Христу, живущему в нём* (Гал. 2, 20); *жительство на небесах* (Фил. 3, 20);

²⁶ [Здесь имеется в виду не «теософия», как она мыслится сегодня – оккультизм в духе Е. П. Блаватской, а теософия в понимании древних – как «богомудрие», «богознание». В «Ареопагитиках» термин «теософия» равнозначен термину «теология». См. также прим. 1 ко второму трактату.]

мир Божий, который превышает всякого ума (Фил. 4, 7); *совершенное бытие в единстве* (Ин. 17, 23) и т. д.

Всё сие (равно как и многое другое), что мы привели дословно из Священного Писания, и является мистическим богословием, о котором люди составляют себе столь превратное представление.

16. Но не во всех благочестивых христианах (даже и тех, коим весьма способствует благодать) все эти вещи обретается сразу и в полной силе. Не вдруг, не одним и тем же образом, не в одинаковой мере и совершенстве изливает Бог в душу сие вышеестественное благо («вышеестественное» и «мистическое» и есть одно и то же), – но по очищению души, по устранении из неё всего, что не есть Бог и Божие, по силам и способностям сосуда (2 Тим. 2, 20-21). Высшее Благо преизбыточно, и всегда готово давать Себя: *отверзи уста твои, и наполню их* (Пс. 80, 11). Ах! но только жаждущий человек не хочет принимать сего!

17. Патриархи, просвещённые святые Ветхого Завета, первые христиане, горевшие духом, совершенно отстраняли себя от всего не Божьего и всецело обращались к Богу, полностью предавая себя Его руководству. Все они поэтому были истинные мистики, и каждый в свою меру испытывал и вкушал вышеупомянутые и иные чудеса общения с Богом.

18. При последующем затем отпадении христианства от первого горения и чистоты, невзирая на таковое отступление, оставались ищущие Бога благочестивые души, коих Бог, *Спаситель всех человеков* (1 Тим. 4, 10), не отвергал, но благодетельствовал им и поддерживал в них малую благодать. Но поскольку очищение христиан от того, что не есть Бог и Божие, повсеместно стало крайне недостаточным, их внутри-собрание – непостоянным и несовершенным, и все их духовные качества и свойства – болезненными и слабыми, то Господь, хотя и принимал с благоволением то малое, что они могли сделать (если только их делание было искренно), давая им, по мере каждого, Свои блага и помогая им приближаться к Себе сообразно с их обстоятельствами, воззрениями, внутренним расположением, их мужеством и верностью, – но почти все сии души не двигались дальше участия в церковных благодатных чинах, знания по букве (2 Кор. 3, 6), общепринятого внешнего молитвословия и некоторых духовных чувств, по временам ощущаемых в сердце. Их пастыри и руководители сами не знали и не желали ничего большего. По этой причине внутренняя жизнь, или мистика, становилась всё более редкой и неизвестной, и, наконец, и вовсе подозрительной. Несовершенства и всяческие немощи получали успокоительное для себя оправдание, а чаяние действия Духа Божия во внутреннем

человеке, давание Ему в себе места и подчинение себя Его вождению (Рим. 8, 14) объявлялось ересью и «энтузиазмом». И так обстоит дело в христианстве и до сего дня.

19. Непременным условием для мистика является безоговорочное принятие истин Священного Писания, в особенности истины совершённого Христом примирения нас с Богом. Но мистик не должен ограничиваться тем, чтобы всегда только лишь созерцать сии истины и восхвалять их; ему надлежит главным образом стараться о том, чтобы построить на этом фундаменте прекрасное здание *из золота, серебра и драгоценных камней*, – по каковой причине он не может останавливаться на *дереве, сене и соломе* всяких второстепенных вещей (1 Кор. 3, 11-12).

20. Однако же истинный мистик может, сообразно с обстоятельствами, с нелицемерным благоговением и сердечной сладостью читать, слушать и говорить даже о *первых начатках учения Христова* (Евр. 6, 1). Ничто не является для него малым и не заслуживающим интереса, что возвещает о божественных предметах, свидетельствует о них и на них указывает. Всё, что он видит в Боге и во всём божественном, является для него великим; малое же для него – всё видимое (2 Кор. 4, 18). В свете этого он сам, без всякого смущения, становится поистине мал (Мф. 18, 4). Высокомерный и гордый мистик – невозможное дело; выражение, противоречащее самому себе.

21. В заключение я должен сказать ещё и то, что я крайне сожалею, что в наше время всё внимание у нас направлено только на начальное обращение к Богу, а на необходимости дальнейшего освящения никто не настаивает, хотя Писание со всей ясностью во многих местах свидетельствует об этом. Никто не говорит о радости и блаженстве сего пути. Быть спасённым и быть святым – это одно и то же²⁷; только в сей жизни дело спасения и святости совершается поступенно, под крестами, искушениями и испытаниями, в будущем же веке является в полном вкушении и непреходящей славе. И даже начало нашего спасения, когда нам прощаются грехи (Пс. 31, 1), уже предполагает начатки освящения чрез истинное покаяние и веру.

22. Но здесь очень важно предостеречь, что таковое освящение не должно искать или полагать в каких-либо внешних вещах, действиях или делах. Всё таковое, в лучшем случае – лишь *детоводители* (Гал. 3, 25) и подпорки внутреннего освящения (или уже его плоды). Если в этом внешнем полагать саму суть и возлагать на него своё

²⁷ Упомянутый выше богопросвещённый проповедник Лоденстейн во всех подробностях доказывает это в одной из своих книг.

упование, то, вместо благодатного средства, оно станет только препятствием для благодати.

23. Подлинное же освящение, по Писанию, состоит в действенном очищении от падшести и повреждения и в *обновлении внутреннего человека* (2 Кор. 4, 16) *от славы в славу* (2 Кор. 3, 18), *по образу Того, Кто сотворил нас* (Кол. 3, 10), – или, что то же, в уподоблении Иисусу Христу. И этого да ищет человек, отвергая всё прочее, чрез сердечную молитву и *внутри-собрание*²⁸, исключительно во внутреннем сообщении и единении с Богом. Ибо Он неизреченно близок нам во Христе, дабы *силою воскресения Его, духом святыни* (Рим. 1, 4) поистине освятить, преобразить и оживить нас.

24. И именно это есть неложный путь к истинной мистике, или внутренней христианской жизни, в чём мистика, собственно, и заключается.

Пребывая Вашим братом во Христе,

Герхард Терстеген.

²⁸ См. об этом у Иоганна Арндта, «Об истинном христианстве», книга III, гл. 12.

Трактат VII

**Видимость и суть,
пустой облик и подлинная сила
благочестия, или служения Богу**

*Они имеют вид (облик) благочестия,
силы же его отреклись.*

(2 Тим. 3, 5)

Видимость и сущность благочестия

1. Поскольку у меня просят отзыва на присланное мне сочинение, то я отвечу кратко: *всё, что не имеет своим источником и основанием внутреннюю жизнь и Самого Бога во Христе, должно именоваться только видимостью, и никак не сутью, или существом, служения Богу.* – Из этого общего положения уже легко вывести всё прочее, что я могу сказать о данном предмете.

I

2. *Во-первых*, если в речах, делах, внешнем поведении и т. д. мы выставляем себя пред другими людьми иными, чем мы есть на самом деле (или чем хотим быть), как бы тонко и скрытно это не происходило, то мы *уклоняемся от простоты во Христе* (2 Кор. 11, 3). Такой образ жизни есть ложь, а не истина, или, говоря иначе, искусственность и притворство; видимость, а не суть, мерзость в очах Господа (Лк. 16, 15).

3. Не только то худо, когда мы представляем себя лучшими, чем мы есть. Не меньшим, а может быть, и гораздо большим злом и суетой является такой вид честолюбия, когда человек в словах, облике или каким-либо иным образом преувеличено и притворно выставляет себя хуже, беднее и несчастнее, чем он есть на самом деле (или и сам в это искренне верит).

4. Выше я намеренно употребил выражение «чем мы есть на самом деле, *или чем хотим быть*». Допустим, что человек зол, горд, гневлив, высокомерен и т. д., но от всего сердца стремится иметь противоположные сему добродетели. В силу этого он, по требованиям Закона Божия и своей совести, противостоит своим злым качествам и подавляет их, дабы они не прорывались наружу. И когда он так поступает, он не лицемерит и не притворяется (как раз он лицемерил бы, если бы, в то время как его сердце стремится к добру, а не к злу, он давал бы этим худым качествам проявляться). Однако если человек, подавляя в себе худое (например, гнев), по причине этого уверяет себя, что он уже сущностно обладает добродетелью кротости, или выставляет себя пред другими как образец кротости и смирения, – то он обманывает себя, имея видимость, но не суть, обличие, но не сущность сей добродетели.

5. О Господи! как глубоко вошли в падших людей лицемерие, притворство и желание делать вид! И как плохо мы видим сей порок в себе самих! Из-за непроглядной душевной тьмы и внутренней запутанности мы не замечаем, что у нас в

сердце, ибо мы мало пребываем в себе самих, и ещё меньше – в Тебе... Научи же меня, Боже, Ты, Который столь близок мне как сонне, так и внутри, чтобы всегда ходить мне пред очами Твоими в чистом свете Твоей истины, дабы я на всех своих жизненных путях действовал с Христовой простотой!

II

6. *Во-вторых*, из нашего основного положения (§ 1) следует, что всякая деятельность, направленная на служение Богу, которая не имеет своим корнем и основанием истинное благоговение сердца и *поклонение Богу в духе и истине* (Ин. 4, 24), является не чем иным, как только видимостью, маской, личиной служения Богу, но вовсе не его сущностью и сутью.

7. Здесь нужно отметить и то, что излишнее принятие на себя внешних благочестивых занятий не приносит пользы, особенно для душ, внутренне жительствующих в духе, – потому что из-за этого легко ослабляется благоговение и утомляются внутренние силы. Учитывая сие, душа должна тем не менее стараться, чтобы те немногие и соразмерные со своим состоянием занятия этого рода, какие она имеет, она исполняла с тем бóльшим благоговением и вниманием.

8. Впрочем, если в любом нашем внешнем служении Богу наличествует искреннее сердечное благоговение, тогда наши дела отнюдь не будут пустой и суетной видимостью, но будут угодны Ему, по мере нашего внутреннего состояния – особенно если мы ещё не достигли подлинного и всецелого поклонения Богу в духе и истине, ибо это не состоит во власти человека.

III

9. *В-третьих*, из первоначального нашего тезиса вытекает следующее. Всякий свет познания Бога и божественных истин, который мы получили сонне чрез то или иное посредство; или до которого мы сами дошли деятельностью нашего ума; или, если мы, восприняв от Бога в сердце и внутреннем разумении некий сущностный свет истины, передали его затем воображению и рассудку и от них составили себе те или иные представления, вывели из них следствия и заключения и достигли благодаря этим своим усилиям некоторое умножение познания (пусть это даже касалось бы духовнейших и внутреннейших путей христианства), – весь этот свет познания (каким бы он ни казался нам подлинным, прекрасным, воодушевительным и глубоким) на

самом деле есть только облик, но не суть истины; некая искусственная вещь, дело наших рук, образное представление, к которому наше самолюбие склоняется порой больше, нежели к самому предмету. В лучшем случае это есть спекулятивная (рассудочная) истина – когда полученное нами сущностное познание отражается и предстаёт в зеркале воображения, и таким образом мы рассматриваем некий прекрасный предмет в зеркале, видим его отображение, но не его самого.

10. Сказанным я вовсе не хочу отвергнуть все внешние средства и достигаемое ими доброе познание, если всё таковое употребляется должным образом и в подобающее время, ибо так можно далеко зайти. Я лишь указываю на то, что между средством и целью, между отображением и сущностью наличествует значительная разница. Образ может представить нам сущность, или предмет, и побудить нас к тому, чтобы мы возлюбили его; средство может привести нас к цели, и без первого мы, может быть, никогда не дошли бы до последней. Пользоваться всем этим в своё время, в должном порядке и надлежащей мере – весьма полезно и похвально. Но останавливаться на этом и считать, что мы уже получили саму суть и достигли самой цели – это будет крайне неразумно и вредно.

11. Спекулятивное, или рассудочное познание является предметом нашего ума (или деятельного разумения). Есть различные виды такого познания, сообразно состоянию, в котором находится душа. Сущностное же и созерцательное познание есть предмет нашего чистого, или приемательного разумения¹. Познание истины, происходящее от размышления – это более или менее напряжённая, трудная, охватывающая только те или иные частности деятельность ума, или рассудка (*Actus reflexus*); это познание никогда не имеет пред глазами сущностной истины, но лишь образ истины, как в зеркале. Созерцательное же познание – очень лёгкое, видящее всё непосредственно и прямо, в высшей степени простое дело внутреннего разумения, если только можно назвать делом (*Actum*) то, когда наше око видит и воспринимает свет. Кто имеет такое созерцательное познание, тот объемлет суть истины, по мере своего просвещения и благодати.

12. Ещё раз хочу подчеркнуть, что я отнюдь не отвергаю рассудочное познание как таковое. В конце концов, Сам Бог дал нам для него соответствующие силы – воображение и ум. Душе, ищущей Бога и Его истины, доброе рассуждение в своё время может иногда очень помочь и оказать большую поддержку. Да и просвещённые души никогда не смогли бы донести истину до других, если бы они в определённой мере не употребляли действующий ум, представляя людям суть вещей в более или

¹ [См. прим. 16 к первому трактату.]

менее образном виде. То правда, что когда человек проходит путь очищения и страдания и вступает в состояние приемательности, всё прежде достигнутое рассудочное познание для него как бы упраздняется и преходит; цветки опадают там, где появляются плоды. Когда в сердце приходит сущность и истина является сама, то отражение в зеркале должно быть завешено, дабы взгляд не перескакивал с одного на другое. Но по прохождении этого пути, по Божьему благоволению, человеку время от времени вновь даётся зеркало рассудочности, только уже гораздо более чистое, прекрасное и живое. После того, как мы сами и наши душевные силы и их деятельность будут очищены, Бог дарует нам иногда некое послабление – Он как бы выводит нас прогуляться вовне, чтобы мы рассматривали Его образы и могли рассуждать о Нём; и потом вновь вводит нас вовнутрь, чтобы мы созерцали Его Самого, Первообраз и Сущность истины. И таким образом, входя и выходя за своим Пастырем (Ин. 10, 3; Откр. 14, 4), мы всюду обретаем пажить и насыщение.

Но тут надлежит хорошо внимать следующему:

1) чтобы душа, проводящая внутреннюю жизнь, не слишком долго и не слишком часто задерживалась на таком внешнем действовании ума, и не всю себя предавала ему, наблюдая главным образом за тем, чтобы не сама она по собственному произволению бралась за сие, а Господь руководил ею;

2) чтобы душа не забывала время от времени, и как можно чаще, вовсе прекращать деятельность рассудка и образные размышления, дабы всецело предоставлять своё сердце чистым и приемательным Богу и сущностному свету Его истины. Иначе она подвергнется опасности не приметно утратить саму истину, разглядывая её образы и тени и принимая их за нечто сущностное.

IV

13. *В-четвёртых*, из нашего начального всеобщего тезиса мы научаемся, что всякая добродетель, всякое благочестие и добрые дела, не проистекающие, как из внутреннего источника, из единения веры с Богом во Христе и не являющиеся плодом благодатного изменения сердца, не есть то, чем они именуются, но представляют собой только личину, искусственную видимость, облик, но не суть. Поистине, если всё такое рассмотреть в свете Божиим, то из-за нашей падшести и повреждённости

нашей природы оно окажется скорее злом, нежели добром, «блестящими пороками», как говорил некто из отцов².

14. Этим я не хочу сказать, что всё, что не является совершенным добром, есть зло; или что человек не должен подвизаться в добродетелях прежде, чем он сможет совершить их безупречно, или пока он не удостоверится в действительном и полном благодатном изменении своего сердца. Если ищущая Бога душа делает добро, со всей искренностью намереваясь быть послушной Богу и угодить Ему, то это происходит не без благодати и вовсе не является худой и лицемерной видимостью – даже если душа и не достигла ещё всецелого изменения сердца, по каковой причине её добродетели не в чистоте проистекают из Христа. Она совершает делание добра потому, что ей предписывает это Закон Божий, и с помощью предваряющей благодати. Только нужно, чтобы она не почитала свои добродетели и свою верность в последовании Христу за нечто великое, поскольку на самом деле всё это является ещё очень человеческим и крайне недостаточным, будучи как бы некоей «пред-добродетелью», видимостью добродетели в сравнении с сущностной добродетелью, которую в своё время дарует душе Святой Дух. Также необходимо, чтобы душа не вменяла себе никаких своих дел, но погружалась со смиренным упованием в благодать, простираясь с внутренним вздыханием, верой и терпением к единению со Христом и ожидая в себе действия Его Духа. При этом совершенно не нужно и крайне вредно скрупулёзно, с малодушием и страхом, рассматривать все свои добрые действия. Пусть душа без смущения творит добро, как бы ни недостаточно оно было, в чаянии, что Господь очистит немощное, восполнит недостающее и соделает его совершенным (Евр. 13, 21). *Никто не благ, как только один Бог* (Мф. 19, 17).

V

15. *В-пятых*, когда мы хотим напряжением своих сил, трудом или какими-либо действиями умертвить и искоренить в себе зло, грех и самолюбие, то такими усилиями (пусть и предпринимаемыми с самыми добрыми намерениями) зло не умерщвляется и не искореняется действительно или сущностно, но лишь по видимости. Иногда оно кажется умерщвлённым, но на деле это не так: оно только спит или глубоко прячется, чтобы потом явиться на свет стократ худшим и опасным. Существенное, глубинное

² [«Все добродетели язычников – только блестящие пороки»; фраза, приписываемая блаж. Августину. Цит. по: Лев Шестов. Сочинения в 2-х томах. Том 1. М., 1993, стр. 178.]

искоренение и умерщвление зла в самых наших основах должен совершить в нас Бог; а мы должны это действие Божие страдательно³ воспринять.

16. Но прежде сего надлежит быть и нашим усилиям. Мы обязаны, сообразно со своим состоянием и полученной благодатью, противиться злу, подавлять его в себе, отвращаться от него действием всей нашей воли и внутренне алкать и жаждать совершенного избавления от него чрез Иисуса Христа. *Ах! да дастся Израилю помощь от Сиона, дабы Господь спас Свой пленённый народ* (Пс. 13, 7)! При этом мы должны знать, что эти наши усилия будут самоотвержением (Мф. 16, 24), распинанием (Гал. 5, 24), умерщвлением (Кол. 3, 5) – но не подлинной смертью и не действительным умиранием падшей и самостной жизни, что́ есть исключительно Божие дело и свободная благодать, приобщение смерти Иисуса Христа. Однако же никто не умрёт со Христом, если не будет сораспинаться с Ним.

17. Так, Господи! всё, что только может именоваться подлинным благом, добродетелью и святостью, должно быть исключительно Твоим действием и свободным даром благодати. *Sine tuo numine, nihil est in homine*⁴. Моё сердце без Тебя и Твоей благодати не имеет никакой жизни, никакой силы, никакого блага. Как легко это сказать! но сколь драгоценно, когда человек научится сему – если только он хочет по-настоящему познать жизнь во Христе, а не иметь пустую видимость такого познания. О, как стремлюсь и желаю я достичь Твоею благодатью опытного уразумения сути и истины сей жизни! И тогда пусть все мои собственные дела и добродетели прейдут и исчезнут во мне, дабы в день испытания устояло и возвеличилось одно Твоё дело (1 Кор. 3, 11)! Только да не отступит от меня никогда Твоя благодать, дабы рука Твоя не отяготела на мне (Пс. 87, 8). Ибо без Тебя я не могу ничего (Ин. 15, 5), и сам я есть ничто (Пс. 38, 6), и не имею ничего, кроме падшести и грехов.

VI

18. *В-шестых*, если всё то, что именуется «внутренней жизнью» (внутреннее благоговение, молитва и т. п.), не имеет в основе своей Духа Христова и подлинного отвержения себя самого и всего, что не есть Бог и Божие, а совершается нами только собственными усилиями и напряжением наших мыслей и чувств, – то всё таковое не

³ [См. прим. 1.]

⁴ [«Без Твоего воления человек беспомощен». Слова из средневекового гимна на праздник Пятидесятницы «Veni, Sancte Spiritus».]

есть сущность внутренней жизни, но пустой её облик и видимость, самообман и ложная «чистота сердца».

19. Вся тайна, вся суть истинной внутренней жизни заключается в одном – чтобы человек жил с Богом и пред Богом. Но это невозможно никому, кто не умрёт для самого себя и для мира сего. Прекрасно, когда человек, стремящийся к внутренней жизни, обуздывает и умирляет свои чувства, не даёт своим мыслям (и прежде всего сердечным помыслам) рассеиваться и бродить по бесполезным вещам, время от времени удаляется в некое святое уединение пред Богом и старается во всём жить воздержно и строго. Однако нужно хорошо понимать, что благодаря одним таким действиям он никогда не станет внутренним человеком. Для этого прежде всего необходимо, с Божией помощью и Его силой, отворотить своё сердце, радость, желание и любовь от всего сотворённого и обратить их к Богу, безоговорочно и всецело предать свою волю в Его руки и в простоте искать во всём только того, чтобы устремляться к Богу и не отводить от Него взор. Всякий раз, когда человек искренне подвизается войти в такое состояние духа, ожидая при этом действия Божия, сущностно и на деле вводящего его в оное, – то это подвизание должно заключаться во внутри-собрании, вне которого принуждать себя к благоговению и т. п. действием головы и силой напряжения своих помыслов будет и бесполезно, и вредно. Голова и всё прочее в своё время сами и без всяких усилий пойдут правильным путём, если только сердце и любовь будут предшествовать им.

20. Я не хочу сказать, что душа может обрести внутреннюю жизнь не прежде, чем она наперёд в совершенстве отречётся от себя и умрёт самой себе и всем вещам. Напротив – вышеупомянутое внутреннее обращение к Богу и пребывание с Ним является наилучшим, и, пожалуй, даже единственным средством для действительного духовного отрешения и умирания. Я лишь говорю, что душа так или иначе должна всей своей волей, всем своим существом искренне отстраняться от всего, что не есть Бог и Божие, дабы обратиться к Нему и войти в Него в своём сердце. Кто подвизается в этом, тот безопасен от всякого обольщения; и, внешне не делая ничего, он делает очень многое, пребывая с Богом таким образом.

VII

21. *В-седьмых*, из нашего общего начального положения вытекает то, что если мы в своём внутреннем делании не представляем себя Богу со всей открытостью и честностью, предавая себя Ему в крайней, детской простоте и смирении, но неким

образом тщимся предстать пред Ним иными, чем мы есть на самом деле и чем мы хотим быть, – то тогда мы обманываем себя, и всё наше делание в таком случае есть искусственная видимость, но не истина, личина, но не суть.

22. Я имею здесь в виду не только всех явных лицемеров, кои, притворяясь народом Божиим, *приближаются к Нему устами своими, сердце же их далеко отстоит от Него* (Мф. 15, 8). И среди благочестивых христиан нередко встречается некое тонкое двоедушие, когда в молитве и внутреннем делании они не с предельной честностью открывают пред Богом глубины своих сердец, но пытаются прикрыть свою наготу каким-нибудь фиговым листочком. Ах, чрез сколько нужно человеку пройти, чтобы он поистине захотел обнажить себя пред Богом! Даже и самые искренние души могут иногда неосознанно (а на деле – по недостатку внимания к сему) представлять Богу в молитве не то, что в них есть и что они видят в себе, или поворачиваться к Нему как бы иной стороной, иными изгибами сердца, чем теми, в которых они пребывают в действительности. Нередко это происходит от так называемого «добротного мнения», когда человек ведёт себя с Богом так же, как с подобным себе человеком. Чтобы произвести на кого-либо хорошее впечатление, мы обращаемся к нему с теми словами, которые ему любезны, а не с иными; или являемся к нему в гости в том платье, которое ему приятнее видеть, а не в ином. Так и с Богом – в одно время душа неосознанно предстаёт пред Ним в одежде некоей добродетели или делания благочестия; в другой раз она хочет быть пред Ним совсем умаленной и нищей; в третий – явить Ему свою великую печаль и самоуничужение, и т. д. Если в такие состояния вводит нас благодать, то это хорошо. Но если мы хотим, чтобы это было нашим собственным деланием, а не чаянием действия Божия, то всё таковое будет подделкой, искусственной видимостью, а не сутью.

23. Чтобы открыть и исправить в себе эту ошибку и недостаток, не нужно – наоборот, это будет чрезвычайно вредно! – всё время скрупулёзно и боязливо копаться в себе, как бы рассматривая под увеличительным стеклом все и каждые свои внутренние движения. Нужно спокойно, без всякого опасения и траты на это сил, отставить такую скрупулёзность в сторону, а всё внимание обращать на то, чтобы в своём внутреннем делании не слишком действовать от самих себя, но больше взирать на Бога и больше думать о Нём, нежели о себе и своих делах; главным же образом на то, чтобы держать себя пред Богом совсем просто, безыскусно и чисто, такими, какие мы есть, и какими нас формирует и поставляет пред Собою Сам Бог.

24. О Боже! и как возможно, чтобы разумное создание, а наипаче верующая душа, представляла себя пред Твоими всевидящими очами не такой, какая она есть? Кто бы

мог поверить сему – если бы сей печальный опыт не был столь широко распространён? Ах, злосчастная деятельность, предпринимаемая по падшести и самости, которая и ищущих со всей искренностью Бога душ заводит на такие пути, на коих они не могут и увидеть безумие всех этих искусственных и само-сочинённых вещей! Господи, избави от сего всех нас, и меня; озари нас ясным Твоим светом и Твоими праведными судами избави нас от всей этой тьмы и фальши наших сердец! Свяжи руки и ноги этого нашего падшего действия, рассеки нас до самых основ обоюдоострым мечом Твоего животворящего слова (Евр. 4, 12) и яви все внутреннейшие глубины наших душ открытыми и неприкровенными пред всеисцеляющим светом лица Твоего! Соделай нас тихими и невинными детьми пред Тобою; Сам придавай нам на всякое время ту форму и тот образ, в каких Ты хочешь видеть нас, доколе мы, восходя от славы в славу, всецело не уподобимся Тебе и не преобразимся в Твой истинный образ чрез Духа Твоего (2 Кор. 3, 18)! Аминь.

VIII

25. *В-восьмых*, если мы видим некое добро в других; или если мы читаем, слышим или каким-либо иным образом узнаём о том или ином добром свойстве или состоянии внутренней жизни, и на основании этого познания сами, без Божьего руководства и Его благодати, силимся усвоить себе такие состояния, проникнуть в них и как бы утвердить себя в них до того, как Сам Бог введёт нас в оные, – то мы будем иметь не истину и не суть сих благих состояний и свойств, но только их вид и облик.

26. Образ всего того, что человек с великим благоговением и горячим желанием воспринимает чрез видение, слышание, чтение и размышление, с силой запечатлевается в его сердце. Образ, говорю я, – но не суть (если только одновременно вера, как внутренне-алчущее стремление духа, не объёмлет саму сущность предмета). Отсюда происходит то, что душа, много и охотно обращающаяся между благочестивыми христианами, нередко неосознанно перенимает обороты их речи, действия, мнения и привычки – которые чаще всего вовсе не плохи; но в любом случае всё сие будет лишь наружно-воспринятым, искусственным обликом, если только душа вместе с внешним выражением добрых свойств не усваивает себе их суть.

27. Человек, читая о весьма возвышенных состояниях внутренней жизни, отличающихся от тех, в коих пребывает он, или о путях, которыми Бог его доселе ещё не водил, иногда может по своему понятию составить себе некое представление или

образ того, о чём он прочитал. Если он с горячим желанием и благоговением прилежит сему чтению, то, как я уже сказал, прочитанное может показаться ему всаждённым и напечатленным в нём столь глубоко и живо, что он легко вообразит, будто он уже овладел сущностью предмета, в то время как это только лишь облик его. По этой причине ещё не умерший самому себе человек, или новоначальная душа, могут весьма повредить себе и впасть в обольщение, если они, скажем, захотят много читать о безмолвной молитве или высоких внутренних состояниях. Напротив, душа, удостоенная от Господа дара подобной молитвы (будь то в предначатии, будь то в более действенной мере) и седшая к ногам Его вместе с Марией (Лк. 10, 39), будет ввержена во многое разорение и ненужные скорби, если она в таком своём внутренне-благоговейном устройении примется за усердное чтение о деятельном благочестии. Тот, кто пребывает в состоянии сердечно вкушаемого богообщения, повредит себе, устремившись к богомыслию; и душа, будучи в мирном богомыслии, причинит себе великое смущение и расстройство, если она станет много читать или слушать о тяжких испытаниях и горьких страданиях на особых путях Божьего очищения.

28. Посему бесполезно, чтобы душа, ещё не утвердившаяся в своём состоянии и на том пути, которым Богу угодно вести её, без меры читала всевозможные книги и обращалась с людьми разных направлений, какими бы прекрасными они ни были сами по себе. Душе надлежит держаться главным образом таких книг, и тех добрых христиан, которые способствуют ей к получению силы, помазания и благодати для благоговения и внутрь-собираения; которые разделяют с ней именно её духовное призвание и её путь; общение с которыми без принуждения и с отрадой ложится ей на сердце – благодаря чему душе в достаточной мере и даётся уразуметь, что (во всяком случае, в данное время) для неё предназначено именно такое общение. Хотя душа должна любить всех чад Божиих, и может обращаться с ними, равно как ей вовсе не запрещено читать и другие книги о внутренней жизни, – но хорошо, если всё таковое будет совершаться умеренно, без слишком сильных внутренних порывов, дабы дух не беспокоивался сим, не колебался и не получал ложного направления. Идущий по незнакомому пути чрез пустыню не всегда может смотреть по сторонам и исследовать все прилегающие тропы, если он не хочет заблудиться.

IX

29. *В-девятых*, если мы примем от Бога в духе то или иное внушение, вразумление, укрепление, утешение, услаждение, помазание, мир или ощутим иные

действия Божией благодати, и захотим удержать или приумножить в себе сию благодать своими действиями (порой даже из самолюбия); или же если мы возжелаем пробудить в себе и возыметь какие-либо благодатные дары, коих мы не имеем, собственными усилиями, – то всё таковое будет искусственным деланием, которое только помешает и повредит нам. И даже если бы мы (по нашему мнению) и достигли сего, то всё это было бы только человеческим, но не Божьим; образом, видимостью, но не сутью.

30. Господи! научи меня жить в детской от Тебя зависимости, всецело предавшись Тебе, дабы я со смиренным благоговением принимал то, что Ты мне даёшь, но не желал бы ни получать, ни иметь того, что Ты не благоволишь дать мне! О, если б я мог быть в Твоей божественной деснице как мягкий воск, принимающий во всём только те формы и образы (и никакие иные), которые угодны Тебе, моему Мастеру, и которые Ты хочешь запечатлеть в нём! Я хочу быть таким, каким соделаешь меня Ты – и никаким другим. Я не хочу иметь то, что Ты мне не даёшь, или, дав, вновь изволишь забрать, – только бы мне упоковаться в Тебе Самом и пребывать в святом Твоём благоволении!

Х

31. *В-десятых*: то, что действуется в духе, в самой глубине и основании души, то, что там совершается, переживается, узнаётся, вкушается, – только то, собственно, и представляет собой суть внутренней жизни, поскольку всё сие приходит непосредственно от Бога и действуется в благороднейшей и сущностнейшей части человека. Всё же прочее (то, что совершается в душевных силах, внутренних или внешних чувствах и т. д.), как бы полезно, необходимо и хорошо оно ни было в своём роде и в своё время, есть – в сравнении с первым – только образ, облачение подлинной жизни с Богом, но не её суть.

32. О, сколь добры и полезны, а порой и просто незаменимы бывают для нас по временам чувствуемые, ощущаемые нами божественные и благие утешения, радость, сладость, упоение и иные благодатные дары этого рода, дающиеся нам для того, чтобы вырвать нас из ложного услаждения греха и преходящего и мнимого веселья мира сего! Но именно эти же блага становятся для нас вредоносным препятствием на духовном пути, если мы угождаем в них самим себе и не истинно возводим их к Богу и как бы возвращаем их Ему; если мы хотим остановиться на них, и на этом радостном месте *соорудить себе куцу* (Мф. 17, 4); если мы воспринимаем их не всего лишь как

дары Божии, но как Самого Бога, и почитаем наши радостные чувства от изливания на нас сих даров за действительное или сущностное единение с Богом. Это и есть – принимать образ за суть, цветок за плод; обнимать Лию вместо Рахили и рано радоваться тому, что кончились семь лет работы (Быт. 29, 25). Душевное может иметь некоторое сходство с тем, что подлинно духовно; но по сути это совсем не одно и то же.

XI

33. Наконец, *в-одиннадцатых*, подытоживая наше рассмотрение, мы можем сказать, что всё наше внутреннее делание молитвы и служения Богу, внутри-собрания, углубления и возвышения духа, пожертвования себя Богу, поклонения Ему, любви и т. д., насколько всё таковое совершается нами самими, своими силами, – кратко сказать: всё, что в нас не есть Бог и Божие дело, является (конечно, это нужно правильно понимать) всё равно чем-то искусственным, и только образом, но не сутью служения Богу.

34. Когда душа, пройдя путями смирения чрез многие испытания и искушения, будет достаточным образом очищена, и вследствие сего удостоится в глубине своей познания сущностного и чистого действия Божия, – тогда всё, что она делала, чувствовала и испытывала до того, станет для неё грубым, плотским, немощным и слабым – даже самые её внутреннейшие и чистейшие действия в сфере богообщения (хотя им несомненно содействовала благодать). Душа увидит всё своё искусственным, перемешанным, по-человечески недостаточествующим и недостойным. Однако вовсе не нужно отвергать этот прошлый опыт как нечто худое, или обесценивать его. Тем более нельзя этого делать по отношению к другим ищущим Бога душам, которые, быть может, не в состоянии испытать в себе столь чистое действие Божие. Человек, ощущающий его, уже не смотрит на вещи, насколько они хороши в своём роде и в своём месте, но оценивает их в сравнении с открывшейся ему возвышенностью и чистотой сущностного действия Божия, в свете которого, как уже сказано, всё прочее представляется ему совсем ничтожным и лишённым сути. Но это суждение, будучи добрым и правильным для такого человека, далеко не всегда полезно и хорошо для других.

35. Не достигшая сего душа не может даже и представить себе, как слабы, недостаточны и худы все наши собственные дела, когда они исходят от нас самих – даже если это касается наивнутреннейших и наидуховнейших вещей. Посему со всей

настойчивостью нужно советовать внутреннему человеку, чтобы он учился в своём соображении с Богом, *во-первых*, мало-помалу отступать от собственных грубых дел, блюсти субботу для Господа (Втор. 5, 12) и давать Ему действовать в себе Своим Духом, – а *во-вторых*, постепенно распознавать в себе опыт чистого действования Божия (когда у человека в глубине сердца пропадает стремление действовать самому и появляется свидетельствуемое миром Божиим желание внутренней приимательности) и всецело предавать себя действию Премудрости Божией, оставляя всякую заботу о себе.

36. Чтобы, однако, никто из не умертвивших в себе ветхого Адама не взял из вышесказанного повод к ложной свободе, нужно, с одной стороны, обратить внимание на то, что уже сказано в §§ 18–20; а с другой – руководствоваться следующим всеобщим правилом (если, конечно, Сам Бог не сделает из него исключения, проводя человека особыми путями испытаний и страданий), а именно:

1) когда Бог действует в нас, то нам надлежит умолкнуть, убезмолвиться и всецело представить себя Ему;

2) если мы не обнаруживаем в себе действования Божия, то мы должны, как сказано выше, ожидать и чаять оно пред лицом Его чрез святое субботствование и отстранение от всего.

В такое время ожидания бесполезно полное безмолвие и бездействие. Здесь можно, и даже необходимо, совершать своё внутреннее делание, если благодать даёт нам свободу действовать. Делание наше должно быть сообразным нашему состоянию, совсем простым, сердечным, исполненным любви, тихим, кротким, в полном предании себя Богу, как пред Божьими очами. И мы всегда должны быть готовы по малейшему Его мановению, когда мы почувствуем Его действие, остановиться, убезмолвиться и предоставить место Ему.

XII МОЛИТВА

37. Господи Боже, единая, бесконечная и высочайшая Сущность, и даже Всесущность, и больше, чем Сущность! Достаточно Тебе со властью сказать: «Я есмь» (Исх. 3, 14), – и это будет столь безгранично и несомненно истинным, что не потребуется никакого подтверждения сим словам, исходящим из уст Твоих. «Я есмь, живу Я» (Втор. 32, 39-40).

38. Ей, аминь! Ты есть. Мой дух падает в прах пред Тобою, *и вся внутренняя моя* (Пс. 102, 1) приносит тебе сие исповедание – Ты есть. О, сколь блаженно и бесконечно ценно для меня, что Ты есть, и не можешь не быть! Сколь блажен я, что знаю, что Бог есть, и что я могу исповедать Его сущее бытие! Услышите сие, все творения (Пс. 48, 2) – Бог есть! Благодарю Тебя, Боже, что Ты есть! Высшее благо моё в том, что Ты есть, и что Ты таков, каков есть! Я предпочёл бы, чтоб не было меня, не было ничего, чем если бы не было Тебя!

39. Но что есмь я? и что есть всё? Каков я, и каково всё? Мы есть только потому, что есть Ты, и потому, что Ты хочешь, чтобы мы были – бедные, малые сущности, которые в сравнении с Тобой и Твоей Сущностью могут быть названы только тенью, обликом, и отнюдь не сущностью как таковой. Сущности всего исчезают пред Твоей Сущностью так же, как свет малой свечи исчезает в великом блеске солнца, так что света свечи никто не видит, как будто его и вовсе нет, ибо он преодолён и поглощён светом солнца. Ах, если бы Ты так преодолел и так поглотил меня! Это было бы истиной лица Твоего (Пс. 4, 7) и истиной моего облика. Твоё величие, моя малость; Твой преизбыточествующий свет, мой малый свет, а точнее говоря, тьма; Твоё чистейшее действование, мои столь недостаточествующие потуги... Твоё всё да превзойдёт и да угасит моё ничто!

40. Я есмь только некое обличие, жалкая тень, если Ты не будешь во мне, и я в Тебе (Ин. 15, 4), если Ты не будешь основанием и сущностью моего существа. Всё, что я знаю, всё, что я испытываю, есть только искусственная мёртвая мнимость, или некий смутный образ, неразличимая, мимопреходящая тень, если не Ты Сам просветишь меня, и если Ты Сам не дашь мне созерцать Тебя, о единственная сущностная Истина! Всё, что я ищу, что люблю, чем обладаю, есть только кажимость и тень, но не суть, если я не ищу Тебя Самого, не люблю Тебя Самого, не обладаю Тобою Самим, о единственное сущностное благо и радость, благобытие и слава души моей! Все мои дела, все движения и действования моих внутренних и внешних сил есть видимость, а не суть, если не Ты Сам будешь побудителем и движителем оных, о изначальная, единственно сущностная, благая и бесконечно плодоносная Жизнь!

41. Но что я говорю! Без Тебя я есмь не только лишь видимость и пустой облик, но и жалкое и мерзостное существо; и когда я действую сам по себе, то все мои дела, какими бы благими и святыми они ни казались, отвратительны, и более того – греховны пред лицом Твоим. Не только потому, что исходят они из меня, полностью проникнутого грехом и падшестью, но и потому, что я под всевозможными благовидными предложениями всегда и во всём ищу того, чтобы угодить самому себе и

возвысить себя самого, и таким образом присваиваю себе честь, которая по высочайшему праву принадлежит только Тебе. О, богопротивная самость! Я ужасаюсь самому себе, когда рассматриваю себя пред ясным ликом Твоей чистоты. Я пропитан самостью; я есмь сама самость; все мои внешние и внутренние движения – самость; все мои (если они исходят от меня) добродетели – самость, и нечисты пред Тобою.

42. О, если бы Ты, мой Бог, мой Иисус, был во мне всем и действовал во мне всё, а я в своей самости мог бы больше не быть, и не иметь ни жизни, ни разума, ни воли, ни мыслей, ни единого душевного движения! Пусть, о Господи, навеки умолкнет и утихнет во мне то, что не Ты Сам говоришь и действуешь во мне, и что не есть Твоё! Займи всецело Собою то место, где ныне стою я, и твори во мне и чрез меня то, что Тебе благоугодно. Пусть моего «я» больше не будет, а только Ты будешь во мне *всё во всём* (1 Кор. 15, 28). Выведи меня таким образом из меня самого и из всего моего в Тебя, о мой Боже, моё *начало и конец* (Откр. 1, 8)! Тогда я не буду более пребывать в не-сущности и кажимости, но обрету суть и спасусь от всякого зла, к вечному прославлению имени Твоего. Аминь.

Трактат VIII

**Истинная мудрость,
или пребывание только с Богом
и в самом себе**

«Помышляй, что в мире есть
только Бог и ты –
и обрящешь великий покой в сердце своём».

Фома Кемпийский.

«О монашеском воспитании», гл. 7.

1. Никого по природе¹ не знаем мы так мало, как Бога и самих себя. Всё наше внимание занимают другие люди, или не касающиеся нас вещи; Бога же и собственную душу мы забываем.

В результате наипечальнейшего нашего грехопадения человек сделался столь неразумным, что он совершенно отвратился своей любовью, своим вниманием и своими действиями от Бога и прилепился ко всему суетному и ничтожному. И это безумие и повреждение простирается так далеко, что человек, полностью пленившись внешними вещами (которые не только ничего не дают ему для спасения и истинного блаженства, но ещё и препятствуют и вредят сему), совсем оставляет не только Бога, но и себя самого, то есть свою душу и её благобытие, к временному и вечному своему несчастью.

2. Невозможно без удивления смотреть, как разумное создание погружает и впутывает благородные силы своей души в видимые вещи мира сего, – при этом зная и признавая, что всё это тленно и преходяще, и несомненно должно быть оставлено в конце жизни. Но люди столь увлекаются вожделениями, заботой и беспокойством обо всей этой суете, что, как умалишённые, опьяняются ею и считают, что добиваются чего-то великого, когда их мирские дела идут так, как они хотят.

3. У всякого такого безумца имеются свои куклы и свои никчёмные фантазии. Один занят честью и положением в обществе; другой – деньгами и имениями; третий – удовольствиями и убожением плоти. Они думают и говорят о купле и продаже, о домах и хозяйствах, о мебели и платьях, о еде и питии, обо всём, что происходит здесь и там, – и думают и говорят не как о том, чем по необходимости мы вынуждены поддерживать нашу временную и преходящую жизнь; но как о самом главном, со всем прилеплением души, как будто бы это было действительно чем-то великим и важным.

4. С утра до ночи их сердца и умы, уста и руки заняты всевозможными внешними вещами; только о Боге и о том, в каком состоянии находится их душа, они не думают – или, если и думают, то отнюдь не как должно. Люди заполняют весь свой день делами, а размышления о Боге и о душе не считают важными и необходимыми, поэтому и не оставляют для них ни времени, ни сил. Если же все дела сделаны, то они предпочитают заняться чем-либо бесполезным или суетным, или искать отдохновения в болтовне и бессмысленном общении. Это называется у них «убить время» или «скоротать вечерок». Бедные создания! Поскольку они не разумеют великого и

¹ [Падшей, повреждённой в грехопадении.]

единственно важного дела и занятия, для которого им дана сия краткая жизнь, то от них сокрыто и то, насколько необходимо и драгоценно всякое мгновение жизни. Им хочется «немного развлечься»; но, к несчастью, вся их душа уже настолько развлечена и разорена, что им нужно как можно скорее остановиться и усадить себя в тишину, дабы хоть раз собрать своё внимание, сосредоточиться и, отлепившись от всего внешнего, обратиться к рассмотрению себя самого.

5. И хотя благодать Божия внутренне касается их, желая дать познать себя и свои вразумляющие действия, – но постоянная рассеянность, расточение и впутанность их душ в тысячи внешних дел никогда не позволяет им по-настоящему истрезвиться и обратиться к самим себе, чтобы, наконец, честно, серьёзно и глубоко начать проверять своё состояние пред лицом Божиим и возыметь попечение о том, что только и может нам помочь в час смерти. Ах! в каком ужасном состоянии окажутся сии бедные души, когда они будут вынуждены оставить все свои любимые вещи; когда они, пробуждённые грозным гласом смерти, внезапно придут в себя; когда у них откроются глаза, и они – увы! слишком поздно! – уразумеют, что мир со всею своею похотью исчезает, как тень (1 Ин. 2, 17), а так ценимые ими вещи и сладкие грёзы о здешней жизни являются не чем иным, как только пустыми и зыбкими призраками. И в такой слепоте и горьком безумии живёт почти вся земля – великие и малые, богатые и бедные, учёные и неучёные.

6. Да! и учёные мужи, так ценимые миром², даже те из них, кои занимаются преимущественно духовными и божественными предметами, ведут себя в большинстве своём вовсе не благоразумнее, чем прочие люди, оставаясь такими же чуждыми и слепыми по отношению к Богу и самим себе, – пусть даже вся их деятельность и посвящена познанию Бога и спасению души. О, сколь суетными, бесполезными и даже вредными являются почти все их занятия! Стоит только взглянуть на никому не нужные и поразительные нагромождения в их изысканиях, прежде чем они доберутся до самого дела! Мне всё это представляется столь же (если не более) неразумным, как если человек, намеревающийся путешествовать в Рим, уверил бы себя, что он должен прочесть все путеводители, касающиеся не только Рима, но и всех четырёх сторон света, дабы составить себе полную и исчерпывающую концепцию путешествия «вообще», как такового. При этом на деле он вовсе не едет ни

² Здесь я говорю об учёных мира сего, которые думают достичь познания Бога и Его истины посредством сухих спекуляций и суетной деятельности своего падшего рассудка, без просвещения свыше. Они губят своё время, изучая и исследуя великое множество никому не нужных тонкостей, бесполезных мнений, посторонних обстоятельств и всяких второстепенных вещей, которые совершенно не относятся к делу. Впрочем, истинную учёность и благочестивых учёных, кротких и смиренных сердцем, должно высоко чтить. См. Фома Кемпийский. «О подражании Христу», кн. 1, гл. 2–3.

в какой Рим, но неизменно пребывает дома, – а между тем убеждает себя, что его путешествие проходит прекрасно, и он уже очень далеко продвинулся на своём пути.

7. Люди нередко содержат в голове немало доброго; но оно не переходит в их сердце и дела. Так и эти учёные: они не собираются приступать к самому деланию добра; их задача, как они себе её ставят – только знать про добро и говорить о нём. Поэтому при всех своих трудах, исследованиях, размышлениях и диспутах они не приходят к самим себе, а тем более к Богу. Всё время они ходят вокруг да около, рассматривая и Бога, и себя совне, при чём их мысли и чувства (из-за всяческих условностей, навязываемых рассудком, и постоянного развлечения сил души) непрестанно помрачаются, рассеиваются и заводят их в тупик самости и превозношения, – следствием чего является то, что они становятся всё менее способными обращать внимание на своё собственное сердце и на Бога с Его внутренними благодатными действиями. Они производят великий шум, ожесточённо споря о шелухе, в то время как мимо них спокойно идут простецы с плодами в руках. Тем не менее сии учёные полагают, что сравнительно с другими они поистине мудры, и употребляют своё время и силы исключительно во благо. Но ах! если мы рассмотрим все их важнейшие и серьёзнейшие штудии в тишине и пред лицом Божиим, то они окажутся не чем иным, как лишь *суетою сует и томлением духа* (Еккл. 1, 14), будучи совершенно бесполезными для истинного освящения и богообщения.

8. *Живущий на небесах посмеётся* (Пс. 2, 4) всем этим искусственным и призрачным построениям *мудрецов, книжников и совопросников века сего* (1 Кор. 1, 20); да и сами они в своё время, когда смерть и суд повелят им предстать пред собою, с покаянием и стыдом горько оплачут своё великое безумие – что драгоценное время своей краткой жизни они растратили на бесчисленные ничтожные, ненужные и младенческие вещи (1 Кор. 13, 11) и измучили, истожили и повредили свои благородные душевные силы, которые Бог дал им для гораздо более важных и высоких целей. О Господи! сподоби, чтобы они ещё здесь *пришли в разум истины* (1 Тим. 2, 4) и постарались покаянно забыть то, что они выучили со столь большой потерей времени, дабы *не знать им более ничего, кроме Христа Распятого* (1 Кор. 2, 2).

9. Но оставим учёных – ибо не большинство ли и призванных душ, благочестивых христиан, чужды Богу и далеки от Него и от себя самих? Как плохо *всяким хранением храним мы своё сердце* (Притч. 4, 23)! Как мало пребываем мы внутри себя, дабы обращаться с Богом и с самими собой, и, отрешаясь от всего прочего, непрестанно

совершать сие единственное и важнейшее для нас дело! Горе нам, что мы так легко поддаёмся хитрости и коварству льстивого врага и чрез многочисленные ничтожные и посторонние вещи рассеиваемся и отвлекаемся от нашего главного дела – от Бога и внутренней жизни, давая выманить себя во внешнее, или в суждения о других!

10. Как часто позволяем мы своим мыслям и чувствам скитаться по бесполезным, я уже не хочу говорить, худым предметам! Как часто мы погружаемся всей душой во внешние вещи века сего и опутываем себя ими! Как мы излишне любопытны, с какой охотой мы слушаем и говорим о том, что случилось здесь и там, обсуждаем, что и как делает тот или иной, – что по большей части нас нисколько не касается и не приносит нам никакой пользы. О, как прискорбна эта вредная привычка – когда благонастроенные души, встречаясь, так легко и много разговаривают и судят о других!

11. И что может произойти от всего этого, как не беспокойство, помрачение и охлаждение сердца, рассеянность, неблагоговение и отчуждение от Бога и своей внутренней жизни? Ах! я боюсь, что многим христианам столь неизвестен Бог и сами они, что по легкомыслию им любезнее знать, что делают сотни других людей, нежели то, что происходит в их собственном сердце и как в нём действует Бог!

12. О, с каким трудом обращаемся мы внутрь себя! Даже если человек получит от Бога некий малый свет, приоткрывающий ему видение всеобщей падшести и повреждения, или его сердца коснётся какая-либо иная божественная истина, – тут же появляется лукавый змий, выводит мысли и чувства такого человека наружу и обращает их на других. И тот свет и ту благодать, которые даны ему только для познания и исправления себя самого, бедный человек начинает использовать для того, чтобы смотреть на других людей. Он судит их, ревнует об их спасении, желает обратить их к Богу и исправить их жизнь; а сам при этом внутренне остаётся *валяться в грязи* (2 Петр. 2, 22) своей собственной нищеты и падшести – и всё это по большей части неосознанно. Ибо поскольку человек обнаруживает в себе способность так остро и точно видеть всё в других, то ему кажется, что сам-то он вне опасности. К тому же на помощь ему приходят мнимые предлоги, что он должен всем светить своим светом (Мф. 5, 6), употреблять во благо людей свой талант (Мф. 25, 16), ревновать о славе Божией (Пс. 68, 10), обличать грехи (2 Тим. 4, 2), – но при этом он не замечает, что всё это является коварством врага, направленного только на то, чтобы его собственная душа была извлечена из себя самой и ввергнута в беспокойство, расстройство и разорение.

13. Другие христиане, желающие хорошо и правильно проводить внутреннюю жизнь, берутся для этого за всевозможные внешние занятия и телесные подвиги. Они читают молитвы, ходят в церковь, изучают душеполезные книги, размышляют о Боге, ищут для общения круг благочестивых друзей, и тому подобное. Всё это хорошо и полезно, если совершается подобающим образом и приводит к истинной цели. Но только многие так сильно прилепляются к этим внешним средствам, что как раз и забывают про цель и совсем перестают иметь её в виду. Бог учредил и даровал нам сии добрые инструменты для того, чтобы мы, употребляя их, от расточения наших мыслей и чувств во внешнем обращались к себе самим, к внутреннему, и к истинному служению Богу *в духе и истине* (Ин. 4, 24). Но для многих эти средства и инструменты становятся настоящим препятствием. Люди так «застревают» на них, что их мысли и чувства пребывают в постоянном разорении, а благодатные силы, данные им, исчерпываются. И в самом деле, как может душа достичь подлинного познания себя самой и Бога, когда все её внутренние силы постоянно заняты теми или иными действиями и подвигами? Например, в молитве такая душа нисколько не стремится к истинному безмолвию и внутрь-собираению в сердце; вся её забота – всё время понуждать себя что-то говорить Богу, оплакивать себя пред Ним и проч., так что Господу (если можно так сказать) не остаётся никакой возможности вставить ей в ответ хоть одно словечко (Пс. 84, 9).

14. Ещё одна уловка многоопытного диавола – отвлечь благонастроенные души от того *единственного, что только нужно* (Лк. 10, 42) и ввергнуть их в излишние изыскания и спекуляции любопытствующего рассудка, дабы человек увяз во всевозможных спорных вопросах богословия, в тех или иных мнениях, в тонкостях рассуждения о ничего не значащих обстоятельствах и в прочих никому не нужных вещах. Как часто люди стремятся, без Божьего призвания и просвещения, исследовать и постичь своим умом глубочайшие Божии тайны и ждут многих чудес от своего света и преуспевания, которое они полагают в том, чтобы узнавать и воспринимать нечто новое, – что, однако, вовсе не освящает их душу и о чём их совершенно не спросят во онный день! И этому многие христиане уделяют всё своё внимание – и так неприметно истощаются и исчезают их силы и драгоценное время. Ибо поскольку всё сие представляется духовным, то человек не замечает опасности и вреда. К тому же рассудок находит для себя в таких занятиях радость, удовлетворение и жизнь, и для падшей природы это несравненно легче, нежели последовать Спасителю Христу, *отвергаясь себя и неся за Ним свой крест* (Мк. 8, 34).

15. Отсюда и происходит, что те – грубым, эти – более утончённым образом удерживаются в непрестанном рассеянии, разорении и запутанности, хотя сам человек часто этого не замечает, да и другими почитается как образец благочестия. Но Всевышний знает, сколь редки души, истинно трезвящиеся и обращённые внутрь себя, стремящиеся отвратить своё сердце и внимание от всего, что происходит вовне, дабы только жить в духе с Богом и соединиться с Ним. Большинство же даже и искренних христиан живут или в теплохладной самоуверенности, или в ревности по внешнем благочестии, или в постоянных жалобах и недовольстве, что их духовная жизнь нисколько не развивается, и вместо отрадной свободы и глубокого мира в общении с Богом они отягощены внутри себя бесчисленными узами. И неудивительно, что пред многими из них в час смерти Бог и вечность предстанут чуждыми, неизвестными и ужасными – ведь в продолжение их жизни все их чувства и мысли были как бы «вывернуты» вовне, и они не получили никакого внутреннего навыка познакомиться как должно с Богом и вечностью. О, достойное всякого оплакивания ослепление и заблуждение детей падшего Адама!

16. Блаженны же и поистине мудры те, которые всё своё сердце занимают только тем, что единственно необходимо (Лк. 10, 42)! Они не ходят окольными путями и не судят о других, но взыскуют лишь того, чтобы жить здесь так, как будто бы они были с Богом одни во всём мире. Это есть кратчайший и легчайший путь к достижению истинного, всецелого и непоколебимого освящения, мира и покоя души.

А чтобы мне, пишущему сии строки и замечающему столь великий недостаток этого прекрасного делания в людях, не забыть себя и не оказаться повинным в том же легкомыслии, *дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным* (1 Кор. 9, 27), – то я теперь обращаюсь к своей душе с целью преподать ей некоторые наставления, коими, с Божией помощью, я намерен руководствоваться и впредь. Между тем, мне было бы отратно, если бы и всякий мой читатель воспринял сии наставления так же, как и я – то есть отнёс бы их лично к себе. И если каждый поступит так, то, несомненно, это будет благом для всех.

II

17. Итак, о душа моя (и ты, читающий эти строки), скажи навек «прощай» всякой суете мира сего, которая исчезнет в один миг, как сон.

Всё, что мир может предложить тебе, недостойно того, чтобы ты хоть мельком взглянул на него.

Что получил оный богач от всей своей роскоши и великолепия (Лк. 16, 19)? И какой прок будет в том, если и ты будешь тридцать или сорок лет вкушать радость и веселие мира сего?

Суета сует, – всё суета (Еккл. 1, 2)! Напрасно ты ищешь того, что тебе недостаёт, вне себя. Внутри, в сердце твоём, обретается твоё истинное благо, слава и блаженство.

18. Затвори своё сердце, мысли и чувства для того, что происходит вне тебя; всё это – бесполезные вещи, которые тебя не касаются.

Не слишком заботься обо всём внешнем. Наблюдай за тем, чтобы то, что не может способствовать тебе на пути к вечности, не стало для тебя препятствием к ней.

Проходи сквозь всё, ни к чему не привязываясь, как истинный *странник и пришелец* (1 Пар. 29, 15), сердце, мысли и всё *жительство* которого – *на небесах* (Фил. 3, 20).

Стремись стать внутренне как невинное и всем довольное дитя, которому всё равно, что делает и говорит вокруг него (и о нём самом) мир сей.

19. Как по падшей природе ты склонен жить и парить вне себя, так навькни жить и обитать в себе, давая Святому Духу воспитать тебя так, чтобы ты мог истинно собраться в себе самом.

Да будет твоим постоянным делом – пребывать в самом себе и жить с Господом в сокровенности твоего духа так, как будто б ты был с Ним один во всём мире.

Для того и пришёл на сию чужбину Спаситель твой Иисус, чтобы вывести тебя из неё и привести обратно домой, к Богу и общению с Ним.

Христос не имел здесь ничего своего; Он проходил мимо всего, ничего не касаясь. Как Он *исшёл от Отца и пришёл в мир*, так спешил Он снова *оставить мир и придти ко Отцу* (Ин. 16, 28). Следуй Ему и ты.

Своею Кровию Он примирил тебя, достойного проклятия, с Богом (Рим. 5, 10) и отверз тебе Его отеческое сердце. И ныне Он стоит у дверей твоей души (Откр. 3, 20) и не перестаёт увещевать тебя, чтобы и ты примирился с Богом (2 Кор. 5, 20) и принял Сего лучшего твоего Друга в своё сердце.

Столь искренно и сердечно Спаситель ищет тебя и общения с тобой, что Он даже для этого *умер за тебя, дабы ты, бодрствуешь ли, или спишь, жил вместе с Ним* (1 Фесс. 5, 10).

Прими же сие простой и детской верой, и почитай Бога как своего самого близкого и драгоценного Друга, *радость Которого* – с такими, как ты, *сынами человеческими* (Притч. 8, 31), ибо Он хочет беседовать с тобой в духе и приобщать тебя Себе.

Сей твой Бог взирает на тебя и думает о тебе непрестанно; так и ты устремляй свои внутренние сердечные помыслы к Нему и не давай им своевольно растекаться по чувствам и по внешним вещам.

Помышляй, что твоё величайшее благо, твой лучший Друг, пребывает внутри тебя, желая беседовать с тобой. Как же ты хочешь убежать вовне и оставить Его одного?

Ах! и кто ради *такого* Бога не забыл бы охотно мир и всякое творение?

Живи так, как будто в обществе дорогого и любимого Друга ты странствовал бы чрез чужую страну и дикую пустыню.

20. Делай всё, и терпи всё, и принимай всё, что встретится тебе в этом мире, как малое, так и великое, из сердечной любви к Сему твоему высочайшему Другу.

Ради Его любви отвергнись себя (Мф. 16, 24), умертви всякое похотение плоти и чувственности (Кол. 3, 5), умри для любопытствующего, суетливого и горделивого рассудка и для всякого ложного услаждения, происходящего от прилепления сердца ко всему, что не есть Бог и Божие.

Да не будет никакое вожделение или грех столь любезным тебе, и никакое увлечение творениями столь сильным, чтобы в сердце своём ты сразу и добровольно не отринул их ради твоего Бога.

Другие пусть будут богатыми и славными, почитаемыми и мудрыми, живущими в радости, покое, удовольствии и неге; пусть они находят своё наслаждение и отраду тот – в одном, этот – в другом. Тебе же да будет достаточно одного твоего Бога.

Чем для других являются преходящие вещи и жалкие творения, тем для тебя хочет стать в сердце твоём превечный и преизобильно подающий всякое благо Бог.

Ради Его любви отвергни во всём свою волю, самолюбие и самоугождение; кратко сказать, отвергай себя самого, где только ты обнаруживаешь сию самость.

И ах! как много ты увидишь и откроешь в себе этой самости, когда будешь, отрешаясь от всего, навязать приближению к самому себе и к Богу!

Не слишком пекись о своём теле, этой ничтожной пище червей: оно повреждено и растленно, исполнено худых движений и похотений, и часто сильно помрачает и отягощает дух.

Ты должен рассматривать своё тело и держать себя по отношению к нему так, как господин обращается со своим рабом.

Управляй своим телом разумно, и давай ему, по необходимости, не более, чем ему потребно.

Кто нежит своё тело и ищет для него многообразных удобств, тот никогда не соберёт себя вовнутрь и не станет истинно духовным человеком.

Не поднимай сразу много шума, если с тобой случится некоторое неудобство, или напасть, или скорбь.

Стремись, с помощью Божией благодати, нести все свои внешние и внутренние скорби тайно, терпеливо и кротко, из любви к твоему Иисусу.

Более того – с радостью принимай свой крест и всевозможные скорби и люби их от всего сердца, ибо это есть самое могущественное и лучшее средство для того, чтобы умертвить свою самость, *оставить младенческое* (1 Кор. 13, 11) и по-настоящему приблизиться к Богу.

21. Постоянно умирать таким образом для себя и мира и жить в сокровенности с Богом (Кол. 3, 3) – это и есть *последовать Христу*. Здесь – корень и суть христианства.

Это да будет твоим важнейшим, единственным и непрестанным занятием здесь на земле; это да будет твоей единственной целью, которую ты должен всегда иметь в виду, и которой ты должен подчинять всё прочее.

Совершай это главное твоё дело просто, не усложняй его и не обставляй излишними внешними условиями.

Всё, что способствует этому твоему делу, каким бы малым оно ни было, принимай и употребляй со смирением и благодарностью.

Не входи ни во что, не вяжи себя ничем, не задерживайся ни на чём, кроме твоего подвижания в сем главном деле.

Пусть Марфа заботится и беспокоится о многом; ты же помни, что *одно только нужно* (Лк. 10, 42) – то самое *одно*, которое останется с тобой в час смерти, когда всё остальное (каким бы оно ни казалось здесь важным и значимым) отнимется от тебя.

22. Исходи во всём только из этого *одного*.

Всё, что ты узнаёшь, слушаешь и читаешь об истинном благочестии, стремись тотчас обращать себе на пользу. Сразу переноси úзнанное из головы в сердце и извлекай из него руководство, поддержку и укрепление только для себя – не для того, чтобы лишь знать о том или празднословить с другими.

Что бы не случилось с тобой, чтобы не встречалось тебе, внутри тебя или вовне в мире сем, всё принимай в простоте, как от руки Господа; и, не взирая на обстоятельства или других людей, взыскуй во всём и чрез всё только того, что

способствует твоему главному делу – познанию себя, умиранию себе и общению с Богом.

23. Не носись много с собой и не похваляйся своим благочестием, своим самоотвержением, внутренним опытом и духовными чувствами. Пусть твоя внутренняя жизнь всегда остаётся тайной между тобою и Богом.

Довольно того, чтобы Бог знал, что в тебе. Нам самим далеко не всегда нужно знать своё доброе; когда мы видим его в себе, оно чаще всего перестаёт быть добрым.

Кто сокровенно жительствоует с Богом в безмолвном внимании к своему сердцу, тот то умирает тысячами смертей, то вкушает неизреченную отраду и блаженство; и всё это – без всякого шума, незаметно для окружающих.

24. Не ищи известности и многих знакомств.

Стремись жить в мире сем – насколько это соответствует твоему положению и занятиям – как самый неприметный гражданин (а ещё лучше – как *странник и пришелец*, Евр. 11, 13), о котором не много знают, слышат и говорят; и который и сам не желает ничего знать и слышать, кроме своего Бога, и ни с кем так охотно не общается, как только с Ним.

Бойся, когда ты известен и хвалим; напротив, радуйся, когда ты забыт и презрен – ибо в последнем случае с твоего пути убираются многие опасности и препятствия, и ты гораздо больше времени можешь пребывать в себе и жить с Богом.

Стремись только к тому, чтобы пребывать внутри себя с Богом. Тогда не будет тебе никакого дела то того, что происходит в мире и что думают и говорят о тебе другие люди.

25. Не обращай без необходимости с людьми мира сего. Если же ты должен быть с ними, то внутренне держи себя так, как будто бы ты пребывал с одним только Богом.

Тесно общайся с очень немногими, испытанными и проверенными людьми, которые поддерживали бы и укрепляли тебя и способствовали главному твоему делу, чтобы ты (хотя бы и под самыми благовидными предлогами) не был отвлечён от Бога и внутренней жизни, и чтобы твои друзья не тратили впустую твоё драгоценное краткое время.

Навыкай обращаться только с Богом и с собою самим.

26. С готовностью отсекай свою волю, чтобы следовать благим начинаниям других, если это не против Бога. Ах! насколько легче, полезнее и спокойнее оказывать послушание, нежели повелевать!

Если этого не требует твоё положение и должность, то не обременяй себя тем, чтобы рассматривать и судить побуждения и дела других людей.

Кто хочет выпрямить и исправить всякую кривизну и несправедность мира сего, тот только ввергнет себя во многое беспокойство и разорение и не поможет ни другим, ни себе. *Внимай самому себе!*

О, как покойно живёт душа, которой нет нужды много смотреть на других и думать о них!

Впрочем, люби всех людей, будь приветлив и дружелюбен со всеми, делай всякому добро, сообразно со своими обстоятельствами и возможностями. Но при этом всегда пребывай в страхе Божиим и внутренней отрешённости от всего, дабы не потерпеть тебе никакого разорения и не быть связанным чужими делами.

27. В особенности же люби всех благочестивых христиан, и со всей искренностью почитай их (даже и самых малых) лучшими себя.

Люби истину и добро и благословляй за них Бога, где бы и в ком бы они ни встретились тебе. Однако же не восхищайся только благом в других, но стремись к тому, чтобы и самому стать истинным и благим.

Люби и тех, которые не во всём жительствоуют так, как ты (Мк. 9, 38-40). Пусть каждый идёт своим путём; *что тебе до того? ты следуй за своим Иисусом* (Ин. 21, 22).

Не помышляй ничего плохого в отношении братьев твоих; не суди, не ревнуй, истолковывай всё в добром смысле.

Если тебя обличают в тех или иных недостатках, то попекись исправить их со страхом Божиим и кротостью, и сразу же со смирением возвращайся в себя самого, в своё собственное сердце.

28. Это одно, что только нужно (Лк. 10, 42) – пребывать с Богом в своём сердце – да будет для тебя настолько значимым и важным, чтобы ты посвятил сему всего себя.

Подвизайся в этом *одном* с утра до вечера; положи внутри себя, что это есть главное твоё дело, и что помимо сего ты ничего не должен совершать на земле.

Не связывай себя ничем чуждым и ненужным. Кто истинно хранит своё сердце и стремится в непрестанном самоотвержении следовать Иисусу, тот найдёт для себя так много и действенности, и приемательности, что ему вовсе не останется времени вдаваться во что-то другое.

29. Что должен ты делать по внешнему твоему положению и долгу, то делай настолько, насколько это тебе возможно, без горячности, заботы и беспокойства.

Если все свои внешние обязанности ты совершаешь в смирении, как волю Господа, то они становятся служением Господу, и твоему *одному, что только нужно*, повредить не могут.

Пусть твои мысли, чувства и внимание не направляются на твои внешние дела больше, чем это необходимо, дабы ты мог работать в тихом и мирном настроении и одновременно хранить своё сердце и пребывать с Господом.

Ах! сколь суетно и ничтожно всё то, что совершается в мире сем без Бога! И какое утешение и пользу возымеешь ты от всех трудов твоих в час смерти?

И что вообще может утешить человека во всех тяготах сей жизни, если он не будет стремиться всегда и во всём иметь Бога своим Другом?

30. Скоро, скоро ты отойдёшь отсюда.

От всего, что ты видишь и чем обладаешь в мире сем, не сможешь ты взять с собою ничего. Все люди оставят тебя, и ты оставишь всех людей. Только с Богом тогда будешь ты иметь дело.

Сего ради учись и навыкай здесь лишь одному – оставить всё, что ты должен будешь оставить тогда.

Обратись же к Богу и жительствуй с Ним как бы с глазу на глаз.

Благо тому, кто в такой безмолвной отрешённости живёт со своим Богом, стремясь познать только Его и вечность и уже здесь приобщиться им! Для того смерть не придёт, *как тать в ночи* (1 Фесс. 5, 2), и без ужаса предстанет он пред лицом Божиим.

Ибо как здесь он *жил для Господа*, так и *умрёт он для Господа* (Рим. 14, 8); и поскольку здесь его *жизнь была сокровенна со Христом в Боге*, так, когда *Христос, его жизнь, явится*, и он с *Ним явится в славе* (Кол. 3, 3-4).

III

31. Кто с тихим и благоговейным настроением вникнет в нрав Иисуса Христа и в Его жизнь от колыбели до смерти на кресте, тот скоро и совершенным образом уразумеет, как именно надлежит нам последовать и подражать Ему. Скажем же об этом несколько слов.

32. Он, Спаситель Иисус, Который мог бы безгрешно пользоваться в мире сем честью, славой, наслаждением и радостью жизни, не возжелал, однако, всего этого, но предпочёл взять на Себя поношение, нищету и крест (Евр. 12, 2) – тем самым давая пример и нам. Он оставил Ироду и фарисеям их власть, почёт, богатство и довольство,

и бóльшую часть времени жил со своими незнатными и скромными родителями в Назарете, совсем простом и незаметном месте, работая Своими руками, столь прикровенно и тихо, что никто в мире не слышал и не знал, что в Назарете живёт Тот, имя Кому – Иисус. Он мог бы стать самым видным человеком на земле, обладая всеми дарами премудрости и силы Божией; Он мог бы написать лучшие на свете книги, объемлющие всю полноту духовного и природного знания, которые изумили бы весь мир и, конечно же, обратили бы к Богу многие тысячи людей. Но нет, Он не хотел *выказывать Себя пред людьми* (Лк. 16, 15). Даже когда Он вышел на Своё служение, Он стремился, насколько это было возможно, скрывать Свои чудные дела (Мф. 8, 4; 9, 30 и проч.), Своё божественное величие (Мф. 16, 20) и славу (Мф. 17, 9) и избегал, чтобы Его хвалили (Лк. 11, 27-28) и почитали (Ин. 6, 15).

33. Свою жизнь на земле Он рассматривал как некое врёменное странствование. *Я пришёл в мир, – говорил Он, – и опять оставляю мир и иду к Отцу* (Ин. 16, 28). Его занимало только то, *что принадлежало Его Отцу* (Лк. 2, 49); Он не заботился о чуждых вещах, которые не были целью Его пребывания здесь (Лк. 12, 14). И как во время Своего краткого трёхлетнего служения людям Он часто удалялся от народа, дабы помолиться наедине, и порой *проводил целые ночи* в одиночестве, в *молитве к Богу* (Лк. 6, 12) и в особом сыновнем общении со Своим Небесным Отцом, – то, надо полагать, и в продолжение Своей долгой сокровенной жизни в Назарете именно это было Его самым желанным, постоянным и главным делом. Спаситель непрестанно был занят тем, чтобы жить в присутствии Божиим и внутренне обретаться в Боге, радуясь только о Нём. Об этом свидетельствуют нам Давид и Пётр, как бы от Его лица говоря: *видел Я пред Собою Господа всегда, ибо Он одесную Меня, дабы Я не поколебался. От того возрадовалось сердце Моё и возвеселился язык Мой*, и т. д. (Деян. 2, 25-56; Пс. 15, 8-9). И *не оставил Его Отец одного* (Ин. 8, 29), ибо Он *совершал Его дело* (Ин. 17, 4), – заключавшееся в том, чтобы быть послушным всякому Его мановению (Евр. 5, 8) и *всегда делать то, что угодно Отцу* (Ин. 8, 29), постоянно предавая Ему Свою волю (Ин. 4, 34; 6, 38; Лк. 22, 42) из любви к Нему, по которой Христос добровольно и с радостью взял на Себя наигорчайшие и ужаснейшие страдания (Ин. 14, 31).

34. При всём этом Он предоставлял фарисеям и книжникам свободу спорить о своих богословских мнениях и возиться со столь любезными им преданиями человеческими (Мк. 7, 8) и внешним деланием (Мф. 23, 25); учил же Он их Своим словом и жительством *одному* тому, *что только нужно* (Лк. 10, 42), и чего им всем так недоставало. Он не принимал участия в пустых дискуссиях тогдашних учёных (Мф.

22, 17; 28) и не вмешивался в то, ради чего не был послан. *Кто поставил Меня судить или делить вас?* (Лк. 12, 14) – вот был Его ответ, когда Его втягивали в дела века сего, хотя Он всюду ходил и всем делал добро (Деян. 10, 38).

35. Он любил простых, бедных и пренебрегаемых людей и охотно обращался с ними, если они стремились к Богу; был также беспристрастен в Своей любви. Жена Самарянка (Ин. 4, 7) была Ему столь же любезна, как и учитель народа Никодим (Ин. 3, 2), как и те, кто ещё не следовал за Ним (Лк. 9, 49-50). Он не желал ни наказывать заблуждающихся (Лк. 9, 52-56), ни судить величайших и явных грешников (Ин. 8, 11). День и ночь Он имел неустанное попечение только о единственном деле, для которого Он пришёл – *да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа* (Ин. 17, 3-4; 6, 29). Этим были столь полны Его сердце и душа, что от всякого внешнего явления, которое Он видел и слышал, Он сразу брал повод, дабы возвестить о духовной жизни (Ин. 2, 21; 4, 10; 35; Лк. 13, 1-5 и др.).

36. Какой была Его жизнь, таким было и Его учение – чтобы мы *бодрствовали на всякое время и молились* (Лк. 21, 36), и *молились всегда* (Лк. 18, 1); чтобы мы *следовали Ему, отвергнув себя и мир сей и каждодневно неся свой крест* (Мф. 16, 24); чтобы мы не много заботились о прочем (Мф. 6, 25; Ин. 21, 22). *Одно, одно только нужно* (Лк. 10, 42) – без чего ничто не поможет человеку, даже если он *и приобретёт весь мир* (Мк. 8, 36).

37. Иисус Христос, *верный Пастырь и Блюститель наших душ, искупивший нас от земли Себе в удел драгоценною Своею Кровию* (1 Петр. 2, 25; 2, 9; 1, 18-19), *пострадавший за нас и оставивший нам пример, дабы мы шли по стопам Его* (1 Петр. 2, 21), да соделает нас Святым Своим Духом такими, чтобы в нас *были те же чувствования, что и в Нём* (Фил. 2, 5), – дабы мы, совершенно умерев для всего, что не есть Бог и Божие, освободились от всякого самолюбия и прилепления к творению и оставшиеся нам немногие дни жителства нашего провели в истинном воздержании от всякого преходящего вожделения века сего, стали мёртвыми греху, чуждыми миру и своей самости и в тишине духа познакомились с вечностью и с Господом, соединившись с Ним. Последуем же Ему безоговорочной верой, как странники и пришельцы, дабы перейти нам с Ним чрез пустыню мира сего в истинное и вечное наше отечество!

Ей, Господи Иисусе! *обрати нас к Тебе, и мы обратимся* (Плач 5, 21)! Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О непрестанном пребывании в сладчайшем присутствии Божиим

Среди всех благочестивых занятий ни одно не является столь доступным, простым, отрадным, многоплодным и объемлющим в некое блаженное единство всю полноту христианского делания, как пребывание в сладчайшем присутствии Божиим, как его понимали все святые. Здесь предшествуют нам Енох, Ной, Авраам, Давид, Асаф, и прежде всего – Сам наш Спаситель. И до сего дня все истинно благочестивые христиане свидетельствуют, что *благо им – приблизиться к Богу* (Пс. 72, 28).

Если говорить кратко, то это делание состоит в том,

1) чтобы мы просто и благоговейно веровали, что Бог соприсутствует везде, и также в нашем собственном сердце; и что Он соприсутствует с нами и в нас с той целью, чтобы мы внутри себя поклонялись Ему (Ин. 4, 24), любили Его (1 Петр. 1, 8; 1 Ин. 4, 19) и служили Ему (Рим. 7, 6; 14, 17-18), как и Он с любовью приобщает нас Себе (2 Петр. 1, 4) и хочет иметь в нас Свою радость (Притч. 8, 31);

2) чтобы мы самым сердечным образом сколь можно чаще напоминали себе сию истину веры и держали себя всегда и во всём как пред Богом, в Его присутствии;

3) чтобы мы всецело предавали себя Сему соприсутствующему нам Богу и всем сердцем прославляли Его, молились Ему и стремились к Нему;

4) чтобы мы старались делать всё по Его благой воле, отвергать себя и мир, всё терпеть *в кротком и молчаливом духе* (1 Петр. 3, 4), взирая на Него, сущего рядом с нами (Пс. 24, 15), во славу Его и ради любви к Нему;

5) чтобы мы неким особым, кротким и мягким, тихим и не-словесным образом беседовали с Богом в нашем сердце и общались с Ним, как со своим ближайшим и любимейшим Другом – и это во всякое время и при всём, что с нами происходит внутри и вовне, будь то доброе или худое;

6) чтобы мы с этой целью среди всех наших занятий использовали любую возможность, дабы остановиться и, устремив благоговейный взгляд любви на Бога, укрепить себя в сем делании или обновить оное;

7) чтобы мы, внимая своей внутренней жизни, могли воспринимать *привлечение от Отца* (Ин. 6, 44) – действия Бога и Его любви – и отзываться на него, когда Он

через сии действия благоволит назидать и вразумлять нас, утишать, собирать вовнутрь и единить нас с Собою;

8) и, наконец, чтобы мы после каждого внутреннего разорения или проявления неверности Христу тотчас со смиренным упованием возвращались к сему деланию, как дитя к своему любящему отцу.

Смотрите, что может быть проще и легче, чем сие отрадное учение о пути нашего спасения?

Итак, душа моя, приучайся же и привыкай к Господу; общество Сего Друга да будет тебе драгоценнее и слаще всех вещей мира сего.

Он – твой истинный Друг, Который будет твоей помощью и утешением в час смерти, когда оставят тебя все друзья твои.

Тогда ты в полной мере начнёшь вкушать преславное и блаженное присутствие Бога твоего, и всецело пребудешь с Ним, *Живущим во веки* (Пс. 54, 20). Аминь.

Трактат IX

Краткое наставление,

как искать Бога

и лица Его

*Взыщите Господа,
ищите непрестанно лица Его.*

(1 Пар. 16, 11)

*Кто обращал взор к Нему, те просвещались,
и лица их не постыдятся.*

(Пс. 33, 6)

1. О человек (именно ты, читающий сии строки)! Остановись, отрешись хоть немного от круговращения твоей повседневной суеты и задумайся о своём высоком достоинстве и о цели, ради которой ты сотворён и введён Богом в мир. Ты создан не для времени и творений, но для Бога и вечности, и для того, чтобы Богу и вечности была посвящена вся твоя жизнь. Ты существуешь в этом мире именно и только с той целью, чтобы тебе искать твоего Бога и спасительного лица Его (1 Пар. 16, 11), от которого ты отвратился в грехопадении и прилепился к творениям, – дабы чрез сие ты мог подлинно просветиться и освятиться и иметь в Боге, и Бог в тебе, радость и мир, довольство и отраду.

2. В этом одном заключается твоё вечное спасение и временное благобытие – чего тебе не может дать ничто, кроме Бога. Уж если даже твоего внешнего человека в краткое время сей многоскорбной жизни едва ли могут удовлетворить внешние явления этого мира, то наипаче внутренний твой человек алчет гладом, которого ничто не утолит. Духовное твоё око не насыщается ничем; внутреннее чувство² не находит ни в чём мира и полноты – только во всеподательном и бесконечно преисполненном любви Благе, которое есть один лишь Бог.

3. Итак, если в тебе есть искреннее стремление взыскать и обрести Сего твоего Бога и лица Его, то смотри, чтобы не приступить тебе к делу неправым и неподобающим образом. *Бог есть дух* (Ин. 4, 24), и близок твоему духу (Пс. 33, 19); поэтому тебе нет нужды, взыскуя Бога, высматривать Его здесь и там, или куда-то идти, или рассеивать себя многими и различными *телесными упражнениями* (1 Тим. 4, 8), а тем более забивать себе голову многообразными исследованиями, соображениями и выводами падшего рассудка. Это как раз путь, всё дальше отводящий человека от Бога и лишаящий его способности познавать Бога и Его истину.

4. Ищи же только того, чтобы тебе уподобиться всей душой Богу – и тогда ты сможешь обрести и познать Его легко и безошибочно. Как тот, кто хочет видеть солнце и греться на нём, должен подставить себя его свету, так и тебе, если ты хочешь по-настоящему приобщиться Богу, надлежит поступить в отношении Него так же (1 Ин. 1, 5-7; 2, 6). Сей неприступный вечный свет невозможно увидеть, кроме как только в

¹ [Разбивка текста на части принадлежит переводчику.]

² Способность души испытывать радость и покой, иначе именуемая совестью, ощущением Божьего к себе благоволения, и т. д.

Его свете (Пс. 35, 10). Бог есть духовная, вечная, ничем не ограниченная, простая, кроткая, тихая и блаженная Сущность. Чем больше внутри себя ты стяжеваешь именно такие качества и свойства, тем ближе ты подходишь к Богу и делаешься способным к тому, чтобы Он открылся тебе и приобщил тебя к Себе.

II

5. Бог есть духовная, отрешённая Сущность, чуждая грубости мира сего, чувственности и рассудочности. Если ты хочешь обрести Бога и узреть лице Его, то, насколько это возможно для тебя, храни свой дух, свою любовь, желания и сердечные помыслы также отрешёнными и чуждыми *миру и тому, что в мире* (1 Ин. 2, 15). Пусть по твоей воле никакое творение не входит в тебя; и сам не исходи из себя по любви и вожделению к какому бы то ни было творению. Избегай всякого ненужного излишества в деятельности твоих чувств и рассудка. Относись к чувственной и рассудочной части своей души, как будто бы это был чуждый тебе человек, и пребывай в духе, обращая всё своё благоговение и любовь к Богу внутри себя. Приобщайся Ему в *сокровенном сердца человеке* (1 Петр. 3, 4), и не обращай внимания на то, что происходит во вне.

6. Бог обитает в Себе Самом в вечности. Он всегда один и тот же; у Него нет никакого «до» или «после», но всегда единое пребывающее «ныне». Если ты, о душа, хочешь приблизиться к Нему и иметь общение с Ним, то избегай всяких бесполезных воспоминаний, равно как и бесчисленных предположений, наведений, расчётов и беспокойств твоего падшего рассудка, и пребывай, как невинное дитя, всем своим умом и чувствами в настоящем мгновении с Господом. Предоставь Ему заботиться о тебе и вести тебя, куда Ему угодно (Фил. 4, 6; Пс. 22, 2).

7. Бог есть всеобъемлющая, неделимая, ничем не ограниченная Сущность, неуразумеваемая никаким умом. Он не есть то или это, но Всё и Одно³. Посему, если ты хочешь познать Бога и приобщиться Ему, то со смирением оставь все свои особые, ограниченные, младенческие образы и помышления о Боге (1 Кор. 13, 11), плени свой ум в послушание простой и детской вере (2 Кор. 10, 5) и восходи духом в некую неограниченную всеобщность и безмолвную широту внутри себя (Пс. 17, 20; 118, 32; 96), не останавливаясь на частных предметах и размышлениях – особенно во время молитвы.

³ Это нужно понимать и здраво разуметь не в каком ином, как только в следующем смысле: частные совершенства отдельного творения ум может обособить, измерить, разграничить и понять. Бог же есть в высочайшей степени простая Сущность; Он не есть то или иное частное совершенство, но всецелое благо и всецелое совершенство, в неразделяемом и неуразумеваемом единстве.

8. Бог есть сама простота и чистота. Невозможно узреть и обрести Его, как только простым и *чистым сердцем* (Мф. 5, 8). Посему взыскуй того, чтобы тебе всегда быть чистым и простым. Будь *истинен и непорочен* (Иов 1, 1⁴) во всех своих делах, речах, мыслях и желаниях. Дай простому оку (Мф. 6, 22) твоей души прямо взирать на Бога и во всём иметь в виду лишь Его одного, без малейшего нечистого постороннего намерения или искания своего, без всякого, даже самого тонкого, лицемерия, притворства или искусственности. Пусть все твои мысли и желания будут такими, чтобы ты всегда мог поставить их пред светлым солнцем присутствия Божия. Если же против твоей воли подвигнется в тебе что-либо ложное и нечистое, то искренне и спокойно, без всякой утайки, повергни всё таковое пред лицом Божиим – и оно исчезнет.

9. Бог есть милосердная и кроткая Сущность. *Он есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём* (1 Ин. 4, 16). Сего ради и ты будь всегда кроток, любвеобилен и милостив, как внутри себя, так и во всех своих поступках. Предоставь Духу любви Иисуса Христа умягчить жестокий и строптивый нрав твоей падшей природы, утишить неукротимость твоих страстей и преклонить к послушанию Богу твоё непокорливое своеволие. Если ты почувствуешь, что в тебе начинает проявляться нечто, противоположное милосердию Божию – сразу, не вступая с ним в спор, погружайся в сладчайшие воды (Пс. 22, 2) кротости и любви Христовой.

10. Бог есть тихая и ровная Сущность (3 Цар. 19, 12), и обитает Он в безмолвии невозмутимой вечности. Так и твоей душе надлежит быть подобной тихим и прозрачным водам, дабы в них отображалась слава Божия. Избегай поэтому всякого беспокойства, смущения и разгорячения изнутри и совне. Ничто в целом мире недостойно того, чтобы из-за него ты разорял себя. Даже твои прошлые ошибки и грехи должны тебя смирать, но не приводить в смятение. *Господь – во святом храме Своём: да молчит пред лицом Его* всё, что в тебе (Авв. 2, 20). Да убезмолвятся твои уста, твоя воля, твои желания и помыслы; да будут тихи все твои дела. О, сколь необходим нам и сколь *драгоценен пред лицом Божиим кроткий и молчаливый дух* (1 Петр. 3, 4)!

11. Бог есть радостная, мирная и блаженная Сущность. Посему ищи и ты того, чтобы постоянно пребывать в мирном и радостном духе. Избегай всяких разорительных попечений, досады, ропота и печали, которые помрачают душу и делают тебя неспособным к общению с Богом. Если заметишь в себе нечто подобное, то мягко и кротко отстранись от сего. Пусть твоё сердце будет чуждым и затворённым

⁴ [Перевод по Септуагинте.]

для всего мира и всех творений, но всецело своим и отверстым для Бога. Относись к себе, к своим злым пожеланиям, самолюбию и своеволию, со строгостью; по отношению же к Богу будь по-детски свободен, ласков и доверчив. Взирай на Него, как на своего ближайшего и лучшего Друга, и не ожидай от Него ничего, кроме блага и добра. Пусть всё вне тебя идёт вкривь и вкось; пусть твоё тело претерпевает крест и страдания, а душа – сухость и скорбь; лишь бы твой дух пребывал незатронутым всем этим. Да возвышается он в ясности и тишине над круговращением суеты мира сего, и да радуется по внутреннему человеку общению с Богом, а по внешнему – тому, что Бог всё устрояет ко благу.

III

12. Если ты возьмёшься со мною за это делание, как оно описано выше, то *вся внутренняя твоя* (Пс. 102, 1) постепенно будет уподобляться Богу, и в тебе всё больше будет открываться способность сущностно обрести сие всеподательное и преисполненное любви Благо и узреть Его спасительный лик.

13. Но здесь нужно сделать следующие важные замечания.

Первое: поскольку внешние предметы и занятия (особенно пока человек не укрепился и не укоренился в этом внутреннем делании) легко могут стать причиной многого разорения и препятствовать душе на её пути к Богу и даже сбивать её с этого пути, – то совершенно необходимо, и крайне важно, в продолжение дня стараться использовать любой момент, когда всё видимое и всё рассудочное можно отложить в сторону, дабы собраться внутрь, в присутствие Божие, и поставлять себя, с помощью благодати, в вышеуказанные состояния души, насколько это позволяют человеку его мера и внешние обстоятельства.

14. *Второе:* прежде всего прочего надлежит веровать – и быть твёрдо в этом убеждённым, – что всё зависит от Божией милости, а не от нашей воли и действий. Поэтому мы не должны рассчитывать, что своими усилиями, а тем более самоизмышлёнными подвигами или напряжением ума, мы можем найти и узреть Бога. Нам надлежит приближаться к Богу внутренним, тихим, ровным и мирным деланием склонения или расположения к Нему нашего сердца, воли и любви. Главное же здесь – действие Бога и Его любви в сокровенном привлечении нас к Себе (Ин. 6, 44), которое мы должны лишь в простоте увидеть и последовать ему, и перед которым надлежит умолкнуть и остановиться всем нашим собственным действиям. Как только мы замечаем, что Господь посещает нашу душу, желая возвысить нас над суетой или

собрать нас в себя, утишить или умирить; как только мы начинаем ощущать в глубине нашего сердца детское благоговение пред Его присутствием, Его всеохватывающую благодать или нечто подобное, – то мы должны без всякого смущения прекратить всё своё делание и всецело предоставить себя Богу в субботствовании и тишине, во всякой простоте и отрешённости от всего.

IV

15. Тогда постепенно ты опытно уразумеешь, что ты есть не только внешний человек, состоящий из тела, чувств и рассудка, которые предназначены для вещей и явлений века сего, – но прежде всего человек внутренний, обладающий благородным духом, укоренённым в вечности, и такими внутренними духовными силами, которые (независимо от того, что происходит в мире сем) способны сущностным образом вкушать и созерцать Бога и вечность и обретать в этом свой истинный покой и совершенное довольство.

16. Тогда, наконец, твоя любовь, твоё сердце, твои пламенные душевные стремления, освободившись и очистившись от всего иного, примут в себя высочайшее Благо, необъятное Божество и соделаются Его необъятным лоном – и именно это есть цель, для которой ты сотворён и искуплен. Сию превечную любовь, сию всеподательную Сущность ты, как невинное дитя свою горячо любимую мать, наинежнейшим и внутреннейшим образом обнимешь и прижмёшь к своему сердцу всеми силами своей любви, собранными воедино; и Бог, со Своей стороны, свято обнимет тебя. С Сим твоим ближайшим и искреннейшим Другом ты сможешь как бы заключиться во внутреннейшую комнату твоей души (Мф. 6, 6), в средоточие твоего сердца, далеко, далеко от всякого творения. В этом сладчайшем уединении ты чрез непрестанное блаженное воззрение на Его вседовольную⁵ Сущность и сам неким образом станешь вседовольным. Ты будешь столь всецело насыщен, преисполнен и возрадован твоим Богом, что уже не бросишь ни единого взгляда на все богатства, славу и наслаждения неба и земли (Пс. 72, 25), и твоя любовь совершенно отворачивается от них. Как некий Серафим, ты будешь сокровенно пылать в чистейшей любви твоего Бога и в сем кротком огне любви сам станешь поистине милостивым, кротким, тихим, любвеобильным; более того – самой любовью.

17. Твоё чистое разумение, око твоей души, отворачивается от всего, что не есть Бог и Божие и просветится, укрепится и возвысится в духе светом вечной Премудрости,

⁵ [См. прим. 1 к шестому трактату.]

дабы тебе, подобно Херувиму, преклоненно предстоять и созерцать лице Божие, Саму Премудрость, *чистое зеркало действия Божия* (Прем. 7, 26). В этом свете познаешь ты свет (Пс. 35, 10), то есть истину; и именно сия *слава Господня, как в зеркале*, отобразится в твоём ясном и тихом сердце. Твоё просветившееся *открытое лицо* (2 Кор. 3, 18) и увиденный тобою блаженный лик Господа встретятся исполненными любви взглядами, и ты, как малое дитя, лобызая и объемя своего Бога, будешь неотрывно взирать на Него простым оком, исполняясь радости; и Он, со Своей стороны, как любящая мать, не отведёт Своего взора от тебя – чрез что ты всё более и более будешь освящаться, *преображаясь в Его образ от славы в славу* (2 Кор. 3, 18).

18. Твоя душа, твоё постоянно взирающее на Бога внутреннее чувство⁶, отрешённое от всякого удовольствия, услаждения и утешения от творений, преисполнится внутреннейшей чистейшей радостью и глубочайшим миром Божиим. Ты обретёшь всю свою отраду, довольство и блаженство в Боге; и Он, со Своей стороны, возымеет в тебе Свою радость и веселье (Притч. 8, 31). Он будет обитать и покоиться в тебе (Ин. 14, 23; 2 Кор. 6, 16), как на Своем незыблемом престоле мира; и твой дух, который, как беззащитный сирота, столь долго блуждал на чужбине, сладчайше упокоится в месте своего подлинного отдохновения, в своём отечестве, всецело повергнув себя на лоно Божие, в истинный мир, и сокрыв себя в тишайшей вечности. В сем бесконечном царстве мира сможешь ты жить, уже неколеблемый штормами страстей, в безопасности от всякой беспокойной и разорительной радости и печали, страха и надежды, которые совне нападали бы на тебя.

И так соделаешься ты ясным и светлым небом Пресвятой и Преблагословенной Троицы, Троиного Бога – небом, в котором Он пребывает, которое преисполняет Своим светом, любовью и всеми божественными совершенствами и в котором прославляется во времени и в вечности.

19. Не будь же больше, о человек, славное создание и образ Превечного Бога, столь неразумным, чтобы постыднейшим и жалким образом поработать свой царский (если не сказать – божественный) дух *немоцным и бедным вещественным началам* и суете мира сего (Гал. 4, 9), поддавшись *похоти плоти, похоти очей и гордости житейской* (1 Ин. 2, 16)! Именно для того *послал Бог Сына Своего, чтобы искупить тебя* из такового рабства (Гал. 4, 4-5) и паки возвысить твой дух *в свободу славы детей Божиих* (Рим. 8, 21). Помни, что по благороднейшей твоей части ты есть чадо вечности; Сам Бог – твой Отец и твоё отечество, где надлежит тебе обитать и жить. Мир сей должен быть для тебя ссылкой, а твоё тело – исправительным домом и

⁶ [См. прим. 2.]

темницей. Ах! *подними же вечные врата* твоих духовных сил над падшей природой, чувственностью и рассудочностью, *да увидет в них к тебе Царь славы* (Пс. 23, 7), Господь Саваоф! Аминь.

Трактат X

Совершенный путь

ИСТИННОЙ ЛЮБВИ

*Бог есть любовь,
и пребывающий в любви
пребывает в Боге,
и Бог в нём.*

(1 Ин. 4, 16)

Делание любви

1¹. Нет ничего прекраснее, чище, отраднее, крепче и совершеннее любви. Ибо *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8). Любовь – наилучшее и сильнейшее среди всех прочих средств, коими Бог привлекает к Себе человеческие сердца; и человек ничем не может более угодить Богу, ибо *любовь есть исполнение закона* (Рим. 13, 10).

Чего невозможно добиться строгостью закона и страхом наказания, то легко достигается, когда Бог являет человеку Свою любовь во Христе Иисусе, возвещая ему оставление грехов, искупление и вечное спасение и на этом основании побуждая его к покаянию и ответной любви к Себе.

Как во всеобщем домостроительстве спасения благоутробие любви Божией открылось падшему человеку в сладчайшем имени Иисус-Эммануил, и до нынешнего дня оно доступно любому грешнику (знает он про то или нет) в его сердце, – так и в глубинах всякой отдельной души сия вечная любовь действует непрестанно, являя и предлагая себя нам и бесчисленными способами располагая нас к доверию себе, дабы найти к нам вход и даровать нам вечное спасение. Все возникающие в человеческом сердце добрые мысли и желания, печаль и горечь о своих грехах, внутренние вразумления и наказания, побуждения к молитве, истинному благочестию, всецелому преданию себя Богу и многое иное, подобное сему, – всё это, говорю я, есть чистое действие сей кроткой и долготерпеливой любви Божией. Если бы величайший грешник мог познать лишь тысячную её часть, то в тот же момент он предал бы всего себя сей любви.

О, любовь! яви же себя бедным грешникам хоть издали такой, какая ты есть, – и они все возлюбят тебя и последуют за тобою!

2. Когда же свершается то, что человек чрез Божию благость и любовь приходит к покаянию, – то да верует он без всякого сомнения, что и угодить Богу лучше и легче он не может никакими иными деланиями или подвигами, как только любовью.

А для сего да сохраняет человек в своём сердце сокровенную искру любви Божией и да имеет о ней должное попечение, заключающееся в детском обращении к Богу, сердечном поклонении Ему и в том, чтобы предмет всех его занятий составлял только Бог и Его совершенства.

¹ [Нумерация параграфов в третьей части трактата в немецких изданиях отдельная. Переводчик использует сплошную нумерацию на протяжении всего текста.]

Да подвизается он в любви. Да пожертвует человек себя самого и всё, что он любит, любви к Богу, и да предаст себя в вере сей чистейшей любви.

Да радуется он, когда ему представляется любая возможность ради любви к Богу и ради Его чести и славы что-либо сделать, от чего-либо отречься или что-либо претерпеть.

Да навькнет человек всё, что бы он ни делал, делать из любви к Богу; всё, что бы с ним ни происходило, принимать из любви к Богу; всё, что бы ему ни встретилось скорбного, претерпевать из любви к Богу.

Всё должно быть принесено в жертву любви – посредством любви.

Любовь соделывает горчайшие страдания – сладкими, неблагоприятные происшествия – добрыми, малейшие дела – великими и угодными Богу.

3. Но да не подумает никто, что здесь идёт речь только о чувствуемой и утешающей любви. Иметь любовь и ощущать любовь – не всегда одно и то же.

Истинная и непоколебимая любовь состоит во внутреннейшем благоговейном почитании Бога, когда человек верой познаёт Бога как единого Сущего, единственно достойного любви, и по этой причине, насколько это зависит от него, добровольно и всецело предаёт себя и приносит себя в жертву Сему Богу, в служение Ему и в Его славу и честь.

Сия любовь, которую Святой Дух изливает в наши сердца (Рим. 5, 5), может устоять и во всякой сухости, помрачении и тягчайших путях нашего очищения (кои на самом деле есть не что иное, как святое действие чистой любви Божией в нас).

II

Всецелое предание себя сей любви

4. Поистине, если бы грешник взялся за благородное делание чистой любви, когда он глубоко отвергся бы себя (Мф. 16, 24) и истинно предал и пожертвовал бы себя Богу, предоставляя Ему полную власть делать с ним во времени и в вечности всё, что Ему благоугодно, взирая и обращая внимание не на то, хорошо ли ему или плохо, но исключительно на Бога и на то, что только способствует любви к Нему, угождению Ему и славе Его, – то над таким человеком ад и наказание уже не имели бы власти. Его грехи, как бы велики они ни были, отпустились бы ему с такой же лёгкостью, с какой сгорают связка льна в раскалённой печи. Более того, сия любовь соделала бы его святым и подобным Богу.

5. Но поскольку мы от рождения укоренены в греховном самолюбии и по этой причине так обращены к самим себе, что не можем ни видеть Бога, ни любить Его, ни верить Ему, – то надлежало Самому Сыну Божию *излить в наши сердца сию любовь Духом Своим Святым* (Рим. 5, 5), когда Он в Своём вочеловечении изволил взять на Себя наши грехи и сей чистейшей любовью примирить нас с Богом.

Свободно служить именно такой любовью Богу – только и есть, собственно, христианство. Поэтому очень жаль, что даже благочестивые люди так долго (если не всю свою жизнь) погрязают в страхах, беспокойстве и излишнем попечении о себе самих, вместо того, чтоб хотя бы попробовать всецело верить себя Богу (Фил. 4, 6) и лишь искать чистой любви в сердце и лике Иисуса Христа. Ах! *возлюбим же Его, потому что Он прежде возлюбил нас* (1 Ин. 4, 19)!

6². О, бесконечная любовь! О Пресвятая Троица – Отец, первопричина любви; Сын, свет, исполненный любви; Святой Дух, животворящий огонь и святейший источник любви! О Боже, чистейшая и единая любовь! Ты еси пылающий и *подающий огонь* (Евр. 12, 29), попяляющий всё, что чуждо чистой любви, – ах! попали в нас сим Твоим достопоклоняемым огнём всё, что противостоит Твоей святости! Начни, продолжи и соверши в наших душах великое дело очищения и освящения, без чего никто не может увидеть лица Твоего (Мф. 5, 8; Евр. 12, 14)!

Даруй нам, Господи, хотя бы немного от Твоей пламенной любви, дабы мы вкусили её и пробудились от окамененного нечувствия и сна смерти! Сподоби, чтобы мы хоть в малой мере вострепетали пред поразительными судами Твоими и не замедляли на путях заблуждений! Излей в наши души хоть каплю сей Твоей любви, столь могущественной, что она превращает ад в рай!

Ей, Господи! скоро возжги сей огонь на земле, низвести который Ты пришёл, и о котором Ты так желал, чтобы он возгорелся (Лк. 12, 49), – чтобы царство Твоей любви пребывало во веки, и чтобы мы были в нём, в единении сердец, душ, дел и слов, *одним духом* (1 Кор. 12, 13) с Богом Отцом, и Сыном, и Святым Духом, Единосущною Троицею, восхваляемой во веки! Аминь.

² Сии молитвенные воздыхания заимствованы из предисловия к книге «Богословие любви» её французского издателя [речь идёт о предисловии кальвинистского богослова, философа и пиетиста Пьера Пуаре (1646–1719) к изданной им в Амстердаме книге «Богословие любви, или жизнь и сочинения св. Екатерины Генуэзской», 1691 г.].

III

О любви к ближнему

7. Из любви Божией мы черпаем истинную *любовь к братьям* (1 Ин. 3, 14; 16; 1 Ин. 4, 21), и больше того – любовь ко всем людям. Как то (любовь к Богу), так и другое (любовь к ближнему) ни в какой мере не является делом, которому можно научить или научиться, или которое человек может осуществить сам. Обе сии любви есть плод и свойство нового рождения от Бога (Ин. 3, 7), коим *мы избавляемся от власти тьмы и вводимся в Царство возлюбленного Сына Его* (Кол. 1, 13), всё более и более проникаясь и исполняясь блаженными сладчайшими силами любви, исходящими из сердца Божия.

8. В ветхом рождении также есть некая любовь: женская нежность, сердечная ласковость, естественная любезность в отношении тех, кто нам нравится и кому (как мы замечаем) нравимся мы, и тому подобное. Но падшесть нашей природы и самость вклиниваются всюду, и, при всей видимости любви, человек по сути остаётся *чадом гнева* (Еф. 2, 3), не любящим на самом деле ничего, кроме самого себя, а Бога и ближнего – лишь в связи с самим собою.

9. Отсюда происходят постоянная немирность и беспокойство, досада, недоверие, зависть, ревность и тысячи других горьких чувств, смущающих и разоряющих бедную душу, когда то одно, то другое идёт не так, как это хотелось бы своеволию и превозносящемуся уму. Люди, находящиеся в таком состоянии, могут наиторжественнейшим образом заключать между собой мир, образовывать союзы, клясться в вечной дружбе и проч. – но всё это будет не более чем строительство воздушных замков. Если человек не рождён от любви, то он не может любить, как должно. *От высокомерия всегда происходит раздор* (Притч. 13, 10).

10. Посему нам надлежит выйти из всей этой природной падшесть, возжаждать всегда отверстой для каждого чистой любви Христовой и устремиться к ней, – тем более что сие вечно любящее нас благо неизреченно близко к нам и побуждает нас собою к таковой жажде и стремлению. Этому сокровенному внутреннему *привлечению* (Ин. 6, 44) мы должны детски предавать себя, постоянно повергая в пучину любви Христовой всякую самость, всякие превозносящиеся, недоверчивые и ожесточённые мысли и чувства в отношении Бога и ближнего, и неизменно пребывать в смиренном алкании и чаянии, пока любовь не дарует нам себя, преисполнив нас своими божественными силами.

11. Чем больше человек последует сему сокровенному привлечению божественной любви, предоставляя ей вводить себя в богоподобное устройство, когда любовь становится основанием его души; чем больше он будет в простоте приучать своего внутреннего человека к сей любви, – тем больше он, как малое дитя от материнской груди, будет принимать в себя её чистую и невинную жизнь, так что *вся внутренняя его* (Пс. 102, 1) возрадуется и возвеселится, и весь человек станет кротким, милосердным, исполненным любви и источающим из себя любовь.

12. Тогда он опытно познает, что подлинная любовь к ближнему есть бесстрастное, не принуждённое, высшее всяких формальностей уподобление нраву и действию Божию, свободное побуждение *нового творения* (2 Кор. 5, 17). На такой глубине, в такой полноте любви один человек может стать поистине совсем близким другому, объять и благословить его и сделаться как бы одной душой с ним, к прославлению Бога. И поскольку христиане *крещены духом* любви Христовой *в одно тело, и напоены одним* этим духом (1 Кор. 12, 13), то они в силах истинно помочь друг другу, как будучи собранными во имя Христова (Мф. 18, 20), так и находясь в отдалении от своих братьев (Фил. 1, 19).

13. И поскольку сия любовь к ближнему происходит от любви Божией и рождается в безмолвной глубине сердца, то она совсем не препятствует и не противоречит любви к Богу, но, наоборот, способствует ей. Она не низводит человека в область падшей природы и рассеивающей чувственности, но собирает и утишает душу и укрепляет человека в решимости всегда и везде жить для Бога.

14. А родилась ли любовь в нашем сердце, и истинна ли она – это узнаётся по плодам (Мф. 7, 20), когда весь характер любви и её поступки в отношении ближних становятся живым выявлением того, что Дух Божий восславил в ней чрез Апостола Павла. Рассмотрим же вкратце сии определения Духа.

15. *Любовь долготерпит* (1 Кор. 13, 4). Природная, естественная любовь стремится сразу добиться всего, а если это не получается, то бросает дело. Если, скажем, ближний, по её мнению, преуспевает не так быстро, то она начинает менять одни воспитательные приёмы на другие, и вконец запутывает его. Если ближний не может быстро усвоить её требования и назидания, то она теряет к нему интерес. Истинная же любовь долготерпелива; она ждёт *ещё и этот год* (Лк. 13, 6-8); она обходится с человеком мягко; она способна долго трудиться, долго терпеть, долго врачевать, долго ожидать, долго пробовать и не переставать пробовать, долго любить и не переставать любить.

16. *Любовь милосердствует* (1 Кор. 13, 4); её отзывчивый, человеколюбивый нрав, её слова и дела радуют и утешают людей и показывают, что она готова на всё, что только в её силах, дабы принести ближнему пользу и благо.

17. *Любовь не завидует* (1 Кор. 13, 4), но радуется о других, как о себе самой, когда её ближние что-то из себя представляют, что-то могут, что-то имеют, чем-то довольны; и радуется столь сердечно, как будто она сама обладала бы всем этим.

18. *Любовь не превозносится* (1 Кор. 13, 4) над другими; она не бесцеремонна, не брюзглива, не угрюма или груба в общении с ближним, но чистосердечна, открыта и скромна. Всё, что она говорит или делает, идёт у неё от души и являет её прямое и ровное устройство.

19. *Любовь не гордится* (1 Кор. 13, 4); она не надмевается и не высится над людьми, но, наоборот, желает только покорствоваться и служить им. Она не хочет быть видимой со своими делами или получать за них благодарность. Причина, по которой она любит, есть любовь; она сама для себя – венец и вознаграждение. Поэтому любовь всегда полагает, что другие делают ей слишком много добра, в то время как она сама не сделала для них ещё совсем ничего, или крайне мало (Мф. 25, 37).

20. *Любовь не бесчинствует* (1 Кор. 13, 5) – не горячится, не выказывает досады, если другие поступают не по ней. Любовь – как дитя: ей всё легко и хорошо. Тем более она не насмехается над ближними и не обижает их *никаким гнилым словом* (Еф. 4, 29), выражением лица, жестами и тому подобным; но она всегда готова войти в положение слабых, бедных и нищих и дать себя им, нисколько не унижая их.

21. *Любовь ни ищет своего* (1 Кор. 13, 5), как это делает всегда, везде и всюду, даже в лучших своих проявлениях, природа и естество. Истинная любовь не взирает ни на свою пользу, ни на славу и честь, ни на своё удобство; всё сие она вменяет ни во что. Если только ближний имеет в ней нужду, если она может быть ему полезной, послужить ему, обрадовать и утешить его, чем-то угодить ему – то она забывает саму себя. Она довольна и рада, если тот, кого она любит, доволен и радостен; его телесное или духовное благобытие она ценит, как своё собственное.

22. *Любовь не раздражается* (1 Кор. 13, 5), – хотя нередко её встречают враждебно, над ней смеются и издеваются, её действия толкуют самым худым образом. Но если кто и пышет на неё огнём, то она имеет достаточно воды в своём тихом источнике, дабы угасить сей огонь ласковым и дружелюбным общением, либо же молчанием и доброделием. Также и зло, которое она видит в других, подвигает её не на гнев, но на сострадание.

23. *Любовь не мыслит зла* (1 Кор. 13, 5). Она не подозрительна, она не думает о ближнем неприязненно и худо, но, наоборот, всегда извиняет его и толкует его действия в лучшем смысле, в простоте сердца, насколько это возможно. Если она причинила другим скорбь, или если кто-то сделал ей добро, то она всегда помнит об этом; но добро, которое она делает людям, или причинённое ей кем-то зло она вменяет ни во что; для неё это меньше, чем ноль. Всё сие она без всяких требований и притязаний оставляет и забывает.

24. *Любовь не радуется неправде* (1 Кор. 13, 6), когда другие оступаются, чтобы на их фоне казаться праведной. Если люди претерпевают какую-либо несправедливость или скорбь, то она никогда не злорадствует, но всегда огорчается и сопереживает им. Даже если тот, кто противился ей или осуждал её, преткнётся и посрамится из-за своей неправоты, то и тогда любовь не радуется тому из тайной мести, но от сердца болезнует о нём.

25. *Любовь сорадуется истине* (1 Кор. 13, 6), где бы и как бы она ни являлась – через неё ли, или через других. Когда любовь видит многих прекрасных христиан, *ходящих в истине* (3 Ин. 4), когда она слышит хвалу добродетелям, благочестию и добрым нравам ближних, то она весьма сорадуется сему, даже если бы её саму при этом забывали и не ценили. Она любит истину всегда и во всём, пусть даже она обреталась бы и у её недругов.

26. *Любовь всё покрывает* (1 Кор. 13, 7). Падшая природа скрывает свою собственную худость и охотно злословит ближних; божественная же любовь видит в людях только доброе. Их немощи и слабости она покрывает, всегда во всякой простоте стремясь оправдать их перед собой и перед другими. Она ничего не говорит о недостатках ближних, разве только когда это служит к их исправлению. Добро – её единственный интерес. Посему, –

27. *Любовь всему верит* (1 Кор. 13, 7). Поскольку она сама добра, истинна, верна и чиста, то и в других она хочет видеть только хорошее. Если она слышит доброе известие о ближнем, то она сразу этому верит, и не изыскивает поводов к колебанию и сомнению, как это делает падший рассудок. В худых же слухах о других она, наоборот, всегда сомневается; здесь она должна убедиться и переубедиться. Верит же она всякому благу и тому, что только может послужить славе и хвале Богу потому, что она любит и желает сего.

28. *Любовь всего надеется* (1 Кор. 13, 7), и никогда не отлагает надежды на исправление других. Она молится и трудится в таковой надежде, насколько может. Даже если она воочию столкнётся со злом, она не перестаёт надеяться, и думает:

«несомненно, сему человеку это очень горько и скорбно; он, наверное, уже покался или покается; *Бог силен восставить его* (Рим. 14, 4); он ещё станет лучше, чем ты», и т. д. Любовь надеется, даже когда, кажется, уже и места нет никакой надежде.

29. *Любовь всё переносит* (1 Кор. 13, 7). Если она, несмотря на всё своё человеколюбие, всю веру, надежду и паки любовь, будет осмеяна, угнетаема и гонима, то всё сие она терпит (Лк. 21, 19). И если даже в трудах любви её постигнут скорби со стороны тех, кого она любит, ради её испытания и смирения, – она не оставляет своей верности и терпения, хотя бы искушения длились и долго. Она *терпит до конца* (Мф. 10, 22), и потому непреодолима в страданиях, и в конце концов непременно препобеждает всё. Ибо –

30. *Любовь никогда не перестаёт* (1 Кор. 13, 8) и никогда не падает. И как она может пасть, когда она уже покоится под всем на глубочайшем дне смирения?

Много доброго может иметь человек; но если у него нет любви, то всё это – ничто, и устоять не может (Лк. 19, 26). Более того: много хорошего должно прейти и у благочестивых христиан, чтобы освободилось место для лучшего – чистой любви. Сия любовь непреходяща; она пребывает вечно; она есть *очищенное золото* (Откр. 3, 18); она есть жизнь Божия в душе, *излившаяся в сердце от Святого Духа* (Рим. 5, 5). *Пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём* (1 Ин. 4, 16); тот устоит во веки. Аминь.

*Пусть стремятся все к высоким дарованиям;
мне ж довлеет чистая любовь.*

*Братская любовь – запечатленье сердца;
к ближнему любовь – мерило моей жизни.*

Трактат XI

Братское

учительное, увещательное и утешительное послание

к обратившимся к Богу душам

*Прошу вас, братия,
примите сие слово увещания.
(Евр. 13, 22)*

Возлюбленным по благодати Божией
братьям, сёстрам и друзьям,
которых имена – в книге жизни (Фил. 4, 3)!

1. Откликаясь на ваши многочисленные пожелания, я бы хотел, конечно, посетить вас лично, дабы мы, осенённые Божиим благословением, могли укреплять и *назидать один другого* (1 Фесс. 5, 11) в нашем призвании и вере и утешать друг друга всеми теми благами, которые мы имеем во Иисусе, Главе и *Начальнике нашей жизни* (Деян. 3, 15), *благословенном во веки, аминь* (Рим. 9, 5). Но поскольку Промысл Божий в этот раз не изволил устроить сие, то я приветствую вас сердечно в сих строках и желаю вам от всей души всяческого возрастания и укоренения в благодати. Ваша память и ваша любовь, которую вы оказали мне при последнем моём визите к вам, часто ободряет меня и одновременно побуждает всецело препоручать ваши души *Начальнику и Совершителю веры* (Евр. 12, 2), Его попечению и благодатному действию, дабы никто не оставался отставшим, но всякий, по своей мере, простирался к цели нашего звания (Фил. 3, 14) – к общению с Богом в духе. В таковых мыслях и чувствах Господь всё полнее да единит нас (1 Кор. 1, 10) *в одно сердце и душу* (Деян. 4, 32), в сладчайшей любви Иисуса!

2. Ах, какая это неизреченная милость Божия – когда человек не только чувствует в себе призыв Божий, но и от всего сердца даёт ему в себе место; когда он с очевидностью убеждается в своём несчастном падшем состоянии по природе; когда он ясно видит свои грехи, и, внутренне теснимый беспокойством и скорбью о них, устремляется к Иисусу; когда он живо ощущает крайнюю необходимость всецелого и глубокого изменения себя; когда он, наконец, приходит к искреннему и смиренному решению полностью и безоговорочно пожертвовать себя, и по душе, и по телу, Господу Иисусу и служению Ему, и последовать за Ним по Его узкому пути самоотвержения и крестоношения, добровольно уготовляясь подвергнуться за это ненависти и поношению мира сего и злобе диавола! О, блаженна та минута, когда в душе возникает таковое уразумение и решение! Это драгоценная, неоценимая благодать, которой должно внимать несравненно больше, нежели обманчивым благам и обещаниям всего мира!

Но здесь, о верные души, пережившие блаженный час, когда вы от всего сердца дали слово Иисусу, вам необходима немалая осмотрительность и основательность.

3. Если в том или ином месте происходит духовное пробуждение, то человеку легко присоединиться к множеству народа. Новизна происходящего воздействует на

мысли и чувства, и человек совместно с другими обращается к Богу. И благодать всегда использует такие случаи, дабы уловить как можно больше душ в свои спасительные сети. Однако всякий должен смотреть, чтобы это возгорающееся в нём пламя было не краткой вспышкой, но огнём Господа (Лк. 12, 49), который горит постоянно. Первая решимость совершается быстро; но внимайте – после того, как начальный огонь ревности по Богу несколько угасает, человек вводится в испытания, при которых необходимы предусмотрительность, мужество и Божия благодать.

4. Когда человек, пробуждённый к жизни в Боге, возвращается к обычному общению с людьми, прослышавшими, что он хочет проводить более благочестивое и серьёзное христианское жительство, чем прежде, – о, какие только возражения, какие кажущиеся исполненными заботы предостережения, какие псевдо-разумные речи и выкладки рассудка не обрушиваются тут на слабую душу! И если человек хоть немного прислушается к сему змию и передаст бразды правления собой своему плотскому рассудку, он вскоре ослабеет и будет низложен. Постепенно ему самому начнёт представляться истинным то, что ему внушают. «Зачем производить столь много шума? зачем так выпячиваться и отличаться от других? Так дела благочестия не совершаются. Всё это приводит к разорению, а не к созиданию. Можно ведь тихонечко, для самого себя, служить Богу и не общаться со всеми этими духовными гордецами. Они чужды нам; они в обольщении; все они отнюдь не так хороши, какими выставляют себя. Совершенно невозможно исполнить всё то, что они проповедуют», и т. д. – Берегитесь! берегитесь сего, если только вам дорога ваша душа! *Не советуйтесь* таким образом с плотью и кровью (Гал. 1, 16), дабы не уклониться вам от Того, Кто чрез Своё слово и Свою наставляющую благодать в ваших сердцах говорит вам совсем другое, – но оставайтесь *при том, что вы слышали* и познали *от начала* (1 Ин. 1, 1)!

5. Сколь многие, принявшие слово Евангелия с радостью, потом падают духом, когда узревают врагов нашего спасения и убеждаются, что для подлинного благочестия требуется не слышание и говорение, но подвизание и отвержение себя и мира! Хотя они и весьма ценят и желают обрести евангельскую жемчужину, Иисуса и Его блага, но приходят в уныние и *озираются назад* (Лк. 9, 62), когда уразумевают, что за сию жемчужину они должны *продать всё, что имеют* (Мф. 13, 46). О души! стойте же твёрдо, и ничто да не поколеблет вашего мужества (1 Кор. 16, 13)! Господь с нами (Мф. 28, 20)! Душа, Иисус, вечность поистине заслуживают того, чтобы ради них немного и недолго потрудиться.

6. Сколь многие опускают руки, когда видят, что Иисус подаёт нам не только хлеб и вино, но и крест! Пока продолжается первое ощутительное и сильное посещение благодати, человек горит духом и готов с Иисусом идти и на смерть (Лк. 22, 33). Но как только Господь, по премудрому Своему водительству, отнимает от нас молоко чувствуемых утешений и духовной отрады и попускает душе неким образом оставаться одной в сухости и тьме, чтобы испытать верность её любви и чтобы её христианство глубже укоренялось в самопознании и смирении, – как человек начинает унывать и скорбеть, и даже искать утешения *в дальней стороне* (Лк. 15, 13)! О, братья мои! не падайте духом! не опускайте рук! *мужайтесь и надейтесь на Господа* (Пс. 30, 25), – ибо никакое *око не видело*, никакое *ухо не слышало*, и *на сердце* никакому не просвещённому от Бога человеку *не приходило, что уготовал Бог* тем, кто уповает на Него (1 Кор. 2, 9).

7. Если мы не хотим впасть в обольщение или сбиться с пути жизни, то да будем крепко держаться верою за Того, Кто призвал нас. Внутренне, в нашем сердце Он предшествует нам на сем пути Своим драгоценным благодатным призыванием чрез обличение, вразумление, побуждение, свет, любовь и жизнь – в каждом по его состоянию и мере; а мы должны блюсти себя при этом в тишости и простоте, если только мы желаем быть с Ним и возрасть в благодати. Многие же рассуждения, хитросплетения мыслей и активность нашего рассудка, равно как и рассеянность чувств и многообразие внешнего насильно отводят нас от сего средоточия, – чего нам надлежит по возможности избегать. Нет ничего, ни на небе, ни на земле (Пс. 72, 25), ни в нас, ни вне нас, что могло бы подлинно исцелить, освятить и умирить нас, кроме явившейся во Христе Иисусе любви и благодати Божией (Тит. 2, 11). Именно эта благодать со своими спасительными действиями и предваряет нас в наших сердцах. И если мы пребудем при сей благодати в благоговейном, собранном внутри устройении души, сколь можно часто с детской простотой всецело и искренне открывая глубины нашего сердца являющемуся нам сему целительному свету жизни; если после всякого случавшегося с нами разорения мы будем с алчностью и жаждой вновь искать возвращения в наше сердце, по Писанию (Ис. 46, 8), – то мы не только сохраним себя от всяких уклонений с пути жизни, но и будем всесторонне *возрастать в Того, Кто есть наш Глава, Иисус Христос* (Еф. 4, 15), и всё более познавать *неисследимое богатство* Его силы и благодати во святых Его (Еф. 3, 8).

8. Также мы не должны принимать легкомысленное воззрение, будто человек сразу, в один момент достигает нового рождения свыше (Ин. 3, 7) и как бы одним прыжком вновь «вспархивает» в рай. Вовсе нет! *Обращающийся пламенный*

херувимский меч (Быт. 3, 24) – я имею в виду здесь *слово Божие, живое и действенное* (Евр. 4, 12) – должен отсесть и упразднить многое, что никогда не может войти в Царство Божие (Откр. 21, 27). Это совершается не в один день, и даже (при обыкновенном порядке вещей) не в один год. Посему христианству всегда свойственно постоянное движение вперёд и возрастание. Конечно, степени благодати у разных призванных Богом душ весьма отличаются одна от другой; но христианин, год за годом сохраняющий свои немощи и погрешности и пребывающий в одном и том же состоянии, должен самым серьёзным образом задуматься о своём положении и трезво размыслить – не является ли он сухим деревом без жизни (Лк. 23, 21) или ветвью, отсечённой от лозы (Ин. 15, 2). Здесь – главная причина того, что в наши дни у пробуждённых Богом душ обнаруживается столь малое возрастание в их освящении. Они не пребывают, как сказано выше, во Христе; они не навикают в должной мере истинной сердечной молитве, дабы верою соединиться с Богом в своём сердце; они не держатся за Него детски; они не имеют общения с Ним и собеседования в любви в *кротком и молчаливом духе* (1 Петр. 3, 4); они не чают Его благодатного действия и *привлечения от Отца* (Ин. 6, 44), не сосредотачивают на этом своего внимания и не дают в себе место Богу; они не прилепляются к Нему внутренне и, как дитя от груди матери, не приемлют *благодать на благодать* (Ин. 1, 16). А ведь всё сие должно быть нашим повседневным занятием и одновременно первым и главным делом! Кто пренебрегает им, тот не приходит ни к истинной силе Нового Завета, когда Бог напишет Свой закон на наших сердцах (Иер. 31, 33), ни к опытному познанию Бога, Его благ и Его истин.

9. Ах, возлюбленные души! предадим же себя усерднее прекрасному деланию молитвы – ибо мы не можем ни на один момент опереться на самих себя. Чтó есть все наши добродетели и всё наше благочестие, если в основе их не лежит связь с Иисусом Христом и общение с Ним? Это всё только форма без силы, видимость без сути. Все наши ошибки и падения происходят от того, что мы не держимся за Господа во внутри-пребывании; и многие из сих ошибок и грехов мы совершаем, вовсе не видя их, поскольку мы не *ходим во свете* (1 Ин. 1, 7). Часто мы думаем, что жителяствуем честно и чисто, – в то время как если бы мы приблизились к нашему сердцу и сопresentствующему ему Господу, то очень скоро убедились бы, что мы далеко *не совершенны пред Богом* нашим (Откр. 3, 2). Бесчисленные внутренние проявления и целые тайные залежи зла остаются для многих до смерти сокрытыми от их очей – к великому их ужасу во оный час, – и это только потому, что человек не стремится проводить внутреннюю жизнь в сопresentствии Божиим. Драгоценнейшие,

сущностнейшие действования и увещания Божии остаются опытно непознанными в его сердце; божественные истины живо не запечатлеваются в нём, ибо человек в недостаточной мере входит туда, где только они и могут быть познаны и восприняты. О, горе! о, скорбь! и это тогда, когда во Христе *нам дарованы великие и драгоценные обетования, дабы мы ещё в этой жизни соделались причастниками Божеского естества* (2 Петр. 1, 4) именно *чрез познание Того, Кто призвал нас* в таковую славу (2 Петр. 1, 3)!

10. Посему, если мы, призванные, хотим на самом деле быть спасёнными и освящёнными, если мы хотим жить мирно и умереть блаженно, – то надлежит нам стать обитателями нашего сердца и сообитателями Божиими. *Иисус Христос* поистине открыл нам этот *новый и живой путь* Своею *Кровию* (Евр. 10, 19), дабы вечная любовь, привлекая нас и влияя на нас, могла приблизиться к нам, а мы (невзирая на нашу падшесть и недостойность) могли с детской простотой приблизиться к Богу в наших сердцах. Итак, воспользуемся сим бесценным даром и с *дерзновением да приступим* к Нему (Евр. 4, 16). Это значит, что весь день, и среди всех наших занятий, мы должны «приучать» себя к Господу, в простоте веры стремясь познавать Его и приобщаться Ему в своём сердце. Отнюдь не будет излишним также и сколь возможно частое уединение для святого и сладчайшего молитвенного делания внутри-собираения и обращения к Богу в глубине наших душ. И тогда мы будем всё больше и всё сущностнее на опыте познавать, как обходится с нами Господь, привлекая нас Своею кроткою любовью; как Он непрестанно ожидает нас и стучит в двери нашего сердца (Откр. 32, 20). Мы убедимся тогда, что это есть Его желание – обитать в сынах и дочерях человеческих (Ин. 14, 23; 2 Кор. 6, 16). Приидите и увидите!

11. Не думайте, однако, что всё вышесказанное даёт нам повод отказываться от использования внешних благодатных средств. Совсем нет! Наоборот, здесь необходимо внимать, чтобы мы по самолюбию, высокоумию или гордости не уничижали и не презирали ни единого доброго церковного действия или назидания. Всё душеполезное, всё, что только способствует нашему пути к высшему Благу, должно быть для нас любезно и ценно. Внешние чины благочестия сами по себе несомненно могут быть для нас добрыми и вполне допустимыми средствами, если мы достигаем чрез них *одного* того, что *только нужно* (Лк. 10, 42) и пребываем в нём. Только нам надлежит употреблять их в подобающем порядке и мере, и не увлекаться, а тем более не связывать себя чем-нибудь, что не есть Сам Бог. Он учредил и установил всё внешнее ради внутреннего; более того, Он Сам стал во Христе, если можно так сказать, «овнешневшимся», дабы нас, «овнешневшееся» творение,

призвать внутрь и там соединиться с нами. Итак, будем постоянно держать пред очами сию благую и спасительную цель Божию, и при употреблении всех внешних средств внимательно смотреть, как является в нас благодать, как она касается нашего сердца и отверзает его, – чтобы мы с детским послушанием всецело подчинились ей, и таким образом чрез Священное Писание и другие внешние добрые установления приходили к Самому Христу, дабы *иметь жизнь во имя Его* (Ин. 20, 31).

12. Испытайте благодать, что́ есть лучшее (Еф. 5, 10; 1 Фесс. 5, 21), и не расточайте краткое время вашей жизни и благородные благодатные дары ни на какие ненужные и посторонние вещи. Люди берегут свои деньги; вы же берегите своё время и дарованные вам благодатные силы. Идём прямо, скоро вечер! *Одно только нужно* (Лк. 10, 42) – умереть самому себе и всякому творению и жить Богу *в духе и истине* (Ин. 4, 24). Это есть то, что согласно требуют от нас и Писание, и благодать Божия в наших сердцах; это есть то, в чём только и можем мы обрести спасение и мир, как в жизни, так и в смерти. Сюда мы должны направить все наши действия, здесь сосредоточить всю нашу приемательность и познание. Кто совершает это, тот после сего да делает, что ему угодно, если он имеет к тому желание и время.

13. Избегайте всякого не необходимого обращения с людьми мира сего, дабы ваше время не было похищено, а сами вы не оказались запятнанными и пленёнными. Опаснее всего – люди умно-рассудочные, особенно кажущиеся или почитающиеся другими как благочестивые, а также те, кто не последовал со всей прямою и честностью бывшему им призыву от Бога. Ибо таковые как будто специально научены расстраивать истинную, простую, внутреннюю жизнь во Христе всевозможными мнимыми аргументами и смущать и соблазнять неукреплённые души.

14. Пусть не сбивают вас с пути те или иные экстраординарные явления и непонятные духовные силы и действия, которые, прикрываясь видимостью чего-то особого и великого, предлагали бы себя вашим мыслям и чувствам и льстили бы вашему самолюбию. Если такие явления смущают душу и приводят её в недоумение, то всегда смотрите на результат, и познавайте достоинство сих явлений, как дерево *познаётся по плодам* (Мф. 7, 20). При всём, что особо захватывает душу, при всём, в чём есть что-то необычное, при всём, что кажется чем-то великим, необходима особая святая осторожность.

15. Также не давайте себя *отклонить от простоты во Христе* (2 Кор. 11, 3) той или иной видимостью премудрости и высоких познаний. Природа ищет для себя широты; она не хочет быть стеснённой; расточаться во всевозможных образах ей легче, чем страдать и умирать. Бедная и простая жизнь Иисуса для надменного

рассудка есть соблазн и безумие (1 Кор. 1, 23), и он будет мудрствовать до тех пор, пока не изобретёт удобный и приемлемый для него путь, который в конце концов совпадёт с *широким путём, ведущим в погибель* (Мф. 7, 13). Что касается нас, то мы да будем чадами сердца: умирать, молиться и любить – вот что да будет нашей премудростью. Рассудок пусть насмехается над нами, сколько ему угодно; а мы посмотрим, кто – сердце или падший ум – мирно и спокойно достигнет своей цели, и кому Небесный Отец откроет Свои тайны.

16. Наконец, возлюбленные мои, мы должны стать чадами благодати, *любящими друг друга от чистого сердца* (1 Петр. 1, 22). Когда души всё более и более отстраняются от всех образов и всего второстепенного ради *одного* того, что *только нужно* (Лк. 10, 42); когда они поистине становятся верными призыву благодати, подвизаясь в умирании для мира и для всякой ложной жизни и в простоте пребывая с Богом в глубине своих сердец, – то такие души как бы сами собой стекаются друг ко другу в радостном согласии и единстве. Тогда и вечная любовь, *как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские* (Пс. 132, 3), радуется, живя среди нас и благословляя нас (Притч. 8, 31); и мы всё глубже опытно познаём неведомые блага, кои вкушаются в истинном общении святых. А если нам приходится иметь дело с падшим миром, и сей мир отвергает нас, то дадим друг другу руки, и, как истинные *странники и пришельцы* (Евр. 11, 13), будем в одном духе и одних мыслях (Фил. 2, 2) братски и дерзновенно странствовать к блаженному отечеству внутреннего и вечного общения с Богом во Христе Иисусе. *Верен Призывающий нас, Который и сотворит сие* (1 Фесс. 5, 24)! В Нём, Его благодатью, остаюсь я вашим немощным со-путником и братом, –

Герхард Терстеген, Мюльхайм, 30 сентября 1734 г.

С сердечным приветом

и пожеланиями благословения Божия,

Вильгельм Хофман.

**Ободряющее и воодушевительное послание,
обращённое к тем же духовно пробуждённым душам
в виду угрожающего им преследования**

Не бойся, малое стадо!

ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство.

(Лк. 12, 32)

Сердечно близкие мне в благодати Господней
братья и сёстры!

1. Не указано ли, возлюбленные, в нашем договоре, заключённом с Господом Иисусом Христом, что Он даёт нам Царство тем же чином и порядком, каким оно дал Ему Отец, – именно, что вместе со Христом *многими скорбями*, внешними и внутренними, *надлежит нам войти* в это преславное, непреходящее и вечное *Царствие Божие* (Деян. 14, 22), и что всё сие происходит по премудрому определению нашего Небесного Отца, без воли Которого и волос не упадёт с нашей головы (Мф. 10, 29-30; Лк. 21, 18)? Отчего же мы недоумеваем – вместо того, чтобы радоваться, – когда с нами случается то, что Господь заранее возвестил нам? Наоборот, мы поистине имеем все основания *восклониться и поднять головы наши* (Лк. 21, 28) в детском уповании на Бога и уверенности, что дело наше идёт так, как надо, и что с нами Господь со Своим благословением (Мф. 28, 20) – именно потому, что те, кто противится нам, столь люты. Если мы, войдя в союз с Господом Иисусом, объявили войну царству тьмы, то должны вновь и вновь ожидать от него всяческих нападений. Иначе и быть не может. Но если мы непрестанно будем взирать на Того, Кто возлюбил нас (1 Ин. 4, 19; Еф. 2, 4), и не отводить от Него своих очей – то Им сможем мы победить и превозмочь всё, дерзновенно взывая к Сему Подвигоположнику нашему (все враги Которого повержены под ноги Его – те враги, с коими нам всё ещё приходится каждодневно иметь дело): *если Бог за нас, кто против нас* (Рим. 8, 31)?

2. В наши дни Божией благодатью в нас и среди нас посеяно многочисленное доброе семя – и теперь происходит его проверка, очищение и укоренение. Здесь всем нам нужно обратиться к 13-й главе Евангелия от Матфея. Притча о сеятеле должна быть выявлена на деле, дабы всякий нашёл себя, где и как он стоит. Не следует думать, что человек обретает у Иисуса только ощущаемое утешение и сладость. Да, с

Ним неизреченно хорошо; но всё доброе должно быть проверено и испытано, дабы ему не прейти и не погибнуть. Посему крест есть чистая благодать и благость. Не для пустого времяпровождения и не для увеселения, возлюбленные, взошли мы с Иисусом на корабль. Вот уже воздвигнуто малое волнение, за которым может последовать и великая буря; корабль покрывается волнами. И здесь надлежит нам утвердить свои сердца в непоколебимом и безмолвном уповании на Того, Кто с нами внутри корабля, и Кто может запретить ветрам и морю. Да не постыдят нас Его уста, говорящие нам: *что вы так боязливы, малoverы* (Мф. 8, 23-26)!

3. И в самом деле, почему мы должны беспокоиться и приходить в смятение? Если нам придётся пострадать, то, слава Богу, мы страдаем не как преступники (1 Петр. 4, 16). Нашим земным правителям мы покорны, всячески оказывая им подобающую честь и исполняя свой долг, как мы и научены (Рим. 13, 1-7); в церковных делах мы не производим никаких *разделений или соблазнов* (Рим. 16, 17); мы не образовываем, и не собираемся образовывать никакую секту; мы находим свою совесть совершенно чистой в отношении как этих, так и других обвинений, которые нам без всякого основания хотят вменить. Наши собрания, по апостольским установлениям, посвящены тому, чтобы *поощрять друг друга к любви и добрым делам* (Евр. 10, 24), дабы мы, принявшие Иисуса, непрестанно ходили пред Ним и всё более и более укоренялись в Нем. Эти наши собрания не являются тайными, но проходят так, что каждый может слышать, что мы говорим, и при желании приобщиться тому благу, какое во Иисусе обрели мы – и надемся и ещё обрести. Кратко говоря, мы стремимся лишь к тому, чтобы всякий в своём чине и звании жительствовавал как истинный христианин и как христианский гражданин. Кто подозревает нас в чём-то ином, тот или неверно осведомлён, или злонамерен. Поэтому *кто сделает нам зло, если мы – ревнители доброго* (1 Петр. 3, 13)? Если же, невзирая на сие, мы должны страдать, то будем страдать *как христиане, не стыдясь* этого, но *радуясь* предоставленному случаю *прославить Господа* (1 Петр. 4, 13-16) чрез приобщение к Его уничижению, в детском уповании на Его верность, пребывающую вовек (2 Тим. 2, 13). Мужайтесь! Господь всё соделал для нас; Он, Господь, и управит всё. *Его есть Царство* (Мф. 6, 13).

4. Только надлежит нам всегда помнить, что *оружия воинствования нашего не плотские*, но духовные (2 Кор. 10, 4). Всякая победа одерживается нами в тихом, приемательном, верующем и молящемся состоянии души. Наши жёсткие и порывистые природные силы должны быть пригвождены ко кресту Христову и измениться и умягчиться погружением верой в Его кроткую примиряющую любовь,

дабы нам уже не являть никому – даже и противящимся нам – ничего, кроме милующей любви, благожелательства и благодеяний. Так восторжествовал Христос над всеми адскими силами. Если мы при этом будем жить соответственно Евангелию Христову, то все, кто ныне против нас, падут пред нами, когда увидят свет истины Иисуса, почивающий на нас.

5. Никакие измышления, планы и расчёты человеческого мудрования здесь нам не помогут. Пусть невинность пребудет такой, какая она есть, без всяких приукрашиваний; тогда её никто ни в чём не сможет обвинить. Все силы, весь покой и всякое избавление почерпываются только у Иисуса, во внутренней жизни и в детском устройении души; тогда всё остальное дастся нам в тот час и в тот момент, когда нам это будет нужно (Мф. 6, 33). Поэтому мы не должны позволять извлекать себя из сей крепости и разорять себя бесполезными опасениями, человеческими предположениями или бесконечными разговорами о наших нынешних обстоятельствах, – но чрез веру и молитву всё более пребывать пред Господом внутри, и там, как бы в своём укрытии, ожидать врага.

6. Также нам не следует обессиливать себя маловерным «застреванием» на самих себе и постоянным копанием в себе. Мы должны с дерзновением препоручать всё Богу; Он не оставит нас. Всему, что мы делаем или претерпеваем ради Бога, Он придаёт Свою силу, и поэтому нам не нужно смотреть на свои немощи или неспособности. Если только пребудем с Ним в детской вере, то мы сможем всё – чрез Того, Кто укрепляет нас (Фил. 4, 13). И хотя Бог попускает нам иногда в испытаниях и искушениях некоторое время опытно познавать свою немощь, мы не должны этого бояться. Всё сие Он совершает для нашего блага, дабы мы не считали себя героями, но, сколь можно более совлекшись самих себя, прибегали к Его державной помощи и исповедывали, что только *Он – Помощник наш* (Пс. 117, 7).

7. Мы должны иметь дело только с Господом. Мир сей делает своё дело; оставьте его, пусть делает. Господь же хочет во всём и чрез всё насаждать и взращивать Своё дело в наших сердцах; лишь об этом и надлежит нам иметь попечение, – и всё, что противится нам, будет против своей воли наилучшим образом способствовать сему. Мы же да пребудем с Ним во всякий миг нашей жизни, непрестанно взирая только на Него и дерзновенно продолжая свой путь со всё более полным оставлением всего сотворённого и самих себя, дабы только один Иисус соблюдал нас в истине, правил нами и живил нас. Ах, дýши! оставим же себя самих! В нас – сплошная падшесть, немощь и расстройство; во Иисусе – спасение и жизнь вечная. Каждый да ищет сего познания и да вкусит оное! *В Нём* мы должны деятельно *найтись* (Фил. 3, 9). Вход к

сему отверст в Его Крови и близок всякой душе, даже и величайшего грешника. Ах! если бы люди знали сие! как устремились бы они к Иисусу!

Итак, братья мои, примите сии строки, коими хотелось мне приветствовать вас в простоте любви. Мужайтесь о Господе (Ин. 16, 33); *Господь сил с нами, заступник наш – Бог Иаковлев* (Пс. 45, 8)!

В Его благодатной силе да пребываем все мы.

Мюльхайм, 3 октября 1737 г.

О, всеми презираемый Сион! Бог – воздаяние твоё;

лишь только оставайся верным.

Терпи, будь непорочен в мире сем, и возвещай о Нём свободно.

Трактат XII

О христианском отношении к духовным песнопениям и церковному пению

*Воспевайте в сердцах ваших Господу.
(Кол. 3, 16)*

1. Не подлежит никакому сомнению вечная и основополагающая истина, согласная не только со Священным Писанием, но и со здравым смыслом, что, поскольку Господь Бог есть вечная, невидимая и духовная Сущность, то Он не нуждается ни *в служении рук человеческих* (Деян. 17, 25), ни в почитании, совершаемом устами или посредством иных внешних действий, – но приемлет поклонение и служение Себе только *в духе и истине* (Ин. 4, 23). Соответственно сему и наш дух, также вечный и невидимый, предназначен и способен (после того, как Господь приобщит его к живому познанию Себя) к тому, чтобы истинно почитать Бога, *во-первых*, святым, благоговейным жительством в Его соприсутствии и в Его чистой любви и, *во-вторых*, непрестанным пожертвованием сердца, воли и всего, чем мы являемся и что мы имеем, Богу и благоугождению Ему. Сие чистое служение духа и истины в своей силе и полноте составляет особенную отличительную черту Нового Завета, когда *благодать и истина, происшедшие чрез Иисуса Христа* (Ин. 1, 17), преизобильно *даются верующим во имя Его* (Ин. 1, 12). И в самом деле, когда служение Богу обставляется и обременяется многими внешними предметами и чинами, то это совсем несообразно свойствам и качествам Нового Завета.

2. Этим, однако, вовсе не отвергаются и не отменяются ни добрые установления, ни благочестивые обычаи так называемого внешнего богослужения – чтение, устная молитва, пение и тому подобные, совершаемые посредством тела, действия. Ибо *тела наши суть Божию* не в меньшей мере, чем *души* (1 Кор. 6, 20), и посему подобает, чтобы мы служили Богу и прославляли Его и душою, и телом. Только необходимо, чтобы всё наше внешнее богослужение – дабы ему по достоинству именоваться богослужением – проистекало из глубины сердца и соответствовало истинному внутреннему служению Богу в духе.

3. Все сии благочестивые занятия, если они употребляются должным образом, надлежит рассматривать как благодатные, от Бога и Его Промысла установленные *детоводители* (Гал. 3, 24-25) и средства для нашего спасения. Их назначение – пробуждать и укреплять душу и помогать ей в истинном внутреннем служении духа. Ибо человек в своём обычном состоянии, увы! столь обращён мыслями, чувствами и всей своей любовью во внешнее, что совсем далёк от Бога и чужд внутренним действиям Его Духа, так что он вовсе неспособен к духовному общению с Господом и не может распознать и воспринять внутреннее сокровенное водительство Святого Духа и *привлечение от Отца* (Ин. 6, 44). И даже если благонастроенная душа немного и замечает в себе внутренние благодатные действия Божии, то

неупорядоченность душевных и плотских движений, равно как и погружение в занятия внешними вещами так сильно помрачают её дух и приводят её в уныние, рассеянность и беспокойство, что (особенно в начале пути) ищущая Бога душа часто теряет своё благоговение и доброе устройство.

По сей причине любвеобильный наш Бог промыслительно дал нам вышеуказанные внешние благочестивые средства, дабы чрез них человек, Божиим благословением и содействием Святого Духа, всегда мог возвращаться от расточённости во внешнем к внутренней жизни, вспоминая о ней и вновь обращаясь к ней, – и таким образом делаться всё более искусным в любви, познании Бога, общении с Ним и в служении Ему в духе и истине. Эту цель Божию мы должны постоянно иметь в виду при употреблении сих внешних средств – иначе они, вместо помощи и пользы, принесут нам только вред и станут препятствием в служении Богу.

4. Среди сих внешних вспомоществующих средств, без сомнения, важное место занимает чтение и пение духовных гимнов. Рассмотрим же их должное, угодное Богу, применение и пользу от них более подробно; может быть, это послужит кому-либо в назидание.

Прежде всего опыт убеждает нас, что благоговейное чтение духовных гимнов всегда доставляет человеку особенное благословение и пользу. В сборниках духовных песнопений более, нежели в других книгах, живо изображены всевозможные состояния нашего духа; и ищущая Бога душа, в каком бы устройении и внешнем положении она ни была, легко найдёт в них то, что перекликается с её состоянием и что может стать для неё пробуждением, увещанием, укреплением и утешением. Искусно выполненное песнопение всегда имеет в себе некую воодушевляющую силу, чрез что христианские истины как бы сами радостно вливаются в душу и запечатлеваются в ней. К тому же рифмованная речь ложится на память гораздо легче, чем речь обыкновенная, и душе в тех или иных случающихся с ней обстоятельствах сподручнее вспомнить стихотворный гимн, дабы, Божиим содействием, почерпнуть из него назидание и ободрение.

5. Также и пение, совершаемое с верой и благоговением, если оно осенено Божиим благословением, имеет в себе поистине нечто ангельское и доставляет не меньшую пользу, чем чтение. Оно утишает и умягчает страсти и неупорядоченные движения души; нередко оно изгоняет уныние, печаль и сердечную тяжесть; оно ободряет, укрепляет и освежает дух; оно отводит мысли и чувства от внешнего, собирает и возвышает душу к молитве и духовной ясности, – и вследствие сего соделывает нас более способными к истинному служению Богу в духе. Вот что писал блаж. Августин о таком добром действии духовного пения при своём обращении:

«Сколько плакал я над Твоими гимнами и песнопениями (обращается он к Богу), горячо взволнованный голосами, сладостно звучащими в Твоей Церкви! Звуки сии вливались в уши мои, истина проникала в сердце моё, я был охвачен благоговением; слёзы текли, и поистине хорошо мне было с ними»¹.

6. Тому же, что сегодня у большинства собирающихся в церкви людей вовсе не видно этих или подобных им благословенных плодов их пения, удивляться отнюдь не приходится – ибо лишь немногие из поющих ищут сих плодов и достигают их. Прихожане в массе своей довольствуются – как при пении, так и вообще во внешнем так называемом богослужении – лишь по привычке совершаемыми действиями (*ex opere operato*²), и часто с умилением думают, что тот, кто хорошо поставленным голосом пропоёт одно или несколько песнопений согласно требованиям искусства, истинно благочестив и благоговеен. Ах! нигде больше так не унижается и не подвергается большему испытанию кротость и долготерпение нашего Господа, как при молитвословии и пении нынешних «христиан-по-имени»! Их уста говорят о покаянии – а сердце далеко отстоит от покаяния, не желает его, а часто и вовсе не знает, что это такое. Они умильно поют: «Из глубины взываю к Тебе, Господи!»³ – а сами не имеют ни малейшего чувства своей греховности и падшести и живут день за днём весело и сладко. Громовыми гласами они восклицают: «Мир! прочь со всеми своими сокровищами! прочь со своей суетной славой!»⁴ – а между тем это как раз то, что они любят, желают, к чему стремятся (уж гораздо больше, чем к Божией благодати и к отвержению мира и его суеты), и что на самом деле составляет их божество, их идолов, которых они почитают, которым служат и которых не хотят оставить, и не могут понести, когда их у них отнимают. Они сотни раз твердят Богу: «Мой Боже, я приношу Тебе своё сердце»⁵ – и никогда не собираются на деле обратить его к Богу, но наполняют его без всяких сожалений и раздумий внешней мирской суетой и грехами, оставаясь всё время во власти сатаны. Увы! я боюсь, что за таким «богослужением лжи» последует плач и скрежет зубов, когда долготерпение Божие в конце концов исчерпается!

7. В таких обстоятельствах, среди всеобщего злоупотребления сими (самими по себе, впрочем, весьма спасительными) вспомоществующими средствами, те, кто серьёзно относится к освящению и спасению своей души, тем более должны иметь

¹ Исповедь, книга IX, гл. 6.

² [*Ex opere operato* – католическое учение, согласно которому Таинства совершаются в силу совершённого действия как такового, если правильно соблюдены все соответствующие условия.]

³ [Пс. 129, 1.]

⁴ [Хорал (церковный гимн) Иоганна Франка «Jesu, meine Freude» (1650).]

⁵ [Хорал Иоганна Каспара Шаде «Mein Gott, das Herz ich bringe dir» (ок. 1690).]

попечение о том, чтобы пользоваться этими средствами надлежащим образом, дабы им достичь той цели и тех плодов, ради которых премудрость Божия и установила их для нас. О таком добром и угодном Богу применении духовных песнопений мы и дадим здесь несколько простых наставлений.

Прежде всего нужно посоветовать (особенно новоначальным душам), чтобы они, после Библии, как следует усвоили содержание своей книги молитвенных песнопений⁶, часто читая эти песнопения и углублённо размышляя над ними. Тогда во всём, что случается с ними и во всех своих внутренних состояниях они смогут иметь под рукой слова истрезвения, вразумления и укрепления; часто здесь помогает регистр песнопений по содержанию. Нам надлежит иметь книги не для тщеславия, но для доброго употребления – не так, как лицемеры века сего, которые по воскресеньям совершают парадный выход в церковь со своими раззолочёнными драгоценными молитвенниками, в прочее же время в них почти (или вовсе) и не заглядывают.

Не нужно смущаться, если мы порой не знаем мелодию того или иного духовного гимна, или совсем лишены способностей к пению. Можно просто прочитать, или проговорить внутри себя сии молитвенные слова, благоговейно вздыхая ими пред лицом Божиим – и это будет *пением в духе* (1 Кор. 14, 15).

8. Само пение должно совершаться с *благоговением, молитвенностью, простотой и устремлением сердца к Богу.*

Благоговейное предстояние пред лицом Божиим есть необходимое настроение души при пении. Когда ты поёшь, о душа, тогда ты говоришь со святым, вездеприсутствующим Богом так же, как и при молитве. Помни, что ты стоишь в духе пред престолом Божиим с тысячами Ангелов и святых душ и сочетаешь свой слабый голос с ангельской музыкой. *Служи же своим пением Господу твоему со страхом, и радуйся Ему с трепетом* (Пс. 2, 11). Бог не терпит небрежения (Иер. 48, 10). Но, ах! как мало благоговения чувствуется у большинства поющих! Они глядят по сторонам, они заняты всевозможными посторонними вещами, и при всей этой крайней поверхностности думают, что служат Богу, если только их уста громко пропевают правильные слова.

9. Петь надлежит *молитвенно*; сердце и мысли должны быть собраны воедино. Следи мыслью за тем, что произносят твои уста, и одновременно *пой и воспевай Господу в твоём сердце* (Еф. 5, 19). Относись к своей молитве и восхвалению Бога с надлежащей серьёзностью: это есть святое и великое дело – совершай же его не со

⁶ [Gesangbuch – немецкий традиционный сборник духовных гимнов, расположенных по рубрикам: церковные праздники, общественные и личные духовные потребности и т. п. Вручался вместе с Новым Заветом каждому члену Церкви при конфирмации.]

скукой, но бодрственно и от сердца. *Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его во истине* (Пс. 144, 18). Но, увы! если бы мы заглянули в сердца поющих (кои, несомненно, прозрачны для Господа), то мы увидели бы, как их мысли и чувства далеки от молитвы и пребывают при их сокровищах (Мф. 6, 21), при их земных делах и при всём том, что они любят и чего вожделяют. *Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня* (Мф. 15, 8).

10. Также нужно петь *в простоте* и безыскусности. Ты должен всё своё внимание обращать на соприсутствующего тебе Бога, пред Которым открыты все тайники твоего сердца, а не на особое положение тела, или жесты, или на свой голос и украшение мелодии – что только препятствует внутренней молитвенности и приводит к чувственности и нечистому самоуслаждению. Надуманный, искусственный облик вкупе с руладами и вычурностью голоса при пении, так что часто невозможно разобрать ни единого слова, и другие лицемерные ужимки – это поистине мерзость пред очами Божиими, взирающими на простецов (Ис. 66, 2).

11. *Устремление сердца к Богу* – самая существенная вещь, как при пении, так и в молитве. Петь или молиться, не стремясь сердцем к тому, что говорят уста – это просто бессмысленное празднословие и оскорбление Бога. Твёрдо знай, что Господу не нужны все эти наши богослужения, состоящие из вычурных криков. В молитве и пении прежде всего необходимо, чтобы они были выражением твоего горячего алкания и жаждания Бога во Христе, дабы те истины, которые ты произносишь внешне, устами, становились твоей внутренней истиной и сутью – иначе при всей твоей громогласности ты останешься нем пред Богом.

Благой наш Небесный Отец изволил, чтобы мы, неразумные и нечувствительные Его дети, познавали в молитвах и песнопениях святых, какие благодатные действия необходимы нашим душам и какие спасительные блага Он хочет нам дать. Посему Он как бы влагает слова святых в наши уста, чтобы мы научились, как нам нужно обращаться к Нему, и чтобы чрез сие пробудить и укрепить наше слабое и немощное устремление сердца к Нему. О, сколь велико снисхождение и человеколюбие нашего Бога!

12. Таковое внутреннее состояние непременно должно быть при благоугодной Богу молитве и пении, если только мы посредством сего желаем достигнуть Божией цели и истинной пользы и помощи для души. Вышесказанное легко распространяется и на другие стороны молитвенного делания, – в связи с чем мы дадим здесь для простецов ещё одно краткое наставление.

Читаешь ли ты, о человек, или поёшь покаянное песнопение – помышляй, что чрез сие наш милосердный Спаситель хочет привести тебя к покаянию, и предоставляя Его Духу, пребывающему внутри тебя, размягчить твоё каменное сердце глубоким раскаянием о твоих прежних грехах и истинной жадой Его благодати, к твоему действенному обращению.

13. Поёшь ли ты или читаешь духовный гимн об отвержении мира – сразу взгляни со всей честностью внутрь себя, и проверь, не любишь ли ты ещё *мир и всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую* (1 Ин. 2, 15-16)? Рассмотря себя пристально в соприсутствии Того, Кто *испытывает сердца и внутренности* (Откр. 2, 23): когда твои уста поют об отвержении мира, имеешь ли ты при этом подлинное и искреннее намерение сего, и желаешь ли ты навсегда отвратить своё услаждение и любовь от суетных и зыбких видимых вещей сей земли и полагать всю свою радость и полноту жизни только и исключительно в Друге твоей души, Иисусе Христе? Чтобы пробудить нас к такому настроению и укрепить в нём, благой Бог и даровал нам сии песнопения.

14. Намереваясь пропеть гимн, посвящённый рождеству, страданиям, воскресению нашего Господа, или иным тайнам Его великого домостроительства нашего спасения, – веруй несомненно, что Бог являет тебе чрез сие Свою неизреченную любовь и хочет подвигнуть тебя к ответной любви и принятию Спасителя. Внимательно смотри, познаёшь ли ты в живом опыте свою глубокую падшесть и совершенную невозможность самому вразумить себя и помочь себе, и, вследствие сего, крайнюю необходимость в Спасителе, Который изъял бы тебя из бездны падения и горьких грехов и вновь соединил бы тебя во времени и в вечности с Богом, Источником твоей жизни. Помышляй: «Ах! что толку было бы в том, если б я слышал, читал и пел о таком любвеобильном и всеильном драгоценном Совершителе нашего спасения, но сей Иисус не был бы также и *моим* Иисусом, спасающим *и меня* от всех грехов моих? Какое бы мне тогда было утешение в том, что *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного*? Если же это совершенно для меня, то я должен принять Его в истинной вере и всецело предать себя Ему, если только я хочу быть среди тех, кто *не погиб, но имеет жизнь вечную* (Ин. 3, 16)».

15. Если в том или ином песнопении заходит речь о восхвалении Бога, то помышляй, что чрез сие Он хочет напомнить тебе о твоей великой и высокой обязанности и побудить тебя совершать дело, ради которого ты был сотворён, а затем и искуплен – именно, ради восхваления и прославления Бога. Одновременно молись

Ему, да даст Он тебе Своим Духом истинно познать Свою славу, любовь, верность и благость, чтобы ты не только устами, но и всем сердцем, с живой верой, мог поклоняться Ему, хвалить Его и славить. А наряду с сим принимай твёрдое решение – с этого момента, с Божией помощью, ходить во всех путях своих в благочестии и детском страхе Божиим, дабы не бесчестить Бога своей жизнью, когда устами ты славишь Его.

И если всякий раз перед пением человек будет приводить на сердце подобные увещания (сообразно с содержанием песнопения, которое он желает пропеть), то поистине невозможно, чтобы это не послужило к пользе и назиданию его души.

16. Настраивая душу таким образом, можно будет, во-первых, предотвратить искушение лицемерием, когда прекраснейшие гимны часто пробалтываются без благоговения и сердечного устремления к Богу (а то и вовсе без понимания их смысла). А во-вторых, такое отношение к духовным песнопениям поможет благонастроенным душам избежать ненужных сомнений и смущений, когда человек думает, что если он не находит в себе всё буквально, о чём говорится в песнопении, то ему и вовсе не следует петь. Из-за этого то или иное в сих песнопениях пропускают, или изменяют их текст по своему разумению, отчего в собраниях происходит порой немалое смущение, препятствующее духовному назиданию. Ибо, не говоря уже о том, что такие пропуски и изменения человек может совершать, исходя отнюдь не из разумения своего сердечного устройства, а по другим, и даже лицемерным, причинам, – они (эти изменения), по моему мнению, и совершенно не нужны. Мы читаем как в Св. Писании, так и в других книгах многие возвышенные молитвы, равно как и правила жизни святых. Мы не можем полностью усвоить их себе; тем не менее мы созерцаем в них внутреннее состояние этих святых, мы прославляем за это Бога, мы ревнуем последовать им и горячо желаем, чтобы те же чувства и мысли, кои были в них, могли быть и нашим достоянием. Посему благочестивые сердца могут без всякого препятствия молиться всеми выражениями святых в их песнопениях, и таким образом *научать и вразумлять себя псалмами, славословием и прекрасными духовными песнями*. При этом каждый и без молитвослова и без всяких внешних действий может *воспевать в своём сердце Господу* (Кол. 3, 16) то, что он находит особенно нужным для себя.

17. Плодами пения является то, что человек отрешается от всего внешнего, разоряющего его, и приводится в состояние молитвенного благоговения пред Господом; душа становится возвышенной, очищенной, умягчённой и утешенной и более расположенной к молитве. Посему необходимо, и чрезвычайно полезно для

души, правильно использовать такое настроение и по возможности сохранять и укреплять его – чрез благоговейную устную молитву, или чрез внутреннее обращение сердца к Господу в святом безмолвии и внутри-пребывании пред лицом Его. Никак не должно (как это, увы, обычно происходит) сразу после пения и молитвы снова обращать свои мысли и чувства на внешние вещи и рассеиваться в них, из-за чего несколько возгоревшаяся искра доброго устремления к Богу тотчас угасает, и все плоды пения теряются.

18. В заключение напомним то, что было сказано в начале трактата – а именно, что при использовании всех внешних вспомоществующих средств, о коих у нас шла речь, необходимо постоянно иметь в виду их назначение и цель: чтобы чрез них мы могли всё больше и больше пробуждаться, пресекать рассеянность души, собираться внутрь и отрешаться от всего тварного. Таким образом мы соделываемся способными к тому, чтобы воспринять внутреннее действие Божие в наших сердцах и дать ему в себе место, дабы чрез сие нам истинно освящаться и приуготовляться на служение Богу в духе и истине. Разумение сей главной цели даёт нам меру и устав того, как именно и в какой степени нам нужно пользоваться сими вспомоществующими средствами. Если эта цель забывается, то именно то, что может быть нам очень полезным, нередко оказывается вредным для души и останавливает нас на нашем духовном пути.

19. Приведём пример этой меры и устава. Если душа до, или во время, устной молитвы, пения или каких-либо других благочестивых занятий живым и действенным образом ощутит Бога и Его соприсутствие, соприкоснётся с той или иной истиной Божией, Его свойством, Его действием и т. п., и будет удерживаема этим в духе – то тогда ей не просто позволительно, но она непременно должна остановить уста, все мысли и чувства и оставить всё внешнее (насколько оно препятствует внутреннему), дабы дать место внутреннему *привлечению от Отца* (Ин. 6, 44) и действию Духа Святого и обратить своё молитвенное благоговение к Самому Богу, Которому именно так, во глубине души, в величайшем безмолвии, и приносится наилучшим и истиннейшим образом подобающее Ему служение и хвала. Так *восхвалится Бог в тишине на Сионе* (Пс. 64, 2⁷); так человек *поёт и воспевает Господу в своём сердце* (Еф. 5, 19).

20. Поистине, это и есть цель, с которой мы сотворены и паки возрождены Христом – чтобы мы именно таким образом, с детским доверием к Богу, общались с Ним в духе, опытно познавали и вкушали Его спасительный свет, любовь, мир и

⁷ [Так в немецкой Библии. Русский текст: *Тебе, Боже, принадлежит хвала на Сионе.*]

единение с Ним внутри себя и занимали себя только Им и Его совершенствами. Именно сюда хочет привести нас Своими назиданиями и сокровенными привлечениями Святой Дух, – если только мы будем внимательны к тому, чтобы хранить себя пред Ним в безмолвии и в простоте предавать себя послушанию Его верному руководству. И тогда, как говорит один из учителей Церкви, «вся жизнь христианина становится непрерывным праздником, молитвой и хвалебной песнью, псалмами и песнопениями духовными»⁸ – ибо живое, опытное познание Бога и Его сопричастия и обитания в нас (Ин. 14, 23; 2 Кор. 6, 16; Откр. 7, 15) держит дух в постоянном детском благоговейном страхе Божиим, в поклонении Ему и в прославлении Его превысочайшего величия. Ах! сколь *блаженны те, кои живут* таким образом *в доме Господнем! они восхваляют Его всегда* (Пс. 83, 5)!

Сего неизреченного преславного благословения и благодати и желаю я от всего сердца всем чтецам и певцам при употреблении ими своих добрых молитвенных книг!

МОЛИТВА

21. О Боже, столь достойный любви и хвалы! как мало Тебя любят и восхваляют в сии тёмные времена! Ты неизреченно близок к нам (Фил. 4, 5); мы живём, движемся и существуем пред Тобою и в Тебе (Деян. 17, 28); Ты заботишься о нас (1 Петр. 5, 7); Ты стоишь пред дверями нашего сердца (Откр. 3,20) и хочешь приобщить Себе наши души (2 Петр. 1, 4). Но, ах! что же делает Твоё творение? Мы забываем Тебя, мы оставляем Тебя, о единый всенасыщающий *Источник жизни* (Пс. 35, 10; Иер. 2, 13), и занимаем себя ничтожнейшими вещами сей земли, кои не могут иметь в себе, и дать нам, ничего сущностного и переходят, как суетная тень! Однако мы всё внимание отдаём сим вещам, как чему-то великому и важному; Ты же для нас – как будто Тебя и нет, или, по крайней мере, как будто Ты не таков, каков Ты есть – бесконечно преславная и совершенная Сущность, преисполненное любви и единственно спасительное Благо. Тебя хвалят устами и чтут голосами; сердца же свои заполняют творениями. О, как печальна, как ужасна великая слепота и повреждение сынов человеческих! Освети же ясными лучами Твоего света наши помраченные сердца, и открой Себя хотя бы немного в Своей славе и любви нашим душам, дабы мы могли отвергнуть и забыть себя и всю суету мира сего и заниматься только Тобой и своей душой! Тогда мы будем внутренне благоговеть пред Тобою всеми своими силами,

⁸ Климент Александрийский. Строматы, книга VII.

превозносить, восхвалять и любить Тебя всю нашу жизнь, доколе не возымеем великое счастье пасть пред Престолом Твоим со всеми небесными силами и искупленными от земли, воспеть с ними новую песнь и поклониться тебе, Живущему во веки (Откр. 5, 9; 14, 3). Аминь.

Приложение I

Изъяснение
некоторых положений
о вере, оправдании, писаном слове Божию
и проч.

*Христос за всех умер,
чтобы живущие уже не для себя жили,
но для умершего за них и воскресшего.*
(2 Кор. 5, 15)

Предуведомление

Некоторое время назад мне было высказано пожелание, чтобы я изложил свои мысли касательно веры, оправдания и писаного слова Божия, а также касательно иных, менее важных вещей, не относящихся к насущнейшим для человека. Хотя, как мне представляется, я уже достаточно говорил и писал об этих материях, – но поскольку меня (по настоянию многих) просили о том благочестивые учёные мужи, с коими я связан узами дружбы, то я не мог уклониться от их просьб и составил более подробное изложение сих предметов. Некоторые из моих добрых знакомых списали оное для себя; ознакомившись с этими письменными копиями, я нашёл их не во всём удовлетворительными. Посему я счёл нужным пересмотреть рукопись ещё раз, подчеркнуть главнейшее и назидательнейшее, здесь и там прояснить некоторые выражения, а также приложить для большей душевной пользы несколько молитв, – и всё сие отдать в печать, с искренним желанием, чтобы Господь не оставил мой труд без Своего благословения.

I. О ВЕРЕ И ОПРАВДАНИИ

1. Поскольку от меня требуют разъяснения тех положений, о коих я уже неоднократно (и, полагаю, весьма ясно) высказывался, то я прежде всего хотел бы выразить пожелание, чтобы души, пробуждённые к жизни с Богом, уподоблялись христианам первых времён, и больше обращали внимание на необходимейшие вещи, нежели на слова, мнения и всякие отвлечённые тонкости.

Виною излишнего интереса к теоретизированию по большей части являются учёные – которым лучше было бы подумать о том, что едва ли один из тысячи среди истинных верующих в точности понимает все их дефиниции и рубрики; и, напротив, тысячи других людей содержат в голове слова истины, но живут не по истине этих слов. Предметы благочестия лучше всего изъясняет опыт. Святой Дух не всегда руководит нами в прямом соответствии с человеческими богословскими системами, хотя все Его пути – истина (Втор. 32, 4). Увы! часто составленные людьми духовные предписания служат более к разорению, чем к созиданию. Мудрый и разумный отец руководит и воспитывает своих детей не всех одинаковым образом, но в соответствии с устройством каждого: одного так, другого – иначе (1 Кор. 7, 7).

2. О вере и оправдании я писал в трактате «Предостережение от духовной поверхностности и беспечности» (например, в §§ 17–24), равно как и в других местах.

Вера по большей части (без достаточных, однако, на то причин) описывается слишком сложно. Я хочу сказать о ней кратко и просто.

Вера есть несомненное убеждение нашего сердца в истинности касающихся нас невидимых и будущих вещей. Или (что то же самое): *кто верует от сердца, что есть на небе Живой и всеведущий Бог, и что слово Его есть истина, и что по этому слову он будет некогда судим, – тот имеет истинную спасающую веру.*

«Как хорошо!» – подумают многие. – «Если вера состоит только в этом, тогда мне беспокоиться не о чем, ибо от юности я именно так и веровал, и ныне готов подписаться под всем сказанным». Но точно ли так? спрошу я. Веруешь ли ты всем сим великим истинам именно *от сердца*? Веровать всему этому от сердца есть действие Духа Святого. Яви же и покажи мне сию твою веру от дел твоих (Иак. 2, 18)! «При чём же тут *дела*», ответят мне, «мы ведь говорим о *вере*, которая одна спасает; *дела не помогают нам нисколько*¹». – Действительно, «заработать» себе небо невозможно никакими делами. Но тем не менее вера и дела составляют одно целое и следуют друг за другом, – иначе никто не поверит тому, кто утверждает, что он верует.

Поясню, что я имею в виду, несколькими простыми примерами. Некого тяжело раненого человека убеждают: «Твои раны смертельно опасны; если ты промедлишь, то тебя непременно поразит антонов огонь; иди скорее к такому-то врачу, он разумеет дело; не медли, иначе будет поздно». Как я узнаю, что этот человек поверил сему предостережению? Несомненно, если он действительно обратится к врачу и вверит себя его врачеванию. Ещё пример. Умиравшему от голода бедняку говорят: «Смотри, здесь недалеко живёт один богатый и очень добрый человек, который охотно даёт всякому то, о чём его просят». По какому признаку ты поймёшь, что сей бедняк поверил твоим словам? Когда он поспешит к этому доброму богачу, объявит ему свою нужду и попросит его о помощи (конечно же, им никак не заработанной и не заслуженной). Ещё. Если бы кто-нибудь сказал нам: «Твой (или соседский) дом загорелся; беги скорее, может быть, ещё возможно его потушить», а мы, услышав это, продолжали бы заниматься своими делами, – то из этого стало бы очевидно, что мы не поверили сказанному; если бы поверили, то мы бы вскочили, помчались и попытались спасти из огня то, что ещё можно спасти².

«Смотри», – говорит мир сей, – «как бегают и шумят эти "духовно пробуждённые", как будто они хотят заслужить себе небо своим благочестием!» Да, любезный друг, если бы ты чувствовал, что они чувствуют, и веровал бы так, как они веруют, то, вне

¹ [Строка из хора Пауля Сператуса (1484–1551) «Es ist das Heil uns kommen her».]

² О вере ещё будет сказано к концу сего изложения, в § 8.

всякого сомнения, и ты также забéгал бы и заспешил и принялся бы спасать свою душу – ибо именно ты и есть этот тяжело раненый, истекающий кровью человек; это дом твоей души горит. Посему вера есть основа и истинный движитель всех святых и подлинно добрых дел и действий. Прочти целиком 11-ю главу Послания к Евреям. Св. Апостол показывает, что поскольку упоминаемые им во всей сей главе святые свидетели имели веру, то именно поэтому они и жили, как они жили, и совершали то, что они совершали, каждый сообразно своей мере и обстоятельствам.

Итак, в приведённом мною кратком и общем определении вера (которую, если речь идёт об оставлении грехов, называют *оправдывающей*) уясняется в достаточной степени.

3. Оправдывающей верой не может быть то, когда я верю, что оправдан; не может быть уверенность, что мне прощены мои грехи. Хотя Бог иногда и даёт глубокое сердечное удостоверение такого прощения, но неверно и опасно полагать веру или оправдание именно в этом. *Истинная оправдывающая вера состоит в том, что бедный смирившийся грешник, веруя, что только во Христе он может обрести прощение грехов³, помощь и спасение, всем сердцем, с внутренней алчностью и жаждой, приходит к Нему (Ин. 6, 35), принимает Его как своего Спасителя (Ин. 1, 12) и истинно и всецело предаёт и вверяет⁴ себя Ему (2 Кор. 8, 5).* С такой верой оправдание связано неразрывно; уверенность же в оправдании Бог даёт человеку в большей или меньшей степени, раньше или позже, как Ему будет угодно и душе полезно. Это мы можем всецело препоручить Богу, а сами заботиться о том, чтобы не *однажды* только уверовать, но веровать *непрестанно*, – посредством многообразных перемен, крестов и испытаний проходя проверку сей веры, возрастая и укореняясь в ней. Тогда и оправдание наше будет становиться всё более *твёрдым* и *драгоценным* (2 Петр. 1, 10; 1 Петр. 1, 6-7).

4. Если говорить об оправдании подробнее, то я нахожу в Священном Писании и в опыте *четвероякое оправдание*, – что не всеми в должной мере различается, отчего нередко происходят недоумения и богословские споры.

³ Неразумно подходят к делу те, кои настаивают на том, чтобы обращающаяся к Богу душа утверждалась только на умозрительной молитве об оставлении её прошлых грехов, – в то время как её нынешняя внутренняя немощь и повреждение должны составлять для неё предмет гораздо более важного попечения.

⁴ Именно это выражение употребляли первые христиане для описания веры. Один известный учитель Церкви говорит, например, так: «Или не знаешь, что во всех делах предшествует вера? Какой земледelec может получить жатву, если прежде не *вверит* земле семени? Кто может переплыть море, если прежде не *доверится* кораблю и кормчему? Какой больной может излечиться, если прежде не *доверится* врачу? Какое искусство или знание можно изучить, если прежде не отдадим себя и не *доверимся* учителю? Итак, земледelec верит земле, плаватель – кораблю, и больной – врачу, а ты не хочешь *ввериться* Богу, имея от Него столько залогов?» Феофил Антиохийский. К Автолику, книга I [см. Ранние отцы Церкви. Брюссель, 1988, стр. 463].

Первое оправдание совершается вне нас; тем не менее оно является основанием всего (*Justificatio fundamentalis extra nos, in foro laesae Majestatis divinae*⁵) – именно, когда Христос в состоянии Своего уничтожения и страданий, особенно на крестном древе, предстал вместо нас, как наш Ходатай и Поручитель (1 Петр. 3, 18; 1 Тим. 2, 6), пред строгим судом оскорблённого Божия величия, и в силу Своих заслуг, смерти и совершенного удовлетворения правде Божией был прощён и оправдан пред сим судом, замещая всех нас. Об этом оправдании говорит Сам Христос у Пророка: *Близок оправдывающий Меня: кто хочет состязаться со Мною?* (Ис. 50, 8), также и Исаия: *От суда Он был взят* (Ис. 53, 8), и Павел: *Христос оправдан в Духе* (1 Тим. 3, 16; см. ещё Рим. 6, 10, ср. со стихом 7).

Адам был не только собою лично; он был неким всеобщим человеком, нашим родоначальником. Когда он пал, пали и все, родившиеся из него. И Христос совершал Своё дело также не для Себя одного⁶; Он был всеобщий Человек, венец всего, *Отрасль* (Зах. 6, 11), Начальник предназначенного к спасению человеческого рода. Когда Он был оправдан, то с Ним оправдались и все, принадлежащие Его роду (Деян. 17, 28) и рождённые из Него (Рим. 5, 12; 15).

И всё сие столь несомненно и действительно, что все истинные верующие от сердца исповедают, и могут засвидетельствовать пред другими, что поскольку Один за всех умер и был оправдан, то и все умерли и оправданы (2 Кор. 5, 15). Бог соделал Того, Кто не ведал ни единого греха, как бы грешником – за нас. *Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их* (2 Кор. 5, 19; Рим. 5, 10), и так *послушанием одного сделались праведными многие* (Рим. 5, 19; Ис. 53, 11).

В силу этого оправдания Христова, вменённого нам, *Бог оставляет времена неведения* (Деян. 17, 30) и как бы «закрывает глаза» на *грехи, соделанные прежде, во время долготерпения Божия* (Рим. 3, 25-26); *повелевает же людям всем повсюду покаяться*, одновременно привлекая их Христовым воскресением к вере и оправданию (Деян. 17, 30-31). Ибо после того, как Сей, как истинный *Первосвященник*, *вошёл со Своею Кровию во святилище* (Евр. 9, 11-12), Божие сердце и Божия святыня отверсты теперь всякому, и самому наибеднейшему человеку. Его рука простёрта, чтобы спасти (Ис. 59, 1). Он просит и взывает чрез Своих посланников вовне и Своим Духом внутри нас: *примиритесь с Богом* (2 Кор. 5, 20). *Покайтесь и веруйте, что*

⁵ [Основополагающее оправдание вне нас пред лицом оскорблённого величия Божия.]

⁶ Сам Христос не имел греха; я, следуя примеру Апостола (см. 1 Кор. 15, 21-22), употребляю здесь это выражение для того, чтобы тем отчётливее выступало сравнение Христа с Адамом.

приблизилось Царство небесное (Мк. 1, 15). Если всё сие происходит с нами, то мы имеем часть в этом первом оправдании и входим во второе.

Молитва

Но прежде, душа моя, остановись на мгновенье. Изумись, поклонись и почти сию бездну премудрости, любви и всемогущества твоего Бога, возжелавшего сотворить столь непостижимое чудо для твоего спасения и возрождения, свершённое в Иисусе Христе. Так возлюбил меня Бог, прежде чем хоть пылинка моего существа появилась на свет – о, какая высокая честь! Так Бог продолжал любить меня, когда видел меня уже падшим, повреждённым, погибшим – о, какое неизреченное милосердие! Так Бог возлюбил меня, недостойного, без моих просьб, ничем не принуждённый, нисколько не нуждаясь во мне – о, какая великая благодать! Бог даровал мне Своего Единородного Сына, Который, став человеком, стал родным для меня, – дабы Он, как бы понуждаемый этим родством, любил меня и заботился обо мне. Я вижу Его, Праведника, ради моей вины и моих злодеяний (которые Он принял на Себя, как Свои собственные) стоящего пред строжайшим судом и искупающего все мои, и всего мира, грехи, и искупающего *до последней полушки* (Лк. 12, 59). Я вижу Его на кресте, раздравшего *рукописание, бывшее против меня* (Кол. 2, 14). Я вижу Его и после сего – как Он, излив Свою драгоценную Кровь, вошёл во святилище, изнёс мне оттуда истинное и вовек пребывающее искупление и милостиво предложил Мне Свою благодать и спасение. Итак, *приступи*, душа моя, с *дерзновением* (Евр. 4, 16); иди, ибо тебе дозволено идти, и навек возлюби ответною любовью Того, Кто прежде возлюбил тебя (1 Ин. 4, 19) и Кто открыл тебе сию великую тайну Своей воли (Еф. 1, 9), *во что желают проникнуть Ангелы* (1 Петр. 1, 12).

* * *

5. *Второе оправдание* происходит в сердце и совести кающегося, смирившегося, жаждущего благодати и всеусердно стремящегося ко Христу грешника, когда то, что было совершено *для него и вне него*, усваивается ему Духом Святым – когда ради Христа ему прощаются все его грехи (Лк. 18, 14; Рим. 3, 24) и даётся новое сердце (Деян. 15, 9) *вкупе с лучшей надеждой и дерзновением, посредством которых мы приближаемся к Богу* (Евр. 7, 19; Еф. 3, 12) как в жизни, так и в смерти. Подобно тому, как нищая, привлечённая ради своей бедности к суду девица вступает в брак с

богатым человеком, и все её долги переходят на него, и она выходит из суда оправданной; блага, права и имущество её мужа теперь принадлежат ей, равно как, со своей стороны, её сердце, её воля, всё, чем она является и что имеет, отныне становится больше не её собственностью, но мужа, – так соединяет нас истинная сердечная вера со Христом. Не в одних мыслях, а на самом деле становимся мы, без наших заслуг, оправданными по Его благодати, в силу чего душа, как сия нищая девица, обручается с Ним в вере так, что сбывается сказанное: *Он Господь твой, и ты поклонись Ему* (Пс. 44, 12). Он со всем, что принадлежит Ему, становится нашим, и мы со всем нашим – Его (Песн. 6, 3; Лк. 15, 31). С этого момента мы поставляемся на путь и в состояние спасения; но также и на путь и в состояние освящения и совершения добрых дел (1 Фесс. 4, 3; Еф. 2, 10; Тит. 2, 7).

Это второе оправдание, о котором говорится во многих местах Священного Писания (*Justificatio fundamentalis in nobis, in foro conscientiae*⁷), есть основа и начало благочестия во Христе Иисусе, *Который умер за всех* именно для того, *чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего* (2 Кор. 5, 15).

Я не отрицаю того, что оправдание, как его представляет Священное Писание, может пониматься как некий юридический процесс. Однако нельзя подходить к делу Божию с человеческими мерками. В земном суде бывает, что человек выходит из опасного для себя положения с помощью хитрости и лукавства; что вора прощают, но сердце его, как и прежде, остаётся сердцем вора. У Бога не так. Его судебный вердикт есть державное слово, которое осуществляет то, что изречено; и тогда утишается совесть и обновляется сердце. Когда Бог оправдывает несправедливого, то сей становится на путь праведности.

Где есть покаяние и вера, там, вне всякого сомнения, есть также и это оправдание пред судом совести, иначе вера не была бы оправдывающей верой, вера была бы не верой. Кающаяся верующая душа именно по этому признаку узнаёт в себе основание, за которое она может дерзновенно держаться и идти дальше. Ясно же ощущаемое удостоверение в оправдании, как уже говорилось выше, может быть или не быть, чувствоваться в большей или меньшей степени, раньше или позже – как угодно Богу; но оно не есть необходимый и обязательный признак оправдания. Необходимый и обязательный плод, и бесспорное доказательство оправдания есть *новый ум Христов* (1 Кор. 2, 16), ненависть ко всем увиденным в себе грехам, сердечное стремление ко всякому благу и любовь к Тому, *Кто возлюбил нас и предал Себя за нас* (Еф. 5, 2). Если этого плода нет, тогда и никакого оправдания в нас нет.

⁷ [Основополагающее оправдание внутри нас пред лицом совести.]

Сие второе оправдание всегда и непременно имеет место на всём протяжении благочестивой жизни христианина; оно есть фундамент, и пребывает фундаментом от начала и до конца – и не только потому, что мы совершаем новые грехи (ибо если чада Божии согрешают – здесь имеются в виду, конечно, грехи по немощи, – то они чрез Христово ходатайство вновь примиряются с Отцом (1 Ин. 2, 1), пусть даже эти немощи всё не перестают проявляться). В продолжение освящения нам всё больше открывается падшесть плоти и духа, самолюбие, самонадеянность, скрытая надежда на свои дарования, усердие, дела, внешнее положение и т. д. Среди многочисленных крестов, испытаний и внутренних изменений душа всё глубже отрешается от себя и смиряется – и тогда Иисус и Его праведность всё более укореняются и воссиявают в душе, чудесно умножая в ней мир и блаженство.

И не только это; но всё наше внутреннее и внешнее освящение постоянно требует оправдания. Наши даже и самые прекрасные одежды должны быть *омыты и убелены Кровию Агнца* (Откр. 7, 14). Всё доброе, что мы имеем и делаем, все наши страдания вплоть до мученической смерти – ничто не есть истинное благо пред Богом, ничто не достойно Его, ничто не приемлется Им, как только в силу достоинства Христа, Которому мы принадлежим. В Нём, во внутреннем общении с Ним, должно совершаться всё (Ин. 3, 21), и чрез Него, как нашего Первосвященника, приноситься в жертву Богу.

*И жизнь, и смерть моя
в руках Твоих да будут*⁸.

Мы вернёмся к изъяснению сего при обсуждении четвёртого оправдания.

Молитва

О мой Боже! Твоё непостижимое милосердие даровало мне Спасителя, прежде чем я узнал о своём бедственном положении и пленении; Врача, взявшего на Себя мою болезнь, которую я сам ещё не чувствовал; Ходатая, искупившего мои неоплатные долги, о которых я и не догадывался. Но чтобы мне подлинно уразуметь и оценить мою нищету и Твою любовь, Твоя человеколюбивая премудрость и премудрое человеколюбие пробудили меня от моего смертного сна, дабы я мог хоть немного увидеть ужасную, угрожающую мне опасность, вострепетать и воззвать о помощи. Ты попустил мне заболеть смертельною болезнью, чтобы, после того, как я издержу всё

⁸ [Строки из 6-й строфы духовного гимна Терстегена «Христос – оправдание наше». См.: Gerhard Terstegen's Geistliches Blumengärtlein inniger Seelen, Stuttgart, 1927, S. 356.]

своё имение на врачей (Лк. 8, 43), исцелить меня. Ты повелел истребовать со всею строгостью мои долги и повлечь меня на суд, где нет места ни прощению, ни отсрочке; и поскольку даже нечего и думать о возможности уплаты, то мне неминуемо грозил горький, но праведный осуждающий приговор, – и в таковой крайней нужде Ты облистал меня светом моего доселе неведомого Поручителя и Ходатая, Который предъявил суду моё разорванное рукописание (Кол. 2, 14) и вернейшее свидетельство совершеннейшей уплаты моих долгов Своею божественною заслугою и Кровию. О чудо! Обвинитель отступает, умолкнув; Судия выказывает Своё полное удовлетворение – и моё трепещущее от столь великой перемены сердце, ещё недавно почти остановившееся во мне, в великом утешении припадает к стопам своего божественного Искупителя, дабы всецело излиться пред Ним и погрузиться в Него. Что мне сказать? могу ли поверить? могу ли дерзать, о мой Спаситель? Тело и душа, сердце *и вся внутренняя моя* (Пс. 102, 1) да будут без остатка отданы Тебе, чтобы отблагодарить Тебя! Но ах! всё моё слишком мало и худо для жертвы благодарения Тебе за все Твои милостивые благодеяния, и моё сердце только вновь и вновь будет износить из себя плоды повреждения. Даруй же мне новое сердце, сердце, полное Твоей любви, Твоей святости, Твоих добродетелей, дабы я им мог служить и угождать Тебе и прославлять Тебя! Ей, Иисусе! дай мне такое сердце, чтобы мне не стыдно было вернуть его Тебе; или, лучше, Сам возьми моё сердце в Твои руки, дабы оно со всем, что в нём, освятилось Твоим божественным совершенством и соделалось в Твоих руках жертвой, благоприятной Твоему Небесному Отцу, как в жизни, так и в смерти. Аминь.

* * *

6. *Третье оправдание*, о котором говорит Священное Писание – это то, когда мы предстаём праведными пред другими людьми (*Justificatio attestans in foro Ecclesiae*⁹). Оно есть не что иное, как освящение, выявляющееся пред всеми в своих нелицемерных плодах, свидетельствующих о живом наличии веры, оправдании пред Богом и новом благодатном состоянии. *Покажи мне веру твою от дел твоих* (Иак. 2, 18). Оправдывающая вера соединяет нас со Христом, нашим Главою и Начальником новой жизни; подлинность этого единения должна быть явлена и подтверждена. Кто праведен, должен доказать это тем, что он не перестаёт стремиться ко всё большей праведности (Фил. 3, 13-14; Откр. 22, 11).

⁹ [Оправдание, свидетельствуемое пред лицом Церкви.]

Освящение и его плоды не оправдывают нас пред судом оскорблённого величия Божия (Рим. 4, 2) – и самый угодный Богу человек должен молиться: *не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих* (Пс. 142, 2); но они оправдывают нас пред судом Церкви. Истинные верующие стремятся к освящению и от сердца делают добро; но этим они не оправдываются пред Богом (1 Кор. 4, 4). Они не могут ни здесь, ни в оный день поставить своё освящение и доброделание Богу в счёт, чтобы это имело значение пред Его судом. Праведники забывают свои дела (Мф. 6, 3; 25, 37) – но как раз поэтому праведный Бог не забывает их (Евр. 6, 10). Писание говорит, что *их дела* идут не впереди них, как бы отверзая пред ними небесные врата, но именно *следуют за ними* (Откр. 14, 13). В день, когда Господь явится судить живых и мёртвых, *те, которые во Христе Иисусе* (Рим. 8, 1), не предстанут пред судом (Ин. 5, 24) оскорблённого величия Божия (хотя и будут на нём, 2 Кор. 5, 10); после же судебного изречения божественного благоволения во Христе они сразу будут оправданы (Мф. 25, 34; Рим. 2, 7) и в вечном блаженстве будут вкушать плоды дел своих (Ис. 3, 10).

Освящение и его плоды иногда могут дать совести удостоверение о достигнутом оправдании пред Богом по благодати. *Если сердце наше не осуждает нас* (1 Ин. 3, 21), но свидетельствует, что мы действительно имеем подлинную любовь – тогда можно немного утишиться и ободриться. Но это не высший суд: сердце наше не может всегда быть безошибочным и беспристрастным ни в обвинении, ни в оправдании. Поэтому когда сердце не находит в нас вины, то хорошо проверять его искренней молитвой царя и пророка Давида: *Испытай меня, Боже, и узнай сердце моё; испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный* (Пс. 138, 23-24). И наоборот: *если сердце обвиняет и осуждает* бедного грешника, то он также может обратиться с апелляцией к Богу, *ибо Бог больше сердца нашего и знает всё* (1 Ин. 3, 20)¹⁰.

В этом третьем оправдании человек оправдывается делами, а не верою только (Иак. 2, 24). Только *тот, кто делает правду, праведен, подобно как Христос праведен*; кто думает иначе, *обольщает себя* (1 Ин. 3, 7). Кто истинной верой

¹⁰ [В русской Библии здесь вставка: *ибо если сердце наше осуждает нас, то [кольми паче Бог], потому что Бог больше сердца нашего и знает всё* (1 Ин. 3, 20). Немецкий текст буквально следует греческому. – См. о том же у Иоганна Арндта, «Об истинном христианстве», кн. II, гл. 52, § 14: «Во время душевных бедствий твоих не слушай никаких суждений мира сего и не обращай на них внимания, как поступал Иов, когда осуждали его друзья его. Не слушай и того, что говорит тебе безутешный дух, диавол, и даже что говорит тебе собственное твоё сердце, совесть, плоть и кровь. *Если сердце наше осуждает нас, то Бог больше сердца нашего* (1 Ин. 3, 20), больше мира сего и всех бесов. В такие моменты ты должен слушать только то, что говорит Бог о пребывающих в сих скорбях людях: *Я взираю на угнетённого и сокрушённого духом* (Ис. 66, 2); *Я испытываю тебя в горниле страданий* (Ис. 48, 10)».]

пребывает во Христе, тот перенимает свой нрав, стремления и дела от того корня, из которого он произрастает (1 Ин. 3, 6; Ин. 15, 5). Освящение и добрые дела нельзя понимать иначе, чем в связи со Христом. Через истинное обращение мы, по выше разобранному *второму оправданию*, укореняемся во Христе и *насаждаемся, как пальмы, в доме* Церкви Божией; таковым *праведникам* даётся от Христа (как, собственно, и толкуется сей Псалом), что они *процветут во дворах* дома Бога нашего (Пс. 91, 13-14); украшением же сего дома является не что иное, как *святость* (Пс. 92, 5).

Святое и непорочное жительство верующих, как *письмо Христово* (2 Кор. 3, 3), читаемое всеми людьми, должно оправдывать их и пред судом мира. О, сколь печально, сколь в высшей степени укорительно, что христиане своей нехристианской жизнью дают повод к хуле врагам Господа (Рим. 2, 24)! Мир сей до скончания века по сути своей всегда будет ненавидеть и хулить истинно жительствовавших чад Божиих, ибо *они не от мира* (Ин. 15, 19). Но когда находят на людей мира сего *дни посещения Божия* (1 Петр. 2, 12), болезни, скорби, нужды, утеснения совести и т. п. – тогда они прибегают к добрым нравам и делам именно христиан, которых они прежде злословили как злодеев (Прем. 5, 3-5), признают в них *возлюбленных Божиих* (Ин. 17, 23) и прославляют за них Бога.

Молитва

О Спаситель мой! как бесчестит Тебя и Твоё имя не только мир сей, но и люди, называющиеся именем Твоим! В них не видно ничего, что было бы достойно Твоего имени, Твоего духа и Твоего учения! Они прославляют Твои заслуги – и они же попирают их и Твою бесценную Кровь своими ногами! Могут ли быть Твоим народом те, которые служат Тебе только устами в определённые часы недели, а Твоим врагам и ложным богам – всем сердцем и целыми днями? Могут ли быть Твоими чадами те, которые показывают своими делами, что они ни в малейшей степени не являются участниками Твоего естества (2 Петр. 1, 4)? Живые ли ветви на Тебе, сладчайшей Лозе (Ин. 15, 1), те, кто произрастает сплошь кислые ягоды и гнилые плоды? Нет, нет, о Иисусе! кто сознательно грешит, тот никогда *не видел Тебя и не познал Тебя* (1 Ин. 3, 6)! Лукавое сердце (Пс. 31, 2) лукаво похваляется оставлением грехов – но *Христос не есть служитель греха* (Гал. 2, 17). Не знает Тебя и не имеет примирения с Богом тот, кто прикрывает свои грехи Твоей заслугой и оправданием.

Если падение Адама и наше безумие имеют силу соделать нас неправедными, то сколь несравненно более Твоя заслуга и благодать сильны оправдать нас! Ах! да познает в себе христианский мир сию Твою силу и перестанет быть – как это уже слишком давно стало обычным – камнем преткновения и соблазна для других народов из-за своего нехристианского жительство! Спаси Свою честь, о мой Спаситель; оправдай Своё имя – да станет Твой народ народом праведников! Яви Свою силу и на мне, немощном и нищем, и на тех, кто вкупе со мною предал себя благочестивой жизни! Ах! как недостаточествуем и мы, *царственное священство, люди, взятые в удел* (1 Петр. 2, 9)! Как тёмн мой свет – а он должен светить во всём доме Твоём! Спаси же и во мне Свою честь, оправдай и во мне Своё имя, дабы я, *не могущий без Тебя делать ничего*, неложно пребывал в Тебе *и принёс много плода* (Ин. 15, 5), в славу моего Небесного Отца! Аминь.

* * *

7. *Четвёртое оправдание* я желал бы себе и другим лучше познать опытно, чем говорить о нём много слов. Кратко коснусь поэтому лишь главного. Это оправдание может быть названо «*Justificatio inhaerens et finalis in foro divinae benevolentiae*» – «внутреннее и конечное оправдание пред лицом Божия благоволения». Оправдание в общепринятом смысле слова и освящение сливаются здесь в одно и достигают своего совершенства. Бесспорно, что цель и конец всех путей Божиих в отношении падшего человека состоит в том, чтобы Бог чрез восстановление человека вновь просиял в нём и стал *всем во всём* (1 Кор. 15, 28). При первом оправдании человек является как виновный, постыженный и низложенный, Бог же и свободная благодать во Христе – высоко вознесёнными и прославленными. Истинное освящение сохраняет тот же порядок вещей: греховно-самолюбивая жизнь человека (а никакой другой падший человек не имеет) и всевозможные *скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1) открываются и осознаются всё больше и глубже, низлагаются и жертвенно умерщвляются; Христос же и Его благодатная жизнь восходят на их место, поскольку кто таким образом со Христом умирает, тот со Христом и оправдывается от греха (Рим. 6, 2; 7; Фил. 3, 9-11).

Далее: при всём желании человека своими силами (сколь прикровенно бы эта самость ни прокрадывалась в его душу) стать благочестивым, святым, верным и благоговейным, он оказывается всё более несостоятельным пред Богом. Поэтому ему ничего не остаётся, как всё больше и больше предавать всего себя Христу, Его благодати и Его духовному действию. Человеку надлежит всё препоручать Господу,

давать Ему место и предоставлять Ему действовать и жить в себе. «Тебе мы предаём себя всецело, как истинные христиане¹¹». Одним словом, человек должен умаляться, а Христос в нём возрастать (Ин. 3, 30), вплоть до того, чтобы над ним исполнилось сказанное: *уже не я живу, но живёт во мне Христос* (Гал. 2, 20). Христос Сам становится его премудростью, праведностью, освящением и спасением – и не только объективно, по вменению, но и внутренне, в силу Своего благодатного вселения.

Затем Бог испытывает то Своё достояние, которое Он положил в душе – то благо, говорю я, которое Христос произвёл и производит в душе Своим Духом. Бог признаёт добрым и оправдывает благодатное состояние души (Рим. 8, 16; Евр. 11, 5), её освящение, её красоту, её добродетели, ибо они – Христовы (Песн. 1, 14; Откр. 2, 17). Он принимает её дела, как угодные Ему, *ибо они в Боге соделаны* (Ин. 3, 21). Богу приятна та служба поклонения, хвалы, любви и почитания Его величия, которую ему приносит душа (Мал. 3, 3-4) – ибо всё сие производит в ней Его Дух (Рим. 8, 27). Бог взирает с благоволением как на очищение себя, смирение и забвение себя и всего своего, над чем душа бдит в самой своей глубине, так и на её благоговейное обращение к одному только Богу, её мирное и чистое всецелое прилепление к Нему, к Его благодати, к Его руководству ею. Тогда Бог благоволит паки упокоиться в деле рук Своих, как это было в начале (Быт., гл. 1 и 2), и соделывает душу причастницей Своего покоя и благобытия, так что она блаженно вкушает внутри себя начатки вечной субботы. Посему я и называю это «конечным оправданием пред лицом Божия благоволения».

Но здесь нужно многое очищение и освобождение души от всего, что не есть Бог и Божие, прежде чем Христос один воцарится в душе; многое исхождение из самого себя, чтобы таким образом человек мог совершенно *найтись во Христе*. Павел был оправдан и освящён, он пребывал во Христе – и однако же он всё больше *стремился простираться вперёд*, он хотел *найтись во Христе* ещё совершеннее, *не со своею праведностью* (Фил. 3, 9; 12-14), и т. д. Также он не желал своё уже достигнутое по благодати оправдание считать своим (1 Кор. 15, 10) и хвалить и ублажать самого себя – это он *счёл бы хищением* (Фил. 2, 6); но он хотел ради Иисуса совлечься всех своих преимуществ, чтобы всецело погрузиться во Христа, дабы Он один был для него всем (Фил. 3, 7-8). Тогда только в полной мере *Господь* становится *оправданием нашим* (Иер. 23, 6) – и это есть конец и цель нашего пути. В виду сего великого оправдания *всякое колени* человеческое поистине должно преклониться пред Богом, дабы *всякий*

¹¹ [Строка их духовного гимна Мартина Лютера «Gott der Vater steht uns bei».]

язык исповедовал и воскликнул (Рим. 14, 11): Только у Господа оправдание и сила (Ис. 45, 24-25)!

Молитва

Ей, аминь! *Бог – всё, я – ничто!* Сия великая истина да освободит мой дух из его мрачного пленения (Ин. 8, 32) и да возрадует его всецело! Это, о Боже, и есть конец моего стремления и средоточие моего покоя во веки. На это направлены все великие дела Твоего домостроительства человеческого спасения, все Твои суды и пути, как всеобщие, так и особые, по которым ты ведёшь всякого человека; Христово искупление для нас и его совершение в нас имеют не иную какую, как только сию цель. О, какое это усладительное и исполненное любви благодеяние для меня! Да воздастся Тебе за сие поклонение, любовь и хвала, о дивный и всепремудрый Боже! Да познают сие все духи, все творения, а с ними и я, и да прославляют Тебя бесконечно! Никто не благ и не свят, кроме единого Тебя. Все святые, на небе и на земле, святы только чрез Тебя, и только в силу того, что Ты, живущий в них, уделил им нечто от Твоей благости и святости. Всё наше добро, вся наша праведность, какие мы только можем иметь, происходят от Тебя, благого источника, и должны возвращаться к Тебе прямо и чисто – ибо яснейшие воды Твоих благодатных даров и добродетелей замутняются, если они «застаиваются» в творениях. Во мне нет никакого добра, никакой праведности; и я не должен желать никакого блага во мне, как моего – это было бы нарушением и попранием Божьего порядка; Ты будь во мне всем этим, дабы Ты один и прославлялся во мне во веки! Я с сердечной радостью вижу в Тебе бесконечные блага, бесконечные совершенства; в Тебе они и должны быть – а в себе я хочу видеть лишь нищету духа (Мф. 5, 3), обнажение от всего и прилепление к Тебе; это мне любезнее, чем все внешние и внутренние богатства. Мои богатства препятствуют Тебе и отдаляют Тебя от меня; моя нищета и смирение преклоняют Тебя ко мне, дабы Ты мог наполнить и облаженствовать меня Собою. Имея Тебя, я имею всё, ибо Ты – моё благо, моя праведность и моё спасение. Я совлекаюсь, и хотел бы вечно совлекаться себя, чтобы только Ты один заполнил меня, жил во мне и мог бы прославляться чрез меня. Будь же один велик и высок, мой Боже, и даруй мне только – и здесь, и в вечности – припадать к Твоим стопам и восклицать в истине: Тебе, *Сидящему на престоле, и Агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков* (Откр. 5, 13)! Аминь.

8. *Первый* из сих четырёх видов оправдания всегда остаётся первым. Впрочем, я не хочу сказать, что одно с неперменной точностью должно сменять другое, или, тем более, что человеку необходимо всё это скрупулёзно различать в себе и раскладывать по рубрикам. Опыт показывает, что на практике одно сливается с другим. *Со Христом – всё дальше*; вот лучший путеводитель!

Тем не менее, если человек хочет систематически осмыслить всё сие¹², также и то, в каком отношении к каждому из четырёх видов оправдания находится вера¹³, то можно рассуждать так:

В *первом оправдании* мы видим, что благодать и благодатная жизнь даруется нам Христом; вера объемлет и принимает этот дар с благоговейным сердечным удостоверением и согласием.

Во *втором оправдании* благодать и жизнь по благодати открывается в душе чрез веру, которая проявляется здесь в смиренном обращении сердца ко Христу, принятии Христа и предании себя Ему (смотри § 3).

В *третьем оправдании* душа возвращает и приносит многие плоды в благодати и благодатной жизни в силу веры, являющей себя здесь в сердечном пребывании во Христе (Ин. 15, 1; 1 Ин. 2, 6) и в *хождении во Христе* (Кол. 2, 6) и в *Духе* (Гал. 5, 16; 25).

В *четвёртом оправдании* мы видим, как душа очищается (Ин. 15, 2; 1 Петр. 1, 7) и укореняется (Кол. 2, 7) в благодати и благодатной жизни, всецело обретается во Христе (Фил. 3, 9) и *совершается воедино* с Ним (Ин. 17, 23). Здесь вера действует в теплейшем сердечном сообщении с Господом (Быт. 5, 24; Евр. 11, 5; Пс. 72, 28), прилеплении к Нему (1 Кор. 6, 17) и единении с Ним, вселившимся в нас (Еф. 3, 16-19).

Некоторые, столкнувшись с горестным искажением учения об оправдании (порой также и весьма неаккуратно излагаемого) в протестантских церквях, нередко (руководствуясь самыми добрыми побуждениями) доходили до того, что отрицали первые два вида оправдания, или одно второе; и всё, что Священное Писание говорит об оправдании, относили только к третьему и четвёртому его виду¹⁴.

¹² Для учёных мужей кратко скажу: Христос – наше оправдание 1) objective, 2) applicative, 3) effective и 4) inhaesive [(объективное, приобщительное, действенное и внутреннее).]

¹³ [См. прим. 2.]

¹⁴ [Возможно, речь идёт о спиритуалистах XVI–XVII вв.]

В наши дни, напротив, во множестве появляются люди, которые ничего не хотят слушать о двух последних оправданиях, легко переступают через второе и держатся только первого, причём в высшей степени недостаточно и поверхностно¹⁵.

О! дал бы Бог, чтобы церковные учителя, именующие себя евангелическими, разумели Евангелие в целокупности и опытно! А то по большей части происходит так, что одни настаивают на первых двух видах оправдания, но не знают их необходимой и важнейшей связи как с возрастанием в истинном освящении, так и с единением с Богом во Христе, – другие же «утешают» всех Евангелием и призывают людей к праведной жизни, не ведя их подобающим образом ко Христу, Который един праведен.

Что касается меня, то я при вышеизложенном изъяснении учения об оправдании, как путеводной нитью, руководствовался Священным Писанием и духовным опытом в их связи и единстве. Тогда само собой выводится заключение, которое, несомненно, и должно быть сделано – а именно, что то́ намерение, какое имел Бог при *сотворении человека*, получает своё преславное исполнение в *его искуплении*, когда помрачённый образ Божий и Его жизнь вновь восстанавливаются в человеке, – и восстанавливаются такими путями, что, уразумев их, невозможно не подытожить: *Ему единому слава во веки!* Аминь.

II. О ПИСАНОМ СЛОВЕ БОЖИЕМ

1. Свои мысли о писаном слове Божиим, или о Священном Писании, я уже изложил в первом трактате «Пути истины», и, как мне представляется, сделал это столь обстоятельно и ясно, что умножать рассуждения уже нет нужды. Подчеркну здесь ещё раз, что я верую, что Священное Писание вдохновлено Богом, и что божественная премудрость ни в какой иной книге не открылась столь глубоко и широко, как в Библии. Всё в Священном Писании запечатлено божественным авторитетом. Оно есть безошибочное правило нашей веры и жизни. Поэтому я принимаю только такое учение и такое благочестие, которое не постыжается пред судом любого, хоть и малейшего изречения Св. Писания. Если же говорить кратко, то я могу лишь повторить уже сказанное мною в предисловии к вышеупомянутому трактату: чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь в божественном происхождении сей Книги и её исключительном превосходстве пред всеми прочими человеческими книгами.

2. Если некий просвещённый от Бога учитель, или кто-то из чад Божиих, говорит или пишет нечто от Бога, пред Богом, во Христе Иисусе – тогда его слово тоже

¹⁵ [См. V трактат «Предостережение от духовной поверхностности и беспечности».]

является *словами Божиими* (1 Петр. 4, 11). Но для других оно может быть словом Божиим только в той степени, в какой оно имеет свидетельство о своём божественном происхождении; и принимает его только тот, кто признаёт его за таковое и в ком оно являет силу и помазание в сердце. Посему я не могу указать ни на какого богопросвещённого человека, как на данную всем Книгу (*non est publicae et receptae auctoritatis*¹⁶); его личные слова Божии не имеют для всех – и даже не всегда для того, к кому они однажды были обращены – такой обязательной, безусловной и доказательной силы, как Священное Писание. Последнее есть всецело от Бога, всецело безошибочно; и хотя писатели его были, как и все, немощными и ошибающимися людьми, но смыслу Писания это нисколько не повредило.

3. Здесь я должен упрекнуть многих протестантских богословов, которые, несмотря на то, что они выставляют себя великими поборниками Священного Писания, приписывают ту или иную – порой и абсолютную – степень богодухновенности и безошибочности своим символическим книгам (относительное достоинство коих, впрочем, я вполне признаю). Ещё бóльшим бесчинием является то, когда не рождённые свыше (Ин. 3, 3) проповедники полагают, что всю их пустую болтовню с кафедры люди должны почитать и принимать как чистое и безошибочное слово Божие, и что Дух Святой действует только через их слово. – О том, что Святой Дух действует через слово Божие в Священном Писании, равно как, опосредованно, и через слова Своих чад, я сказал выше; то, что Он неким иным образом действует в сердце, показано мною в другом месте¹⁷.

4. О последнем нужно сказать следующее: хотя я почитаю писаное слово Божие как богодухновенное, я тем не менее вовсе не считаю, что буква Писания сама в себе имеет такую силу и благословение, что внешнее обращение с ней может дать нам жизнь. Совсем нет! Один Святой Дух употребляет сей меч, как и где Он хочет. Никакая человеческая искусность здесь не поможет; ни слушание, ни чтение, ни какое-либо иное, пусть и самое лучшее внешнее действие, не передадут нам силу Писания. Это совершает один только Дух – Он должен изречь слово Писания каждому человеку особо, как бы впервые. Посему при чтении, слушании и проповеди слова Божия прежде всего необходимы сердечное благоговение и молитва.

5. Вот всё, чем я могу дополнить уже изложенное мною в вышеупомянутом трактате. – Впрочем, воспользовавшись случаем, хочу сказать нечто в отношении тех, которые вовсе не верят в писаное слово, или в откровение Божие. Это те, кто считает

¹⁶ [Это не всеобщий и не признанный всеми авторитет.]

¹⁷ См. I трактат, о Священном Писании, примечание 9.

совершенно достаточной так наз. «естественную религию»¹⁸, и по этой причине именуются «натуралистами».

6. *Сии говорящие по-мирски* (1 Ин. 4, 5) учёные люди в нашем так называемом «христианском мире» рассматривают Священное Писание как ненужное, или вообще достойное презрения. Не то, чтобы все они были сознательными отрицателями Бога и божественного откровения; но круг их чтения и образ их мыслей таковы, что они всё критикуют. Упадок христианства, и особенно бросающаяся в глаза духовная немощь тех, кто по преимуществу занимается Писанием, даёт им весьма весомый повод к сему. Христиане весьма редко проводят такое жительство, чтобы они могли указать этим людям (если только им ещё можно помочь) истинный путь – и последние продолжают действовать неразумно и недобросовестно. Вот как это происходит:

7. На необходимейшие и яснейшие истины Священного Писания они едва смотрят. Те положения, которые невозможно опровергнуть, они оставляют, как есть, но только молча переступают через них – чтобы им не протрезветь и не почувствовать беспокойство о себе. Это известные вещи. Далее: они хотят всё подвергнуть сомнению (*dubia vexata*¹⁹) – дабы усиленной работой головы заглушить это самое беспокойство. Они отыскивают в Библии некое слово, или историческое обстоятельство, или какое-либо особое действие, чудо или что-то ещё, им непонятное и для них тёмное, и подвергают эти места ожесточённой критике. Это их меч, с помощью которого они строят из себя героев: а пусть им-де, сначала докажут, – а потом они решат, могут ли (а я бы сказал, хотят ли) они веровать. Но разумно ли так поступать? Книги и мнения, которыми они утверждают в своих сомнениях или критике, они принимают со всем желанием и без разбору; на сочинения же и на основания, которые могут разрешить их сомнения, они и взглянуть не хотят. Это честно? это добросовестно – так подходить к делу?

8. Если же сии сомневающиеся на самом деле добросовестны, то пусть они со всем тщанием размышлят над нижеприведёнными вопросами, и размышлят так, чтобы оставаться на каждом вопросе до тех пор, пока не услышишь ответ на него своего сердца:

Желательно ли, чтобы где-нибудь наличествовало несомненное откровение Божие?

¹⁸ [«Естественная религия» – в идеологии Просвещения XVII–XVIII вв. сумма наиболее общих и отвлеченных религиозных представлений («религия разума» и т. п.), выводимых из человеческой природы и не нуждающихся в авторитете откровения и церковных догматов.]

¹⁹ [Возбудить сомнение.]

Имеем ли мы в том состоянии, в каком пребываем сейчас, такое познание о Боге, о служении Ему и о том, что нам предстоит после смерти, чтобы мы с уверенностью могли следовать ему? чтобы такое познание давало нам радость и довольство в жизни и спокойствие при смерти?

Не находимся ли мы, наоборот, в отношении сих важнейших вещей в великой тьме, неуверенности и страхе, которые мы не можем развеять никаким естественным познанием или усилием?

Естественная религия исходит из человека; это вполне допустимо. Но только мы не просто люди, а *падшие* люди. Может ли в этом случае естественная религия дать нам желанный свет и необходимое утешение?

И что мы видим у тех народов, у которых нет ничего, кроме их естественной религии? И как выглядит у них сама эта естественная религия²⁰?

Не находим ли мы в наших сердцах, мыслях, желаниях, стремлениях и делах многое, что мы сами не можем не счесть безумием, противлением Святому Духу и достойным наказания?

Можем ли мы в достаточной мере и во всякое время успокоить свою совесть по этому поводу?

Известно ли нам средство для такового успокоения?

Как мы можем освободиться от сего зла и стать счастливыми?

Или нет никакого пути или средства к сему?

(О, какая тьма! какая немощь!)

Но, может быть, Бог знает этот путь и средство – как помочь нам в таковой скорби и нужде?

И если так, то не дал ли Он нам достаточное известие об этом средстве и пути?

Не является ли это возможным? более чем вероятным? Позволяет ли мне должное представление о бесконечной благодати и премудром промысле Бога сомневаться в этом?

Но где нам найти сие Божие известие? в какой стране? в какой книге?

Может быть, египтяне, греки, римляне, китайцы, турки имеют истинное известие о Боге и о служении Ему, которое я ищу? Или верное известие даёт мне книга христиан?

Не провести ли нам сравнение? Сегодня мы знаем достаточно, чему учат и учили сии и другие народы.

²⁰ [В XVII–XVIII вв. возник большой интерес к жизни первобытных народов; в печати появлялись многочисленные описания их жизни, написанные торговцами, путешественниками и миссионерами.]

Я не имею здесь в виду те или иные, порой прекрасные, обще-нравственные изречения или учения, которые разумный человек сам может во множестве составить в своей голове. Мой вопрос в другом: у какого народа, в какой книге я найду наилучшее и достовернейшее известие о Боге, о служении Ему, о происхождении зла, о спасении от него и о средстве и пути, идя по которому, можно и в сей, и в будущей жизни обрести покой и счастье?

9. Пусть человек только несколько минут поразмыслит над этим вопросом, который ведь никого не может оставить равнодушным. Пусть он вспомнит прочие книги и то, что они возвещают, а потом переведёт взгляд на Библию – и даст себе обдуманый и зрелый ответ.

10. В Библии мы находим наидревнейшие сведения о важнейших, касающихся нас, вещах; это признано всеми. Но сии сведения имеют и гораздо более основательные признаки для того, чтобы им верить, сравнительно с содержанием других книг.

Об особом величии, возвышенности, искренности и силе выражений, которые хоть сколько-нибудь внимательный читатель видит и чувствует во многих местах Писания, мы не будем даже и упоминать.

11. Меня спросят: но ведь в Библии действительно много написано о чудесах; многое кажется несообразным; многое очень темно. Ответ: речь у нас здесь не о чудесах; что же касается несообразностей и тёмных мест – то, может быть, причину этой темноты нужно искать в себе самих? Сколь многие вещи и в природе остаются для нас непонятными и тёмными!

Всё, что нам непонятно, нужно на время отложить в сторону. Поймёт ли школьник весь учебник мгновенно? Пусть выучит для начала свой урок. Итак, примем сердцем и осуществим на деле прежде всего то, что мы уже понимаем; ибо это есть то, что необходимо именно нам.

11. Молитесь Богу, как учит вас сия Книга, чтобы Он каждодневно всё более просвещал вас в познании Себя и Своей воли, и чтобы Он дал вам сердце любить Его Самого и Его волю и жить по ней. Так молитесь усердно, и не ослабевайте (1 Фесс. 5, 17; Рим. 12, 11) – и сможете со временем не только *прийти в разумение истины* (1 Тим. 2, 4), но и ещё более основательно убедиться в необходимости, истинности и важности божественного откровения в Священном Писании.

13. Есть ещё один род «натуралистов», которые хотя и понимают, что Священное Писание есть слово Божие, но для своих занятий им и для его толкования употребляют исключительно естественный ум и человеческие средства, – это необращённые и

бездуховные богословы. Их уста могут сколько угодно разглагольствовать о Святом Духе и о просвещении; сердце же их опытно ничего не знает о том, и если дойдёт до дела, то оно окажется их сердцу чуждым. Скучные школьные мнения, жалкие комментарии, или – если нужно *показаться пред людьми* (Мф. 6, 5) – новомодная философия служат им вместо *помазания от Святого Духа* (1 Ин. 2, 20). Такие люди приносят Св. Писанию и Церкви величайший вред. Они именно что натуралисты, и воспитывают натуралистов. Ах! почти исчезли из христианства первые христиане – безыскусные, внутренние, духовные. Господи Боже! пошли Духа Твоего, чтобы такие появились вновь, и обновилось лицо земли!

III. О ВОССТАНОВЛЕНИИ ВСЕГО

В своё время я написал так:

«О *восстановлении всего* я ничего не знаю, поэтому не могу ничего о том и сказать. Мой свет и моё призвание не простираются на такие вещи – но только на необходимые истины, и на сущностные предметы благочестия и внутренней жизни. Об этом я могу, с помощью Божией благодати, говорить с уверенностью; об экстраординарных же, пророческих и прочих второстепенных вещах – нет. Я должен держать себя в своих рамках; впрочем, я ценю и мнения других, коль скоро они истинно и верно жительствоуют во Христе. Были святые души, настаивающие на учении о восстановлении всего; другие святые души его решительно отвергали. Где Священное Писание молчит, там молчу и я. Мне известно, что поборники сего учения утверждают, что Писание говорит об этом много и ясно. Может быть; но только я ещё не смог этого увидеть так, как думают видеть они. Кратко сказать, я этого не понимаю. Что ж, подожду; и лишь порекомендую себе и другим, насколько возможно, сосредоточиться на *восстановлении себя*, пока мы живём здесь, на земле».

Это моё суждение о восстановлении всего, высказанное в предыдущих изданиях, не удовлетворило ни сторонников, ни противников сего учения. Впрочем, я предполагал это заранее. Но вправе ли кто требовать от меня, чтобы я веровал так, как это кажется истинным другим? или чтобы я говорил то, во что я не верю? От меня можно требовать только то, чтобы я дал отчёт, как верую я сам (1 Петр. 3, 15); именно это я и сделал. Тем не менее обе стороны обвиняют меня, что я как раз этого не сделал, и намеренно утаил своё истинное мнение (вернее сказать, мнение, которое каждая сторона считает за истинное). Однако меня обвиняют напрасно. Непосредственного откровения о восстановлении всего я не получал. Обе партии

имеют основания для своих взглядов; но основания эти весьма зыбкие, а взгляды приводят ко многим затруднениям. Бог и Его пути всегда и во всём достойны поклонения, но не всегда их возможно исследовать. Для меня совершенно очевидно, что это учение нужно отнести к таким вещам, которые вредны для благочестивых душ, пробуждённых для жизни с Богом, ибо сии души начинают, как с куклами, возиться с второстепенными предметами и теряют таким образом время и силы, отвлекая своё сердечное внимание и благоговение от *одного* того, что *только* нужно (Лк. 10, 42).

Я – чадо Отца, но не *советник Ему* (Рим. 11, 34). Как чадо, я люблю и чту всякую волю и всякое дело моего Отца, которые Он изволит открыть мне – хотя мой детский разум и не сразу может всё вместить. Что же касается неоткрытого – то тут я только с детским почитанием взираю на запечатанные книги Отца (Откр. 5, 1), не проявляя несвоевременного любопытства, чтобы проникнуть в них и узнать Его тайны. Если Он возьмёт меня за руку и поведёт в Своё книгохранилище, то я в простоте последую за Ним. Я настолько уверен в Его высочайшей премудрости, непорочной праведности и совершеннейшей благодати, что могу спать спокойно, совсем ни о чём не тревожась. Все Свои слова, дела и пути в конце всего Он оправдает так, что всякий язык исповедует и воскликнет: *Всё Он соделал хорошо*.

Аминь! Аллилуия!

Сила любви Христовой

Проповедь, произнесённая 18 октября 1751 года,

в понедельник 19-й седмицы по Троице,

на слова Апостола Павла

«Любовь Христова объемлет нас»

(2 Кор. 5, 14)

Предисловие

Настоятельная духовная потребность многих людей понудила меня, вопреки моим желанием и намерениям, в сии последние годы моей жизни вновь проводить публичные духовные беседы. Одну из таких бесед я, движимый пожеланиями слушателей, решил напечатать, дабы сделать её доступной более широкому кругу лиц.

Многим, кто меня знает, показалось странным, что я выпускаю в свет нечто в такой форме. Но, идя путями Божиими, привыкаешь ко всяким странностям. Я *не стыжусь благовествования Христова* (Рим. 1, 16) ни в каком виде; тем более, что произнесение сей речи *не в углу происходило* (Деян. 26, 26) – несколько сот человек, среди коих был и один действующий пастор, слушали её с добрым вниманием; поэтому, я надеюсь, и всеми она будет принята благосклонно.

Поскольку до произнесения сей речи у меня не было никаких намерений опубликовать оную, то я, со страхом Божиим обдумывая тогда, что сказать собравшимся на пользу души, не делал письменных заметок. По окончании же речи многие мои друзья, воодушевлённые ею, пожелали видеть её напечатанной, для дальнейшего размышления над нею и для назидания других. Я не нашёл к сему особенных возражений и сразу записал беглым пером то, что изложено на сих страницах – но, конечно, не так, как я это произносил. Могу уверить читателя, что я говорил всё то, что он прочтёт, и записал в том же порядке, как это было сказано; что же касается слов, то я не мог припомнить их со всею точностью, но выражал мысли так, как они приходили мне во время писания, – что, впрочем, вполне согласно с произнесённым устно.

Те, кои со столь жёсткою ревностью (это я очень мягко говорю) препятствовали нашим собраниям, могут заключить из сей речи, хорошему или плохому делу они тогда противостояли. Любовь Христова да умягчит их сердца!

Люди же внешние, слышавшие о духовном пробуждении среди своих сограждан, да получат чрез сей малый труд возможность понять, с какими материями последние имеют дело и убедиться, что ничего, кроме чистой евангельской истины, им не предлагается.

Господь Иисус да благословит сии страницы для всех, читающих оные! Да распространит Он царство Своей любви, и да исполнится славы Его вся земля (Числ. 14, 21; Ис. 6, 3)!

Любовь Христова объемлет¹ нас.

(2 Кор. 5, 14)

I

1. Если мы, возлюбленные братия и сестры, захотим увидеть наш образ – каковы мы есть по природе и какими должны быть по благодати; как мы выглядим, пока мы ещё *мертвы во грехах* (Еф. 2, 1), и какими людьми надлежит нам стать, когда мы приобщимся к *жизни Божией* (Еф. 4, 18); образ, говорю я, описанный ясно и точно, – тогда нам нужно обратиться к 37-й главе книги Пророка Иезекииля, где Господь показал сему Божию человеку широкое поле, полное весьма сухих мёртвых костей.

И в самом деле, если бы Господь отверз нам, как Пророку, очи духа, то именно таким предстало бы пред нами широкое поле сего земного мира. И – Господи, помилуй! – не должен ли я сказать: и широкое поле нашего так называемого христианства? Во всех концах земли и во всех состояниях людей мы бы – о, горе! – не увидели почти ничего иного, кроме сплошных мёртвых костей, мёртвых сердец, мёртвых слов, мёртвых дел, мёртвого жительствова, мёртвых христиан, мёртвого богослужения. И среди сего множества мёртвых костей мы бы увидели и себя – насколько мы пребываем в падше-природном состоянии.

2. Сии Иезекиилевы мёртвые кости выглядят ещё не такими сухими и жалкими, как выглядят наши сердца, доколе мы, пустые и чуждые жизни Божией, без сока и силы благочестия, лежим на земле. Кто бы мог, взирая на эти виденные Пророком кости, подумать, что когда-то они были прекрасными человеческими телами? Так и мы в грехопадении стали настолько мерзостными и чудовищными, настолько потеряли свой первоначальный образ, что в нас уже невозможно увидеть его. Никто бы и не сказал, что мы были прекрасным Божиим человеком, исшедшим некогда из рук Творца столь совершенным.

3. Хотя в падшем человеке есть ещё жизнь, – но это такая жизнь, какая обычно бывает в падали и мёртвых останках. В них обнаруживается не естественная им, но чуждая жизнь; в них живут и кишат черви и насекомые. И в наши умершие для Бога

¹ [В переводе еп. Кассиана: «понуждает нас». В ц.-сл. Библии: «обдержит нас» («обдержать» – «владеть», «обладать»; «побуждать»; см.: прот. Григорий Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. М., 1900, стр. 360). В немецкой Библии и в настоящем тексте – *die Liebe Christi dringet uns*. Глагол «dringen» – многозначный, он может быть переведён как «проникать», «пронизывать», «понуждать», «настаивать». Терстеген на протяжении своего трактата чаще всего исходит из последних двух значений: «побуждать», «понуждать». Перевод всякий раз обусловлен контекстом.]

души вторглась такая чуждая, противоестественная жизнь. Не меньше, чем многочисленные скверные насекомые, змеи и скорпионы в падали, кишат в наших сердцах всевозможные страсти, похоти и вожделения, так что мы становимся пред Богом, Ангелами и просвещёнными от Бога людьми поистине *мерзостью* (Притч. 15, 9); мы отвратительны им, как отвратительна человеку мёртвая падаль. И я уверен, что если бы мы подлинно познали себя в этом нашем противоестественном состоянии, то мы не возгнушались бы ничем иным в мире так, как самими собой, ибо мы стали бы омерзительны самим себе.

4. *Сын человеческий!* – обратился Господь к Пророку, – как ты думаешь, *оживут ли снова кости сии? Господи Боже!* – отвечал он, – *Ты знаешь это* (Иез. 37, 3), как если бы он хотел сказать: «я, как сын человеческий, не могу этого знать; это я должен препоручить Твоей премудрости и Твоему всемогуществу». Господь продолжал: *изреки пророчество на кости сии и скажи им: «кости сухие! слушайте слово Господне!»* (Иез. 37, 4), и так далее. Чтó Пророк и провозгласил; и се, *произошёл шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею; и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них* (Иез. 37, 7-8). Подобно сему и у падшего человека, как у этих мёртвых костей, нет никакой возможности, и даже надежды на возможность, самому вновь оживить себя.

И кто знал нас, которых ныне коснулась благодать, несколько лет назад, год, полгода назад, в нашем тогдашнем безбожном состоянии и жительстве, тот тоже мог спросить: возможно ли, чтобы эти мёртвые кости, эти гниющие трупы вновь стали живыми людьми? Возможно ли, чтобы эти закоренелые, погружённые в суету грешники, эти отвратительные и наглые служители ада превратились в облагодатствованных детей Божиих? О, как мало и сами мы могли тогда предполагать и надеяться на таковое изменение!

5. Между тем, именно о нас было изречено пророчество о имени Господнем; Господь послал Своё слово и придал Своему слову силу Духа; среди нас, там, где мы живём, *произошёл шум и движение*. Мир услышал об этом и удивился – «что может выйти из этих мёртвых костей?»; князь тьмы был ошеломлён и утращён – как это его мёртвое царство покидают столь многие подданные; мёртвые кости *стали сближаться, кость с костью своею* (Иез. 37, 7) – и вот мы с вами собраны сегодня здесь. Мы выглядим, как люди, как христиане; так на нас смотрят и внешние – и действительно, из нас получился некий образ, некое тело. Но есть ли в этом теле подлинная душа, дыхание, свободное движение жизни? Как человек состоит не из

одного только тела, так и христианство не заключается в одной только форме и внешности, в том, чтобы говорить и жить, как заведено, в том, чтобы по обычаю что-то делать и от чего-то воздерживаться.

6. Конечно, да воздастся Богу благодарение и хвала и за то, что в нас вошла хоть какая-то жизнь – ибо иначе откуда происходило бы *движение и шум и сближение мёртвых костей* (Иез. 37, 7) друг ко другу? ведь в нас самих по падшей природе нет ни малейшего тяготения к добру. Но разве это всеохватывающее, свободное, лёгкое движение жизни? или только половинчатая, ползающая по земле, жалкая жизнь? Нет, так не годится; необходимо что-то большее!

Да, со многими из нас произошли изменения, и весьма значительные изменения; но, возлюбленные мои, не чувствуем ли мы, не видим ли мы, как многого нам ещё не достаёт? Сердце в нашем христианском теле далеко ещё не стало подлинно христианским; мы ещё не можем истинно любить Бога, доверять Ему, прилепиться к Нему и в Нём и на Его путях обретать свою радость. Человек хочет, но не может; его сердце ещё так вяло, так холодно, так мёртво. Как легко оно теряет силы и падает на землю! Но ведь должно быть по-другому!

7. Если нужно сдвинуть безжизненное или лежащее в обмороке тело хотя бы на несколько шагов – о, какой труд и хлопоты приходится употреблять! с каким усилием перетаскивается это тело! Но, возлюбленные, не происходит ли так с нами, когда мы почти с такими же усилиями, понуждением и принуждением себя приступаем к делу благочестия? Как долго и с каким трудом мучается человек с *сим телом смерти* (Рим. 7, 24)! Воздерживается от того и этого – но едва получается; понуждает себя – но какой огромной ценой! Подвизается в том и этом, что он считает для себя полезным – но как он должен напрягаться! какое насилие над собой употреблять! Человек и хотел бы всей душой быть верным Богу, постоянным в благочестии и освящении – но, ах! всё это возможно для него только на краткое время. Посмотрите в себя – ведь именно так всё и идёт; и не может идти лучше, пока мы имеем только полужизненное тело христианина. Нам надлежит иметь ещё и душу, дух, который мог бы свободно жить и двигать это тело.

8. В конце концов, можно поднять безжизненное тело и опереть его на подпорки. Но какой в этом прок, если в него не придёт душа, жизнь? То, что благодать Божия даровала нам столь многие благодатные средства для нашего пробуждения, вспоможения и укрепления, мы не должны считать чем-то незначительным, но со смирением исповедовать в этом великую милость и благодеяние Божие. Но только если мы, пользуясь всеми этим средствами и подпорками, не будем главным образом

иметь попечение о Христовом духе силы и любви (2 Тим. 1, 7), то хотя нам, может быть, и удастся единожды подвинуть свою душу и подняться, как вышеописанное тело, – но это продлится не долго; мёртвая колода вновь упадёт на землю, в свою прежнюю апатию и косность.

Совсем по-другому происходит с людьми, имеющими жизнь духа. И они могут по временам уставать, лишаться сил и как бы засыпать; но чрез церковные собрания и другие благодатные средства они вновь пробуждаются, напитываются и обретают могущественную поддержку на дальнейшем пути. Тому же, кто в своём благочестии не достигает подлинной духовной жизни, не помогут – если говорить о сколько-нибудь длительном времени – никакие, даже самые лучшие, подпорки; без духовной жизни они быстро теряют свою силу. Люди, ограничивающиеся только внешним хождением в церковь и не пекущиеся о внутренней *силе благочестия* (2 Тим. 3, 5), не удержат надолго своего христианского состояния, и не могут удержать. Прекрасное тело вновь упадёт, начнёт гнить и сделается пристанищем червей, если в него не войдёт душа.

9. Одним словом – о, как важно, чтобы Пророк Иезекииль повторно воззвал во имя Господне и сказал Духу: *от четырёх ветров приди, Дух, и дохни на этих убитых, и они оживут!* И после сего *вошло в них дыхание, и они ожили* (Иез. 37, 9-10). Именно это столь необходимо нам, возымевшим в себе начатки духовной жизни – чтобы и о нас ещё раз было проречено во имя Господне, дабы в нас пришёл истинный дух христианства и из нас получилось нечто живое и цельное. «Прииди, Дух», должно взывать наше сердце, «прииди и вселись в меня, мёртвого человека, чтобы вошло в меня дыхание и жизнь!» Эта жизнь, эта душа, эта сила благочестия есть не что иное, как *любовь Христова*, которая соделывает нас живыми и действенными христианами. Ах! об этой любви мы и должны иметь всё своё попечение!

10. Такими живыми, действенными, святыми христианами были не только Апостолы, но и вообще все верующие во времена Апостолов. Возьмем на сих первых горящих духом христиан и спросим их: «Как могли вы совершить, что совершили? как могли перенести те страдания, что выпали на вашу долю? как могли жить, как вы жили?» На это от лица всех отвечает нам Апостол Павел словами, которым посвящена наша сегодняшняя беседа: *любовь Христова побуждала нас к сему* (2 Кор. 5, 14).

11. По руководству сих изречённых Духом Святым слов мы, с Божией помощью, и рассмотрим по порядку, одно за другим, то, что касается

- 1) любви Иисуса Христа и
- 2) её божественной силы.

О Господи мой Иисусе Христе! я дерзаю свидетельствовать о Твоей чудной любви, несмотря на всё моё недостойнство и неумелость! Приблизься же к моему сердцу и возжги его; коснись моих нечистых уст горящим углем с Твоего алтаря (Ис. 6, 6), дабы я мог говорить о сей Твоей пламенной любви подобающим образом! Аминь.

II

12. Святому Духу не было угодно указать нам с точностью, как нужно понимать сии слова «любовь Христова»: как любовь, которой Христос любит нас, или же как любовь, которой верующие сердца любят Христа. Может быть, так было задумано именно для того, чтобы мы воспринимали и ту, и другую любовь неразрывно. И в самом деле, одно здесь всецело зависит от другого, одно вытекает из другого, и в основе своей и та, и другая любовь едины. Рассудите сами: могли бы мы иметь хоть малую искру любви ко Христу, если бы Он не возлюбил нас прежде (1 Ин. 4, 19)? Любовь, которой мы можем любить Его, есть не в меньшей степени Его любовь, чем та, которой Он возлюбил нас во времени и в вечности. Итак, поскольку Христос полагает начало нашей любви Своей любовью, то и мы начнём наше рассмотрение с Его любви к нам.

13. Христос любит нас величайшей и вернейшей *дружеской любовью*; Христос любит нас, и хочет нас любить, сострадательнейшей, заботливейшей и никогда не прекращающейся *материнской любовью*; Христос любит нас, и хочет нас любить, нежнейшей, всеобъемлющей и блаженнейшей *любвью Жениха* к Своей невесте.

Христос, сказал я, *любит нас величайшей и вернейшей дружеской любовью*. Дружеская любовь между людьми заключается в обоюдном свободном, внутреннем и сердечном расположении, в силу которого люди желают друг другу всяческого блага и способствуют ему, предупреждают и хранят друг друга от всякого вреда и несчастья и спешат на помощь друг другу во всех надобностях и нуждах. Такую любовь, только в её истинной, предельно высокой мере, являет нам Христос.

Когда мы говорим о *верной дружеской любви*, то это должна быть такая любовь, которая сохраняется в бедах и несчастьях; но легко ли найти друга человеку, когда он в беде? *Великая* же любовь – это такая, когда друг отдаёт свою жизнь за друга; но где мы найдём такого друга, такую дружбу среди людей? Такого Друга мы обретаем только во Христе, и такую дружескую любовь – в Его сердце. *Нет больше той любви*, говорит

Он Сам, *как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). О, возлюбленный Спаситель! что говоришь Ты о друзьях? ведь мы – враги и разбойники! Но за нас Он отдал Свою жизнь; *Христос*, как говорит Павел, *умер за нечестивых. Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были ещё грешниками* (Рим. 5, 6; 8). Поэтому я с полным основанием и называю любовь Христову *вернейшей и величайшей* дружеской любовью.

14. О удивительная теплота Христовой любви! Все мы от общения с Богом, от Его света, любви и дружбы отпали в величайшее несчастье, нищету и ад; все мы стали больше не друзьями, но врагами Ему, достойными уже не любви, но ненависти и гнева. Но Бог в вечности сжалился над нашей превосходящей всякую меру нищетой; Он не пожалел для нас ничего; Он послал для нашего спасения Своего Единородного Сына, и в Нём явил нам Своё исполненное любви сердце. Этого не могут ни понять, ни исследовать ни Ангелы, ни человеки; в это можно только верить, только благоговейно чтить и с Самим Христом восклицать: *так возлюбил Бог мир* (Ин. 3, 16) – бедный мир! падший мир!

15. Вернейшая дружеская к нам любовь Христова понудила Его сойти с небес. (Вслушайтесь в эту радостную дивную историю! Это не миф, но истинное событие. Вслушайтесь в это *преславное благовестие блаженного Бога* (1 Тим. 1, 11), не как во что-то, о чём вы уже и без того знаете, и от юности выучили из Библии и Катехизиса, но как в важнейшую сегодняшнюю новость; вслушайтесь так, как будто вы об этом раньше ничего не слышали!) Вернейшая дружеская к нам любовь Христова, говорю я, понудила Его сойти с небес, дабы нас спасти и нам помочь. Чтобы Ему совершить сие, а нам – чтобы не утрашиться Его, Он облёкся в наше ниществуящее человечество и греховный облик (Рим. 8, 3) и, как наш Жених и самый близкий родственник, взял на Себя наше греховное бремя и вину, как Свои собственные. Тридцать четыре года ради нас Он трудился, молился, вёл бой с князем мира сего; трепетал и скорбел, чувствуя по человечеству величайший страх пред лицом разгневанного на наш грех Бога; проливал кровавый пот, испытывал богооставленность и адский ужас – одним словом, прошёл и перестрадал всё то, чем должны были вечно, вечно мучиться из-за наших грехов все мы. И всё это Он совершил по свободной дружеской любви к нам, дабы бесценною Своею Кровию вновь примирить нас с Богом и, искупив нас, соделать Себе друзьями (Ин. 15, 14).

16. Может ли быть мыслима более великая любовь? Не есть ли поистине Христос наш подлинный друг во всякой скорби, даже и до смерти? И всё сие он перестрадал не «вообще» за нас, но за каждого из нас. Так понимал это Апостол: *Сын Божий возлюбил*

меня и предал Себя за меня (Гал. 2, 20). Что говоришь ты, Павел? разве Христос умер только для тебя? О да, только для меня – и только для тебя. Ибо, чтобы уразуметь дело правильно и с пользой, мы должны смотреть на вещи именно так – что Христос любит каждого Своей особенной любовью.

17. Второе, о чём я сказал – что *Христос любит нас, и хочет нас любить, сострадательнейшей, заботливейшей и никогда не прекращающейся материнской любовью*. Если ребёнок болен, если он упал, поранился и лежит, плача от боли, пред глазами своей матери, то она ведь не ненавидит его из-за такого бедственного положения, но смотрит на него с сердечным состраданием и ищет всеми возможными способами помочь ему и утешить его. Такую материнскую переизбыточествующую любовь простирает Христос над нами, падшими и грешными Своими детьми, особенно если мы покаянно чувствуем наше повреждение и оплакиваем его. О, тогда Он взирает на нас с великим состраданием!

Ты не веришь тому, бедное кающееся дитя, что Христос так любит тебя и так на тебя взирает? Ты думаешь, что раз ты до крайности замарал себя и по собственной воле вверг себя во все сии горести, то Он отвернулся от тебя? Послушай тогда, что Сам Он говорит твоей душе чрез Пророка: *Я увидел тебя, брошенную на поспание в кровях твоих*; и как несомненно то, что Он видит тебя, так же несомненно и то, что Он скажет тебе в своё время: *ты будешь жить! ты должна жить* (Иез. 16, 6²)! Нам нужно лишь взирать на Него верой, как больные дети смотрят полными слёз очами на свою мать.

18. Часто, когда душа приступает к покаянию, она совсем не может верить, что Господь внимает её слезам. Но поистине, о душа, Господь слышит, как плачет Ефрем (Иер. 31, 18-19), и отвечает на это: *Не дорогой ли у Меня сын Ефрем? не любимое ли дитя? ибо, как только заговорю о нём, всегда с любовью вспоминаю о нём; внутренность Моя возмущается за него; умилосержусь над ним, говорит Господь* (Иер. 31, 20). Если это не есть сострадательнейшая материнская любовь, тогда я не знаю, что и назвать таковою! Мы не могли бы и помыслить о сей материнской любви к нам Бога, если бы Он Сам не открыл её нам. Ах, кающиеся дүши! если бы мы уверовали, если бы мы только увидели сию любовь, то наши сердца не могли бы не воспламениться детской ответной любовью к нашему Господу!

² [Так в немецкой Библии: *Ich sah dich in deinem Blut liegen und sprach zu dir, da du so in deinem Blut lagst: Du sollst leben!* (Я увидел тебя, лежащую в крови твоей, и сказал тебе, когда ты так лежала в крови твоей: ты должна (или: будешь) жить!) Русский текст: *Я увидел тебя, брошенную на поспание в кровях твоих, и сказал тебе: "в кровях твоих живи!" Так, Я сказал тебе: "в кровях твоих живи!"*]

19. Христос любит нас, и хочет нас любить, *заботливейшей* материнской любовью. Земная мать даёт своему ребёнку временную земную жизнь, рождая его в сей исполненный скорби мир; Христос же рождает нас свыше (Ин. 3, 7), в вечный мир, исполненный света и радости, и даёт нам *жизнь нетленную* (2 Тим. 1, 10). Мать питает дитя от своей груди; Христос же даёт Своему рождённому свыше чаду в пищу Себя Самого, Свою Плоть и Кровь (Ин. 6, 55), что невозможно никакой земной матери.

20. Мать купает своё дитя, лелеет его, носит на руках, заботится о нём, пока оно растёт. Всё время она чем-то занимается с ним, и её материнская любовь не утомляется от сего. Ах! кто из нас не подумает со стыдом и сокрушением о том, как Превечный и Живой Бог – говоря по-человечески – должен возиться и мучиться с нами, дрянными детьми! Как много хлопот доставляем мы Ему своими грехами! Не передать словами, что Ему только не приходится совершать с каждой душой, чтобы воспитать и возрастить³ её! Господь Сам говорит о сей Своей деятельной, исполненной заботы материнской любви в 46-й главе Пророка Исаии: *Послушайте меня, дом Иаковлев, принятые Мною от чрева, носимые Мною от утробы матерней: и до старости вашей Я буду тот же, и до седины вашей Я буду носить вас; Я создал и буду носить, поддерживать и охранять вас* (Ис. 46, 3-4).

21. Земная мать оберегает своего ребёнка от всякого несчастья и заботится о его благе, насколько это в её силах. Христос, наша вечная Матерь-Любовь, хранит и оберегает тех, кто рождён из Него, несравненно совершеннее и полнее, так что лукавый не может коснуться их (2 Фесс. 3, 3), и даже ни один волос не упадёт с их головы без Его воли (Мф. 10, 30; Лк. 21, 18). Всё, что происходит с сими чадами благодати, в малом и великом, во внутреннем и во внешнем – всё берёт на себя, всем управляет и всё устраивает материнская любовь Христова, так что им *всё*, без исключения *всё, содействует ко благу* (Рим. 8, 28).

22. Как мало земной ребёнок заботится о том, чтобы становиться взрослым, так же мало должно заботиться чадо благодати, как ему расти, укрепляться и спасаться. Обо всём этом печётся материнская любовь Христова; послушному же чаду надлежит только пребывать на руках у матери и, молясь, веруя и любя, вкушать от её благодатной груди силу и сок для жизни и возрастания. И даже самый слабый и бедный ребёнок не должен бояться ни малейшей опасности, коль скоро он покоится в сих объятиях Христовой любви.

23. Да, любовь порой попускает чадам благодати многообразные испытания, искушения и страдания – к их пользе; часто эти искушения доходят до такой степени

³ Правильнее бы сказать – «умалить»; но я употребляю общепринятые выражения.

внутренней сухости и помрачения, что человек вопиет с Сионом: *оставил меня Господь, и Бог мой забыл меня!* (Ис. 49, 14). Но как сильно душа ошибается в таких мыслях! *Забудет ли женщина, – вопрошает Сам Господь, – грудное дитя своё, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя* (Ис. 49, 15). Вот, братья и сестры, что дано нам! Так любит нас Христос, и так хочет Он нас любить! Как нам не почтить сию любовь? как не ввериться нам навеки, и душою, и телом, сей материнской любви Христовой и её попечению о нас?

24. Третье, о чём мы говорили – что *Христос любит нас, и хочет нас любить, нежнейшей, всеобъемлющей и блаженнейшей любовью Жениха*. Любовь Христова поистине ухаживает за нами, добиваясь ответной любви бедного погибающего грешника. О, как долго Он должен свататься, как долго Он должен уговаривать нас, прежде чем Он получит согласие на брак! Как часто мы, к величайшему стыду и позору для себя, отклоняем и отвергаем Его предложение и любовь – и Он, тем не менее, не перестаёт и не устаёт искать нас! И если Его любовь велика ещё и до того, как мы возлюбим Его (1 Ин. 4, 19), – то сколь бесконечно более крепкой и нежной становится она, когда Он достигает цели, *обручается с душой, как со Своей невестой, навек* (Ос. 2, 19-20) и венчается с ней в праведности! Тогда совершаются драгоценные и блаженные излияния Его любви в душу, нередко ощутимо для неё; тогда Христос дарует ей многие бесценные небесные блага и сокровища и даёт ей вкусить, по её мере, *праведность, мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17).

25. Когда Христос только обручается со Своей невестой, Он находит её совсем убогой, нищей и одетой в рубище. Тогда чрез Свою любовь и святой крест Он совлекает с неё уродливые лохмотья и одевает её в Свою праведность, вливая в неё вместе с любовью также и Свой нрав, Свой образ и облик, дабы она всё больше была облачена в Его смирение, Его кротость, Его чистоту, простоту, невинность и все Его божественные добродетели. И после того, как Он соделает её чрез Себя Самого прекрасной, – Он радуется о ней, как жених *радуется о невесте* (Ис. 62, 5). *О, ты прекрасна, возлюбленная Моя, ты прекрасна!* – говорит Христос, божественный Жених. Нет, – отвечает невеста, – только *Ты прекрасен, возлюбленный мой* (Песн. 1, 15-16); вся красота, которую Ты видишь во мне – Твоя.

И это не пустые слова или обольщение, но великое чудо любви Христовой. О, дал бы Бог, чтобы мы могли не только читать об этом в книге Песни Песней, но и познавать сию любовь в наших сердцах!

26. Невозможно выразить словами внутренне-глубокое желание и горячее стремление любви Христовой вновь приобрести Себе наши сердца, вновь собрать нас к Себе (Мф. 23, 37) и соединить нас с Собой и Себя с нами навек. Ангелы и человеки не могут уразуметь сего, а могут только во веки веков удивляться и поклоняться Божией любви. Но и *до ревности любит нас Дух, живущий в нас* (Иак. 4, 5). Господь не переносит того, чтобы сердце, которое столь дорого Ему обошлось (1 Кор. 6, 20), сердце, которое Он так любит, прилеплялось к чему-то другому и не было посвящено только и исключительно Ему. Он любит душу, как Свою единственную (Песн. 6, 9); и она должна любить Его, как своего Единственного. Ибо любовь Христова, то есть внутренне-глубокое расположение Христа к душе, порождает в ней ответное внутренне-глубокое расположение ко Христу. Любовь Христова касается души и привлекает её к себе, и душа следует ей – *влеки меня, и я побегу за Тобою!* (Песн. 1, 3). Всё, что есть в душе, *вся внутренняя ея* (Пс. 102, 1) стремится и жаждет изойти из всего, что не есть Бог и Божие, ради всё более полного соединения со своим Возлюбленным. И какие тут происходят и могут происходить внутренние действия любви – приобщение к Богу, единение с Ним, близость к Нему, общение и беседа с Ним и так далее, – то чистые, отрешённые от всего сердца хотя и испытывают, но не могут выразить словами; ведь всё сие более принадлежит вечности, чем времени. Одним словом, любовь Христова есть великая тайна благочестия и неисчерпаемая бездна подлинного блаженства.

27. Итак, бессмертные души, сотворённые, искупленные и призванные к любви, и любви к Богу, – смотрите (ах! чтобы только наши очи были отверсты!), как Бог любит нас во Христе, любит глубоко и сердечно! Да постыдятся все те, кто представляет Бога неким тираном и человеконенавистником! В Боге нет никакого гнева, кроме как в отношении зла; Бог сотворил нас не для того, чтобы ненавидеть нас, или чтобы мы ненавидели Его, но только с той целью, чтобы нас любить, и чтобы мы во веки любили Его. Но, увы! где сердца, которые подлинно отзываются своей любовью на любовь Божию? Не поразительно ли, что *такого* Бога, *такого* Христа, столь возлюбившего людей, *такую* любовь Христову так мало знают, понимают и принимают?

28. Люди тысячекратно зывают устами: «О мой Бог! о мой возлюбленный Спаситель!» Но, ах! где при этом их сердце? познало ли оно опытно силу любви Христовой? Ибо мы не должны обольщать себя, что Христос любит нас, и обязан нас любить, некоей выдуманной, бессильной и душевредной любовью – как злых детей, не желающих исправляться. Многие родители питают подобную безрассудную любовь к

своим детям: они во всём потакают их злой воле и таким образом способствуют тому, что те ввергают сами себя в погибель. И извращённое земное естество человека желает, чтобы такой была любовь Христова и Божие милосердие: чтобы Христос позволял им наслаждаться похотью и суетой мира сего, во всём по их воле, в полном благополучии. Затем, когда придёт время умирать, чтобы они сказали Богу несколько благочестивых слов – и Он был бы столь всепрощающ, и Христос так бы их любил, чтобы они тут же, мгновенно перенеслись на небо. Но нет, безумный человек! такая любовь Христова и такой путь на небо существуют только в твоих фантазиях: у Бога мы ничего подобного не найдём. Христос, когда Он противостоит твоей воле, любит тебя несравненно больше, чем ты сам любишь себя; Он хочет лучше причинить тебе боль и страдание и исцелить тебя, нежели потакать тебе и попускать, чтобы ты устремлялся в геенну.

29. Посему любовь Христова есть отнюдь не безумное обольщение, но животворящая, творческая, могущественная сила Божия, которая действительно помогает нам восстать и не закосневать в наших заблуждениях, грехах, падшести и смерти. Она вливает в нас новую истинную жизнь, даёт нам возможность радостно, от сердца, без принуждения творить добро и содействует нас подлинно счастливыми и блаженными. Любовь Христова есть начало, основание и душа христианства и настоящего благочестия. У кого нет любви Христовой, у того или вовсе нет никакого благочестия, или же оно выдуманно и мёртво. Христос, чтобы нас спасти, должен быть близ нас; мы должны чувствовать силу Его любви у наших сердец, а затем и в них самих, и давать ей в себе место – иначе при всём разглагольствовании о любви Христовой мы останемся мёртвыми и погибшими людьми.

30. Смотрите, как на самом деле любовь Христова действует в начале пути. *Она понуждает человека к обращению*, обличает его в его неправде, убеждает его в необходимости покаяния и возвращения к Богу, всевает в него чувство беспокойства о грехах и об опасности греховного состояния его души. Это глубоко западает человеку в сердце и принуждает его, чтобы он обратился к Богу, предал себя Ему и изменился. Но слепой человек в великом непонимании принимает всё сие за диавольское искушение, которому считает нужным противостоять; или за свои собственные, случайно пришедшие ему в голову дурные мысли; или за злое уныние, и тому подобное. Он с великой радостью отделался бы от таких мыслей и чувств, но те приходят к нему вновь и вновь, в доказательство того, что их происхождение – не от

людей. Дни и годы проходят, увы! для многих в такой внутренней тесноте, и они не понимают, что именно это и есть обличающая любовь Христова, так понуждающая их.

И поистине, здесь стоит пред твоими дверями и стучит в них (Откр. 3, 20) милующий, вечно любящий тебя Иисус. Он ищет тебя, Он умоляет тебя, как будто это Ему, а не тебе крайне необходимо: *дай Мне, дай же Мне, сыне, твоё сердце! примиришь же с Богом!* (Притч. 23, 26; 2 Кор. 5, 20). Смотрите – так действует любовь Христова. Как долго она не отступается от нас! как часто она хочет собрать нас, подобно *птице, собирающей птенцов своих под крылья* (Мф. 23, 37) – а нам нет до этого дела, мы этого не хотим! Мы несёмся во весь опор в нашем закоснелом падше-природном состоянии к гибели – и когда Спаситель останавливает нас, не есть ли это истинная любовь? Мы ходим по краю ада – и Он, пусть и болезненно для нас, хватает нас и оттаскивает назад; не настоящая ли это любовь? Чтó имеет вседозволенный и всесовершенный Бог от того, что Он так много возится со мной и с тобой? Нужны ли мы Ему? ждёт ли Он от нас какой-либо выгоды? Не есть ли это чистейшая любовь Христова? *Ах, душа! если бы ты познала дар Божий* (Ин. 4, 10), и кто есть Тот, Кто с такой настойчивостью взывает к тебе: «стой! только не иди дальше!», – ты больше не сопротивлялась бы Ему и не уклонялась бы от Него, но в тот же момент пала бы к Его стопам и предала бы себя в спасительные руки Его любви.

31. Если человек, на своё счастье, уступит сей призывающей и уговаривающей его любви, обратит на неё всё своё внимание и даст ей в себе место, то сердце его начнёт умаляться, унижаться и сокрушаться в истинном покаянии и в поиске Божией благодати. И эти горькие и болезненные состояния сердца, в которые ввергается человек, есть тоже действие любви Христовой. По падшей природе душа очень бы хотела выкинуть всё это из себя и, как прежде, жить день за днём беззаботно, радостно и весело. Но нет, ей даётся в сердце язва, которую она не может из себя исторгнуть; душа чувствует свои грехи, свою беду, опасность своего положения, она видит теперь это на каждом своём шагу. Любовь Христова, говорю я, понуждает её к этим мыслям и чувствам, хотя душа пока ещё ничего не знает о сей любви, а только о гневе и гибели. Она услышала, узнала и восчувствовала, что именно она распяла любящего Христа своими грехами. Это пронизывает ей сердце, причиняет боль (Деян. 2, 36-37). Но то, что она должна испытать сию малую боль здесь, а не мучиться ею в бесконечно большей степени в вечности – не есть ли подлинная любовь?

Любовь Христова приводит душу в такое чувство своей повреждённости и крайней беды от него, и так смиряет её, что ей, как бы теснимой со всех сторон, ничего больше не остаётся, как только прибегнуть к сей любви Христовой и ввергнуться в неё, дабы в

ней обрести своё просвещение и исцеление. И это и есть единственное намерение Бога при таких болезненных обстоятельствах – не отогнать нас от Себя или ввергнуть в отчаяние и погибель, но побудить нас искать Его любящего сердца, чтобы мы, ужаснувшись своих грехов и их последствий, покаянно возжаждали любви Христовой, Его примиряющей нас с Богом Крови, Его бесценной заслуги и вечной благодати; и не самонадеянно и бессильно вменяли их себе, но приобщались им чрез смиренное сердечное искание и воздыхание по силе Христовой любви и благодати, что свидетельствуется действенным успокоением отягощённой совести и умирением стеснённого сердца.

Душа, находящаяся в таком состоянии, должна только всецело смириться, всецело укорить себя, всецело *отвергнуться себя* (Мк. 8, 34) и не желать ничего знать, кроме любви и вечной милости Христовой. И когда грехи и греховная вина, гнев и проклятие будут всё больше и больше обуревать душу, она ничего не должна делать, кроме того, чтобы только всё больше и больше погружаться в бескрайнее море отверстой для неё вечной милости и любви Христовой. Смотрите – так понуждает нас любовь Христова к покаянию, и чрез покаяние – к любви. Тогда, наконец, непременно совершится то, что *любовь Христова покроем множество грехов* (1 Петр. 4, 8), дабы душа, как говорится у Пророка, *помнила и стыдилась* от благодарности и сокрушения сердца, что *Господь простил ей всё, что она делала* (Иез, 16, 63) и воздал ей лишь одной любовью. Те же, кому прощено больше грехов, больше и любят (Лк. 7, 47).

32. Следующее действие любви Христовой – что *она понуждает обращённую к Богу душу устраняться от греха, мира и всей его суеты*. Человек не может больше принимать в этом участие, иначе его сердце как бы зажимается в тиски. Почему так? из страха перед родителями, обществом, начальством? О нет; ведь совесть такого человека обличает его даже за те грехи, которых никто не видит и видеть не может; даже за те вещи, которые нисколько не считаются предосудительными в обществе и подлежащими наказанию от начальства. Осмеивают ли и презирают люди того, кто живёт в суете и ложном благочестии? Отнюдь нет; наоборот, осмеивают и *злословят они тех, кто не участвует с ними в их распутстве* (1 Петр. 4, 4). «Почему ты не с нами, и держишься так обособлено?» Если обращённому христианину пришлось бы ответить на это вопрошание мира по существу, то он бы сказал: «Любовь Христова понуждает меня на то, чтобы оставить всё сие. Я не могу и не хочу больше следовать своей падшей природе и суетному образу мыслей и чувств. *Довольно, что в прошедшее время жизни своей я поступал по воле языческой* (1 Петр. 4, 3); довольно,

что я так долго *распинал в себе моего Спасителя* (Евр. 6, 6) своими грехами – Спасителя, Христа, Который любит меня столь сильно, что ради меня Он отвергся не только всякой мирской радости (Евр. 12, 2), но и подобающей Ему небесной славы (Фил. 2, 7). Не должен ли и я ради Него отречься от всякого гнусного греха, всякого преходящего мирского похотения?»

33. Любовь Христова понуждает нас не только к отвержению бесстыдства мира сего и мёртвых дел греха, но и к действительному отречению от гнездящейся в нашем сердце любви к миру и прилепления ко всему тварному; к отвержению глубоко укоренённой в нас падшей самости; к умерщвлению похоти и гнева; к принесению Богу в жертву своеволия, самолюбия и самоугождения в малом и великом, в естественном и духовном.

Каких только мрачных и страшных представлений об отвержении себя и мира не составляют себе люди! Как часто слабые, неопытные души запугивают себя им без всяких на то оснований! Они думают: «о, что это за горестная жизнь, когда ты даже ни на один час больше не найдёшь радости в мире сем! Это невозможно выдержать; а от того или этого ты и вовсе никогда не сможешь отказаться», и так далее. Ах, любезная душа! отчего же ты воображаешь своего Бога таким жестоким? Ему не нужно наше самоотвержение, оно нужно нам. Бог не таков, как какой-нибудь злорадный человек, чтобы отягощать людям жизнь и путь на небо и не давать им в мире никакой радости. Это мы, мы – глупые, слепые, беспризорные дети, которые не знают своего истинного счастья и блаженства и считают радостью и целью своих стремлений то, что в действительности является мучением, погибелью и адом. Мы – как дети, играющие с острым ножом, которые начинают плакать, когда заботливая материнская любовь повелевает им бросить этот нож. Все внутренние побуждения к отвержению себя и мира мы должны воспринимать не законнически, но как действие любви Христовой. Господь хочет уговорить нас, безумных детей, чтобы мы бросили вредоносный нож; и если ласковое уговаривание не помогает, тогда Он попускает нам порезаться – для того, чтобы мы, наконец, отказались от опасных игр с ножом. О, это есть совершенная любовь! Христос хочет обладать нашим сердцем целиком и, ведя нас путём само- и мироотвержения, устранить все препятствия к тому, чтобы соделать нас причастниками Своей истинной, сущностной, вечной радости, любви и блаженства (2 Петр. 1, 4). И чем полнее Господь вводит душу в отвержение себя и мира, чем меньше – говоря по-человечески – Он ей позволяет, тем больше таковая душа преисполняется любовью Христовой.

И как нам надлежит воспринимать понуждение к отвержению себя и мира не законнически, а в свете любви Христовой, – так же нам надлежит и делание такового отвержения совершать не законнически, но предоставить любви Христовой подвизать нас к сему. Если в душе будет звучать только: «ты должен! должен! должен! иначе ты навек погибнешь!», и человек своими собственными силами предаст себя на делание отвержения – о! это будет самая мучительная жизнь, какую только можно себе представить! Да, это правда – мы должны, или мы будем осуждены на проклятие. Но не является ли уже начатком проклятия – всегда быть должным и ничего не делать добровольно, от сердца? всё время долженствовать, и никогда не мочь? Мы *должны* только жаждать Христовой любви, искать в ней добровольность и силу к отвержению себя и мира, и искать до тех пор, пока не найдём, пока сама любовь Христова не понудит нас охотно отрешиться от себя и всего тварного, и с радостью и счастьем, в любви к нашему Другу, нашей Матери, нашему Жениху Христу свободно отвергать, что надо отвергать, свободно дерзать, где надо дерзать, – и жить во *всяком довольстве* (2 Кор. 9, 8).

Я полагаю, что говорю об этом с облагодатствованными душами, которые сердечно желают такого само- и мироотвержения, но, к их великому сожалению, находят себя слишком немощными во всём. Им я хочу сказать: не думайте так много об отвержении себя и мира, о своём долженствовании быть верными, жить свято и непорочно, и тому подобном. Только любите, жаждайте любви и подвизайтесь в любви. Любовь отрешит вас от всего, и так отрешит, что вы и не почувствуете горечь отвержения, и даже почти не будете и думать об отвержении. Думайте только, как вам любить Христа, любить всегда, любить от всего сердца, и ни в чём не противоречить сей любви.

34. *Дальше любовь Христова ведёт верующих на крест и через крест.* Это звучит парадоксально, но это – истина. Нередко мы так непредвиденно и странно оказываемся в тесных и скорбных обстоятельствах, что и представить не можем, как это произошло; из сего очевидно, что в эти обстоятельства мы *введены*. Тогда тот или иной человек неожиданно говорит нам именно то, что нас весьма уязвляет; то или иное слово или действие со стороны ближних вдруг воспринимается нами крайне болезненно; события происходят или следуют одно за другим именно так, чтобы причинить нам наибольшие страдания и стать для нас испытанием и крестом. Эти вещи могут быть вовсе не великими и не важными; любовь Христова нередко употребляет мелочи, и умеет именно через них затронуть самые чувствительные наши

стороны. Так происходит во внешнем, телесном, так происходит и во внутреннем, духовном – бесконечно разнообразными способами. И всё это совершает любовь Христова, хотя мы думаем, что причины сего совсем другие.

Слабые и слепые души нередко в своём маловерии запугивают себя ожиданиями будущих внешних или внутренних страданий, искушений и я не знаю ещё каких испытаний, которые, может быть, никогда и не найдут на них. «Если, – думают они, – тебе выпадет пострадать так, как тому-то и тому-то; если ты будешь поставлен на такие же тесные и скорбные пути, как тот-то и тот-то – ты никогда не сможешь этого выдержать!» Ах, души! не изводите себя напрасными заботами и печальями! Доверьтесь любви, что она введёт вас в крест и проведёт через него. Пребывайте только в настоящем! Любовь разделяет кресты премудро; она понимает это лучше, чем мы. Пока мы малые и слабые дети, она не наложит на нас тяжкое бремя.

Тó же, что нам приходится терпеть в настоящем, мы должны воспринимать как исходящее непосредственно от любви Христовой, а не от чего-то иного. Христос, претерпевая страдания, принимал их не от Иуды, не от Пилата, не от фарисеев, но только от руки Своего Отца, как написано: *неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?* (Ин. 18, 11). Поэтому не так много думайте о кресте, как о Том, Кто даёт нам сей крест. Если ты, о любезная душа, веруешь, что именно Христос налагает на тебя тот или иной крест, то не будет ли для тебя всё, что исходит от Его любви, драгоценным и достойным всякого принятия и благодарения? Помышляй, как пострадал за тебя Превеличайший Господь; неужели ради Него ты не захочешь понести свой малый крест?

Думай не так много о кресте, как о любви Христовой. Только люби – и ты сможешь всё перетерпеть. Что не может любовь! Что только не претерпели и не перестрадали бесчисленные мученики и другие святые души – и это потому, что их подвигала на тó любовь Христова! Во время страданий она вливает в душу всё большее разумение их смысла и неким сокровенным образом держит душу как бы пригвождённой ко кресту так, что хотя для неё это порой и крайне болезненно, но она не сходит с креста и не хочет вновь искать воздуха для своего падшего естества, даже если бы и была такая возможность.

35. *Любовь Христова подвизает нас к освящению.* С какой только боязнью, с какой только убеждённостью в невозможности сего не относятся многие души к своему освящению! Жить, в точности следуя Писанию, становиться таким смиренным, кротким, верным, благоговейным, чистым, непорочным, святым, как требует оно – ах!

это неисполнимо, думают они; никто не может этого выдержать, этого достичь! Да, возлюбленная душа, если принуждать себя к сему строгим законническим понуждением совести, то это невозможно; если самому подвизать и заставлять себя, то это недостижимо. Но это возможно, и совсем легко, если побуждать нас к освящению мы предоставим любви Христовой.

Сколь многие теряют всякую ревность и опускают руки вследствие того, что они берутся освящать себя сами! Ах, сердцá! нужно иное – только любить, только соединяться со Христом чрез веру, любовь и молитву, как ветви соединяются с лозой (Ин. 15, 4). Становится ли таким ветвям тяжело от того, что они произращают сладкие гроздья? Нужно ли им это заповедовать, к этому увещевать, угрожать, принуждать, подбадривать их и растормашивать? О нет; у них всё идёт просто и легко и совсем само собой – только бы ветви пребывали на лозе и предоставляли ей пронизывать себя её благородным соком. Тогда они зеленеют и приносят плод, не нуждаясь для этого в чём-то другом. Смотрите, так надлежит действовать и нам – *пребудьте во Мне*, говорит Христос, *и вы принесёте много плода* (Ин. 15, 5). Мы должны только любить, только пребывать привитыми к любви, и, будучи сами по себе сухими ветвями, давать сладчайшей любви Христовой пропитывать нас чистейшим божественным соком и силой. Тогда мы как бы естественным порядком станем освящёнными, любвеобильными и угодными Богу людьми, *исполненными* всевозможных сладких *плодов праведности в славу и похвалу* Иисуса Христа (Фил. 1, 11); тогда добродетели легко и как бы сами собой будут проистекать из нас, и мы поистине сочтём блаженством то, что мы можем жить во всяком благоугождении Христу (Кол. 1, 10).

И действительно, если бы было возможно, чтобы мы сами из себя становились святыми (что на самом деле невозможно), то это была бы скудная, мёртвая и недостойная лже-святость, которая происходила бы из человеческой воли и усилий и в которой мы видели бы и любили бы лишь самих себя. Только любовь Христова даёт всякому делу, добродетели и благочестию истинную жизнь, силу и действенность. Поэтому Павел и не переставал хвалить и славить сей *превосходнейший путь* (1 Кор. 12, 31): *Если я, пишет он, говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий* (1 Кор. 13, 1), и так далее, читайте всю 13-ю главу Первого послания к Коринфянам.

36. *Любовь Христова побуждает нас ко всякому усердию, вниманию и ревности* во всех делах и на всех путях благочестия. Скорбные и трагические жизненные происшествия могут ужаснуть и пробудить некоторых людей, закосневших в смертном

сне; Божии суды, болезни, страх смерти, кончина близких и тому подобное нередко оживляют совесть, вызывают в человеке сильные внутренние движения и подвигают его на серьёзные изменения в жизни, так что даже создаётся впечатление, что здесь положено начало чего-то истинного. Но как только исчезает внешний повод, всё это скоро проходит – если не привзойдёт сюда обновляющая сердце благодать и любовь Христова. Нужда, смерть, ад могут понуждать человека; но если его не понудит вместе с ними любовь Христова, то человек снова скоро засыпает.

Внешние благодатные средства также могут пробуждать и укреплять вялую и спящую душу. Но если мы хотим, чтобы сии благодатные средства, данные нам Богом, содействовали нам всегда бодрствующими и приносящими плод, то мы должны быть непрестанно собранными в сердце и всячески внимать любви Христовой, которая, содействуя благодатным средствам, внутренне бодрит и укрепляет нас и побуждает нас ко благу в глубине наших душ.

Любовь чужда всякой беспокойной и суетной заботы; но чужда она и всякой вялости и сонливости. Она полагает на сердце человеку, как ему *от стражи утренней до ночи* (Пс. 129, 5⁴) непрестанно благоугождать Возлюбленному своему (Песн. 7, 14).

Скажу ещё здесь несколько слов о внешней вялости и сонливости. Часто люди жалуются, что в одиночестве и в вечерние часы они быстро впадают в сон. У того, кто сильно утомлён дневной работой или телесно слаб, это может иметь естественные причины; тут остаётся только спокойно терпеть. Но я боюсь, что у многих такая сонливость происходит от отсутствия любви. Проверить это можно по тому, что человека клонит в сон в вечернее время тогда, когда говорится или читается что-то душеполезное; если же речь заходит о других вещах, которые любит его сердце, он тут же становится необыкновенно бодрым и свежим. Ах, как стыдно! Если бы мы имели немного больше любви, то мы всегда сохраняли бы бодрость!

37. *Любовь Христова побуждает нас к добрым делам.* Учёные богословы неустанно спорят о добрых делах, о заслугах от них, о том, необходимы ли они для спасения, и если да, то в какой степени, и о разных других предметах этого рода. Душа, любящая Христа, не интересуется такими спорами; любовь понуждает её, сообразно с её мерой и обстоятельствами, непрестанно совершать добрые дела в отношении Бога, братьев, ближних и даже врагов. Любовь не может бездействовать; она стремится *всякому делать добро* (Гал. 6, 10) и являть себя всем.

⁴ [Перевод по Септуагинте.]

У любви всего для всех много; она богата, она милосердна, она охотно отдаёт всё, что у неё есть; и если у неё кончаются деньги или вещи, то у неё всегда есть сердце, исполненное милосердия, сострадания и готовности всячески помочь.

Кратко сказать: любовь всегда делает добро, почти не задумываясь над этим. Она совершает тысячи добрых дел, не спрашивая, должна ли она совершать добрые дела; и то, что ими она что-то заслужила, совсем не приходит ей в голову. Хотя она и много делает, но считает, что не сделала ещё ничего (Лк. 17, 10); что она только начинает (Фил. 3, 13). Смотрите – так действует в нас любовь Христова!

38. *Любовь Христова понуждает человека к непрестанному возрастанию в благочестии и освящении.* В наши дни идут всякие бесполезные диспуты о совершенстве: до какой степени возможно соблюдение заповедей Божиих, достижимы ли те или иные ступени в духовной жизни, и о многом другом, подобном сему. О Боже! люди спорят о совершенстве, в то время как им нужно бы сперва спросить себя: а начало-то я положил? Мне представляется, что в таких диспутах спорящие обнаруживают только своё лишённое любви, мёртвое сердце.

Любовь не знает никаких границ; она всегда хочет идти дальше, становиться всё праведнее, всё вернее и угоднее Богу. Она не размышляет долго, может она или не может; она храбро приступает к делу; она следует своему влечению, своему понуждению. Апостол Павел продвинулся гораздо дальше всех нас; а между тем вот что он пишет в 3-й главе Послания к Филиппийцам: *Братия, я, забывая заднее и простираясь вперёд, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе* (Фил. 3, 13-14). Как, возлюбленный Павел? ты ещё недостаточно благочестив? ты ещё боишься ада? Нет, отвечает Павел, вовсе нет; меня понуждает не ад; меня движет не небо; *любовь Христова побуждает меня к сему* (2 Кор. 5, 14).

39. *Любовь Христова стремится пронизать собой всю нашу жизнь.* Она хочет – и должна – принимать участие не только в значительных, но и в малейших событиях нашей жизни. Как бы ни было мало дело – всё должно быть жертвоприношением любви. Всё, что мы делаем здесь на земле, каким бы это ни казалось важным и великим, есть само по себе ничтожнейший пустяк, недостойный того, чтобы им занимал себя благородный дух. Но чрез любовь любая мелочь может стать высоким и истинным служением Богу. Кто, если можно так выразиться, просто даже и соломинку поднимает с земли, пребывая в любви Христовой, тот совершает великое дело.

Многие христиане слёзно жалуются, что их повседневные необходимые дела рассеивают их, становятся препятствием для духовной жизни и причиняют им вред. Но отчего так происходит, возлюбленные души? Не от того ли, что вы совершаете ваши дела только как нечто мирское? Когда вы сидите в церкви, или читаете что-то доброе дома или в собрании, то вы думаете, что служите Богу; а делать своё дело на поле, на кухне или там, где каждый трудится по своему положению – это для вас значит «служить миру»? О, горестное заблуждение! тогда получается, что вы обречены почти всё ваше время тратить на мирскую суету. Но это не так. Совершайте все ваши дела как службу любви Христовой, и тогда они нисколько не отвлекут вас от Христа.

Когда к тому или иному делу нас побуждают мирские желания, излишние попечения, неверие или прочие движения падшей природы, тогда, конечно, душа будет всё больше помрачаться и расстраиваться. Но если к нашим занятиям нас подвигает любовь Христова, и мы, совершая их, предоставляем ей действовать в нас так, чтобы мы всё делали в детской простоте, в честь и славу Христа и Его любви – тогда наши дела не будут нам препятствием к духовной жизни, но, наоборот, станут подлинным богослужением. Именно это и имеет в виду Святой Дух, когда в послании к Колоссянам говорит: *всё (обратите внимание – всё!), что вы делаете, словом или делом, всё делайте во имя Господа Иисуса Христа* (Кол. 3, 17).

40. *Любовь Христова хочет* держать нас всегда при себе и в своих пределах, *направлять нас на добрые пути* и охранять своим действием, дабы мы не уклонялись ни одесную, ни ошуюю. Ах! если б мы только могли непрестанно следовать ей со всем вниманием! Часто люди предписывают себе всевозможные правила и распорядки – что я вполне допускаю; невоспитанным детям необходимы строгость и сдерживание, иначе они совсем распустятся. Жаль только, что подобные прекрасные само-предписания и правила непрочны и всегда быстро нарушаются. Нет лучшего правила, распорядка и предписания, чем любовь Христова, когда она внутренне присуща нам.

Любовь Христова хочет как бы водить нас на помочах, как мать своё дитя. Ребёнка, идущего на помочах, всегда можно направить в нужную сторону, всегда можно сдержать. Он хоть и ходит сам, и куда пожелает, но если он направится в какую-нибудь грязь, или мать увидит на его пути нечто опасное, то ребёнок сразу ощутит, как его что-то удерживает сзади. Подобным образом и любовь Христова хочет водить нас, дабы мы были *влекомы узами любви* (Ос. 11, 4). Если мы в своём неразумии пожелаем

ввергнуться во что-то неправое или вредное, то мы, как дитя на помочах, тут же почувствуем, что нас что-то удерживает и теснит⁵ – именно, любовь Христова.

41. *Любовь Христова побуждает нас к молитве.* Молитва без сердца, в силу одной только привычки, не есть молитва; молитва, вызываемая душевной нуждой и сознанием опасности, когда нас гнетёт чувство грехов и крайней беды, может быть доброй молитвой. Но если к молитве влечёт нас любовь Христова – о, это есть самая прекрасная и благородная молитва! Мы часто жалуемся, что не умеем молиться, что у нас нет достаточного желания молиться, что наша молитва утомляет нас, представляясь нам слишком долгой, и так далее. – Всё это происходит от недостатка любви Христовой. Только дайте ей место, и она сама понудит вас к молитве. С любимым другом мы охотно проводим время и с удовольствием беседуем с ним с глазу на глаз. Если мы сердечно любим Христа, то мы с радостью будем проводить время с Ним одним, и оно не покажется нам долгим. Если мы любим Христа, нам всегда найдётся, что сказать Ему; а если всё сказано, то можно просто пребывать с Ним в любви, без слов; и это и значит молиться. Любить и безмолвствовать в соприсутствии Божиим – о, это великая молитва!

Да, возлюбленные мои братья и сестры! мы не можем себе и представить, сколь искусным учителем молитвы является любовь Христова! Она пробуждает в сердце облагодатствованного человека бесчисленные *неизреченные вздыхания* (Рим. 8, 26) – только бы мы лелеяли и взращивали в себе сию любовь! Она исторгает из глубины наших душ искреннейшие и теплейшие молитвенные обращения к Богу – без наших особых усилий и напоминаний себе о необходимости молитвы. То, хотя уста и молчат, звучит в сердце: «Ах, Боже мой! о, мой Господь Иисус!»; то произносится в нём: «Всё – Ты, во веки, мой Бог и моё всё!», и тому подобное. Одно такое сердечное вздыхание действеннее и больше пред Всевышним, чем иная пространная молитва из книги или от рассудка – потому что это слова истины. О, душа! ответь мне, из какой книги ты научилась столь прекрасной молитве? я очень бы хотел приобрести для себя такой молитвослов! – Любовь Христова, отвечает душа, есть моя молитвенная книга; любовь Христова побуждает меня так вздыхать.

Любовь Христова есть не только лучший учитель молитвы, но и сама молитва. Любовь есть как бы всегда *нисходящий с неба огонь Господень* (3 Цар. 18, 38) на

⁵ Это выражение [συνέχομαι] используется в греческом тексте; его можно найти в Лк. 12, 50: *Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!* – и в Фил. 1, 23: *Влечёт меня то и другое.* [В немецком оригинале у Терстегена здесь стоит глагол «beklemmen» – «стеснять», «сжимать»; «давить», «удручать». В Лютеровской Библии этот глагол в цитируемых местах не используется.]

алтарь храма сердца, где драгоценный фимиам безмолвного благоговения возносится Богу из внутренней святости духа – в непрестанной хвале и поклонении, в жертве любви, в благодарении и удивлении блаженному Богу. Одно такое внутреннее движение веры и любви содержит в себе больше жизни, мира, радости, отрады и блаженства, чем может дать целый мир. Душа совершает это не сама, и никогда сама совершить не может. Кто же соделывает это? *Любовь Христова подвизает нас к сему.*

Одним словом, любовь Христова своим божественным привлечением (Ин. 6, 44) всё больше и больше побуждает душу к совершенному и вечному единению со своим Возлюбленным (Песн. 2, 16). Душа пьёт воду любви, которую ей даёт Христос, и эта вода делается в ней *источником, текущим в жизнь вечную* (Ин. 4, 14). Душа опытно познаёт сие и отворачивается от всего, что на земле, от всего сотворённого и временного. Оно становится для неё совсем ничем и поистине чужим; *вся внутренняя ея* (Пс. 102, 1) стремится ко Христу – и Христос, её небесный магнит любви⁶, не оставляет её долго бедствовать здесь, но всё больше и больше привлекает к Себе: *Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою* (Ин. 17, 24).

42. Смотрите, любезные мои слушатели – сие блаженство, о котором мы говорим тут столь слабыми словами, предназначено для вас, и предложено вам во Христе; *всем* вам – также и немощнейшим и беднейшим среди вас. О сердца! о сердца! любите же Бога, Который *так* возлюбил вас и хочет вечно любить! Всецело предайте себя привлечению и побуждению Его спасительной любви! Не ставьте сей любви никаких границ – она ведёт дальше, чем может постигнуть человеческий рассудок. Познать и вкусить её ещё при жизни тела – несравненно более великое чудо и счастье, чем возможность говорить ангельскими и человеческими языками (1 Кор. 13, 1).

43. О, сколь горестно и печально ослепление и неразумие большинства человеческих сердец, что они холодны к Богу и горячи в отношении земных вещей; что любовь мира сего, грехи и суета имеют на них большее влияние, чем любовь Христова! Любовь мира сего только поманит – и мы бежим к ней; любовь Христова

⁶ [Сравнение Иоганна Арндта. См. «Об истинном христианстве», книга I, гл. 24, § 24: «Если магнит притягивает тяжёлое железо, то небесный магнит, любовь Божия, коснувшись человеческого сердца, не притянет ли *бремя* креста нашего, чтобы оно стало *лёгким и благим*? (Мф. 11, 29)». Книга III, гл. 13, § 1: «Если человек хочет стать обителью и храмом Божиим, то ему надлежит совлечься любви к миру и устремиться к любви Божией. Ибо достигнуть чистой божественной любви он не может иначе, как только оставив любовь мирскую и соединившись с любовью Божиею. Но чтобы это поистине произошло, Бог должен коснуться нас Своею любовью, подобно тому, как магнит прикасается к железу и притягивает его к себе.»]

увещевает нас так долго – и мы не следуем ей, не вверяемся ей. О, как только не пленяет греховная мирская любовь большинство несчастных чад мира и не влечёт их из одного греха и порока в другой, из одной суеты в другую! Они подобны рабу, который едва осилит одну тяжкую работу, как его жестокий хозяин тут же принуждает его к другой. Сатана и мирская любовь властвуют над такими людьми и загоняют их в ад – если только они вовремя не придут в себя и не дадут любви Христовой побудить свои души к покаянию.

44. Сего ради, возлюбленные братья и сестры, давайте посмотрим, что любим мы, что для нас самое важное. О чём мы прежде всего думаем, проснувшись? Что по большей части составляет предмет наших мыслей в продолжение дня? Уже здесь можно в общих чертах увидеть, *где сокровище наше* (Мф. 6, 21). Предоставляем ли мы любви Христовой, хотя бы в начатках, действовать в наших сердцах? Или мы всё ещё пребываем в безжизненном и безлюбивом падше-естественном состоянии, без Христа и Его любви? О, какое это ужасное, безотрадное и опасное состояние! Если мы не пребываем в любви, тогда над нами тяготеет гнев Божий, и мы как бы висим на тонкой нити жизни над бездной лютого царства тьмы. Не дай Господь умереть в таком состоянии!

45. Ах, души! ах, бессмертные души! Ныне мы ещё слышим о любви Христовой; ныне она ещё возвещается, и Самим Христом предлагается нашим сердцам – кто знает, как долго? Спешите же: Христос любит нас, всех нас, грешных людей, всех, признающих, что они были рабами греха и сатаны. Христос не хочет нашей гибели, Он хочет нас спасти, Он просит нас об этом – так предадим же себя Ему!

46. Если вас не могли понудить к сему сознание своей падшести и опасности такого состояния, Божий гнев, страх смерти и ужасного дня Суда, грозящего вечной мукой и осуждением, – то пусть это сделает теперь любовь Христова. Да будет *распятый за вас Иисус как бы предначертан пред вашими глазами* (Гал. 3, 1). Вот Он, истекая кровавым потом (Лк. 22, 44) и испытывая ужасающие душевные муки (Мф. 26, 38), взывает к вам; вот Он, вознесённый на крестное древо, в величайших телесных и душевных страданиях, распростирает Свои руки и принимает приходящих к Нему грешников, даже и величайших грешников; вот Он, показывая всем Свои истекающие кровью раны, отверзает вам Свою милость и любовь. Как несомненно то, что я сейчас говорю с вами, и вы слышите меня, так несомненно и то, что милость и любовь Христова действует в ваших сердцах и подвизает вас ко благу. Ах! предайте же себя ей! сделайте же это, чтобы вам не слишком поздно встретиться с Тем, Кого вы

пронзали своими грехами! Объемлите любовь, чтобы вас не объял гнев! Объемлите любовь, пока она ещё здесь!

47. Те же, кто приобщился по благодати первоначальной искре любви Христовой, – внимайте и бдите! Это есть *драгоценная жемчужина* (Мф. 13, 46), которая, хоть и мала, но стоит дороже, чем весь мир. Как ни слаба ныне сия искра, но она может стать великим пламенем, *огнём Господа* (Лк. 12, 49) – только бы мы хранили и лелеяли её! Храните же её *больше всего хранимого* (Притч. 4, 23), *жительствою осторожно* (Еф. 5, 15). Избегайте ненужного обхождения и дружества с людьми мира сего и опасайтесь всяких соблазнительных и рассеивающих обстоятельств⁷. Здесь нам нужно вести себя так, как если кто идёт по улице с зажжённой свечой в ветреную погоду или несёт некое сокровище через дикий лес. Всюду подстерегают нас разбойники, которые зарятся на наше достояние; мы должны иметь непрестанное попечение о *хранении себя* (1 Ин. 5, 18) и молиться, как в известной церковной песне:

*Трезвиться день и ночь нам помоги,
да сбережём сокровище своё, (любовь),
от полчищ, нападающих на нас
из царства сатаны⁸.*

Мы хорошо это знаем, тут ничего нельзя сказать; мы хотели бы *трезвиться и бодрствовать* (1 Петр. 5, 8) как должно; но, ах! мы недостаточно разумеем хитрость и коварство врага, особенно в час искушения. Здесь даже не нужно приводить себе в предостережение пример Петра (Мф. 26, 69-75); довольно сегодняшних печальных опытов и близ нас⁹. Будем же хранить себя от всякого легкомыслия, рассеянности и упования на свой падший ум. Я не сомневаюсь, что любовь Христова побуждает вас к этому, что она *учит вас всему* (1 Ин. 2, 27) в случае нужды. Но только, увы! мы не всегда находимся в том состоянии, чтобы подобающим образом это воспринять. Нам надлежит быть внутри, в наших сердцах, где любовь Христова имеет свою благодатную мастерскую, и непрестанно пребывать там в безмолвии, благоговении и собранных внутрь мыслях и чувствах.

48. Мы приближаемся к концу нашей беседы, и я хотел бы ещё раз обратиться ко всем вам слово утешения и ободрения. Выслушайте и примите в вере сие *славное*

⁷ Поскольку именно на этой неделе нам предстоит особый повод к рассеянию, то я считаю нелишним обратить ваше сугубое внимание на сие предостережение. [О каких событиях идёт речь, неясно; вероятно, имеется в виду городская ярмарка или нечто подобное.]

⁸ [Пауль Герхард, хорал «O Jesu Christ, mein schönstes Licht», строфа 4. «Любовь» – добавление Терстегена.]

⁹ [См. V трактат «Предостережение от духовной поверхностности и беспечности».]

благовестие блаженного Бога (1 Тим. 1, 11), возвещённое здесь хоть и слабыми словами, но во имя Господне: *Христос любит нас и хочет нас любить. Он хочет вкоренить в нас силу сей Своей любви, и вместе с ней – всякое благо во времени и в вечности.* Христос любит нас, о, сердца! всех нас! Что же мы ещё медлим, что унываем, что спим?

49. Христос любит вас, юноши и девы – вас, так расположенных к любви в ваших цветущих годах. Ах, как опечалит меня, как опечалит Иисуса, если вы попустите какой-нибудь обманчивой и недостойной любви околдовать себя! Как вы повредите себе, и здесь, и в вечности, если вы обольститесь, запачкаетесь и осквернитесь суетной любовью мира сего к тому, что не имеет в себе ничего прекрасного, ничего истинно радостного и доброго; к тому, что так скоро увядает, истлевет и исчезает, как дым! Христос любит вас: хорошо ли вы это знаете? хорошо понимаете? Для Него одного даны вам ваши сердца; для Него одного так глубоко всажена в них благородная способность любить. О, если бы вы подлинно уразумели, что обретается во Христе и в Его любви, то вы в ту же минуту пламенно возлюбили бы сию несравненную красоту!

50. Христос любит вас, обвиняющие себя, печальные, унывающие сердца – а вы этого не понимаете, этому не верите. Христос любит вас – это чистая истина; а вы всё малодушествуете. Не должно ли сие радостное благовестие заставить вас воспрянуть? Если вы не можете по-настоящему верить – так попробуйте же хоть раз! дерзните хоть раз, как царица Есфирь. *Если погибнуть – погибну* (Есф. 4, 16), сказала она, со страхом входя к царю. И когда она думала, что её ждёт смерть, тогда к ней был протянут скипетр благоволения, и царь принял её (Есф. 5, 1-2). О, души! только придите! вы увидите, что дерзновение ваше не постыдится (Рим. 10, 11).

51. Христос любит нас, всех, кого Он призвал. Оттрясём же наш сон, возвысим горё очи сердца, ответно возлюбим Христа и бодро пойдём по Его пути! Что только не делают люди из того, когда они обретут расположение короля, князя или другого какого видного человека – смертного человека, любовь которого не даёт им ничего сущностного и вечного! А нас любит Христос, Сын Божий, и любит, как Свою невесту! Будем ли мы ещё хвататься за бессмысленные пустяки сей земли? Не должны ли мы дать Его любви совершенно отвратить наши сердца от ничтожных идолов (1 Фесс. 1, 9) и от всего, что не есть Бог и Божие, и навечно обратить их к Его божественной любви? В Христовом сердце я вижу только любовь к нам; ах, как жаль, что в наших сердцах можно увидеть всё, что угодно, но не любовь Христову!

52. Но будем надеяться на лучшее, – и закончим наше собрание тем, что ещё раз обновим завет любви со Христом пред лицом Его. Вновь предадим и препоручим себя

Прекраснейшему из сынов человеческих (Пс. 44, 3) ответной и, Бог даст, ненарушимой любовью. Стремимся ли мы к сему всем сердцем? Желаю этого всем нам.

Протянем же к сопresentствующему нам Господу Иисусу руки нашего сердца и с истинным благоговением воспоём:

*К Тебе я воздеваю руки
и восклицаю вновь и вновь:
стремлюсь к Тебе я бесконечно,
вся жизнь моя – в Твоей любви.*

*Сладчайшее Твоё я имя
со дерзновением возведу,
и буду вечно Тебе верен,
как верен Ты, мой Иисус¹⁰.*

¹⁰ [Николай Людвиг фон Цинцендорф. Церковная песнь «Mein Freund, wie dank ich's deiner Liebe», строфа 11.]

Решение, вытекающее из всего вышесказанного –

Иисуса одного любить.

1

Всякое сердце хочет что-то любить.
Если любит оно не Иисуса, то не имеет покоя.
Моё сердце, Господи, отдано Тебе,
стремится к Тебе – прими же его.

2

Пусть надо мной смеётся весь мир –
я буду любить моего Иисуса.
К Прекраснейшему паче всякой красоты,
только к Нему одному – всё желание моё.

3

О, сколь светло и отрадно
сияние лица Твоего!
Ты приветлив, тих и радостен,
кроток и преисполнен любви.

4

Когда я ненавидел Тебя, Ты умилосердился надо мною
и излил за меня Свою драгоценную Кровь.
Ты сердечно любишь меня и поныне –
поэтому и я да возлюблю Тебя, моё Благо.

5

Я объемлю с Тобой Твои страдания,
Твою нищету, твоё поношение:
слава, стяжанье и всякая радость
мира сего – только мученье для меня.

6

Ни к чему иному я не хочу прилепляться,
каким бы ни казалось оно прекрасным;
я не буду безрассудно расточать силу любви,
которая принадлежит Тебе одному.

7

Не оставляй же меня! с каждым днём становись
всё дороже для меня, всё ближе моему сердцу!
Всё остальное поистине ничтожно,
и я с радостью обойдусь без него.

8

Тебе предаю я всю свою душу и любовь,
чтобы лишь тело едва касалось земли,
пока не свершится моё чистейшее стремление –
навечно соединиться с Тобой.
